

РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ГУМАНИТАРНЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ
ИСТОРИКО-АРХИВНЫЙ ИНСТИТУТ

На правах рукописи

ЛАВРЁНОВА АННА МИХАЙЛОВНА
ОТДЕЛЬНЫЙ КОРПУС ЖАНДАРМОВ И РОССИЙСКОЕ
ОБЩЕСТВО В 1880-1917 ГГ.

07.00.02. Отечественная история

Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук

Научный руководитель д.и.н., проф. Сенин А.С.

Москва 2018

Оглавление.

Введение.	3
Глава 1. Отдельный корпус жандармов: история, структура, кадры.	
1.1. Возникновение Отдельного корпуса жандармов и основные вехи его существования.	34
1.2. Характеристика кадрового состава.	47
1.3. Взаимодействие жандармских чинов в рамках системы политической полиции.	53
1.3.1. Жандармские управления и охранные отделения.	53
1.3.2. Жандармско-полицейские управления железных дорог в контексте политики Департамента полиции.	82
Глава 2. Круг взаимодействия чинов Отдельного корпуса жандармов в рамках служебной деятельности.	94
2.1. Служебные взаимоотношения жандармских чинов вне системы органов политической полиции.	94
2.1.1. С чиновниками Министерства юстиции.	94
2.1.2. С чиновниками Министерства внутренних дел.	104
2.1.3. С представителями ведомства путей сообщения.	123
2.1.4. С офицерами и чиновниками военных учреждений.	130
2.2. Взаимоотношения жандармских чинов с адептами противоправительственных идеологий и организаций.	136
Глава 3. Круг внеслужебного взаимодействия жандармских чинов.	
3.1. Общественная и личная жизнь жандармских чинов.	176
3.2. Негативное отношение общества к жандармам: истоки и воплощение.	196
Заключение.	250
Список использованной литературы и источников.	255
Приложения.	280

Актуальность.

На протяжении XX в. концепции изучения опыта царских спецслужб претерпели значительные изменения: работы, опирающиеся на классовый подход советской исторической школы, сменились классическими государствоведческими исследованиями, и впоследствии, на современном этапе, на первый план выступили исследования, в которых процесс реформирования органов политической полиции представлен в неразрывной взаимосвязи с соответствующими трансформациями революционного и общественного движения. В рамках данного подхода концепции особую актуальность приобретают анализ опыта взаимоотношений полицейских чинов с представителями различных слоев общества, а также изучение комплекса учреждений политической полиции, как сложной и неоднородной социальной структуры, что вполне соответствует тенденциям, господствующим в современных социальных науках, предполагающих непосредственное обращение к человеческому фактору.

Спецслужбы и, в частности, политическая полиция, являются органичной частью любого государства, вместе с тем, эффективная работа полиции практически невозможна без общественной поддержки. Политическая полиция Российской империи реализовала свои задачи в условиях, по большей части, негативного общественного восприятия, тем более важны попытки осмыслить истоки и содержание такового. Вот почему актуальность рассматриваемой темы определяется как потребностью восполнить пробелы в проблематике историографии политической полиции Российской империи, так актуальностью вопроса о формировании позитивного образа спецслужб в наши дни.

Объектом диссертационного исследования является Отдельный корпус жандармов.

Предмет исследования составляют взаимоотношения чинов Отдельного корпуса жандармов между собой, с государственными чиновниками и представителями российского общества.

Цель диссертации – выявление и анализ характерных черт взаимоотношений чинов Отдельного корпуса жандармов с чиновниками различных ведомств, общественностью, прессой, представителями правоохранительственных организаций; реконструкция восприятия обществом деятельности чинов Отдельного корпуса жандармов и сопоставление с реальными фактами жандармской службы.

Важно отметить, что в вопросе концептуализации понятия «общество» применительно к пореформенной России, мы, естественно, подразумеваем уже не социальные верхи, но, скорее, интеллектуальные круги, «потребителей культурной продукции»¹. По определению В.Я. Гросула, общество – это «особый социальный организм, отличный от власти и от народа»². Общество рубежа веков – это уверенный субъект действия, по большей части, находящийся в оппозиции к государственной власти. Сомнительным представляется вопрос, насколько можно исключить из рассмотрения народ, не принадлежащий к категории культурных, образованных людей, однако являвшийся движущей силой масштабных социальных потрясений, а также и предполагаемым конечным бенефициаром общественно-политических учений. В равной мере, совершенно неверным было бы выделять из общества представителей власти, поголовно удовлетворяющих критериям образованности. Кроме того, подавляющее число образованных людей, составляющих интеллектуальную элиту, было инкорпорировано в бюрократическую структуру государства. Представители власти ничуть не в меньшей степени были заняты вопросами, составлявшими повестку дня «думающей» публики, и, более того, нередко лица, непосредственно олицетворяющие власть, и являлись творцами этой повестки. Здесь будет достаточно назвать хотя бы имена М.И. Трусевича и С.В. Зубатова, А.А. Лопухина и В.Ф. Джунковского. По мнению

---

¹Калугин Д.Я. История понятия «общество» от Средневековья к Новому времени: русский опыт// От общественного к публичному: Коллективная монография/ Науч. Ред. О.В. Хархордин. СПб., 2011. С. 373-375.

²Гросул В.Я. Русское общество XVIII-XIX веков. М., 2003. С. 6.

исследователя Ю. Сафроновой, с уверенностью можно сказать лишь то, что представителями общества «не были Государь Император, члены Императорской Фамилии, министры и, пожалуй, губернаторы»³. Однако в рамках определения понятия «общество», учреждения политического сыска руководствовались иными критериями. Так, к примеру, иммунитетом от перлюстрации писем в Российской империи обладали лишь две персоны – император и действующий министр внутренних дел⁴. Что касается жандармов, то они были формально отделены от общества своей наблюдательной по отношению к нему ролью, что вынуждает к возможно более широкой трактовке понятия «общество», делающей исключение лишь для представителей вертикали учреждений жандармского надзора и их высочайшего начальства.

Для достижения поставленной цели были поставлены и решены следующие **задачи** исследования:

1. Определено место жандармских чинов в системе карательно-розыскных органов Российской империи и их роль в контексте политики Штаба Отдельного корпуса жандармов и Департамента полиции;
2. Рассмотрены взаимоотношения чинов Отдельного корпуса жандармов в рамках службы: с чиновниками других ведомств (чинами прокурорского надзора, общей полиции, губернаторами, железнодорожной администрацией, военными), а также с представителями противоправительственных организаций и радикальных политических течений.
3. Изучены основные направления взаимодействия чинов жандармских учреждений и общества вне служебных рамок и сопоставлена реальная практика взаимодействия с общественными представлениями о

---

³Сафронова Ю. Русское общество в зеркале революционного террора. 1879-1881 годы/ Юлия Сафронова.- М., 2014, С. 15.

⁴Перегудова З.И. Политический сыск России (1880 - 1917 гг.). М., 2013.С. 292-293.

таковой, с одной стороны, и требованиями нормативных актов, с другой.

Хронологические рамки исследования охватывают период с момента реорганизации аппарата политической полиции в 1880 году и создания Департамента государственной полиции до фактической ликвидации всех структур Отдельного корпуса жандармов после Февральской революции 1917 года.

Методологическую основу исследования составляет комплекс общенаучных методов, основным из которых является принцип историзма, согласно которому жандармская служба и взаимоотношения чинов ОКЖ с обществом рассмотрены с учетом обстоятельств и особенностей исторической эпохи.

Также стоит отметить метод критического анализа источников в работе с источниками личного происхождения. Это особенно актуально в работе с источниками личного происхождения вообще, и с жандармскими, в частности. Мемуары жандармов, равно как и тексты, принадлежащие перу их коллег по государственной службе и непосредственных противников, предполагают необходимость их проверки, сопоставления и дополнения. Так, например, даже фрагментарная ревизия фактов и обстоятельств, описанных жандармами-мемуаристами первого ряда (особенно, А.П. Мартынова и П.П. Заварзина), со всей очевидностью демонстрирует обилие красноречивых умолчаний, лака и подтасовок, что, в свою очередь, ставит вопрос о целесообразности проведения в дальнейшем планомерных источниковедческих исследований этих и подобных им популярных документов, разошедшихся на цитаты в сфере «полициеведения».

Уточнение вопроса об интенсивности участия чинов жандармско-полицейских управлений железных дорог в борьбе с противоправительственным движением потребовало применения статистического метода. Начальники жандармско-полицейских управлений железных дорог (далее - ЖПУЖД) отчитывались перед Департаментом

полиции (далее – ДП) о произведенных дознаниях по политическим делам, затем, в ДП данная информация перерабатывалась в обобщенные статистические таблицы, каковых, однако, недостаточно для воссоздания общей картины степени вовлеченности ЖПУЖд в политический сыск. При работе с данным видом статистических материалов важно представлять не столько количество, сколько содержание заявленных дознаний.

В работе с определенной группой документов, касающихся отношений в рамках брака или вне таковых, количественный метод, напротив, оказался неприменим в силу разнообразия форм и содержания социальных контактов, с одной стороны, и ограниченностью источниковой базы по данному вопросу, с другой. По этой причине комплекс гендерных взаимоотношений претерпел лишь формальную стандартизацию, каковой, однако, вполне достаточно для формирования общей картины указанного явления.

Неправомерно было бы умолчать и о нарративном методе, примененном в той части данного исследования, где отдельные эпизоды, не удостоившиеся упоминаний ни в историографии, ни в мемуаристике, были воспроизведены на сравнительно узкой источниковой базе методом «клея и ножниц».

Историография.

Историография политической полиции берет свое начало в дореволюционный период. В первую очередь, стоит упомянуть официальные работы. Хотя они не были посвящены отношениям чинов жандармского корпуса с обществом непосредственно, но затрагивали отдельные вопросы их взаимодействия через призму их компетенции и должностных обязанностей. Так, краткие сведения о Корпусе жандармов были даны в юбилейном очерке Министерства внутренних дел, вышедшем к его столетию⁵. Отдельные аспекты деятельности жандармских учреждений рассмотрены в трудах правоведов. Аудитория данных работ была

---

⁵Министерство внутренних дел. Исторический очерк (1802-1902).- СПб., 1902.

немногочисленна и, по сути, не выходила за корпоративные рамки⁶. Промежуточное положение занимает работа Э.Н. Берендтса⁷. Его критические выводы о месте жандармских учреждений в структуре российского государственного аппарата сближают его с позицией автора куда более популярной брошюры высокопоставленного представителя царской администрации, А.А. Лопухина, едва избежавшего каторги директора Департамента полиции⁸. Первыми работами, вплотную приблизившимися к вопросам взаимодействия образованного общества и жандармов, хотя и по более раннему периоду, являлись произведения М.К. Лемке⁹. Так же, как и работу Лопухина, книгу Лемке следует выделить из числа созвучной по своим оценкам либеральной и противоправительственной публицистики в силу знакомства их авторов с реальной практикой политической полиции, в первом случае, и с подлинными материалами III Отделения С.Е.И.В.К., во втором. Особый интерес представляет критическая работа бывшего товарища председателя I Государственной Думы Н.А. Гредескула, избравшего объектом изучения взаимосвязь террора и охраны¹⁰.

Количественно наиболее значительную группу работ, затронувших рассматриваемую тематику, составляют работы писателей и публицистов¹¹. Оценки, даваемые современниками деятельности

---

⁶ *Андреевский И.Е.* Лекции по истории полицейского права и земских учреждений России. СПб., 1883; *Янжул И.И.* Полицейское право. СПб., 1888; *Тарасов И. Л.* Очерк истории науки полицейского права. М., 1897; *Дерюжинский В.Ф.* Полицейское право. СПб., 1903; *Белявский Н.И.* Полицейское право. Юрьев, 1904; *Белецкий С. П.* Исторический очерк образования и развития полицейских учреждений в России. СПб., 1913;

⁷ *Берендтс Э.Н.* О прошлом и настоящем русской администрации, М., 2002.

⁸ *Лопухин А.А.* Из итогов служебного опыта. Настоящее и будущее русской полиции.- М., 1907.

⁹ *Лемке, М.К.* Николаевские жандармы и литература. 1826-1855 гг. -Б м издания, 1908. *Он же.* Очерки по истории русской цензуры и журналистики. СПб., 1904.

¹⁰ *Гредескул Н.А.* Террор и охрана. СПб., 1912.

¹¹ *Гольцев В.А.* Первый арест. Знакомство с Зубатовым// Русская мысль. 1906. № 11; *Белоконский И.П.* Гороховое пальто// Минувшие годы. 1908; *Глинский Б.Б.* Отдельные эпизоды агентурной деятельности Департамента полиции в 80-е гг. // Исторический вестник. 1912. № 2. Т. 127; *Арсеньев К.К.* Законодательство о печати. СПб., 1903; *Львов-*

полицейского аппарата, в отсутствие временной дистанции, недоступности документов и в условиях известной политизированности общественной жизни империи, были, в большинстве своем, негативными или даже обличительными.

Значительная их часть принадлежит перу оппозиционных публицистов и заостряет внимание на болезненных сюжетах, связанных с методами работы политической полиции, а также её правоприменительной практикой. Чины корпуса жандармов неизменно предстают в качестве агрессоров, чьи полномочия рассматриваются как несправедливо широкие, выходящие за рамки закона. Для произведений данной группы характерно преобладание моральной оценки: комплекс таких стандартных мероприятий как секретное сотрудничество, наружное наблюдение и перлюстрация воспринимается как нечто постыдное, порочное и бесчестное. В контексте подобного восприятия наиболее радикальные проявления общественной активности, включая террористические акты, отчасти перекладываются на совесть полицейских начальников – приверженцев провокации.

Особое место в ряду подобной литературы занимает журнал «Былое»¹², детище известного историка П.Е. Щеголева и «Шерлока Холмса русской революции» В.Л. Бурцева. Основная масса текстов журнала представляет собой источники по истории революционного движения, однако сам подход редакции к отбору материалов, заданное ей проблемное поле, сыграли не последнюю роль в становлении советской историографии по данному вопросу, тогда как к работам царских юристов, рассматривавших учреждения политической полиции, советские исследователи на протяжении долгого времени не обращались.

После победы Февральской революции 1917 года, с открытием доступа к архивным документам бывших полицейских учреждений, появляется

Рогачевский В. Печать и цензура. М, 1906; *Гессен В.М.* Исключительное положение. СПб., 1908; За кулисами охранного отделения. Берлин, 1910.

¹²Из записок М.Е. Бакая // Былое. 1909. №№ 9 - 10, Из воспоминаний М.Е. Бакая. Еще о провокации и провокаторах // Былое. 1909. №№ 11 — 12 .

значительное количество публикаций, посвященных борьбе жандармских чинов с революционным движением в России. В немалой степени этому способствовала работа членов двух комиссий - Чрезвычайной следственной комиссии по расследованию противозаконных по должности действий министров и прочих высших должностных лиц (ЧСК), а также Комиссии по разбору документов Департамента полиции, охранных отделений, губернских жандармских управлений и учреждений.¹³ Также можно назвать брошюры А. Волкова, В.Я. Ирецкого, А. Красного, П. Пильского и др.¹⁴. Многочисленные отчеты членов данных комиссий, ставшие основой их исследований, и составили обширную, но стилистически однотипную историографию данного периода. Основное внимание авторов в это время было направлено преимущественно на разоблачение секретных сотрудников-провокаторов, служба жандармских чинов освещалась ровно в той степени, в которой она соприкасалась с постановкой агентуры¹⁵. В определенной степени, исключение составляет лишь работа М.А. Осоргина, который не распространял термин «провокация» на деятельность рядовых осведомителей.

В советской историографии тема организации жандармерии пережила краткий всплеск исследовательского интереса на рубеже 20-30-х гг., когда появились работы П.Е. Щёголева, Н.Г. Работного и И.М. Троцкого¹⁶. Среди

¹³ *Агафонов В.К.* Заграничная охранка. Пг., 1918; *Осоргин, М.А.* Охранное отделение и его секреты.. 1917; *Жилинский В.* Организация и жизнь охранного отделения во времена царской власти // *Голос минувшего.* 1917. № 9-10, сентябрь - октябрь; *Сватиков С.Г.* Русский политический сыск за границей (по документам Парижского архива заграничной агентуры Департамента полиции. Ростов-на-Дону, 1918; *Членов С.Б.* Московская охранка и ее секретные сотрудники. М., 1919.

¹⁴ *Волков А.* Петроградское охранное отделение. -Пг., 1917; *Ирецкий В. Я.* Охранка (страницы русской истории). СПб., 1917; *Красный А.* Тайны охранки. М., 1917; *Пильский П.* Охранка и провокация. Пг., 1917; *Ольминский М.С.* Из прошлого. Происхождение жандармов. -М., 1919. *Павлов П.* Агенты, жандармы, палачи. По документам. Пг., 1922; *Лонге Ж., Зильбер Г.* Террористы и охранка. М., 1924; *Зотов Л.* Саратовская охранка. Описание и содержание дел и документов Саратовского губернского жандармского управления. 1838 - 1874. М., - Саратов, 1924;

¹⁵ *Лучинская А.В.* Великий провокатор Евно Азеф. Пг., 1923.

¹⁶ *Работнов Н.Г.* Тайны Ярославского застенка// *Ярославская старина - Ярославль, 1924.- С. 63-124., Щеголев П.Е.* Жандармские откровения (зав. Особым отделом о провокации) //

них лишь одна была специально посвящена истории III Отделения и жандармов во второй четверти XIX века. Это была книга И.М. Троцкого «Третье отделение при Николае I». Отдельно стоит отметить также исследование М.Н. Гернета, посвященное вопросам содержания заключенных, организации тюрем, тюремному законодательству¹⁷. Таким образом, постановка ключевых проблем и подбор исследуемого материала вплоть до конца 60-х гг. XX в. оставались идеологически детерминированы, и тема взаимодействия чинов Корпуса жандармов и общества играла специфическую роль, являясь хрестоматийным сюжетом в истории классовой борьбы.

С конца 60-х гг. в вопросе изучения политической полиции наметился некоторый сдвиг. Несмотря на подчеркнута апологетическую установку по отношению к роли представителей освободительного движения, карательно-розыскной аппарат самодержавия и отдельные вопросы его организации и деятельности удостоились внимания исследователей в качестве самостоятельных тем. В рамках изучения государственных учреждений России начали выходить труды П.А. Зайончковского, Т.Г. Деревниной, Р.С. Мулукаева, С.Б. Юшкова, Д.И. Шинджикашвили, К.Г.Федорова, Хохлова А.В., в которых историки и ученые-юристы показали отдельные стороны истории и деятельности жандармерии с научных позиций.¹⁸ В этих работах

Каторга и ссылка. 1929. № 54.– С. 90-105; *Щеголев. П.Е.* Охранники и авантюристы.– М., 1930; *Троцкий И. М.* III Отделение при Николае I. Лг., 1930.

¹⁷*Гернет М.Н.* История царской тюрьмы. т. 1-5, М., 1951-56.

¹⁸*Зайончковский П.А.* Кризис самодержавия на рубеже 1870-1880 годов. - М., 1964; *Он же.* Российское самодержавие в конце XIX столетия (политическая реакция 80-х начала 90-х годов); *Деревнина Т.Г.* Из истории образования III Отделения. - М.: Вестник МГУ, 1973. №4. С.63-69; *Деревнина Т.Г.* III Отделение и его место в системе государственного строя абсолютной монархии в России (1826-1855). -М., 1973; *Юшков С.Б.* История государства и права СССР. -М., 1961. С.542-543; *Мулукаев Р.С.* Полиция и тюремные учреждения дореволюционной России. -М., 1964; *Он же.* Организационно-правовые основы становления советской милиции.- М.: Академия МВД СССР, 1975; *Он же:* Система органов внутренних дел дореволюционной России. -М., 1978; *Он же.* Полиция России (IX- нач. XX в.). Н.Новгород, 1993; *Шинджикашвили Д.И.* Сыскная полиция в царской России в эпоху империализма. Омск, 1973; *Он же* Министерство внутренних дел царской России в период империализма. Омск, 1974; *Ярмыш А.М., Федоров К.Г.* История полиции

обобщающего характера рассмотрен ряд немаловажных для данного исследования аспектов. Так, Р. С. Мулукаев изучил вопросы организации и деятельности сыскной полиции и её взаимодействия с представителями прочих карательно-розыскных структур. Отношения общей полиции и органов политического сыска затронул в своих работах и Д.И. Шинджикашвили. Несомненный вклад в изучение царской полиции и Корпуса жандармов внесла книга Н.П. Ерошкина по истории государственных учреждений дореволюционной России.¹⁹

В когорту историков, рассматривающих роль карательно-розыскных органов самодержавия в государственной и общественной жизни России, входят З.И. Перегудова, Л.И. Тютюнник, А.Н. Ярмыш, И.В. Киреев²⁰. В своих работах они показали ряд отдельных функций жандармов и некоторые вехи в истории образования жандармерии. Так, Т.Г. Деревнина, подробно анализируя процесс зарождения и деятельности III Отделения, рассматривала и роль ОКЖ в борьбе с государственными и политическими преступлениями против существовавшего строя. Впрочем, большая часть документов, изученных и впервые введенных в научный оборот Т.Г. Деревниной, касается, в основном, деятельности III Отделения.

Л.И. Тютюнник и А.Е. Скрипилев подробно проанализировали деятельность ДП и ОКЖ в конце XIX - начале XX вв. Авторы раскрыли вопросы организации и структуру этих учреждений и показали особенности жандармской службы в России рубежа столетий. Немало внимания исследователями уделено вопросам истории создания Корпуса жандармов. В

дореволюционной России. Ростов-на-Дону, 1976. *Хохлов А.В.* Карательный аппарат царизма в борьбе с революцией 1905-1907. М., 1975.

¹⁹ *Ерошкин Н.П.* Самодержавие накануне краха. Книга для учителей. М., "Просвещение", 1975. *Он же.* История государственных учреждений дореволюционной России. 3-е изд.-М., 1983.

²⁰ *Перегудова З.И.* Департамент полиции в борьбе с революционным движением. Автореферат канд. ист. наук. -М., 1988. – 26 с; *Тютюнник Л.И.* Департамент полиции в борьбе с революционным движением в России на рубеже XIX – XX вв. (1880-1904).-М., 1986; *Ярмыш А.Н.* Политическая полиция Российской империи (1880-1904 гг.). Харьков, 1978; *Киреев И.В.* Роль института жандармерии в сохранении государственного строя России в XIX веке. Дисс. канд. ист. наук -М., 1994.

диссертации А.Н. Ярмыша на основе широкого круга источников рассмотрены организация, направления, формы и методы деятельности ОКЖ в 1880-1904 гг. В кандидатской диссертации И.В. Киреева рассмотрены вопросы, посвященные месту института жандармерии в системе органов власти и его роль в обеспечении сохранения государственного строя России в XIX в.

Важное значение для данного исследования имеют труды И.В. Оржиховского, показавшего влияние социально-политической обстановки на приоритеты власти в деле учреждения политической полиции²¹, а также А.Д. Степанского, одним из первых затронувшего взаимодействие полиции и общества в рамках «зубатовщины»²².

Конец 80-х – начало 90-х гг. стали очередным переходным периодом в историографии политической полиции. Популярность исследований, посвященных деятельности полиции дореволюционной России, возросла, однако смена общественно-политической парадигмы ещё не в полной мере коснулась полицейской тематики. С другой стороны, авторы перешли к более подробному освещению отдельных аспектов деятельности чинов ОКЖ.

Большая работа по исследованию механизма и особенностей функционирования карательно-розыскных органов Российской империи проведена З.И. Перегудовой²³. Автор ставит в центр своего исследования учреждения политического сыска, главными из которых были Департамент полиции и его Особый отдел, «почти полностью абстрагируясь от того общественно-политического контекста, в котором учреждениям политического сыска приходилось действовать». Тем не менее, в числе прочего в её трудах детально расписаны такие сюжеты, как взаимодействие

---

²¹ *Оржиховский И.В.* Реорганизация жандармского управления в связи с правительственной реакцией 60 - 70-х гг. / Вопросы истории общественно-политической мысли и внутренней политики России в XIX в. Горький, 1978; *Он же.* Самодержавие против революционной России (1826-1880 гг.), М., 1982.

²² *Степанский А.Д.* Самодержавие и общественные организации в России на рубеже XIX-XX вв. М., 1980.

²³ *Перегудова З.И.* Строго законспирированы. М., 1983; *Она же.* Департамент полиции в борьбе с революционным движением. Автореферат дисс. канд. ист. наук, М., 1988.

политической полиции с социал-демократическим движением, профсоюзами, контроль над легальным пространством, подробно изучена кадровая политика ДП и Штаба ОКЖ²⁴.

В работе А.Е. Скрипилева, М.И. Сизикова, А.В. Борисова по истории полиции России уделено внимание борьбе жандармской железнодорожной полиции с преступностью, рассматриваются некоторые вопросы ее правового положения.²⁵ В свою очередь, Ч. Рууд и С.А. Степанов предприняли попытку провести периодизацию трех с лишним столетий существования политического сыска²⁶.

С начала 1990-х гг. наблюдается доселе небывалый рост числа исследований, касающихся политической полиции, изрядно простимулированный беспрецедентно высоким читательским спросом. В то же время, несмотря на доступность архивных материалов, ниспровержение советской модели исторического процесса, некоторые работы демонстрируют откровенно предвзятую оценку деятельности чинов ОКЖ. Особенно это характерно для научно-популярной литературы²⁷. Помимо излишней эмоциональности и публицистичности повествования, многим из книг, вызванных к жизни историческим ревизионизмом рубежа веков, свойственно низкое качество (или полное отсутствие) научно-справочного аппарата²⁸.

Тем не менее, именно в этот период начинается всестороннее исследование феномена политической полиции: от исследования ранних

---

²⁴ *Перегудова З.И.* Политический сыск в России (1880 - 1917 гг.). М., 2013.

²⁵ *История полиции России: (1718-1917)* Скрипилев А.Е., Сизиков М., Борисов А.В. -М., 1992; *Полиция и милиция России: страницы истории.* А.В. Борисов, А.М. Беда , А.Е. Скрипилев ,Р.С. Мулукаев, В.Ф. Некрасов , В.М.Суслов -М., 1995.

²⁶ *Рууд Ч., Степанов С.* Фонтанка, 16. Политический сыск при царях. М., 1993.

²⁷ *Лурье Ф.М.* Полицейские и провокаторы: Политический сыск в России. 1649 - 1917.- СПб.: Час Пик, 1992; М.: Терра, 1998; *Он же,* Политический сыск в России. 1649—1917.- М.: Центрполиграф, 2006.

²⁸ Например, *Кравцев И.Н.* Тайные службы империи. М., 1999; *Макаревич Э.Ф.* Политический сыск: офицеры и джентльмены: истории, судьбы, версии. М., 2002; *Сысоев Н.Г.* Тайный сыск России. От жандармов до чекистов. М., 2005; *Симбирцев И.* На страже трона. Политический сыск при последних Романовых. 1880 - 1917. М., 2006.

форм организации таковой в работах Е.В. Анисимова²⁹, до ревизии её приемов. В частности, с возросшим интересом к секретным сотрудникам³⁰ исследователи приступили к переоценке термина «провокация». В. С. Брачев по-новому взглянул на биографии руководителей политического сыска³¹.

С начала 2000-х гг. всё большей детализации подвергаются организационно-правовые основы карательного аппарата самодержавия, отдельные периоды его функционирования, его структурные компоненты³². В поле зрения исследователей попадают вопросы источниковедения документов политической полиции³³.

В аналогичный период в орбиту исследовательского интереса всё чаще начинают попадать различные аспекты взаимодействия политической полиции и общества. В монографии А.Г. Чукарёва, написанной на основе докторской диссертации, большое внимание уделено руководителям Третьего отделения и Корпуса жандармов и штаб-офицерам в губернии, а также борьбе политической полиции с либеральной, революционно-демократической и прочей нелояльной литературой и журналистикой³⁴.

В диссертации А.О. Костылева затронуты вопросы профессиональной подготовки и нравственного воспитания жандармских чинов³⁵.

В работах О.В. Будницкого и А. Гейфман взаимодействие жандармских чинов с противоправительственными силами раскрывается в контексте темы революционного террора³⁶

²⁹ Анисимов Е.В. Дыба и кнут. Политический сыск и русское общество в XVIII в. М., 1999.

³⁰ Розенталь И.С. Провокатор. Карьера Романа Малиновского. М., 1993.

³¹ Брачев В.С. Мастера политического розыска дореволюционной России. СПб., 1998.

³² Жаров С.Н. Нормативное регулирование деятельности политической полиции Российской Империи: Дисс. канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2000; Гончарова Ю.В. Жандармские полицейские управления железных дорог (1867 - 1917 гг.). Академия управления МВД России. Дисс. канд. юрид. наук. М, 2000; Хутарев-Гарнишевский В.В. Отдельный корпус жандармов и Департамент полиции МВД: органы политического сыска накануне и в годы Первой мировой войны, 1913-1917 гг. :Дисс. канд. ист. наук – М, 2012.

³³ Воскобойникова Н. В. Управление и делопроизводство органов политического сыска Нижегородской губернии (1890-1917). – Нижний Новгород: Изд-во Волго- Вятской академии государственной службы, 2006. – 122 с.

³⁴ Чукарёв А.Г. Тайная полиция России: 1825-1855 гг. – М., 2005.

³⁵ Костылев А.О. Организационно-правовые аспекты работы с кадрами полиции и жандармерии Российской империи, 1880- 1917 гг.: Дисс. канд. юрид. наук. - М., 2003.

Ещё на рубеже веков интерес к органам политической полиции начал свое победное шествие по стране: география исследований охватила почти все регионы России³⁷. Разработка истории именно губернского аппарата политического сыска, изучение его деятельности вкупе с анализом работы центральных учреждений, позволяет сформировать комплексный взгляд на российский политический сыск, его опыт, эффективность его работы, на региональном уровне рассмотреть отношения жандармских чинов между собой, а также с коллегами по государственной службе: чинами губернской администрации, прокурорами, полицией.

Стоит заметить, что подавляющее большинство исследователей этой группы в ответе на вопрос о месте политической полиции в процессе крушения российской государственности склонно акцентировать внимание на утрате монархией контроля над ситуацией и потере слаженности работы высшей власти, элиты и ведомств. Очевидно, ссылка на некие признаки системного кризиса режима, выводящая проблему на уровень глобальных обобщений, находящаяся весьма далеко за рамками полицейской

---

³⁶Будницкий О. В.Терроризм в российском освободительном движении: идеология, этика, психология (вторая половина XIX - начало XX в.) - М., 2000. Гейфман А. Революционный террор в России. 1894-1917 гг. М., 1997.

³⁷Гладышева Е.Е. Политический сыск в России в нач. XX в.: 1902 -февраль 1917 г. (на материалах Саратовской губернии): Дисс. канд. ист. наук. Саратов, 2006. Горянов В.М. Исторические аспекты деятельности Корпуса жандармов Российской Империи в XIX начале XX веков: Дисс. канд. ист. наук. -Курск, 2001. Джунджузов С.В. Деятельность карательных органов на Южном Урале в период Первой российской революции: Дисс. канд. ист. наук. - Оренбург, 1998; Дорохов В.Г. Политический сыск в Томской губернии: 1881 - февраль 1917 гг.: Дисс. канд. ист. наук. - Кемерово, 2005; Макаричев М.В. Политический и уголовный сыск России в конце XIX -начале XX в.: по материалам Нижегородской губернии: Дисс. канд. ист. наук. Саранск, 2003; Рябинцев Р.В. Становление и развитие органов политического сыска в российской провинции в 1880-1914 гг. (на материалах Костромской губернии): Дисс. канд. ист. наук. Кострома, 2004; Сирица И.В. Становление и развитие политической полиции Кубани 1880-1917 гг. (Историко-правовой аспект): Дисс. канд. юрид. наук. - Краснодар, 2003; Чудакова М.С. Политический сыск России в конце XIX начале XX вв. (в региональном аспекте): Дисс. канд. ист. наук. - Ярославль, 1997; Сенина Н.В. Отдельный Корпус жандармов в конце XIX - начале XX вв. организация, кадры, деятельность: по материалам Тульской губернии: – Дисс. канд. ист. наук. – Тула, 2007. Романов В.В. Организация и деятельность политической полиции Поволжья в 1905-1907 годы.: Дисс. канд. юрид. наук. – М.,2002, и др. Романов В.В. На страже Российской монархии. Политическая полиция Поволжья в 1905 - 1907 гг. Ярославль, 1999.

компетенции, вряд ли может отвечать целям и задачам подобных исследований. Поэтому указание на пороки и нежизнеспособность режима в целом порой выглядят скорее уходом от ответа на изначально неверно поставленный вопрос. Так, рассуждать о способности или неспособности жандармского корпуса противостоять революции вообще не вполне корректно в силу несопоставимости их масштабов и значения. Тем не менее, именно такую повестку диктует неизменная общественная значимость вопроса о месте революции 1917 г.

Накопление и систематизация данных в рамках этих исследований позволили историкам выйти на качественно иной уровень понимания взаимодействия и взаимовлияния, которые оказывали друг на друга учреждения политического сыска и революционные организации.

К наиболее крупным работам подобного характера можно отнести исследования Ю.Ф. Овченко³⁸, М.С. Чудаковой³⁹, О.Н. Квасова⁴⁰. Данные работы позволяют представить, каким образом складывались практические методики противодействия учреждений политического сыска революционному движению, как они превращались в циркуляры и распоряжения Департамента полиции, и насколько восприимчивы к этим распоряжениям были провинциальные структуры.

---

³⁸ *Овченко Ю.Ф.* Московская охранка на рубеже веков, 1880-1904 гг. М., 2010. *Он же.* Полицейская реформа В.К. Плеве // Вопросы истории. 1993. № 8. С. 153-157; *Он же.* Московская «охранка» на рубеже веков // Отечественная история. 1993. № 3. С. 193-201; *Он же.* Провокация на службе охраны // Новый исторический вестник. 2003. № 1 (9). С. 28-45;

³⁹ *Чудакова М.С.* Противостояние: Политический сыск дореволюционной России. Ярославль, 2003. *Она же.* Секретная агентура Департамента полиции (1907-1917 гг.) // Новый исторический вестник. 2010. № 1 (23). С. 22-34.

⁴⁰ *Квасов О.Н.* Террористическая деятельность революционеров Центрального Черноземья в начале XX века: Дисс. канд. ист. наук. - Воронеж, 2000; *Он же.* Террористическая деятельность революционеров Центрального Черноземья, 1901-1911 годы // Вопросы истории. 2005. № 8. С. 93-103; *Он же.* Революционный терроризм в Центральном Черноземье в начале XX века (1901-1911 гг.). Воронеж, 2005; *Он же.* Мария Федорова - террористка и жертва террора (1908 г.) // «Новый исторический вестник» к 80-летию МГИАИ-РГГУ. С. 195-212; *Он же.* Националистические аспекты российского терроризма начала XX в. // Проблемы национальной стратегии. 2012. № 6. С. 206-215, и др.

Уход от классической государственведческой тематики также демонстрирует диссертационное исследование Л.В. Ульяновой⁴¹, посвященное особенностям взаимоотношений политической полиции и либерального движения. Однако Ульянова рассматривает опыт отдельных и наиболее знаменитых представителей политического сыска (в большинстве, руководителей из бывших секретных сотрудников и чинов прокурорского надзора), за чьими масштабными фигурами опыт тысяч их менее именитых коллег оказывается едва различим. Если непосредственно жандармский опыт и анализируется, то, как правило, в силу специфики источниковой базы, описываемая реальность имеет явный крен в сторону розыскных офицеров охранки.

Фундаментальная монография «Три века русской полиции» А. Борисова, А. Малыгина и Р. Мулукаева, изданная в начале 2016 г., в числе прочих поднимает проблему отношения общества к органам политического розыска и, в частности, к жандармским чинам. Впрочем, рассматривая политическую полицию в контексте истории полицейских учреждений вообще, авторы хотя и констатируют негативную общественную оценку, но опускают специфику таких взаимоотношений, свойственную исключительно жандармам⁴².

Особый интерес представляют работы А.Ю. Реента и, в частности, 4 глава его докторской диссертации, затрагивающая проблему взаимоотношения полиции и общества⁴³. Реент исследует этические и социально-экономические характеристики межличностных взаимосвязей в коллективах охранительных структур внутривнутриполитического ведомства. Так, например, им затронуты вопросы противоречий, возникших с учреждением охранных отделений, рассмотрены отдельные аспекты отношений между

---

⁴¹Ульянова Л. В. Политическая полиция и либеральное движение, 1880-октябрь 1905 гг. Дисс. канд. ист. наук. М., 2009.

⁴²Борисов А.В., Малыгин А.Я., Мулукаев Р.С. Три века Российской полиции. М.: Рипол-классик, 2016.

⁴³Реент А.Ю. Полицейская система Российской империи начала XXв. (1900-1917 гг.) Дисс. док.ист. наук. М, 2002. Глава 4. Л. 296-349.

чинами общей и политической полиции⁴⁴. Вместе с тем, изучение политической полиции рассматривается в контексте всего полицейского аппарата, и потому тематика, затрагивающая регулярную полицию, преобладает. Кроме того, хотя мы, безусловно, и не можем говорить об узости источниковой базы этой части исследования, выбор документов отражает в большей мере, опять же, реальность наиболее ярких фигур политического сыска.

Важную роль в комплексе полицейских исследований последних лет занимает докторская диссертация С.Н. Жарова, посвященная оперативно-розыскной деятельности царской полиции, и в т.ч. политического сыска. III-й раздел его работы посвящен анализу нормативно-правового регулирования основных методов политического розыска – агентурной работы, филерского наблюдения, перлюстрации⁴⁵. Автор видит в охране правопорядка основную цель государства, а главным способом её достижения – оперативно-розыскную деятельность, эффективность которой, в свою очередь, во многом определяется характером сотрудничества общества с розыскными органами.

Проблемы функционирования полицейского аппарата самодержавия и его отношений с отдельными группами и представителями российского общества привлекали не только отечественных, но и зарубежных специалистов⁴⁶. Так, подробные исследования Дж. Дэйли, посвященные истории политической полиции и её борьбе с оппозиционным движением, содержат массу любопытных элементов, поскольку автор, помимо обширной

---

⁴⁴ *Он же*. Общая и политическая полиция России (1900-1917 гг.). Рязань, 2001; *Он же* История уголовно-исполнительной системы и органов юстиции России. Рязань. 2006.

⁴⁵ *Жаров С.Н.* Оперативно-розыскная деятельность в России: организация, методы, правовое регулирование (историко-юридическое исследование) Дисс. докт. ист. наук – Екатеринбург, 2010.

⁴⁶ *David H. Bayley.* Patterns of Policing: A Comparative International Analysis. New Brunswick, N.J. 1985; *Ronald Hingley.* The Russian Secret Police: Muscovite, Imperial Russian and Soviet Political Security Operations, N.Y. 1970; *Nurit Schleifman.* Undercover Agents in the Russian Revolutionary Movement: The SR Party, 1902-1914, London, 1988; *D.L.B. Lieven.* The Security Police, Civil Rights and the Fate of the Russian Empire, 1855-1917// Civil Rights in Imperial Russia, Oxford, 1989, 235-262; *Marc Raeff.* Russia's Autocracy and Paradoxes of Modernization// Political Ideas and Institutions of Imperial Russia, Boulder, Colo, 1994, 116-124.

работы в архивах России, широко привлекал мемуары эмигрантов, по большей части недоступные для отечественного исследователя⁴⁷. Отдельно стоит также отметить монографию У. Фуллера, где подробно разбирается знаковое для настоящей темы дело полковника С.Н. Мясоедова⁴⁸.

Весьма обширное отражение нашла тема политической полиции на страницах отечественной исторической периодики. Наряду с многочисленными работами, посвященными отдельным учреждениям политической полиции и жандармского надзора (Охранным отделениям, районным охранным отделениям, ГЖУ, ЖПУЖд, розыскным пунктам, крепостным жандармским командам)⁴⁹, внимание исследователей привлекли некоторые вопросы восприятия жандармскими чинами окружающей действительности⁵⁰. В ряде исследований были затронуты темы служебного взаимодействия, такие, как отношения жандармов с полицией⁵¹, военными

⁴⁷ Jonathan W. Daly. *Autocracy under Siege. Security Police and opposition in Russia, 1866-1905*, Illinois, 1998.; *Ibid. The Watchful State: Security Police and Opposition in Russia, 1906-1917*. Northern Illinois University Press. Dekalb, 2004.

⁴⁸ Фуллер У. *Внутренний враг: Шпиономания и закат императорский России*, М., 2013.

⁴⁹ Качкин А.Н. *Формирование пеших жандармских команд на Дальнем Востоке России*// Теория и практика общественного развития. №8. 2012 г. С. 233-236. Качкин А.Н. *Формирование Владивостокской крепостной жандармской команды* // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. №1 (21). 2013. С. 61-65.; Рыжаков Д.Г. *Жандармские подразделения Нижегородской губернии во второй половине XIX-начале XX вв.*// Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. №1. 2008. С. 124-129.; Плужников С.Ю. *Место и роль губернских жандармских управлений в системе органов политического сыска, последняя треть XIX - начало XX вв.* // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. № 2. 2007. С. 97-100.; Плужников С.Ю. *Система местных органов политического сыска Российской империи в начале XX в.*// Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2009. № 5. С. 340-347.; Алексеева М.А. *Проблемы и характер деятельности губернских жандармских управлений в начале XX века (на примере Новгородского губернского жандармского управления)*// Вестник Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого. 2006. № 36. С. 73-75. Кузнецов С. А. *Деятельность жандармских полицейских отделений по охране железных дорог нижнего Поволжья в конце XIX начале XX вв.* // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. № 15 (70) / том 12 / 2009 С. 137-141.

⁵⁰ Перегудов А.В. *Русский жандарм начала XX в.: Особенности восприятия (По воспоминаниям офицеров Отдельного корпуса жандармов)* // Воронежский государственный университет Труды Карельского научного центра РАН. № 4. 2013. С. 50-55; Жаров С.Н. *Офицерский менталитет и создание контрразведывательных отделений в российской армии*// Историко-правовые проблемы: Новый ракурс. № 4-2. 2011. С.15-20.

⁵¹ Личев Р.И. *Сотрудничество политической и общей полиции Тобольской губернии в начале XX века*// Вестник Тюменского государственного университета. Социально-

чинами⁵² и губернаторами⁵³. Вместе с тем, стоит отметить, что большинство подобных исследований имеет преимущественно региональное значение.

Работы, не посвященные политической полиции непосредственно, но так или иначе, затрагивающие полицейскую и особенно, жандармскую, тематику, нередко не выказывают должной идеологической беспристрастности. Во-первых, многие исследователи продолжают судить о предмете политической полиции, привлекая терминологический инструментарий дореволюционных публицистов и общественных деятелей. А во-вторых, приводя в своих работах тезисы властителей дум царской России, авторы не уравнивают их документами, вышедшими из недр «карательного аппарата» самодержавия⁵⁴. Это ведет к тому, что результаты такого анализа, вместо того, чтобы являть собой синтез нескольких точек зрения, подменяются наиболее удобной

экономические и правовые исследования. 2012. С. 126- 132; *Бакиев Д.А.* Взаимодействие полиции и жандармерии (на материалах Енисейской губернии, 1881-1917 гг.)// Вестник Кемеровского государственного университета. № 1-1 (61). 2015. С. 50-55. *Хорошун К.Ю.* Российская полиция и жандармерия в 60-90-х гг. XIX в.//Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2007. № С. *Чудакова М.С.* Проблемы взаимоотношений общей и политической полиции царской России// Вестник Томского государственного университета. История. 2010. № с.

⁵²*Хутарев-Гарнишевский В.В.* Осиное гнездо провокации: Политический сыск в армии в преддверии Первой мировой// Родина. 2010. №9. С. 120-123. *Едигаров А.Г.* Взаимодействие контрразведывательных отделений Главного управления Генерального штаба Военного министерства с органами политического сыска в канун и ходе Первой мировой войны// Общество и право. Выпуск № 5 (27) / 2009. С. 93-95. *Вязьмитинов М.Н.* Жандармы и армия: политический сыск и вооруженные силы России в революции 1905-1907 гг.//Военно-исторический журнал. 1995. №1. С. 89-93. *Страхов Л.В.* Тайная полиция и армия: проблемы взаимодействия (на материалах Воронежской губернии)//Известия вузов. Серия «Гуманитарные науки». №6 (4). С. *Жаров С.Н.* Офицерский менталитет и создание контрразведывательных отделений в российской армии// Историко-правовые проблемы: Новый ракурс. № 4-2. 2011. С. 16. *Горайнов В.М.* Офицеры и корпус жандармов Российской империи//2016.Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета.

⁵³*Романов В.В.* Взаимодействие Корпуса жандармов и военных губернаторов в Поволжье в начале 30-х 50-е гг. XX в.// Общество и право. № 4 (18) / 2007 С. 23-26. *Логачёва, Н. В.* Роль подразделений Министерства внутренних дел и губернаторов в борьбе с революционным движением в Российской империи в 1870-е-1880-е гг.//Вестник Пензенского государственного университета. - 2013. - № 1. - С. 34-39.

⁵⁴*Бутырин Д.А.* Жандармы и депутаты: «Дело подполковника Заварицкого» в стенах Государственной думы и Владивостокской крепости (1909 год)// Новый исторический вестник. № 4(50). М., 2016. С. 57-79.

версией одной из сторон. Так, диспропорция в отборе анализируемых источников порой ведет к некритическому цитированию и некорректной интерпретации базовых понятий. Количественное преобладание прессы, воспоминаний революционеров и очерков оппозиционных публицистов ведет к качественному изменению оценки соответствующих феноменов. Наиболее яркими маркерами данного явления служат неуместное использование термина «провокация»⁵⁵ и своеобразная, сугубо этическая, оценка охранных отделений и их оперативно-розыскной деятельности⁵⁶. Последняя в некоторой мере свойственна даже такой, в остальном исключительно добросовестной, работе, как диссертационное исследование А.Ю. Дунаевой, игнорирующей вопросы политической целесообразности в угоду поэтизации «христианских идеалов воина-рыцаря», присущих объекту её исследования⁵⁷.

Таким образом, отечественная историография знает немало исследований, посвященных организационно-правовым основам и деятельности учреждений карательно-розыскного аппарата самодержавия. Жандармские учреждения и их сотрудники нередко привлекали внимание исследователей, как анализирующих положение ОКЖ в структуре государственного аппарата, так и занимающихся непосредственно биографией руководителей политического сыска. И если формальное место комплекса жандармских учреждений в государственной системе Российской империи очерчено вполне конкретно, то противоречивая совокупность взаимоотношений «жандармы - общество» была представлена на страницах историографии довольно фрагментарно. Так, в историографии практически отсутствует тема частного, личностного взаимодействия и внеслужебного

---

⁵⁵ Напр., *Закиров Р.С.* Визит Великой княгини Елизаветы Федоровны в тюрьму к И.П. Каляеву как провокация Департамента полиции// Вестник МГГУ им. М.А. Шолохова. История и политология. 2012. № 4. С. 20-36.

⁵⁶ *Гутнов Д.А.* Из истории русского политического сыска: В.Ф. Джунковский и борьба «сверху» с практикой полицейской провокации в 1913-1915 гг.// Вестник РУДН. Серия "История России". - 2012. № 2. С.36–45.

⁵⁷ *Дунаева А.Ю.* В.Ф. Джунковский: политические взгляды и государственная деятельность. Дисс. канд. ист. наук. М., 2010.

общения жандармских чинов. Те отдельные попытки сопоставления реальности жандармов с общественными представлениями о таковой, как правило, делались на излишне нетипичных для регулярной практики примерах.

Механизм складывания общественной оценки деятельности чинов ОКЖ также никогда не рассматривался отдельно. Очевидно, что на данный момент изучаемая проблема отношения и взаимодействия чинов ОКЖ и общества, ставшая, во многом, заложницей предвзятости и остаточной инерции идеологических подходов, с одной стороны, и спецификой источников, с другой, нуждается в разрешении посредством логического осмысления своих компонентов.

Содержание проблемы, специфика объекта и предмета исследования, поставленные задачи определили характер и источниковую базу диссертации.

Источниковая база включает в себя значительное число как опубликованных, так и неопубликованных источников. К числу первых относится комплекс законодательных и нормативно-правовых документов, относящихся к службе чинов ОКЖ⁵⁸.

Используемая в рамках данной работы нормативно-правовая база взаимоотношений полицейских структур и общества в своем судебном контексте формировалась ещё в начале 70-х гг., когда были приняты законы: 19 мая 1871 г. (изъявший политические дела из ведения общих судов и передавший расследование чинам ОКЖ) и 7 июня 1872 г. (предполагавший рассмотрение политических дел Особым присутствием Правительствующего

---

⁵⁸Положение о корпусе жандармов. 9 сентября 1867 г.// ПСЗ. Собр. 2. Т. 13. Отд. 2. № 44956; О порядке действий чинов Корпуса жандармов по исследованию преступлений. Закон 19 мая 1871 г. // ПСЗ. Собр. 2. Т. 43. Отд. 1. Сд. 593; Положение об усиленной охране. 14 августа 1881 г.// ПСЗ. Собр. 3. Т. 1. 1881. СПб., 1885. С. 261 - 265; Инструкция товарищу министра внутренних дел, заведующему полицией. 16 июля 1882 г. // ПСЗ. Собр. 3. Т.2. № 1022; Циркуляр об организации при жандармских управлениях агентурно-наблюдательных пунктов. 1902 г.// ПСЗ. Собр. 2. 1863. Отд. 2. № 37289; Инструкция 1904 г. об обязанностях губернских жандармских управлений// ПСЗ. Собр. 2. Т. 41. Отд. 2. СПб., 1868. №44071.

Сената). Впоследствии, 9 мая 1878 г. было издано два закона, внесших изменения в порядок расследования государственных преступлений. Тогда же, в 1878 г., некоторые политические дела стали передаваться в военные суды. В самом начале рассматриваемого периода, 14 августа 1881 г., было принято знаковое «Положение о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия». Циркуляр МВД от 26 января 1881 г. за № 146, уточнил «закон 19 мая», изъяв из ведения ЖПУЖД все дознания по политическим делам, за исключением случаев оскорбления Высочайших особ⁵⁹.

Многие законы и положения, а также созданные на их основании ведомственные нормативные акты, нашли свое место в ряду специальных, предназначенных для служебного пользования, сборниках различных инструкций и циркуляров⁶⁰. В первую очередь, в их числе стоит отметить сборник, составленный ротмистром В.И. Добряковым, много лет заведующим Судной частью ОКЖ⁶¹, а также всеохватный сборник Л. Тимофеева⁶², бывший настольной книгой каждого сотрудника ЖПУ жд.

Важную роль в данной работе сыграли также ежегодно публикуемые списки «Общего состава управлений и чинов Отдельного корпуса жандармов», позволяющие сопоставить личные данные офицеров корпуса,

---

⁵⁹Циркуляр МВД от 26 января 1881 г. за № 146.

⁶⁰Законы о полиции. Законы административные, положения о судебном-следственных и исполнительных действиях чинов полиции. Сост. Н. Волков. – М., 1910; Систематический сборник циркуляров Департамента полиции и Штаба Отдельного корпуса жандармов, относящихся к обязанностям чинов корпуса по производству дознаний. СПб., 1908; Памятная книжка для нижних чинов Варшавского жандармского округа. Варшава, 1885.

⁶¹Систематический указатель приказов по военному ведомству, циркуляров Главного штаба, приказов по Отдельному корпусу жандармов и циркуляров штаба сего корпуса, объявленных для сведения и руководства в частях и управлениях Отдельного корпуса жандармов по строевой, инспекторской, хозяйственной и военно-судной частям. Составил ротмистр Добряков. СПб., 1897;

⁶²Обязанности жандармской железнодорожной полиции: По жандармско-полицейской части/ Сост. Л.Тимофеев, изд.2-е перераб. и доп.- СПб., 1912.

сделать выводы о динамике численности ОКЖ, количественном соотношении различных управлений⁶³.

Значительная часть циркулярных предписаний, инструкций и официальных документов помещена в сборниках «Политическая полиция и политический терроризм в России», «Агентурная работа политической полиции Российской империи» и «Политическая полиция Российской империи между реформами. От В.К. Плеве до В.Ф. Джунковского». Под обложкой данных сборников трудами Е.И. Щербаковой были отобраны документы, регламентирующие положение чинов жандармского корпуса как политической полиции. Так, например, сборники содержат такие основополагающие документы как «Положение об устройстве секретной полиции в империи», «Инструкция инспектору секретной полиции», «Положение о районных охранных отделениях», а также отражают процесс передачи чинам ЖПУ жд дознаний по политическим делам и обязанностей по приобретению агентуры, со всеми сопутствующими данным нововведениям мерами, и др.⁶⁴

Особое место занимают разнообразные мемуарные источники, среди которых: воспоминания руководителей политического сыска и жандармских офицеров⁶⁵. Мартынова А.П., Спиридовича А.И., Заварзина П.П., Герасимова А.В., Новицкого В.Д., Глобачева К.И., Полякова А.М.). Наиболее

⁶³Общий состав управлений и чинов Отдельного корпуса жандармов за 1890, 1895, 1897, 1898, 1899, 1900, 1901, 1902, 1903, 1904, 1905, 1906, 1907, 1908, 1909, 1910, 1911, 1912, 1913, 1916 гг.

⁶⁴Агентурная работа политической полиции Российской империи. Сборник документов. 1880-1917 г. Сост. Е.И. Щербакова. Серия «АИРО – Первая публикация»/ Под ред. Г.А. Бордюгова. – М., 2006.; С. 13-16, 64, 76-106. Политическая полиция и политический терроризм в России (вторая половина XIX – начало XX вв.). Сборник документов. М., 2001. С. 236-237; Политическая полиция Российской империи между реформами. От В.К. Плеве до В.Ф. Джунковского. Сборник документов/ Вступительная статья, составление и комментарии Е.И. Щербаковой. – М.: АИРО-XXI; СПб.: Алетейя, 2015. С.211-212.

⁶⁵ «Охранка»: Воспоминания руководителей политического сыска. В двух томах. М., 2004. Глобачев К.И. Правда о русской революции: Воспоминания бывшего начальника Петроградского охранного отделения/ Под ред. З.И. Перегудовой; сост.: З.И. Перегудова, Дж. Дейли, В.Г. Маринич. М., 2009., Поляков А.М. Записки жандармского офицера // Жандармы России. - СПб., - М., 2002. С. 486-487. «Ника». (Кравец Н.А.) Воспоминания жандармского офицера// Жандармы России. - СПб., - М., 2002. С. 543-565.

привлекательны с литературной точки зрения и столь же полны с фактической воспоминания начальника Московской охранки Мартынова, который уделяет внимание не только именитым сослуживцам и наиболее значимым делам, в которых ему доводилось принимать участие, но и отдельным любопытным деталям жандармской службы. Это, за вычетом солидной исторической составляющей, роднит его записки с мемуарами А. Полякова, ярко живописующего нравы жандармской корпорации. Так же, как и Мартынов, Спиридович описывает годы юности и обстоятельства, сопутствующие его выбору жандармской карьеры. Мемуары последнего начальника Петербургского охранного отделения Глобачева относятся к последним годам империи и ярко живописуют общественные настроения столицы. Герасимов характеризует, в основном, центральные фигуры и события политической обстановки своего времени: Азефа, Гапона, Лопухина и т.д.. Воспоминания Новицкого являются наглядным образцом отношения старых жандармских начальников к новым, «зубатовским» порядкам. Записки Заварзина, вероятно, единственного из «железнодорожных» жандармов, поднявшегося столь высоко, также указывают на больные места полицейского хозяйства империи. Все воспоминания жандармских офицеров писались (за исключением Новицкого) после революции и, в основном, в эмиграции, и потому многие события описаны неточно. Кроме того, участие большинства из мемуаристов в громких делах своего времени привело к тому, что тексты порой грешат сознательно допущенными неточностями и преследуют цель «сведения счетов».

К корпусу жандармских мемуаров относятся также впервые обнаруженные автором данной работы записки ротмистра В.В. Парфёнова о его службе в Шлиссельбургской крепости, являющиеся пока единственными в своем роде воспоминаниями чина крепостной жандармской команды⁶⁶.

---

⁶⁶Лаврёнова А.М. Судьба жандарма: Воспоминания ротмистра В. В. Парфёнова о службе в Шлиссельбургской крепости. Часть 1. Жандармы Шлиссельбурга// Обозреватель - Observer. 2017. № 3. С.111-122.; Часть 2. Узники Шлиссельбурга// Обозреватель -

Обиды на сослуживцев, разрушенная карьера и свершившаяся революция естественным образом сказались на тоне этих воспоминаний, что отнюдь не сделало их менее любопытными. Описания гарнизонных будней и отношений с политическими заключенными, данные Парфёновым, явились ценными дополнением к данной работе.

Вплотную к этому корпусу источников примыкают воспоминания командиров Корпуса жандармов Джунковского В.Ф. и П.Г. Курлова, а также директоров ДП Васильева А.Т. и С.П. Белецкого⁶⁷, позволяющие более детально и разносторонне взглянуть на проблему взаимоотношений чинов Корпуса и различных общественных сил. Интерес с точки зрения реконструкции восприятия руководителями политического розыска его целей и методов представляют протоколы допросов Чрезвычайной следственной комиссии бывшего Директора Департамента полиции сенатора М.И. Трусевича и вице-директора С.Е. Виссарионова⁶⁸.

Отдельного внимания заслуживают воспоминания лидеров противоправительственных движений, политических партий и кружков, террористических организаций – Б. В. Савинкова, Ф.Э. Дзержинского, В.М. Зензинова, Л.Г. Дейча, Е.К. Брешко-Брешковской, и др.⁶⁹. Почти все они имели опыт взаимоотношений с жандармскими чинами при самых разных обстоятельствах: обысках, допросах, арестах, тюремном заключении.

Observer. 2017. № 4. С. 107-116; Часть 3. Шлиссельбургские казни// Обозреватель - Observer. 2017. № 5. С. 113-118.

⁶⁷Белецкий С.П. Воспоминания// Архив русской революции. М., 1991.т. II. -1. С. 5-75. Джунковский В.Ф. Воспоминания. Т.1 М., 1997; Курлов П.Г. Гибель императорской России, М., 1991.

⁶⁸Падение царского режима. Стенографические отчеты допросов и показаний данных в 1917 г. в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства. М.-Л. 1926.

⁶⁹Дзержинский Ф.Э. Дневник и письма. М., 1956; Зензинов В.М. Из жизни революционера. Париж., 1919; Зензинов В. М. Пережитое. Нью-Йорк, 1953, Струмилин С.Г. Из пережитого ,М., 1957; Фигнер В.Н. Запечатленный труд. Т. 2. М., 2016.

В самостоятельную группу стоит выделить воспоминания политических и общественных деятелей, не принадлежащих к числу политических радикалов⁷⁰.

В ходе работы над исследованием также была использована ведомственная («Вестник полиции») и периодическая печать («Голос минувшего», «Киевлянин», «Киевская почта», «Прибой», «Русская молва», «Столичное слово», «Трудовая копейка», «Гражданин», «Новое время», «Биржевые ведомости» и т.д.). Использованная в работе периодическая печать взята преимущественно в виде вырезок, содержащихся в делах Департамента полиции и Штаба корпуса, что позволило выяснить, какая именно информация попадала в поле зрения карательно-розыскных органов, и что именно они находили для себя оскорбительным, заслуживающим внимания, проверки или же опровержения. С другой стороны, нами были изучены вырезки газет, собранные публицистом В.В. Водовозовым (ГАРФ.Ф. 539).

Корпус опубликованных источников в целом отражает подходы к изучению проблематики политической полиции в предшествующие периоды и служит отправной точкой для любых дальнейших работ, однако полностью реализовать исследовательские задачи данного исследования опираясь лишь на известные источники практически невозможно.

Что касается неопубликованных архивных материалов, то значительное их количество введено в научный оборот впервые. Прежде всего, это документация Штаба ОКЖ, ДП и местных розыскных органов, хранящаяся в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ). Всего было просмотрено порядка тысячи дел, в то время как в список источников данного исследования вошли только те дела, которые цитируются или используются в подсчетах (около 260 дел).

---

⁷⁰ *Витте С.Ю.* Воспоминания. М., 1960. Т. 3; *Кшесинская М.* Воспоминания. – Москва: ОЛМА Медиа Групп, 2014. – 302 с. *Деникин А.И.* Путь русского офицера. М., 2002.

Подавляющую часть неопубликованных делопроизводственных документов составили материалы Ф. 110 (Штаб Отдельного корпуса жандармов), сосредоточенные в I, III и V отделениях Штаба корпуса (Оп. 2, 4, 6, соответственно), а также военно-судной части Штаба корпуса (Оп. 14). I-е отделение Штаба ведало личным составом и комплектованием частей корпуса; III-е отделение с 1867 г. занималось хозяйственными и финансовыми вопросами, а с 1893 г. осуществляло контроль за деятельностью чинов ЖПУ жд; в V-м отделении с 1896 г. сосредоточены материалы, касающиеся расследований должностных преступлений чинов корпуса, переписка по донесениям об оскорблениях жандармов при исполнении служебных обязанностей. В Ф. 110 содержатся циркуляры, регламентирующие едва ли не все стороны жизни жандармских чинов. Наряду с циркулярами, предписывающими изучение унтер-офицерами ЖПУ жд паровозов и телеграфа и устанавливающими порядок предъявления взяток начальству, материалы фонда содержат значительное число распоряжений, затрагивающих непосредственно частную жизнь жандармов – их досуг и взаимоотношения с противоположным полом⁷¹.

Среди впервые введенных в научный оборот документов значительную часть занимают материалы, запечатлевшие реакцию жандармского начальства на жалобы со стороны обывателей на своих подчиненных; дела, начатые в ответ на журнальные и газетные публикации и предпринятые впоследствии расследования; материалы, содержащие результаты инспекторских смотров; послужные списки офицеров Корпуса.

Важные материалы содержатся в документах Отделения по охране общественной безопасности и порядка в Москве при московском градоначальнике, иными словами, Московской охраны (Ф. 63) и Департамента государственной полиции Министерства внутренних дел (Ф. 102): справки, протоколы допросов обвиняемых, материалы перлюстрации,

---

⁷¹ ГАРФ. Ф. 110. Оп. 4. Д. 3398; Оп. 14. Д. 106. Л. 1; Оп. 6. Д. 1560. Л. 16; Оп. 2. Д. 10368. Л. 3, 3 об.; Оп. 24 Д. 187. Л. 25.

отчеты о наблюдении за известными политическими фигурами, филерские «рапортички». Обширные информационно-аналитические сведения, собранные Штабом корпуса и ДП, касающиеся различных аспектов жандармской службы и деятельности политической полиции, даны в приложениях к данной работе⁷².

Отдельные детали почерпнуты в фондах жандармско-полицейских управлений железных дорог (Ф. 59. Московское жандармско-полицейское управление железных дорог, Ф.127. Жандармское полицейское управление Северо-Западных железных дорог).

В особую категорию следует выделить различные рапорты и записки жандармских офицеров с проектами преобразований и жалобами на коллег и служебные трудности. К таковым можно отнести записки генерал-лейтенантов М.А. Красовского и К.Ф. Шрамма⁷³, а также рапорты подполковника Б.А. Левенца, полковника Д.С. Померанцева и др.⁷⁴

Важную роль в реконструкции служебных взаимоотношений жандармских чинов играет также переписка офицеров между собой, а также их начальством в лице Штаба корпуса и ДП. Особенно широко была привлечена служебная переписка в эпизоде из службы А.П. Мартынова, начальника Саратовского, а затем, Московского охранного отделения, позволившая раскрыть отношение коллег и начальников Мартынова к

---

⁷²Таблица «Динамика роста численности чинов ОКЖ (1890-1916 гг.)»; Программа предварительных испытаний офицерам, желающим поступить на службу в ОКЖ; Таблицы с перечневыми ведомостями о дознаниях, произведенных чинами ЖПУ жд за 1908, 1909, 1912, 1915, 1916 гг.; Таблица «Дознания и коммерческие протоколы по всем железным дорогам общего значения»; Таблица «Унтер-офицеры ЖПУ жд, умеющие управлять паровозом и знающие телеграфное дело» (на 1910 г.); Статистическая таблица о числе лиц, высланных в порядке ст. 34 Положения об охране с подразделением по годам и по местностям, откуда высланы. 24 октября 1909 г. ; Статистическая таблица о числе освобожденных на основании отдела XXX Высочайшего Указа 21 февраля 1913 года; Статистическая таблица о числе пострадавших чинов полиции и ОКЖ с 1 октября 1905 г. по 20 ноября 1909 г.; Статистическая таблица «Террористические акты и грабежи с 1 октября 1907 г. по 12 мая 1910 г.»; Статистическая таблица студентов, участвовавших в беспорядках в 1899-1901 г., с указанием процентного отношения участвовавших по вероисповеданиям.

⁷³ГАРФ. Ф. 110. Оп. 2. Д. 10686. Л. 67-68 об. ГАРФ. Ф. 110. Оп. 8. Д. 10.

⁷⁴ ГАРФ. Ф. 102. ОО. 1910 г. Оп. 316. Д. 75. Л. 1-6. ГАРФ. Ф. 110. Оп. 6. Д. 1508, Л. 10–16об.

обычаям, к практикам и организации политической полиции. Также переписка о поведении полицмейстера И.Ф. Машевского помогла проиллюстрировать тонкости положения жандармского офицера в губернии. В свою очередь, переписка по делу о X-м павильоне Варшавской крепости позволила более наглядно представить взаимоотношения заключенных революционеров с «окарауливающими» их жандармами.

Подробная характеристика жандармского начальства сосредоточена в делах Чрезвычайной следственной комиссии для расследования противозаконных по должности действий бывших министров, главноуправляющих и прочих высших должностных лиц как гражданского, так военного и морского ведомств (Ф.1467).

Говоря об архивных источниках, важно отметить количественную неравномерность документов, касающихся чинов ОКЖ и политической полиции. Зачастую недостаточное число источников за более ранние годы не позволяют проводить подробные статистические изыскания: многие документы были уничтожены самими государственными учреждениями в связи с истечением сроков хранения. Этот фактор неизбежно отражается на том, что общая для многих исследований, касающихся деятельности политической полиции, хронологическая граница – 1880 г. и почти все последующее десятилетие изучается на порядок менее подробно, нежели период рубежа веков и тем более, начала XX в., значительно лучше сохранившегося.

Изученные материалы позволяют в полной мере отразить проблематику в вышеозначенных рамках сравнительного описания приписываемой жандармам общественной роли и реалий регулярной службы и частной жизни.

Новизна и научная значимость работы состоит в том, что впервые проведен комплексный анализ взаимоотношений чинов корпуса, принадлежащих к различным полицейским и охранительным структурам, между собой, а также с сотрудниками других государственных учреждений

и ведомств (чинами прокурорского надзора, губернаторами, регулярной полицией, железнодорожной администрацией) в рамках их служебной практики. Служебные взаимоотношения жандармских офицеров и представителей чиновничества и полиции, фрагментарно рассматриваемые ранее в диссертационных исследованиях в рамках региональной специфики, в данной работе были изучены более полно, чему способствовала широкая источниковая база. Она же позволила разносторонне проиллюстрировать взаимовлияние политики руководства ОКЖ и ДП, с одной стороны, и общественного мнения и прессы, с другой. Большое внимание в работе уделено реакции жандармских чинов и их руководства на выпады со стороны прессы, специфике их понимания корпоративной чести, а также методам её защиты.

Отказ от восприятия отношений между жандармами и революционерами в традиционном контексте «борьбы», позволил по-новому оценить служебную практику и социальную роль «голубых мундиров», что для отечественной историографии составляет определенную новизну.

Исследование уточняет позицию руководства ДП по вопросу о профессиональной и идеологической подготовке своих подчиненных. Записки с проектами реформы полиции, принадлежащие перу жандармских офицеров, обнаруженные впервые, позволяют говорить уже не только о законотворческих планах высшего руководства из Штаба корпуса и ДП, но и о восприятии данных идей на уровне начальников жандармских управлений.

Работа проливает свет на некоторые доселе неизвестные детали биографии деятелей политического сыска, а также помогает иначе взглянуть на их мемуары. В данном исследовании представлены новые факты, касающиеся организации и деятельности чинов ЖПУЖД, позволившие переосмыслить роль жандармских чинов в политическом сыске. Впервые в историографии была поднята тема гендерных взаимоотношений чинов ОКЖ и их влияния на карьеру жандармов.

Данная работа станет выгодным дополнением комплекса исследований, изучающих процессы и события последних десятилетий существования империи Романовых, и поможет в оценке суммарного идеологического давления и веса морально-этических категорий применительно к службе чинов политической полиции и репрессивных органов.

Практическая значимость диссертации и апробация ее результатов.

Текст диссертации обсуждался на кафедре истории государственных учреждений и общественных организаций ИАИ РГГУ. Материалы диссертации могут быть использованы в учебном процессе в вузах страны, в подготовке новых исследований о карательно-розыскных органах Российской империи, в справочных и энциклопедических изданиях.

Отдельные положения диссертации были опубликованы в научной периодической печати и статьях автора в сборниках материалов следующих конференций: международной конференции «Российский парламентаризм: истоки, история и современность» (Москва, 17-18 апреля 2013), международной конференции «Транспортные коммуникации Российской империи в годы Первой мировой войны» (Москва, 28 января 2014 г.), научной конференции студентов и аспирантов кафедры истории государственных учреждений и общественных организаций ИАИ РГГУ «Проблемы организации и функционирования государственного аппарата в России» (Москва, 14 ноября 2014 г.).

Структура работы обусловлена задачами исследования. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка использованных источников и литературы и приложений.

I. Отдельный корпус жандармов и его чины.

«Царское самодержавие - есть самодержавие полиции».

В.И. Ленин.

*Hectorem quis nosset, felix si Troja fuisset?*⁷⁵

Publius Ovidius Naso

1.1. Возникновение Отдельного корпуса жандармов и основные вехи его существования.

Термин жандармы⁷⁶ родом из Средневековья. Изначально так называли дворян, служивших в лейб-гвардии французских королей. Мало-помалу слово жандарм в значении «рыцарь» распространилось на всех тяжеловооруженных всадников, которые позднее стали именоваться кирасирами. В 1791 г. во Франции новая революционная власть создала корпус жандармов в качестве органа для наблюдения за сохранением порядка в армиях и внутри государства. При армиях находились особые жандармские команды, которые исполняли обязанности военной полиции. Со временем термин «жандармерия» и в других государствах стал означать особый род государственной полиции.

В России же данный термин был впервые упомянут в 1792 г., когда в составе гатчинских войск цесаревича Павла Петровича была учреждена конная команда, называвшаяся то кирасирским, то жандармским полком. Впоследствии эта команда была введена в состав лейб-гвардии Конного полка, и термин «жандарм» вышел из употребления вплоть до 1815 г., когда был сформирован жандармский лейб-гвардии полуэскадрон, а также в жандармский был переименован Борисоглебский драгунский полк. Последний призван был выполнять функции военной полиции. В составе Корпуса внутренней стражи в 1817 г. была учреждена конная городская

⁷⁵ Кто знал бы Гектора, если бы Троя была счастливой? Овидий.

⁷⁶ Франц. «Gens d'armes».

полиция, «жандармы внутренней стражи», образовавшие в столицах жандармские дивизионы. В крупных губернских и портовых городах создавались жандармские команды.

В деле создания централизованной политической полиции российское правительство отнюдь не являлось пионером: первой структурой подобного рода стала тайная полиция Наполеона I, возглавляемая легендарным Ж. Фуше. Не отставали также Австрия и Пруссия, обзаведшиеся секретными политическими службами примерно в то же время, что и Россия. По всей видимости, именно французский опыт вдохновлял А.Х. Бенкендорфа в его проектах организации «высшей» полиции, первый из которых он подал Александру I ещё в 1821 г.⁷⁷ По свидетельству декабриста С.Г. Волконского, Бенкендорф «возвратился из Парижа при посольстве, и, как человек мыслящий и впечатлительный, увидел, какую пользу оказывала жандармерия во Франции. Он полагал, что на честных началах, при избрании лиц честных, смысленных введение этой отрасли соглядатаев может быть полезно и царю, и отечеству, приготовил проект о составлении этого управления и пригласил нас, многих своих товарищей, вступить в эту когорту, как он называл, добромыслящих»⁷⁸.

Говоря об идеологических предпосылках создания жандармского ведомства, нельзя не упомянуть тот факт, что радикализация общества в империи, значительно опережая темпы соответствующих трансформаций государственного аппарата, порой не оставляла последнему иных средств, кроме репрессивных. Укрепление охранительных начал, предполагавшее попытки совершенствования карательных органов, в большинстве случаев становилось ответом на антиправительственные выпады общества. Так и учреждением корпуса жандармов Россия была в основном обязана восстанию декабристов.

---

⁷⁷ *Оржеховский И.В.* Самодержавие против революционной России (1826-1880 гг.). М., 1982. С. 18.

⁷⁸ *Волконский С.Г.* Записки. СПб., 1902. С. 135-136.

25 июня 1826 г. был учреждён пост Шефа жандармов, как руководителя всех жандармских подразделений, коих на тот момент насчитывалось 59, общей численностью около 4 тыс. человек.⁷⁹ А 28 апреля 1827 г. был образован Корпус жандармов. В «Положении о Корпусе жандармов» была закреплена система двойного подчинения. По инспекторской, строевой и хозяйственной части корпус находился в ведении Военного министерства, соответственно, и финансировался из его же сумм. По «наблюдательной части», организации политического розыска и дознаний, жандармское ведомство было подчинено Третьему отделению Собственной Его Императорского Величества Канцелярии (С.Е.И.В.К). Первоначально было создано пять жандармских округов (впоследствии их число увеличилось), во главе которых встали жандармские генералы. Округа состояли из нескольких, четырех-шести, отделений, руководимых жандармами в штаб-офицерских чинах. Помимо прочего, в корпус вошли вышеупомянутые Санкт-Петербургский и Московский жандармские дивизионы и губернские жандармские команды. Венчало разветвленную структуру Управление корпуса.

Объектами пристального внимания нового органа стали, в основном, представители бюрократии, интеллигенции, чины армии и флота. Жандармам поручались наиболее важные аресты. Фигура жандарма стала неременным участником массовых мероприятий.

Корпус жандармов изначально проектировался с большой оглядкой на общество. Власть желала видеть свое детище в ореоле престижа и уважения, поэтому уже в первом проекте создания единого Министерства полиции, поданного новому императору, Николаю I, Бенкендорф отстаивает необходимость привлечения в его ряды «людей честных и способных, которые часто брезгуют ролью тайных шпионов, но, нося мундир, как чиновники правительства, сочтут долгом ревностно исполнять эту обязанность». Принципиальное значение Бенкендорф придает морально-

---

⁷⁹ *Оржеховский И.В.* Указ. соч. С.38.

нравственным качествам чиновников, для которых «чины, кресты, благодарность... служат лучшим поощрением, нежели денежные награды»⁸⁰. Базовые положения, впоследствии нормативно закреплённые и неоднократно провозглашаемые самим А.Х. Бенкендорфом, предполагали: во-первых, что «действия высшей полиции должны быть тайны, но существование её гласным»; во-вторых, что «высшая полиция сама не судит», а «только открывает и изобличает виновного», и, наконец, в-третьих, что на службу следует привлекать людей «сколько возможно испытанной нравственности, уверенных искренно в пользе своего назначения»⁸¹. Первая же инструкция штаб-офицерам корпуса жандармов ориентировала их на то, что необходимо «приобрести уважение всех сословий» и «заручиться общим доверием». Инструкция обязывала жандармов к оказанию «возможного пособия» «бедным и сирым». «Довести глас страждущего человечества до престола царского, и беззащитного и безгласного гражданина немедленно поставить под высочайшую защиту государя императора» - таковой цели призывал следовать своих подопечных Бенкендорф⁸². И если легенда «о платке», якобы поданном Николаем I Бенкендорфу в качестве иллюстрации поставленных задач – утирать им слёзы несчастных – не представляется реальной, хотя бы в силу того, что мыслительным и движущим центром намеченных преобразований и являлась скорее сама фигура Бенкендорфа, нежели царя, то тон описываемого эпизода резонирует в унисон характеру инструкций жандармским офицерам.

Власть старалась привлечь на службу «вчерашних вольнодумцев». Известно, что в 1829 г. Бенкендорф предложил Л.С. Пушкину поступить в жандармский дивизион, а его знаменитому брату – в III-е отделение⁸³. Тот факт, что одним из руководителей политической полиции России стал такой человек, как Л.В. Дубельт (в молодости, член аж четырех масонских лож, в

⁸⁰ Русская старина, 1900, т. 104, с. 615-616.

⁸¹ Цит. по : *Оржеховский И.В.* Указ. соч., С. 21.

⁸² Цит. по: *Оржеховский И. В.* Указ. соч., С. 58-59.

⁸³ *Эйдельман Н.Я.* Пушкин и декабристы. Из истории взаимоотношений. М., 1979, С. 373-376.

зрелые годы угодил в «Алфавит декабристов»⁸⁴), - серьезный довод в пользу чистосердечия таких устремлений. Однако даже тогда вступление в жандармские ряды вызывало недоумение в известных кругах, ведь и Дубельту приходилось едва ли не оправдываться перед современниками. Так, конечной целью своего служения и задачей института полиции он провозглашал достижение общественного блага. По его мнению, обязанности полиции «состоят в защите лиц и собственности; в наблюдении за спокойствием и безопасностью всех и каждого; в предупреждении всяких вредных поступков и в наблюдении за строгим исполнением законов; в принятии всех возможных мер для блага общественного, в лице бедных, вдов и сирот и в неусыпном преследовании всякого рода преступников». Хотя здесь мы и видим повторение классических формулировок общественно-политического дискурса эпохи просвещения, все ещё бесспорных, но, для большей убедительности, напоследок, Дубельт как будто бросает вызов: «Пусть мне докажут, что такого рода служба не заслуживает уважения и признательности сограждан»⁸⁵.

Таким образом, в идеале, предполагалось при посредничестве жандармского ведомства обеспечить защиту граждан в условиях патерналистской парадигмы, в отсутствие гражданских свобод. По мнению А.Г. Чукарева, во времена Николая I корпус жандармов наряду с III-м отделением, помимо самоочевидной функции ведомства по борьбе с революционным элементом, исполнял роль обратной связи между государством и обществом в условиях недоступности классических средств осуществления таковой, как то: народного представительства, независимой печати и судебной системы, имевшихся в распоряжении передовых буржуазных стран⁸⁶.

По мнению императора, репутацию и благонадежность новому органу должен был обеспечить безупречный кадровый состав. Корпус жандармов,

---

⁸⁴ Там же. С. 32.

⁸⁵ Голос минувшего. 1913. №3. С. 134.

⁸⁶ Чукарев А.Г. Тайная полиция России: 1825-1855 гг. М., 2005. С. 579-580.

задуманный, как полиция «благородного сословия» должен был состоять из лучших представителей дворянства. Заполнить все вакансии людьми, «известными своею службой, расторопностью, усердием и особо хорошей нравственностью»⁸⁷, как того требовало «Положение», оказалось невозможно, и нехватка подходящих людей ощущалась с самого начала.

Современник, суровый и желчный Ф.Ф. Вигель, не преминул поиронизировать: «Где было сыскать людей добросовестных, беспристрастных, сведущих и прозорливых?.. Могла ли все исправить горсть армейских офицеров, кое-как набранных?»⁸⁸ Мемуарист приводит также распространенные в обществе сомнения в целесообразности создания специального полицейского органа при наличии власти губернаторов, прокуратуры и регулярной полиции.

Ввиду того, что члены известных семейств оказались «во глубине сибирских руд», неудивительно, что аристократия не в должной мере откликнулась на призыв самодержца. Кроме того, неприятие либеральными интеллигентскими кругами попыток жандармского ведомства к осуществлению контроля над общественными настроениями и, в особенности, литературой, усиливало негативное отношение общества к чинам корпуса. Так вышло, что адъютант самого А.Х. Бенкендорфа отказался продолжать службу, не желая облачиться в жандармский мундир⁸⁹.

Известно, что в начале 30-х годов XIX в. в некоторых жандармских округах даже окружные управления не были полностью укомплектованы, а методы работы некоторых жандармских штаб-офицеров, по утверждению И.В. Оржеховского, в 30 – 40-х годах не отличались от методов «старинных полицейских»⁹⁰.

Однако высшая власть в лице императора была неизменно благосклонна к корпусу жандармов, что выражалось в улучшенном режиме

---

⁸⁷ ПСЗ. II Собр. т. II. № 1062.

⁸⁸ Вигель Ф.Ф. Записки, М., 2000, С. 306.

⁸⁹ Борисов А.В., Малыгин А.Я., Мулукаев Р.С. Три века Российской полиции. М.: Рипол-классик, 2016. С. 538.

⁹⁰ Оржеховский И.В. Указ. Соч. С. 48

отпускаемого довольствия и железной решимости внушить уважение к своему творению. Т.Г. Деревнина и, вслед за ней, А.Г. Чукарев упоминают об эпизоде, когда фореитор одного приближенного к высочайшей особе генерала ударил жандарма плетью по лицу. Разгневанный Николай I повелел «жандармов..., расставленных по местам, считать наравне с военными часовыми, вследствие чего оказывающих им послушание курьеров, фореиторов и лакеев отдавать в рекруты без зачетов»⁹¹.

Что касается нижних чинов «бенкендорфовского призыва», то и они набирались из армии и гвардии исходя из расчета на симпатию простого люда, поскольку многие из них принадлежали к почетной когорте старослужащих, победителей Наполеона.

Первые годы существования корпуса служба офицеров, особенно в провинции, была сравнительно нехитрой, а методы были весьма далеки от совершенства. За неимением опыта, жандармам периодически приходилось импровизировать, однако большая часть предпочитала «вращаться в кругах», собирая слухи и сплетни. Как объяснял начальство А.И. Ломаковскому, звание губернского штаб-офицера «требуется не одного только честного, благородного и вполне безукоризненного образа действий, но и осторожности дипломата, потому что ...государь, определяя в каждую губернию особого жандармского штаб-офицера, желает иметь в нем такого же посланника, такого же честного и полезного представителя правительства, какого имеет оно в Лондоне, Вене, Берлине, Риме, Стокгольме и Париже»⁹².

К эпохе правления Николая I относится и учреждение органов жандармского надзора на железных дорогах. С привлечением на строительные работы большого числа населения, резко осложнилась оперативная обстановка, возникла острая проблема обеспечения общественного порядка: вокруг строительства железнодорожных линий

---

⁹¹ Цит. по: Чукарев А.Г. Указ. соч. С. 130; Деревнина Т.Г. Третье отделение и его место в системе государственного строя абсолютной монархии. 1826-1855 гг. Дисс. канд. ист. наук. С. 81.

⁹² Ломачевский А.И. Голубой мундир. СПб., 1880. С. 4.

развернулись казнокрадство, спекуляция и различные должностные злоупотребления. Для производства работ часто привлекались неквалифицированные рабочие, среди которых процветали грубость и пьянство. Значительная разветвлённость и отдалённость магистралей от населённых пунктов не позволяли общей полиции действовать на этих участках в должной мере эффективно. Подобное положение дел и продиктовало необходимость создания специальных железнодорожных жандармских отрядов. Изначально полицейский надзор осуществляли жандармские эскадроны и команды.

В 1844г. император повелел учредить особое полицейское управление на железнодорожной магистрали Санкт-Петербург– Москва. В обязанность этого управления вменялся контроль за размещением, питанием и выплатами рабочих, за оказанием им своевременной медицинской помощи. Чины управления должны были улаживать конфликты между рабочими и администрацией, а о результатах работы докладывать в Штаб Корпуса жандармов и в Главное управление путей сообщения.

С интенсификацией строительства железных дорог в 1860-х, все жандармские эскадроны и команды были преобразованы в управления. 27 июля 1861г. было введено «Положение о полицейских управлениях на Санкт-Петербургско – Варшавской и Московско-Нижегородской железных дорогах».⁹³ Всего в 1866г. было шесть полицейских управлений при железных дорогах: Николаевской, Санкт-Петербургско-Варшавской, Московско-Нижегородской, Московско-Рязанской, Московско-Ярославской, Рижско-Динабургской и Динабургско-Витебской. Первые управления через инспекторов соответствующих дорог находились в подчинении министра путей сообщения. Железнодорожная жандармерия, таким образом, оказывалась в служебной и финансовой зависимости от местного железнодорожного руководства и потому в условиях царящего

---

⁹³Путеводитель по ГАРФ. Том. 1. Фонды ГАРФ по истории России XIX – нач. XX вв. – М., 1994. С. 122.

«концессионного разврата» и «бесшабашного строительства» не могла ни в полной мере отстаивать государственные интересы, ни полноценно бороться с «эпидемией железнодорожных крушений»⁹⁴. В 1866 г. полицейские управления на железных дорогах стали называться жандармскими полицейскими управлениями железных дорог (ЖПУ жд). В декабре 1866 г. все полицейские управления перешли из ведения Министерства путей сообщения в подчинение Шефа жандармов. Впрочем, расходы, необходимые на их учреждение и ежегодное содержание, считалось уместным относить на счёт владельцев железных дорог, а именно: казны и частных обществ⁹⁵.

Период Великих реформ отметился значительным ростом числа местных подразделений корпуса жандармов, что было связано, в первую очередь, с интенсификацией железнодорожного строительства в России. Внешний вид политической полиции претерпел значительные изменения с принятием нового Положения о Корпусе жандармов, 16 сентября 1867 г., предполагавшего создание первых губернских жандармских управлений (ГЖУ). В марте 1868 г. жандармское управление учреждается в Варшаве⁹⁶, после чего рост числа ГЖУ принял лавинообразный характер. В течение следующего полугодия новая форма жандармского надзора распространилась почти повсеместно⁹⁷. ГЖУ были разделены на три разряда: столичные ГЖУ, управления в крупных городах (в Варшаве, Вильно, Риге, Одессе, Нижнем Новгороде, Киеве, Екатеринославе, Казани, Иркутске), а также в городах меньшего значения (в Архангельске, Владимире, Витебске, Гродно, и т.д.)

К концу 70-х гг. Россию захлестнул террор революционеров-народников, и III-е отделение в новых условиях проявило неспособность

---

⁹⁴ *Елютин О.Н.* Российское железнодорожное хозяйство под огнём критики (1870-80-е гг.) // Вестник Московского университета: История - №6. (2001) – с.28.

⁹⁵ *Гончарова Ю.В.* Жандармские полицейские управления железных дорог (1867 - 1917 гг.). Академия управления МВД России. Дисс. канд. юрид. наук. М., 2000. С. 80.

⁹⁶ *Переудова З.И.* Политический сыск России(1880-1917). М., 2013. С.125.

⁹⁷ «Охранка»: Воспоминания руководителей политического сыска/ Вступ. Статья ...З.И. Переудовой. Т.1, М., 2004, С. 6.

эффективно выполнять стоящие перед ним задачи. Об этом времени Лев Тихомиров писал: «Третье отделение находилось в слабом и дезорганизованном состоянии, и трудно себе представить более дрянную политическую полицию, чем тогда. Собственно для заговорщиков следовало бы беречь такую полицию; при ней можно было бы, имея серьезный план переворота, натворить чудес...»⁹⁸

Поэтому 6 августа 1880 г. во главу политической полиции был поставлен Департамент государственной полиции (ДП). Формируя новую структуру политического сыска, граф М.Т. Лорис-Меликов постарался скорректировать кадровый состав руководящего звена в пользу гражданских чиновников-юристов. Таким образом, жандармские чины, по сути, лишились непосредственного руководства мероприятиями собственно политической полиции. Если во главе III-го Отделения всегда стояли военные чины, то ДП руководили преимущественно «законники». Жандармам кресло директора ДП доставалось редко. Полгода (14 февраля 1916—15 сентября 1916) должность директора занимал генерал-майор Е.К. Климович, начавший свою карьеру в корпусе в чине поручика⁹⁹. Также этот пост в своё время занимал генерал-лейтенант Н.И. Петров (10 февраля 1893 – 22июля 1895), бывший до этого в течение почти десяти лет начальником Штаба корпуса¹⁰⁰.

Так же, как и предшественник, ДП реализовывал свои функции при помощи системы местных учреждений, комплектуемых чинами корпуса. В начале рассматриваемого периода таковыми были: губернские жандармские управления (ГЖУ), жандармско-полицейские управления железных дорог (ЖПУЖД), областные жандармские управления (ОЖУ), крепостные жандармские команды и розыскные отделения (пункты). До создания сети охранных отделений главными розыскными органами на местах являлись ГЖУ.

⁹⁸ Красный архив. М., Л., 1924.Т. 6. С. 155.

⁹⁹ ГАРФ. Ф. 110. Оп. 2. Д. 19496. Л.2-3.

¹⁰⁰ Однако он не являлся жандармом в прямом смысле слова, т.к. до своего назначения начальником Штаба корпуса, занимал различные должности в Главном штабе, недолго был Астраханским губернатором и т.д. //ГАРФ. Ф. 110. Оп. 2. Д. 7368. Л. 6-18.

Первое охранное отделение было создано в Санкт-Петербурге в 1866 г., однако официальное его название было иным «Отделение по охранению порядка и спокойствия в столице». Не менее тяжеловесное название носила Московская охранка, учрежденная в 1880 г. – «Секретно-розыскное отделение при канцелярии московского обер-полицмейстера». В 1900 г. охранным отделение обзавелась и третья столица, Варшава. Эти охранные отделения являлись наиболее эффективными органами политической полиции и играли роль своеобразных лабораторий, где отрабатывались новые приемы и методы политического розыска.

Вскоре по инициативе знаменитого С.В. Зубатова была создана сеть охранных отделений, получивших особые полномочия и сосредоточивших в своих руках непосредственно политический розыск.

1906 - 1907 гг. стали тем временем, когда под руководством директора Департамента полиции М.И. Трусевича и с ведома министра внутренних дел П.А. Столыпина работа по преобразованию системы политического сыска вышла на новый уровень. В данный период наблюдается значительное расширение сети розыскных учреждений: создаются новые охранные отделения, розыскные части, охранные пункты. «Положение об охранных отделениях» от 9 февраля 1907 г. регламентировало взаимоотношения охранных отделений и ГЖУ. Параллельно создаются районные охранные отделения, своеобразные «филиалы» Департамента полиции¹⁰¹. «Положение о районных охранных отделениях», утвержденное Столыпиным 14 декабря 1906 г., предполагало объединение всех наличных сил политического сыска в районе и, таким образом, делало РОО своеобразным филиалом ДП. Основной причиной создания районных охранных отделений (РОО) была необходимость сопоставления сведений центральной внутренней агентуры, близко стоявшей к руководству революционных организаций, с информацией от периферийных охранных подразделений, а также слаженность действий по ликвидации региональных революционных

---

¹⁰¹ *Перегудова З.И.* Политический сыск России (1880-1917), М., 2013 С. 135-140.

групп¹⁰². РОО координировали действия всех органов политического сыска, находящихся в одном районе (в пределах нескольких губерний). Как отмечает З.И. Перегудова, географические границы деятельности РОО определялись с учетом расположения окружных партийных комитетов РСДРП и прочих революционных организаций¹⁰³. Несмотря на то, что РОО начали создаваться в 1906 г., идея расположения местных органов политического сыска в соответствии с территориальной организацией противоправительственных сил высказывалась и задолго до того. Ещё в 1902 г. П.И. Рачковский подверг критике административно-территориальное распределение полицейских сил¹⁰⁴. Деятельность РОО была в целом успешна, однако формально данная структура в механизме политического сыска была лишней, что приводило к конфликтам с местными жандармскими руководителями.

Одновременно Трусевич взялся и за кадровый состав самого Департамента, пытаясь «во что бы то ни стало» удалить оттуда лиц, которым, по его мнению, «совершенно не место там». Он старался как можно больше привлекать чинов прокурорского надзора для того, чтобы внести известный порядок, как он выражался «закономерность действий»¹⁰⁵.

Коллективным трудом правительственных сил революционные организации были, наконец, разгромлены, а их предводители отправлены кто куда: кто на виселицу, кто в Сибирь, а кто за границу. В подобных условиях необходимость в существовании «охранки» перестала быть насущной, и при деятельном участии В.Ф. Джунковского, в 1913 г. начался процесс упразднения охранных отделений или слияния их с ГЖУ под главенством последних. Таким виделся и способ разрешения некоторых проблем, связанных с отношениями между охранкой и офицерами ГЖУ, о которых будет сказано ниже. В 1914 г. были упразднены и все, кроме двух, районные охранные отделения. Таким образом, политическая полиция

---

¹⁰²Чудакова М.С. Противостояние: Политический сыск дореволюционной России. Ярославль, 2003. С. 171.

¹⁰³Перегудова З.И. Указ. соч. С.137.

¹⁰⁴Политическая полиция Российской империи между реформами ... С. 38-39.

¹⁰⁵ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 248. Л. 7.

оказалась фактически обезглавлена. А.И. Спиридович писал, что офицеров, которые бы «заставляли дрожать революционное подполье», не осталось, а «несерьезный, но шустрый», министр внутренних дел Н.А. Маклаков передал дело борьбы с революцией в руки своего помощника В.Ф. Джунковского, который «в угоду общественности боролся больше с Корпусом жандармов, чем с надвигавшейся революцией»¹⁰⁶.

В дальнейшем в рамках давно планируемой полицейской реформы предполагалось объединение всех видов органов надзора в единую полицию и создание жандармской стражи. Последняя должна была заменить собой казачьи и армейские части, применяемые для подавления массовых выступлений, что в свете грядущих событий 1917 г. было бы весьма актуально. Однако время было упущено, и долгожданная полицейская реформа проведена так и не была.

Надо заметить, что и подобная идея высказывалась ранее. Так, начальник Московского ЖПУЖД генерал-лейтенант М.А. Красовский, выходя на пенсию, ещё в начале 1906 г. представил в Штаб корпуса краткий доклад «Как охранить безопасность в России, при современном движении общественной жизни, в связи с главнейшими государственными учреждениями». Красовский, считавший, что «никакие прогрессивные реформы среди надвигающегося хаоса немыслимы» и «никакие гуманные меры не могут привести к общественному порядку», видел сильную полицию единственным средством обеспечения государственной безопасности. В связи с чем он обосновывал необходимость создания Корпуса внутренней стражи, в состав которого вошли бы подвижные полицейские резервы, жандармские части и несколько казачьих полков. Однако эмоциональная, но, как показала практика, в целом, верная оценка общественных настроений в России не нашла сочувствия у жандармского начальства, и потому на доклад

---

¹⁰⁶Спиридович А.И. Великая война и Февральская революция: Воспоминания. – Минск: Харвест, 2004. С. 27.

была положена резолюция: «Г[енерал]-л[ейтенант] Красовский, по-видимому, нездоров»¹⁰⁷.

В любом случае, нововведения Джунковского не достигли ни одной из тех целей, которые преследовали. Таким образом, спад открытой революционной активности стал причиной отказа от поиска новых форм и методов деятельности политической полиции.

1.2. Характеристика кадрового состава.

Ответ на вопрос, что же в действительности представляли собой чины Корпуса жандармов, потребует от нас весьма пространных рассуждений. Пребывание в составе столь разветвленного и сложносочиненного полицейского аппарата, различные части которого были ориентированы на выполнение различных функций и находились в иерархически сложных отношениях между собой, не могло не оставить своего глубокого отпечатка на непосредственной службе жандармских чинов и на их восприятии окружающей действительности вообще. Поэтому невозможно анализировать взаимоотношения жандармов ни с обществом в целом, ни с отдельными его компонентами, до тех пор, пока не будет очерчена матрица их корпоративной самоидентификации. Она включает в себя не только вопросы мотивации, но и модели взаимодействия между собой и в сложившейся вокруг них профессиональной среде чиновников. Последнее в разрезе отношений с обществом, возможно, даже более значимо: поскольку именно от степени понимания общности совершаемого дела, способности к плодотворному сотрудничеству, четкости и слаженности действий, в конечном итоге, зависела эффективность работы и престиж ведомства. Коллективная заинтересованность и доверительность контактов в известной степени служили страховкой от ошибочных действий, которые нередко вызывали в обществе весьма болезненную реакцию. Кроме того, распри между высокопоставленными чинами корпуса и их коллегами подливали масла в огонь общественных дискуссий, или порой даже становились причинами

---

¹⁰⁷ ГАРФ. Ф. 110. Оп. 2. Д. 10686. Л. 67-68 об.

таковых. И, помимо всего прочего, изучение отношений внутри корпуса позволяет также говорить о степени «обратной связи» - влияния общественного дискурса на сознание самих жандармов.

В начале XX в. численность чинов ОКЖ колебалась в районе 12-14 тыс. человек. В это число входили не только офицеры корпуса, чины жандармских дивизионов и команд, но и нестроевые чины – врачи, ветеринары, переводчики. Наибольшую долю общего состава неизменно составляли чины ЖПУЖД. (См. Приложение I).

Для поступления на службу в корпус жандармов кандидат должен был окончить военное или юнкерское училище, пробыть на строевой службе не менее 5 лет. На службу не допускались лица «бывшие в штрафах», «под судом и следствием», имевшие долги, а также лица польского происхождения, католического исповедания или женатые на католичках и евреях, даже крещеные¹⁰⁸. Кроме того, с 1852 г. после инцидента с бывшим начальником Гельсингфорсской жандармской команды капитаном Эманом в корпус было запрещено принимать иностранцев.¹⁰⁹ В конце 1913 г. «Положение о приеме офицеров в Отдельный корпус жандармов» было дополнено возрастным цензом для кандидатов – от 24 до 33 лет.

На практике запреты и ограничения иногда игнорировались. Так, по свидетельству А.П. Мартынова, его начальник, генерал-майор П.В. Секеринский, которого подчиненные называли за глаза не иначе как «Пинхусом», принадлежал «к той ...небольшой группе старших жандармских офицеров, с которыми был связан рассказ о том, как когда-то Варшавский наместник, граф Берг, во время своего объезда по губерниям Варшавского края увидел группу барахтавшихся в грязи "жиденят" и, указывая на них, приказал: "Окрестить и сдать в школу!" - т.е. в школу кантонистов. Жиденята прошли ряд служебных порогов и как-то, в обход

---

¹⁰⁸Перегудова З. И. Указ.соч. С. 366.

¹⁰⁹Эман, участник русско-турецкой войны 1828-1829 гг., подавления польского мятежа 1831 г. и обладатель отличных аттестаций, был уволен в отставку майором, и, вернувшись на родину, в Швецию, издал сочинение в неприязненном духе к России. ГАРФ. Ф. 110. Оп. 2. Д. 1540.

общих правил, влились в Отдельный корпус жандармов»¹¹⁰. Выкрестом был и «железный Соколов», смотритель Шлиссельбургской политической тюрьмы¹¹¹.

В корпусе служило также немалое число лютеран. Так, например, лютеранами были командир корпуса В.В. Фон-Валь и один из офицеров, заведующих заграничной агентурой, В.Э. Люстих.

Образование кандидатов было преимущественно военное: гимназия и затем военное училище. Небольшая часть претендентов заканчивала высшие учебные заведения¹¹². В социальном отношении большинство жандармских офицеров относилось к безземельному православному дворянству, т.е. принадлежали к нижним слоям традиционной российской элиты. По подсчетам Дж. Дэйли, в 1890-1915 гг. в Московском ГЖУ служило 72 жандармских офицера, 78% из которых были дворянами (45% имели потомственное и 55% личное дворянство). Остальные были потомками мещан и разночинцев (по 3% тех и других), купцов и священнослужителей (по 4% тех и других) или младших офицеров (5%).¹¹³

Ходатайство о переводе в корпус офицеру следовало осуществлять через своего начальника, который, в свою очередь, должен был представить характеристику на данного кандидата. Также Штаб корпуса запрашивал мнение бывших начальников кандидата и, как правило, справку начальника соответствующего ГЖУ. Как и в случае с формальными требованиями, в вопросе перевода офицера в корпус, собранные справки не играли решающей роли. Так, например, аттестации, данные С.Н. Мясоедову его коллегами, были далеко не безупречны и сообщали подробности его интрижки с замужней дочерью его непосредственного начальника, командира 17-го армейского корпуса генерала Н.Г. Залесова, а также содержали указания на

¹¹⁰ *Мартынов А.П.* Моя служба в Отдельном корпусе жандармов.//«Охранка»: Воспоминания руководителей политического сыска. Т.1. М., 2004. С. 60-61.

¹¹¹ *Колосов Е.Е.* Государева тюрьма. М., 1930. С.65.

¹¹² *Перегудова З.И.* Политический сыск России (1880-1917). М., 2013. С. 366

¹¹³ *Jonathan W. Daly.* Autocracy under Siege: Security Police and Opposition in Russia, 1866-1905. P. 55.

многочисленные долги офицера «разным евреям портным и ростовщикам»¹¹⁴.

Кандидаты (кроме претендентов на должности в жандармских дивизионах) должны были окончить курсы при Штабе ОКЖ и сдать экзамен. Для поступления на курсы необходимо было также пройти предварительное испытание в особой комиссии под председательством начальника штаба. Строгость отбора варьировалась в зависимости от остроты общественно-политической ситуации в стране. Так, по воспоминаниям А. Полякова, в годы революции, когда желающих переводиться в корпус заметно поубавилось, «стали принимать кого попало, чуть ли не с улицы: безо всяких испытаний, без курсов, не собирая сведений о качестве офицеров, - лишь бы пополнить недостающий комплект»¹¹⁵. Однако подобный подход был всецело вынужденным, и в мирное время отбор осуществлялся довольно строго, и для многих офицеров перевод в корпус без протекции оказывался невозможен. Несмотря на то, что большинство мемуаристов склонно было критически оценивать качество образования на курсах¹¹⁶, руководство не оставляло попыток повысить уровень преподавания¹¹⁷. Основной препятствием для этого служила нехватка отведенного времени при большом количестве изучаемых дисциплин.

Исходя из этого, в октябре 1912 г. были учреждены повторные курсы при ДП по теории и практике политического розыска. Также были ужесточены правила приема в Корпус. Новая Программа предварительных испытаний, изданная в 1912 г., (См. Приложение II), требовала от кандидатов весьма серьезной гуманитарной подготовки.

---

¹¹⁴ГАРФ. Ф. 110. Оп. 2. Д. 6991. Л. 7-11.

¹¹⁵Поляков А. Записки жандармского офицера // Жандармы России. М., 2002. С.483.

¹¹⁶Спиридович А.И. Записки жандарма. Харьков, 1928.С. 37-38; Мартынов А.П. Моя служба в Отдельном корпусе жандармов// «Охранка». Воспоминания руководителей политического сыска: в 2 т. М., 2004. Т.1. С. 57; Поляков А. Записки жандармского офицера// Жандармы России. М., 2002. С. 483.

¹¹⁷Перегудова З.И. Политический сыск России (1880-1917 гг.). М., 2000. С.341.

Вместе с тем принимались меры по ознакомлению офицеров с историей общественного движения. ДП рассылал учебные пособия, нелегальную прессу и литературу. Ещё в 1908 г. последовало распоряжение ДП учредить во всех подведомственных учреждениях библиотеки нелегальных изданий, однако, оно, по-видимому, не выполнялось¹¹⁸. А.И. Спиридовичем и Ф.С.Рожановым были подготовлены обобщающие работы по истории революционного движения.

Однако несмотря на усилия руководства, по мнению П.И. Рачковского, офицеры не получали необходимой специальной подготовки по тем предметам, которые должны были оказаться в сфере их ведения, и «вся подготовка офицеров корпуса к практической работе... сводилась к усвоению формы дознаний по ст. 1035 Уст[ава] Угол[овного]. Судопр[оизводства].»¹¹⁹. С.Е. Виссарионов также указывал на «явную неспособность весьма многих чинов жандармского надзора к розыску»¹²⁰.

С началом войны корпус продолжал пополняться, так что в период Первой мировой динамика роста численности чинов корпуса опередила аналогичные показатели за все время с 1890 г. (См. приложение I). Однако многие чины ходатайствовали о переводе в действующую армию, что руководство не поощряло и рекомендовало начальникам жандармских подразделений подобные ходатайства отклонять¹²¹. «Временным положением об офицерских жандармских курсах» срок обучения и количество изучаемых предметов были сокращены¹²².

Вместе с тем, руководство принимало меры, направленные на воспитание личного состава и формирование корпоративного духа. В 1904 г. ОКЖ получил свой ежегодный праздник – 6 декабря, в день Св. Николая

¹¹⁸ *Перегудова З.И.* Указ.соч. С. 344.

¹¹⁹ Цит. по: *Краковский К.П.* Политическое дознание во второй половине XIX-начале XX века// Историко-правовые проблемы: новый ракурс: Сборник научных статей. - Курск: КГУ, 2012. Вып. 5. - С. 320.

¹²⁰ Цит. по: *Перегудова З.И.* Указ.соч. С.348.

¹²¹ Циркуляр Штаба Отдельного корпуса жандармов от 26 июля 1914 г. № 99// ГАРФ. Ф.127. Оп. 1. Д. 10. Л. 62, 62 об.

¹²² *Перегудова З.И.* Указ.соч. С.343.

Чудотворца, совпадавший с днем тезоименитства государя¹²³. К формам воспитательной работы А.О. Костылев относит также традицию чествования юбиляров, проводы на пенсию¹²⁴. Религиозное воспитание выражалось в посещении церковных служб и контроле такового в виде подачи исповедных списков¹²⁵.

Руководство ОКЖ проявляло заботу и о здоровье своих чинов. В 1911 г. на курорте Ессентуки был учрежден специальный санаторий для офицеров корпуса. Один из его постояльцев, начальник Воронежского ГЖУ полковник М.А. Конисский, писал: «Для Корпуса это учреждение является в высшей степени полезным. Там знакомятся и сближаются между собою чины Корпуса, не знавшие до этого друг друга, и в большинстве между ними возникают прочные, хорошие отношения, полезные впоследствии для служебных интересов. Офицерам и их семьям приятно жить вместе в тесном товарищеском кругу¹²⁶.

Примеры героического поведения описывались в Приказах по корпусу, но отдельные чины также предпринимали меры по упрочению боевого духа и чувства товарищества в рядах ОКЖ. В 1903 г. полковник М.А. Сосионков¹²⁷ издал книгу, состоящую из приказов по корпусу с описанием примеров доблести и человеколюбия, проявленных жандармскими чинами¹²⁸. Следует заметить, воспитательные усилия полковника не прошли даром¹²⁹.

¹²³ Костылев А.О. Организационно-правовые аспекты работы с кадрами полиции и жандармерии Российской империи, 1880- 1917 гг.: Дис. . канд. юрид. наук. - М., 2003. С. 113.

¹²⁴ Там же. С. 114-115.

¹²⁵ ГАРФ. Ф. 110. Оп. 2. Д. 6601, 8177, 8950, 10878, 12053.

¹²⁶ Цит. по: *Перегудов А.В.* Санаторий Отдельного корпуса жандармов: необходимость учреждения и опыт функционирования// История: факты и символы. 2016. № 3 (8). С. 17-28.

¹²⁷ Сосионков Михаил Александрович (ок. 1860 — 22 нояб./5 дек, 1948 г.

Белград). Полковник. Похоронен в Белграде на Новом кладбище (уч. 82, м. 70).

¹²⁸ *Сосионков. [М.А.]* Сборник примеров из службы жандарма. Вып. 1. – Замостье : Тип. М. Гернгута, 1903. – 56 с.

¹²⁹ В начале Первой мировой сын полковника, гимназист Борис, собрал группу из восьми учащихся разных классов и отправился с ними на войну// Дети-герои на войне. 1915. № 22. С. 11.

Принимая во внимание критические оценки способностей и профессиональной подготовки, исходившие из-под пера департаментских начальников, трудно определить, насколько причиной тому послужило несовершенство организации курсов при Штабе ОКЖ, а насколько подобное положение вещей являлось следствием врожденного сибаритства русского дворянина, неспособного к систематическому труду¹³⁰.

1.3. Взаимодействие жандармских органов в рамках системы политической полиции.

На протяжении всего XIX в. полиция Российской империи приобретала все более и более аморфную структуру, так что в первую русскую революцию она вступила структурой ослабленной и несбалансированной. Реформа полиции была насущной и остро осознаваемой необходимостью, однако все попытки комплексного реформирования, по сути, потерпели фиаско.

Одним из фундаментальных недостатков, вытекающих из несбалансированной организации системы карательных органов в России, стала проблема нарушения взаимодействия полицейских чинов между собой, причем как чисто служебного, так и личного. Противоречия среди органов политического сыска и внутрикорпоративное соперничество не только подрывало боевой дух личного состава, но и, в значительной степени, перечеркивало попытки конструирования специфической жандармской идентичности. И хотя конфликты происходили и ранее, между железнодорожными жандармами и офицерами ГЖУ, главным яблоком раздора в жандармской среде стало отношение к «охранке» и к её руководителям

1.3.1. Жандармские управления и охранные отделения

Легендарный начальник Московского охранного отделения, а затем заведующий Особым отделом ДП (ОО ДП) и создатель сети охранных

Сосионков Борис Михайлович (ок. 1899 — 18 янв./10 февр. 1937, Белград) Поручик. Похоронен в Белграде на Новом кладбище (уч. 112, м. 302).

¹³⁰Мартынов А.П. Указ. соч. С. 35.

отделений, С.В. Зубатов, не был ни жандармом, ни даже просто военным. Прежде чем сделаться секретным сотрудником и начать свое восхождение к вершинам полицейского аппарата империи, он подвизался в библиотеке своей супруги. Столь блестящая карьера гражданского лица в области, некогда всецело принадлежавшей жандармским чинам, вовсе не была редкостью. Так, завидной полицейской карьерой мог похвастать и М.И. Гурович, купеческий сын, выпускник ветеринарного института, революционер, сделавшийся секретным сотрудником¹³¹. П.И. Рачковский, много лет заведовавший заграничной агентурой, и бывший некоторое время даже вице-директором ДП, представляет собой ещё более колоритный персонаж. Служивший в юности на почте, работал некоторое время воспитателем генеральских детей, затем издавал газету «Русский еврей».¹³² В 1879 г. Рачковский оказался под следствием в связи с расследованием покушения на А.Р. Дрентельна, где выразил согласие сотрудничать с полицией. Сотрудничество оказалось весьма плодотворным, и в 1885 г. Рачковский возглавил Заграничную охранку в Париже. В довершение всего, надо сказать, Рачковский подозревался современниками в фабрикации «Протоколов сионских мудрецов»¹³³.

Справедливости ради стоит сказать, что галерею руководителей подобного рода открывает портрет учителя Рачковского, легендарного жандармского подполковника Георгия Порфирьевича Судейкина. Судейкин начал службу в корпусе в 1874 г. адъютантом Воронежского ЖПУЖд, впоследствии работал в Киевском ГЖУ под руководством В.Д. Новицкого. Крупные успехи на служебном поприще¹³⁴, а также протекция прокурора

---

¹³¹ Его сотрудничеству полиция была обязана знаменитым делом «Лахтинской типографии» и серией других разоблачений. После провала Гурович открыто перешел на службу в Департамент полиции, получив сначала должность заведующего румынской и галицийской агентурой, а годом позже, в 1904 г., столичную должность инспектора охранных отделений.

¹³² *Брачев В.С.* Богатыри русского политического сыска. СПб., 2002.

¹³³ *Кон Н.* Благословение на геноцид. М., 1990. Глава 2. Охранка и оккультисты.

¹³⁴ Арест И.К. Дебагория-Мокриевича, Д. Т. Башуцкого, М.Р. Попова, В.А. Осинского и др.

генерал-майора В.С. Стрельникова обеспечили ему небывалый карьерный взлет. Специально для Судейкина была учреждена должность инспектора Санкт-Петербургского охранного отделения. Таким образом, Судейкин в свои тридцать с небольшим лет встал во главе всей агентурной работы в империи. Явно не симпатизирующий Судейкину историк Ф. Лурье, тем не менее, утверждает, что «такого образованного сыщика российская тайная полиция ещё не видывала»¹³⁵.

Именно он начал массово вербовать секретных сотрудников, с его подачи арест стали откладывать до установления контактов подозреваемого. Такие, казалось бы, очевидные и классические методы работы полиции, однако, в то время были не в чести. Тем не менее, методами не исчерпывалось новаторство Судейкина. Сосредоточив в своих руках значительную власть, он сформулировал особое представление о смысле и назначении жандармского ведомства, разительно отличавшееся от легенды «о платке». В беседе с народоволкой П.С. Ивановской Судейкин так изобразил общественную роль жандармов: «Во главе русского прогресса теперь революционеры и жандармы! Они скачут верхами рысью, за ними на почтовых едут либералы, тянутся на долгих простые обыватели, а сзади пешком идут мужики...»¹³⁶. Духом этой идеи были впоследствии пронизаны и известные начинания Зубатова, и интриги Рачковского. Так, в 1892 г. П.И. Рачковский в докладной записке на имя директора ДП П.Н. Дурново предостерегал: «Грозящие события... требуют, чтобы фактически существующая политическая полиция вполне отвечала своему назначению и находилась не позади возникающих революционных предприятий, а шла им навстречу»¹³⁷. Та же идеологическая преемственность прослеживается, в той или иной степени, и у всякого успешного жандармского чина, причастного к организации политического сыска.

---

¹³⁵ Лурье Ф.М. Политический сыск в России. 1649-1917. М., 2006. С.160.

¹³⁶ Ивановская П.С. В боевой организации: Воспоминания. М., 1928, С. 142.

¹³⁷ Политическая полиция Российской империи между реформами... С. 29.

Имена этих руководителей политического сыска не сходили со страниц газет; они были известны как люди гибкого и практического ума, вступившие в опасную игру с властью и обществом, использующие методы, на которые не решались или не были способны их коллеги, и могли ли они не вызвать неудовольствие простых жандармских офицеров?

П.П. Заварзин писал: «Познакомившись с Зубатовым, Медниковым, Гуровичем и некоторыми другими лицами из их круга, я с горечью переживал сознание, что эти лица, так далеко стоящие от офицерского и бюрократического мира, призваны организовать и направлять дело государственной безопасности. ...Жандармы...уподоблялись слепым, с глаз которых деятели новой формации как бы снимали катаракты»¹³⁸. Вместе с тем, Зубатов, внешне напомилавший русского интеллигента, внутренне как никто сроднившийся с жандармской деятельностью и наложивший на неё глубочайший отпечаток, навсегда остался в жандармской среде «белой вороной»¹³⁹.

Тем не менее, было бы ошибкой полагать, будто обладатели жандармского мундира были совершенно обделены талантом и влиянием. Зачастую групповой портрет служащих политической полиции выглядит для жандармских офицеров, мягко говоря, неутешительно. Исследователи, изучая взаимоотношения «гражданских» руководителей сыска из бывших секретных сотрудников, их коллег из прокурорского ведомства и жандармских чинов, предпочтение, как правило, отдают первым двум, роль же последних трактуется скорее, как вспомогательная¹⁴⁰. Однако здесь нужно учитывать, что основными героями большинства исследований являются преимущественно одиозные самородки, а в их тени находилось ещё почти 15 тысяч человек, чья повседневная практика и служебные качества были весьма неоднородны и разнообразны и отнюдь не до конца определялись их

¹³⁸Заварзин П.П. Жандармы и революционеры//«Охранка». Воспоминания руководителей политического сыска: в 2 т. М., 2004. Т.2., С. 37.

¹³⁹Герасимов А.В. Указ. Соч. С. 155.

¹⁴⁰Ульянова Л. В. Политическая полиция и либеральное движение, 1880-октябрь 1905 гг. Дисс. канд. ист. наук. М., 2009. Гл. I. §3,4.

военным образованием и социальным происхождением. Разделение на инициативных и компетентных руководителей из бывших секретных сотрудников и чинов прокуратуры, с одной стороны, и инертных, неразвитых и зашоренных жандармских офицеров, с другой, – по большей части, искусственно. Именно наличие значительного расслоения в рядах самих жандармских офицеров и сделало возможным проведение реорганизации системы политического сыска, с одной стороны, и позволило системе функционировать и после упразднения большинства охранных отделений, с другой.

Многие выдающиеся жандармские руководители (А.П. Мартынов, Е. К. Климович, П.П. Заварзин, А. В. Герасимов, А. И. Спиридович, известные своими высокими должностями и мемуарами) принадлежали к той же социальной среде и были воспитаны той же классической военной образовательной системой, что и их менее известные коллеги.

ОКЖ породил целую плеяду розыскных талантов. Одним из таких был В.Э. Люстих.¹⁴¹ В службу вступил в 48 драгунский Украинский полк вольноопределяющимся в 1892 г., однако уже через четыре года исполнял должность полкового адъютанта, а ещё через год адъютанта Штаба Варшавского военного округа. В 1902 г. находился в секретной заграничной командировке в Германии¹⁴². При поступлении в ОКЖ Люстих получил блестящую аттестацию, как от военного начальства, так и от начальника Плоцкого ГЖУ, как способный и усердный офицер, пользующийся симпатией и уважением в среде товарищей¹⁴³. Поступление в корпус состоялось 26 мая 1906 г. Вскоре выяснилось, что кроме связей¹⁴⁴ он имеет явный талант к агентурной работе. Прекрасно знающий польский и немецкий

---

¹⁴¹ Потомственный дворянин, третий сын начальника Плоцкого уезда статского советника Э.Э. Люстих родился 2 июля 1874 г. Вероисповедания лютеранского. Окончил 6 классов Плоцкой мужской гимназии, а затем Тверское кавалерийское юнкерское училище по 2-му разряду. ГАРФ. Ф. 102. 1-ое Делопроизводство. 1892 г. Оп. 12. Д. 271.

¹⁴² ГАРФ. Ф. 110. Оп. 2. Д. 10940. Л. 2-4, 11-16.

¹⁴³ Там же. Л. 8, 10.

¹⁴⁴ Люстих был женат на О.Г. Ачкасовой, дочери начальника Радомского ГЖУ, куда и получил свое первое назначение. ГАРФ. Ф. 110. Оп. 2. Д. 10940. Л. 2, 20, 21.

языки, благодаря своей интеллигентности и представительной наружности, он умел склонить к откровенному показанию и дальнейшему сотрудничеству даже интеллигентных лиц¹⁴⁵. Эта его полезная особенность не осталась без внимания руководства, и он продолжил работу при Варшавским охранном отделении. Спустя шесть лет после начала жандармской службы он был направлен в Париж в распоряжение Заведывающего Заграничной Агентурой А.А. Красильникова. Последний являлся скорее формальным главой, и основная сыскная работа велась подполковником А.В. Эргардтом, которому из-за огромного объема работы требовался помощник. Предшественник Люстиха в этом качестве ротмистр С.Г. Рек¹⁴⁶, прослужив в Париже менее двух лет, был разоблачен революционными организациями и был спешно отозван¹⁴⁷. Так в августе 1912 В.Э. Люстих под именем В. Лилье поселился в Париже в доме 33 на rue de Lubeck¹⁴⁸. После смерти А.В. Эргардта в 1915 г. Люстих стал фактическим заведующим всей заграничной агентурой за исключением швейцарской, которая перешла только что прибывшему ротмистру Б. В. Лиховскому¹⁴⁹.

Не обделен талантом был и младший брат А.П. Мартынова, Петр Мартынов¹⁵⁰. Отец братьев, человек «американской складки», был заведующим городской типографией. Завсегдатаями в доме Мартыновых были издатели, журналисты, театральные постановщики и прочая интеллигентная публика¹⁵¹. 18 августа 1902 г. Петр Мартынов в звании корнета поступил в Санкт-Петербургский жандармский дивизион¹⁵². Карьера его развивалась стремительно, и уже через 10 лет, 15 декабря 1912 Петр

¹⁴⁵ ГАРФ. Ф. 102. О.О. 1910 г. Оп. 316. Д. 315. Л. 86.

¹⁴⁶ Рек Сергей Геннадьевич, 1880 г.р. Начальник Ковенской крепостной жандармской команды, адъютант Ковенского ГЖУ, помощник начальника Вержболовского отделения ЖПУ Северо-Западных железных дорог, прикомандирован к Петербургскому ГЖУ.

¹⁴⁷ ГАРФ. Ф. 102. О.О. 1912 г. Оп. 316, Д. 321. Л. 4, 15.

¹⁴⁸ Там же.. Л. 29.

¹⁴⁹ Брачев В.С. Указ. соч.

¹⁵⁰ Мартынов-младший родился 14 сентября 1878. Окончил Смоленское реальное училище и Московское военное училище по 1 разряду. Затем поступил на службу в 221 –й Троицко-Сергиевский резервный батальон. ГАРФ. Ф. 110. Оп. 2. Д. 9454. Л. 3.

¹⁵¹ Мартынов А.П. Указ. соч. С. 298-299.

¹⁵² ГАРФ. Ф. 110. Оп. 2. Д. 9454. Л. 3.

Мартынов был назначен в распоряжение Варшавского обер-полицмейстера на должность начальника отделения по охранению порядка и общественной безопасности в г. Варшаве¹⁵³. Предшественником его на этом посту был знаменитый К.И. Глобачев, переведенный на должность начальника Нижегородского ГЖУ. Впоследствии, в 1916 г. ввиду значительного расширения политического розыска за границей, Красильников возбудил ходатайство об усилении состава Бюро Агентуры одним розыскным офицером ОКЖ. Выбор пал на подполковника Петра Мартынова, состоящего на тот момент в должности помощника начальника Киевского ГЖУ. Однако Мартынов так и не смог составить компанию вышеупомянутым Люстиху и Лиховскому. Он должен был под именем Петра Павловича Мерлина выехать в Париж через Христианию (Осло) в начале февраля 1917 г., однако из-за сложностей с оформлением документов, отъезд пришлось отложить «до более благоприятного времени»¹⁵⁴. Он был оставлен в Петрограде для занятий при ДП. Одним из последних предпринятых Департаментом действий стала выдача Мартынову 1195 руб. 24 февраля, о чем имеется карандашная запись¹⁵⁵.

Документы частного характера, принадлежащие перу одного из братьев Мартыновых¹⁵⁶ свидетельствуют о широте интересов своего хозяина. В записных книжках наброски рассказов соседствуют с выписками из Н.В. Гоголя, Ч. Дарвина, Э. Канта, Б. Паскаля, Ж-Ж. Руссо, Дж. Локка, Перикла и Г. Спенсера. Химические формулы, перевод К.Д. Бальмонта стихотворения Эдгара По «The Raven», рассуждения об этике Спинозы, основные принципы философии Г.В. Лейбница и Р. Декарта, разбор шахматных партий и довольно удачные пейзажные наброски карандашом, - очевидно, все это

---

¹⁵³ ГАРФ. Ф. 220. Оп. 1 Д. 324. Л. 2.

¹⁵⁴ ГАРФ. Ф. 102.00. 1916 г., Оп. 316. Д. 359. Л. 8, 20-22.

¹⁵⁵ Там же. Л. 23 об.

¹⁵⁶Скорее всего, Петра, которому на тот момент было 17 лет.

давало ему весомое интеллектуальное преимущество перед многими своими будущими коллегами¹⁵⁷.

По словам самого известного из братьев, Александра Мартынова, с детства главными его увлечениями были чтение и рисование, и он даже думал о поступлении в Академию художеств. В 1917 г. небезызвестный М.А. Осоргин, входивший в состав комиссии, осматривавшей квартиру бывшего начальника Московской охранки, был настолько удивлен обнаруженным, что опубликовал в одной из московских газет фельетон под заглавием «Эстет»¹⁵⁸.

Такие офицеры, очевидно, и должны были, по мысли Зубатова, составить розыскную элиту ОКЖ. В свою очередь, при создании РОО Трусевич напрямую заявлял, что «события выдвинули ... целый ряд лиц, которые, специализировавшись в своих обязанностях, сделались ныне в силу обстоятельств, а отчасти и личных своих качеств, несомненно, наиболее сведущими и опытными в сфере розыска, и потому призваны теперь к занятию должностей начальников Районных охранных отделений, невзирая на некоторое... несоответствие их чинов этому служебному положению»¹⁵⁹.

Создание сети охранных отделений спровоцировало взрыв недовольства среди старых жандармских кадров. Новые полицейские органы, сосредоточившие в своих руках политический розыск, заняли особое положение: с одной стороны, их начальники были формально, в строевом отношении, подчинены начальникам местных ГЖУ, с другой стороны, ближе всего стояли к губернатору. Нововведения были поддержаны молодежью, которой были открыты перспективы интересной работы и карьерного роста, однако «старые начальники управлений, считавшие себя богами, были обижены»¹⁶⁰.

Штаб корпуса, воспринявший действия гражданских чиновников Департамента как прямое вмешательство в свои дела, только подогревал

---

¹⁵⁷ ГАРФ. Ф. 504. Оп. 1 Д. 488 а. Л. 21-73.

¹⁵⁸ Мартынов А.П. Указ. соч. С. 302.

¹⁵⁹ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 261. Д. 223. Л. 1 об.

¹⁶⁰ Спиридович А.И. Указ. соч. С. 111.

подобные настроения. Часть офицеров уходила из-под власти Штаба, и «в корпус вливалось штатское начало, так как весь уклад службы и обихода охранных отделений резко отличался от жандармских управлений»¹⁶¹. Офицеров, чьим продвижением занялся ДП стали презрительно называть «департаментские» или «охранники».

Два этих учреждения, играющие руководящую роль в жизни всех без исключения жандармских офицеров, обладали различными стилями управления, сложившимися служебными ритуалами. Штаб ОКЖ отличало подчеркнуто внимательное отношение к соблюдению всех формальных аспектов военной дисциплины. Штабные чины, так называемые, «старшие адъютанты»¹⁶² были мрачны, погружены в свои мысли, одним словом, «особой приветливостью не отличались»¹⁶³. Наиболее отталкивающим и нелюбезным видом выделялся адъютант по строевой части полковник В.Д. Чернявский¹⁶⁴. Несмотря на свою непопулярность среди офицеров, полковник Чернявский, в силу специфики своей должности, встречал исключительно почтительное и даже заискивающее обращение. С ним вынуждены были считаться даже старшие чины в корпусе. Противоположность Чернявскому составлял старший адъютант штаба подполковник А.И. Маас – «главным образом потому, что он, в отличие от других старших адъютантов ...был отменно вежлив в обращении»¹⁶⁵.

Методы кадровой политики руководства корпуса страдали формализмом. Так, например, С.С. Саввич при производстве стремился следовать традиционного принципа старшинства¹⁶⁶, оспаривая намерение

---

¹⁶¹ Там же. С. 112.

¹⁶² Младших адъютантов в Штабе не было вовсе.

¹⁶³ Мартынов А.П. Указ. соч., С. 46.

¹⁶⁴ По свидетельству А.П. Мартынова, полковник, будучи завзятым картежником, регулярно проигрывался, и, впоследствии, будучи уже в должности начальника Московского ЖПУжд, вынужден был оставить свой пост и жандармскую службу из-за растраты казенных сумм. Мартынов А.П. Указ. соч., С. 47.

¹⁶⁵ Мартынов А.П., Указ. соч. С. 57-58.

¹⁶⁶ В чинах и в должности.

самого П.А. Столыпина назначить на должность начальника Самарского ГЖУ своего протеже М. П. Боброва.

Атмосфера в приемной Штаба была нарочито официальна, «краткие вопросы и такие же ответы, пожатие руки, и аудиенция окончена»¹⁶⁷. И, хотя в Штабе вопросов службы, состоявших в компетенции Департамента полиции, открыто не обсуждали, нельзя сказать, что им не придавали значения. Это особенно проявлялось в холодном и отчужденном отношении руководства Штаба корпуса к розыскным офицерам.

Что же касается ДП, то здесь обстановка была всецело бюрократическая. Чинопочитание выражалось в поклонах, «у некоторых даже с каким-то особым изгибом спины, выразительности для профанов не достигаемой; улыбка – столь же тонкой градации – к старшим, сухое и как-то подчеркнутое надменное и снисходительное отношение – к младшим, особенно к провинциалам»¹⁶⁸. Однако к офицерам охранных отделений в Департаменте относились со всей любезностью, как к сослуживцам, поскольку «охранники» были «департаментскими». Особенно лестных отзывов исследователей и современников удостоились работники ОО ДП, «интеллигентные люди, все ... с университетским и юридическим образованием»¹⁶⁹.

Всё время совместного существования этих двух органов между ними шла упорная борьба за обладание решающим словом в кадровой политике. Традиционным камнем преткновения являлся вопрос об учёте способностей офицеров к политическому розыску при назначении на должности начальников управлений, который Штаб корпуса, надо сказать, зачастую старательно игнорировал, предпочитая руководствоваться традиционным для воинской службы принципом старшинства. В 1911 г. вице-директор Департамента полиции С.Е. Виссарионов с горечью писал, что «розыскные

---

¹⁶⁷Заварзин П.П. Указ. соч. С. 31.

¹⁶⁸Там же.

¹⁶⁹ Цит. По: Реент Ю.А. Полицейская система Российской империи начала XXв. (1900-1917 гг.) Дисс. док. ист. наук. М, 2002. С.301.

офицеры были пасынками Штаба, тогда как по существу работы, опасности для жизни, они должны быть родными и любимыми детьми»¹⁷⁰.

ДП, в свою очередь, сражался за необходимые назначения, не жалея сил и ресурсов, однако несмотря на логичность своих притязаний, ему так никогда и не довелось одержать победу.

Одним из тех, кто наиболее болезненно воспринял «новые порядки», был генерал В.Д.Новицкий, долгие годы возглавлявший Киевское ГЖУ и считавшийся в своё время мастером политического сыска, но под конец службы «толстый, громоздкий и старый, говоривший лишь о прошлом и со злобою о настоящем»¹⁷¹. Заметим, впрочем, что именно под его началом служил в свое время Г.П. Судейкин, а также небезызвестный барон Г.Э. фон Гейкинг, талантливый сыщик, также ставший жертвой террористов.

Новицкий, выступавший последовательным противником централизации политического сыска в Петербурге, свято верил, что Зубатов «был злейший противоправительственный деятель социал-революционер и безусловный террорист, организовывавший политические убийства через своих агентов». Вызывала острую критику и кадровая политика ДП, проводимая под руководством Зубатова, который, якобы, «не переносил жандармских офицеров, ознакомленных с революционным движением, шедших честным путем на пресечение сего движения..., и выставял за лучших офицеров мало развитых, не знавших и не подозревавших всех махинаций его преступной деятельности,... вооружался жестокими приемами мести против всех офицеров корпуса, непоколебимых ничем в идеях преданности»¹⁷².

По свидетельству А.И. Спиридовича, открытие охранного отделения в городе Новицкий счел «личным оскорблением», а его самого, нового начальника охранного отделения, сменившего на этом посту протеже старого

---

¹⁷⁰ Политическая полиция Российской империи между реформами... С. 226-227.

¹⁷¹ Заварзин П.П. Указ. соч. С. 26.

¹⁷² Новицкий В.Д. Указ. соч. С. 172-174.

генерала, «своим личным врагом». Такое отношение влияло и на офицеров¹⁷³. Спиридович, которому надоедали эти «постоянные уколы, интриги», заключил: «Очевидно, вместе мы служить не можем»¹⁷⁴.

Если гневные филиппики можно всецело отнести на счет раздражения стареющего генерала, то следующее обвинение едва ли можно назвать безосновательным. Некто писал Новицкому: «От души радуюсь, что Вы назначены в комиссию, где будут разрабатываться вопросы столь важные для нас – чинов ГЖУ – и что вы не дадите нас в руки чиновников охранных отделений, которым хочется все и всех взять в свои руки и свести положительно на нет самостоятельность и деятельность жандармских управлений»¹⁷⁵.

Претензия, заключающаяся в обезличивании и отстранении начальников жандармских управлений от деятельного участия в политических делах и пренебрежительном отношении, была справедлива, хотя и отчасти. Дело в том, что многие офицеры регулярных жандармских управлений (губернских и, тем более, железнодорожных) в силу собственных принципов отстраняли себя от политических дел самолично: «прекратили фактическое исполнение службы и все бросили»¹⁷⁶. И хотя Новицкий склонен был объяснять их поведение нежеланием получить неприятности от ДП, логичнее все же предположить, что многие начальники ГЖУ и не были способны на сколько-нибудь активные действия в области политического розыска. Начальники ГЖУ - «любители "повинтить" с представителями местного общества в клубе или по квартирам мирных обывателей»¹⁷⁷, политическим розыском «фактически...серьезно и не занимались»¹⁷⁸. По оценке С.Е. Виссарионова, половина жандармских чинов была непригодна для политического розыска, причем большую часть этого контингента

¹⁷³ Спиридович А.И. Указ. соч. С. 118.

¹⁷⁴ Там же. С. 132.

¹⁷⁵ Новицкий В.Д. Указ. соч. С. 178.

¹⁷⁶ Там же. С. 174.

¹⁷⁷ Мартынов А.П. Указ. соч. С. 136.

¹⁷⁸ Спиридович, Указ. Соч. С. 111.

составляли как раз таки начальники ГЖУ. «Они не только не могут никем и ничем руководить, но сами нуждаются в руководстве и помощи», - писал он¹⁷⁹.

Труды исследователей региональных органов сыска изобилуют схожими и отнюдь не лестными служебными характеристиками местных жандармских начальников. Например, генерал-майор М. И. Каратеев, глава Самарского ГЖУ, имел семерых детей и весьма заботился об их благополучии, а потому служба для него являлась средством содержать семью и не более того. Рвения он особого не проявлял, должного агентурного наблюдения за революционерами установить не мог. По словам Самарского губернатора, вскоре затем убитого эсерами, М.И. Каратеев не удовлетворял «даже и заурядным требованиям спокойного времени». А генерал-майор С.С. Саввич, начальник Штаба корпуса, писал: «ввиду проявленной им слабости в служебной работе, мною сделано распоряжение об отчислении его от занимаемой должности, т.к. теперь нет такого губернского жандармского управления, начальником которого я мог бы его назначить»¹⁸⁰. Ввиду переезда, генерал- майор начал распродавать свое имущество. В этот же день в газете «Самарский курьер» появилось его объявление о продаже коровы, что вызвало в городе настоящий скандал¹⁸¹.

Аналогичный случай – начальник Симбирского ГЖУ полковник Н.Н. Ловягин «вообще отказался заниматься секретной агентурой, перепоручив это дело полицмейстеру». Новый начальник Симбирского ГЖУ полковник М. И. Дубельт также имел серьезные проблемы с организацией агентуры и в работе излишне полагался на помощь со стороны полицмейстера. Начальник Саратовского ГЖУ полковник Д. С. Померанцев не устраивал Столыпина ещё в бытность последнего Саратовским губернатором.¹⁸² Сам Померанцев также жаловался на своего подчиненного, ротмистра А.И. Куприянова. Так,

---

¹⁷⁹ Политическая полиция Российской империи между реформами... С 225.

¹⁸⁰ ГАРФ. Ф.110. Оп. 2. Д.11296. Л.3.

¹⁸¹ В.Н. Кузнецов. Pro et contra: жандармы и революционеры в Поволжье в 1906-1917 г. Ульяновск, 2007. С. 7- 9.

¹⁸² Там же. С. 10- 13.

по словам Померанцева, его подчиненный «относясь далеко не с достаточным вниманием к своим обязанностям, в последнее время, ...проявил полную небрежность и невнимание»¹⁸³. А между тем, речь шла о еврейском вооруженном выступлении в подведомственном районе. История попала на страницы газеты «Киевлянин»¹⁸⁴, выставив полицию и власти в ореоле совершенного бессилия.

Тем не менее, несмотря на очевидное нежелание или же неспособность значительной части офицеров ГЖУ активно заниматься политическим розыском, они совершенно не были рады возможности частично избавиться от этой необходимости. И на то были свои веские причины. Во-первых, офицеры охраны, получившие право доклада губернатору наравне с начальниками ГЖУ, отрицательно влияли на оценку деятельности последних. Бывшие прежде правой рукой губернатора по политической информации в губернии, с новым порядком вещей начальники ГЖУ теряли часть своего престижа. Немногие были способны перенести это без сопротивления¹⁸⁵. Понижение авторитета в глазах публики и администрации вкупе с нежеланием предстать в невыгодном свете порой толкало руководителей ГЖУ на поступки, сомнительные с этической точки зрения. Во-вторых, перераспределение функций обусловило и пересмотр финансирования, поскольку касса, предназначенная для оплаты услуг агентуры, перешла теперь в ведение охранного отделения. Следующим фактором, усугублявшим непростые отношения чинов охраны и ГЖУ, было нежелание нести коллективную моральную ответственность. Хотя инициатива в деле политического сыска находилась практически полностью в руках начальников охраны, формальным главой жандармского надзора в губернии всё же считался начальник ГЖУ, принужденный санкционировать аресты и обыски. А местное общество, «зная лишь действующий закон, а не секретные распоряжения Департамента полиции», все приписывало

---

¹⁸³ГАРФ. Ф. 110. Оп. 6. Д. 1478. Л. 1.

¹⁸⁴Киевлянин. 1906 г. № 218.

¹⁸⁵Мартынов А.П. Указ. соч. С. 126.

местному начальнику жандармского управления, против которых и шло «недовольство, совершенно ими незаслуженное»¹⁸⁶. Негативная реакция общества, таким образом, косвенно являлась ещё одной причиной раздоров между чинами корпуса жандармов.

Функции охранных отделений тесно переплетались с областью ответственности ГЖУ, порождая нездоровое соперничество. Последнее, в свою очередь, вполне соответствовало духу, царящему в МВД вообще, где шла «непрекращающаяся борьба группировок чиновников между собой». Наглядным примером служит вражда П.И. Рачковского и А.М. Гартинга против В.К. Плеве и Л.А. Ратаева, практически развалившая Берлинскую и Балканскую агентуры ДП¹⁸⁷. Но и помимо прямого соперничества успеху розыска угрожало просто-напросто формальное отношение к делу, против которого не уставал бороться М.И. Трусевич. Ратуя за соблюдение конспирации, он предостерегал начальников ГЖУ, что попытки к разоблачению хода и приемов розыска формальными дознаниями будут рассматриваться им как сознательное выступление против обязанностей службы¹⁸⁸.

Начальниками новых органов становились молодые инициативные жандармские офицеры, чье служебное положение и материальное состояние порой совершенно не соответствовали роли, предписанной им Табелью о рангах. По свидетельству П.Г. Курлова, жандармские офицеры, обращавшие на себя внимание директора ДП, «получали награды и повышались в чинах, обходя своих наиболее скромных товарищей, вне всяких установленных военными законами норм»¹⁸⁹.

Так, например, за отличие по службе А. В. Герасимов был награжден производством в чины: подполковника (1903), полковника (1905) и генерал-майора (1907); пожалован Высочайшим подарком по чину (1905) и ему была

¹⁸⁶Новицкий В.Д. Указ. соч. С.190.

¹⁸⁷Реент Ю.А. Полицейская система Российской империи начала XXв. (1900-1917 гг.) Дисс. док. ист. наук. М, 2002. С. 300.

¹⁸⁸ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 261. Д. 223. Л. 2.

¹⁸⁹Курлов П.Г. Гибель императорской России, М., 1991, С. 86.

объявлена Высочайшая благодарность (1908). Он состоял на службе 30 лет, из которых 23 года в Корпусе жандармов. К 51 году имел награды: ордена Св. Станислава всех степеней, Св. Владимира 3 ст. и Св. Анны 3 ст. В 1908 г. Санкт-Петербургский градоначальник генерал-майор Д.В. Драчевский возбудил ходатайство об испрошении начальнику Санкт-Петербургского охранного отделения генерал-майору Герасимову, на случай выхода его в отставку усиленной пенсии в 3 600 рублей в год. Бывший тогда товарищем Министра внутренних дел сенатор А.А. Макаров, поддержал данное ходатайство в письме к Министру финансов. При этом Драчевский объяснил, что «тяжелые и весьма ответственные служебные обязанности... и постоянное пребывание в нервном напряжении, вследствие готовящихся покушений на убийство его со стороны революционных организаций, настолько расстроили здоровье генерала Герасимова, что вынуждают его заблаговременно озаботиться об обеспечении пенсией как себя, так и семьи его, на случай оставления им службы по болезни, либо увечью, или же смерти на оной». С назначением Герасимова на последнюю должность ему было определено производить добавочное содержание из секретных сумм ДП в размере 7 646руб. в год в дополнение к казенному содержанию (4 354руб.) до 12 000руб. в год¹⁹⁰.

Офицеры охраны поощрялись столь щедро ввиду повышенной служебной обремененности и постоянной опасности, исходящей, как правило, от секретных сотрудников. А между тем риску подвергались не только офицеры охранных отделений. Первая русская революция принесла столь обильную кровавую жатву, что осенью 1907 г. по определению Священного Синода в заупокойных молениях о воинах, убиенных на поле брани, после слов «православных воинов, и всех за Веру, Царя и Отечество

---

¹⁹⁰ГАРФ. Ф. 102. ОО. 1914 г. Оп. 244. Д. 360. Л. 1,3,5.

на брани живот свой положивших», было внесено добавление «и крамолою убиенных»¹⁹¹.

Розыскных офицеров, как правило, мало кто знал в лицо, и деятельность их по большей части сохранялась втайне от широких слоев публики. Служба же железнодорожных жандармов была вся на виду. Как-то два брата, 17 и 18-летние сыновья рабочего, наслушавшись на митингах, что жандармы враги народа, по собственной инициативе решили убить подполковника, прослужившего 25 лет на железной дороге, не понимавшего и не любившего «политики». Он со дня на день ждал приказа об увольнении в отставку, мечтая поселиться в деревне, но его выследили и у самой двери его квартиры расстреляли¹⁹². Аналогичная участь постигла вахмистра Воронежского ЖПУЖД И.И. Снурникова, приговоренного эсерами к смерти и расстрелянного в нескольких шагах от своего дома¹⁹³. Все это стало ещё одной принципиальной причиной, благодаря которой между розыскными офицерами и чинами ГЖУ, несмотря на все формальные призывы руководства к взаимной поддержке и сотрудничеству, расцвела неприязнь, доходящая порой до открытой вражды.

Прекрасным примером разногласий жандармов из «охранки» и офицеров ГЖУ служит противостояние А.П. Мартынова¹⁹⁴ в бытность его начальником Саратовского охранного отделения и его «коллег», начальников Саратовского ГЖУ полковников Д.С. Померанцева и князя А.П. Микеладзе. Череда данных конфликтов была живописно представлена Мартыновым в его воспоминаниях, однако он был, во-первых, неточен, а во-вторых не был в

¹⁹¹ Постановление Священного Синода № 6012 от 24 сентября – 15 октября 1907 г., или Вестник полиции. 2 дек. 1907 г. №1. СПб.

¹⁹² Заварзин П.П. Указ. Соч., С. 56.

¹⁹³ ГАРФ. Ф. 102. 7-ое Делопроизводство. 1907 г. Оп. 204. Д. 2570; Ф. 110. Оп. 2. Д. 12237.

¹⁹⁴ Александр Павлович Мартынов, один из самых молодых и успешных руководителей политического сыска, начальник Московского охранного отделения, родился 14 августа 1875 г. в Москве в дворянской семье. Образование Мартынов получил в 3-м Московском кадетском корпусе, по первому разряду закончил 3-е Александровское училище. Военную службу он начал во 2-м Софийском пехотном полку, затем в 7-м Гренадерском Самогитском полку, однако вскоре, в мае 1899 г., вслед за старшим братом сменил пехотный мундир на жандармский. В июле 1906 г. ему доверили ответственный пост начальника Саратовского охранного отделения.

курсе той внутриведомственной борьбы, которую порождали подаваемые на него доносы.

В соответствии с приведенной в мемуарах Мартынова версии, первый его крупный конфликт с Д.С. Померанцевым разгорелся в августе 1906 г. из-за дела о ликвидации подпольной типографии, когда начальник Саратовского ГЖУ постарался очернить коллегу перед начальством, обвинив его в том, что типография-де организована самим охранным отделением¹⁹⁵. Здесь следует отметить, что в свете вновь обнаруженных источников высказанная нами ранее версия о том, будто история с типографией является целиком измышлением Мартынова, очевидно, меркнет¹⁹⁶. В ночь на 19 августа на даче близ Саратова Мартыновым действительно была захвачена типография эсеров¹⁹⁷. В связи с этим эпизодом «коллеги» из ГЖУ впервые на словах высказали молодому начальнику охранного отделения свои подозрения, а заодно и поделились ими с представителями судебного ведомства и высшей администрации губернии, в результате чего дело было прекращено¹⁹⁸. Однако не типография стала подлинным яблоком раздора, а дело об ограблении артельщика Кузьмина, получившее освещение в местной печати¹⁹⁹.

4 августа близ Саратова было совершено вооруженное нападение на артельщика сталелитейного завода, у которого было похищено 3 419руб. У Мартынова имелся секретный сотрудник, доставшийся ему в наследство от прошлого начальника, ротмистра Н.Д. Федорова. Этот сотрудник сообщил, что грабеж был организован саратовскими революционерами. Мартынов явился в ГЖУ к Померанцеву с просьбой возбудить дознание в порядке 1035-й ст. Уст. Угол. Судопр. Померанцев не верил в то, что ограбление это носит

---

¹⁹⁵Мартынов А.П. Указ. соч. С. 171–174.

¹⁹⁶Лаврёнова А.М. Служба А.П. Мартынова в Саратовском охранном отделении (о кризисе идентичности в жандармской среде) // Новый исторический вестник. № 1 (43). М., 2015. С. 99-116.

¹⁹⁷ГАРФ. Ф. 102. ОО. Оп. 316. 1906 г. Д. 1052. Л. 1, 2.

¹⁹⁸Там же. Л. 9.

¹⁹⁹ГАРФ. Ф. 110. Оп. 6. Д. 1508. Л. 1.

политический характер, и отказал. Однако под давлением Охранного отделения арест участников грабежа, Андреева и Васильева, все же состоялся, причем у них были конфискованы 900 руб. похищенных денег. Протоколы были доставлены в ГЖУ, но Померанцев их не принял.²⁰⁰

Через некоторое время к судебному следователю явилась квартирная хозяйка и заявила, что ее жилец (и, как выяснилось, бывший любовник), некто Г.С. Замеховский, заявил ей, что работает на охранку, а накануне грабежа она видела, как он с приятелем мастерил фальшивые усы. Один из обвиняемых сообщил, что Замеховский участвовал в дележе награбленного. Охранное отделение не подтвердило факт своего сотрудничества с Замеховским, и ввиду того, что произведенный у него обыск результатов не принес, он был отпущен. В связи с этим начальник ГЖУ заподозрил провокацию²⁰¹. Естественно, Померанцев принялся делиться своими «догадками» с коллегами и начальством. Для начальника ГЖУ это было значимо еще и потому, что сам он совсем недавно, осенью 1905 г., удостоился отнюдь не лестной характеристики от бывшего на тот момент вице-директором департамента П.И. Рачковского, обвинившего местные жандармские органы в бездеятельности²⁰².

20 сентября 1906 г. последовал донос директору ДП, еще довольно аккуратный по форме, в котором автор счел долгом «доложить... о том неприглядном положении, в которое приходится стать, благодаря ли неопытности или просто сложившимся неблагоприятно условиям... ротмистру Мартынову»²⁰³. Донесения же Померанцева в Штаб корпуса носили куда более откровенный характер. Померанцев жаловался: «Каждый из начальников отделения, прибывая к месту служения, мнит о себе как о должностном лице, поставленном в служебном отношении ... никоим образом не ниже начальника жандармского управления, основывая таковое

---

²⁰⁰ Там же. Л. 6 об.-7.

²⁰¹ Там же. Л. 7-8 об.

²⁰² ГА РФ. Ф. 110. Оп. 6. Д. 1318. Л. 1-2.

²⁰³ Там же. Д. 1508. Л. 17-18 об.

свое воззрение на “Временном положении об охранных отделениях”; они являются с задатками учить и давать указания»²⁰⁴.

Описывая свою служебную действительность, Померанцев не жалеет мрачных красок: начальник охранного отделения, «всегда мнящий о своем я и о своем назначении несравненно более, чем это есть на самом деле, ... настолько поверхностно и притом «словесно» знакомит начальника управления с положением дела розыска, что этот последний не имеет никакой возможности сопоставить данные наблюдения и розыска по городу с поступающими к нему сведениями из уездов». Померанцев отмечает тот факт, что массовые обыски, производимые без достаточных оснований, вызывали многочисленные нарекания и жалобы, лежащие на начальника управления. Немаловажен и другой вывод начальника Саратовского ГЖУ: созданное для начальника Охранного отделения привилегированное как в материальном, так и в наградном отношениях, положение парализовало интенсивность той части служебных обязанностей остальных жандармских офицеров, которую они должны проявлять в деле политического розыска. Все это, само собой, вело к смешению личных и служебных отношений. Однако тут же Померанцев констатировал, что «большая часть жандармских офицеров не осведомлены с делом агентурного и наружного наблюдения», оправдывая их якобы тем, что, к ним до сего времени этих требований и не предъявлялось²⁰⁵.

Однако здесь Померанцев лукавит. С самого начала века благодаря усилиям ДП и, в частности, С.В. Зубатова, П.И. Рачковского, Г.М. Труткова, тема агентурной работы звучала все чаще и требовательней. В годы революции приобретение агентуры и вовсе сделалось насущной необходимостью. 18 и 25 июля 1906 г. циркулярно всем начальникам ГЖУ была разослана телеграмма, касающаяся срочного приобретения агентуры. В

---

²⁰⁴ Там же. Л. 5–9об.

²⁰⁵ Там же. Л. 10–12.

сентябре ввиду неудовлетворительного исполнения это требование было повторено²⁰⁶.

Впрочем, не стоит забывать, что в случае успеха деятельности охранного отделения благодарность мог получить также и начальник ГЖУ, как формальный руководитель. Так, например, благодарность за арест убийц жандармского унтер-офицера досталась начальнику Люблинского ГЖУ Криштановскому, тогда как он не занимался агентурой, а являлся убежденным противником розыскного дела и скорее тормозил, чем развивал его. Агентурой же заведовал ротмистр В.А. Гудим²⁰⁷.

По отношению к РОО, детищам директора ДП М.И. Трусевича, Померанцев также высказывается скептически, опасаясь, что они «по отношению к входящим в район их губерниям станут в то же положение, в каком ныне стоят по отношению к губернским жандармским управлениям охранные отделения, со всеми приведенными... дефектами последних»²⁰⁸.

Относительно приведенных Померанцевым «дефектов» «охранки» следует, впрочем, сказать, что, по мнению исследователей, лучшие охранные отделения, к каковым можно отнести и Саратовское, обладали высокой розыскной квалификацией. ГЖУ, напротив, будучи ориентированы на дознание, а не на розыск, стремились сразу «хватать» подозреваемого, руководствуясь принципом «арестовать впредь до выяснения причин ареста», а в случае отсутствия улик подвергнуть административному наказанию²⁰⁹.

Между тем, предложенный полковником Померанцевым проект²¹⁰ реорганизации системы политического сыска, предполагавший полное слияние охранных отделений с жандармскими управлениями под главенством начальников управлений, вполне соответствовал проведенной в 1913 г. В.Ф. Джунковским реформе. Впоследствии сам Джунковский,

---

²⁰⁶ *Перегудова З.И.* Политический сыск России (1880 – 1917). М., 2013. С. 214–216.

²⁰⁷ ГАРФ. Ф. 110. Оп. 9 Д. 825. Л. 64, 64 об.

²⁰⁸ ГАРФ. Ф. 110. Оп. 6. Д. 1508. Л. 10–16 об.

²⁰⁹ *Овченко Ю.Ф.* Московская охранка на рубеже веков: 1880 – 1904 гг. М., 2010. С. 67.

²¹⁰ ГАРФ. Ф. 110. Оп. 6. Д. 1508. Л. 12 об.–16 об.

человек с весьма специфическими, «офицерскими», представлениями о пользе дела, также нелестно отзывался о Мартынове в своих мемуарах. Подполковник Мартынов в должности начальника Отделения по охране общественной безопасности и порядка в г. Москве не угодил Джунковскому своей молодостью. Охранные отделения же, по мнению Джунковского, «были только рассадниками провокации; та небольшая польза, которую они, может быть, смогли бы принести, совершенно затушевывалась тем колоссальным вредом, который они сеяли в течение этих нескольких лет»²¹¹. Сходных представлений придерживался и генерал В.Д. Новицкий: «Ненависть и злоба не только не только начальников жандармских управлений, но и вообще офицеров корпуса жандармов, дошла до ужасающих пределов и ненависти к своему шефу и Департаменту полиции, образовавшему филиальные жандармские управления в губерниях в лице ненавистных охранных отделений»²¹². Так что претензии Померанцева к Мартынову, как и к «охранке» в целом, не были новинкой ни по форме, ни по содержанию.

М.И. Трусевич сделал Померанцеву внушение: дескать, поскольку ротмистр Мартынов вступил в службу по розыскной части недавно, «все силы соприкасающихся с его деятельностью должностных лиц должны были бы быть направлены ...к поддержке названного офицера, честная служба коего, несомненно, не дает повода к подозрениям»²¹³. Если произошедший эпизод с Замеховским Трусевич склонен был рассматривать скорее как недоразумение, то передачу Померанцевым изобличающего Мартынова материала прокурору Саратовской судебной палаты д.с.с. А.А. Миндеру он считал однозначно недопустимой²¹⁴.

Штаб корпуса в лице генерала С.С. Саввича придерживался противоположной точки зрения, результатом чего стало объявление

---

²¹¹ Джунковский В.Ф. Воспоминания. Т. 1. М., 1997. С. 217–218.

²¹² Новицкий В.Д. Из воспоминаний жандарма. М., 1991. С. 172.

²¹³ ГА РФ. Ф. 110. Оп. 6. Д. 1508. Л. 2–3об.

²¹⁴ Там же.

Мартынову выговора за «антидисциплинарные проступки» в отношении начальника ГЖУ²¹⁵. Однако и Померанцеву Штаб корпуса поставил на вид то, что он по получении протоколов обысков и арестов, отнесся к столь важному делу с формальной стороны²¹⁶. Впрочем, ДП также не оставил это дело без внимания. В мемуарах Мартынова упоминается, что Трусевич конфиденциально запросил его дать объяснения делу о «злосчастной типографии»²¹⁷.

Маловероятно, чтобы такой случай изгладился из памяти Мартынова. Причина, по которой он приводит в мемуарах иную версию, очевидна: агент охранного отделения оказался не на высоте конспирации, а его руководитель и возглавляемое им учреждение сделались мишенью для критики коллег и предметом бурного обсуждения в обществе. На момент прибытия в Саратов Мартынов был новичком в деле политического розыска, да и наследство от своего предшественника ротмистра Н.Д.Федорова, он получил небогатое.

Нам удалось отыскать объяснения Мартынова, данные им Трусевичу по этому поводу, раскрывающие одну немаловажную деталь. Дело в том, что секретный сотрудник Федорова, жил по паспорту на имя Замеховского, выданному его же патроном. Естественно, нахождение у него паспорта, выданного охранным отделением, являлось для Мартынова весомой причиной к неудобству его задержания. Не желая, чтобы у Замеховского оставался этот паспорт, Мартынов и решил под видом обыска его изъять. А чтобы изъятие одного паспорта не было заметно, он приказал изъять и вещи его из квартиры и доставить в охранное отделение²¹⁸. Зная отношение Померанцева, Мартынову пришлось уклониться от доверительного объяснения роли Замеховского в данной истории, что, естественно, только усилило подозрения полковника. Кроме того всё пошло не так гладко, как рассчитывал Мартынов.

---

²¹⁵ Там же. Л. 19.

²¹⁶ Там же. Л. 20.

²¹⁷ *Мартынов А.П.* Моя служба в Отдельном корпусе жандармов. С. 177.

²¹⁸ ГАРФ. Ф. 102. ОО. Оп. 316. 1906 г. Д. 1052. Л. 4-9.

Так запутанные отношения жандармских офицеров, симметрично повторяющие не менее запутанные отношения двух ведомств, вылились в грандиозный скандал.. «Весь город взволнован и напряженно ожидает выяснения всех сторон настоящего дела» - писали в газете «Око»²¹⁹. В дальнейшем Мартынов совершенно оправдал свою репутацию корифея политического сыска, однако начало его пути не было столь удачным, как ему бы того хотелось. Отношения со Штабом корпуса были испорчены: он попал на «черную доску», и о дальнейших внеочередных повышениях ему пришлось забыть.

Вскоре, на счастье Мартынова, приказом по Отдельному корпусу жандармов № 94 от 3 мая 1907 г. начальник Саратовского ГЖУ полковник Померанцев был переведен в Одессу начальником жандармского управления вместо умершего генерал-майора Н.М. Кузубова²²⁰. Впрочем, сложным отношениям двух офицеров суждено было возобновиться через несколько лет уже в Москве, когда один оказался в должности начальника Московского охранного отделения, а другой возглавил Московское ГЖУ.

На смену Померанцеву в Саратов был назначен полковник, князь Александр Платонович Микеладзе. Как утверждает Мартынов в своих воспоминаниях, подобное назначение состоялось в рамках кадровой политики командира ОКЖ барона Ф.Ф. Таубе, предполагавшей бескомпромиссную борьбу с ДП и его протезе посредством замещения вакансий лояльными Штабу корпуса офицерами²²¹. По словам Мартынова, Микеладзе был «стоцентный неуч в деле политического розыска» и имел едва ли не самую скандальную репутацию в корпусе²²². Однако у Микеладзе был один неоспоримый козырь: он состоял в родстве с бароном Таубе²²³.

---

²¹⁹ Там же. Л. 10.

²²⁰ ГА РФ. Ф. 110. Оп. 6. Д. 1508. Л. 21.

²²¹ Мартынов А.П. Указ. соч. С. 206.

²²² Подробнее: Лаврѣнова А.М. Служба А.П. Мартынова в Саратовском охранном отделении (о кризисе идентичности в жандармской среде) // Новый исторический вестник. № 1 (43). М., 2015. С. 106-108.

²²³ Мартынов А.П. Указ. соч. С. 207–208.

По свидетельству Мартынова, Микеладзе «совершенно искренне полагал, что своей шашкой... он сможет усмирить всю революцию в Саратовской губернии»²²⁴. Он быстро остыл к служебным обязанностям и, проводя вечера в местном «шато-кабаке», просил его не беспокоить. На сей раз настал черед Мартынова писать донесения начальству. Столкнувшись с недовольством ДП, Микеладзе также, в свою очередь, засел за письменный стол. В результате обоюдных обвинений в Саратов для разрешения разногласий был послан подполковник А.М. Еремин.

Из общения с саратовским губернатором графом С.С. Татищевым и прокурором судебной палаты А.А. Миндером Еремин вынес твердое убеждение, что «с переводом... князя Микеладзе дело политического розыска примет надлежащий вид и будет вестись с тем же успехом, что и до назначения князя Микеладзе, который был единственной помехой делу». По мнению губернатора, Микеладзе часто сознательно вредил как делу розыска, о котором имел совершенно искаженное представление, так и делу преследования уже разысканных преступников, относясь к последним с «какой-то непонятной для жандармского офицера либеральностью», что внушил и чинам управления. Однако самым серьезным вредом, который князь Микеладзе принес делу, губернатор счел результаты обострившихся отношений князя с ротмистром Мартыновым, которые «дошли до грандиозных размеров» и потребовал детального расследования.

В результате опроса свидетелей выяснилось, что начальник ГЖУ не стеснялся ни временем, ни местом, чтобы дискредитировать деятельность не только своего формального подчиненного, но всего учреждения политического розыска, «охранки», «в глазах своих подчиненных, сослуживцев и в глазах административной и судебной власти, а через них и всего общества»²²⁵. Однако расследованием Еремина многочисленные обвинения Микеладзе подтверждены не были, а объяснения Мартынова,

---

²²⁴ Там же. С. 207.

²²⁵ГА РФ. Ф. 110. Оп. 6. Д. 1666. Л. 1–5.

который вновь вынужден был оправдываться перед начальством, выяснили и полнейшую их абсурдность²²⁶.

В отличие от разногласий с Померанцевым, конфронтация Мартынова с его преемником приобрела оттенок вульгарной ссоры: 1 сентября 1907 г. в кабинете начальника ГЖУ между Мартыновым и Микеладзе произошла напряженная беседа, посреди которой последний громогласно обрушился на коллегу со словами: «Потрудитесь, господин ротмистр, когда разговариваете со мной, стоять смирно!»²²⁷

Заметим, что в интересах конспирации Мартынов, равно как и другие офицеры корпуса, занимающиеся политическим розыском, мундир носили чрезвычайно редко, а иногда и вовсе его не имели и большую часть времени были «не во фронте». Так, например, начальнику Петербургского охранного отделения А.В. Герасимову перед аудиенцией у императора пришлось спешно заказывать себе таковой²²⁸. (Аналогично при переходе в охранку офицерам приходилось срочно шить гражданское платье. Так, ротмистру А.В. Эргардту, в декабре 1907 г. назначенному на должность чиновника для поручений в Московское РОО, пришлось специально ассигновать двести рублей на приобретение повседневного штатского костюма и приличной сюртучной пары, в каковых доселе ротмистр по своему служебному положению начальника ГЖУ не имел надобности²²⁹). Кроме того, фактически начальник охранного отделения был прикомандирован к местному ГЖУ почти с одной только целью получения жалованья по сметам Военного министерства. Поэтому формальные требования воинской дисциплины были малоприменимы в отношении жандармов из «охранки». Однако это соображение нисколько не устроило князя, и он заявил

²²⁶ Там же. Л. 3.; *Лаврёнова А.М.* Служба А.П. Мартынова в Саратовском охранном отделении (о кризисе идентичности в жандармской среде) // *Новый исторический вестник.* № 1 (43). М., 2015. С. 109-111.

²²⁷ *Мартынов А.П.* Указ. соч. С. 211.

²²⁸ *Герасимов А.В.* На лезвии с террористами. // «Охранка»: Воспоминания руководителей политического сыска, Т.2, М., 2004, С. 241-242.

²²⁹ ГАРФ.Ф. 63. Оп. 53. Д. 394. Л. 6.

Мартынову, что не желает с ним больше разговаривать, и с криками «Нахал!» и «Убирайтесь вон!» велел тому больше не появляться в управлении.²³⁰

Подобное обращение с Мартыновым, любимцем Трусевича, снискавшим полное доверие губернатора, не прошло для Микеладзе даром. Разгневанный Трусевич написал Таубе: «Я нахожу, что такое отношение Микеладзе к охранным отделениям... делает пребывание его в ведомстве, мною управляемом в части политического розыска, нетерпимым», «так как очевидно, что каждый час пребывания его в этой должности дискредитирует все ведомство в городе»²³¹.

Микеладзе, в свою очередь, уже хлопотал о переводе на железную дорогу²³², а заодно спешил поведать о случившемся всем желающим. В письме, довольно доверительном и неофициальном по содержанию, адресованном И.П.Залесскому, вр.и.д. начальника штаба ОКЖ, князь щедро поливал грязью Мартынова, охранные отделения и ДП.

В случае с Мартыновым может создаться впечатление, будто Департамент всегда мог отвести угрозу от своих подопечных, однако это совсем не так. Ротмистр Санкт-Петербургского охранного отделения В.Н. Соболев, ветеран Русско-японской войны, награжденный 4-мя боевыми наградами, обладатель отличных аттестаций всех своих начальников, стал случайной жертвой командира корпуса Курлова, который в 1911 г., сразу после роковых событий в Киеве, видимо, искал, на ком выместить свою злобу.

В июле 1911 г. Соболев совместно с 4 чиновниками и 50 другими чинами охранного отделения под общим начальством помощника начальника отделения подполковника В.И. Еленского был командирован в Финляндию для задержания 4 лиц, проживающих в трех смежных дачах близ ст.

---

²³⁰ГА РФ. Ф. 110. Оп. 6. Д. 1666. Л. 9.

²³¹ Там же. Л. 22–23об.

²³² Каковой состоялся уже до конца сентября 1907 г. – начальником жандармско-полицейского управления Средне-Азиатской железной дороги

Мустомяки, причем ему была поручена второстепенная задача – оцепить и обыскать отдельную дачу, где должны были находиться лица, хотя и подлежащие задержанию, но не представляющие серьезных преступников, для чего было назначено пятеро полицейских надзирателей. Остальные же чины отряда во главе с Еленским должны были провести обыски в двух соседних дачах, где, как предполагалось, проживали наиболее важные преступники. Оцепив указанную дачу, ротмистр Соболев в сопровождении местного ленсмана вошел в дом, где оказалось три лица, и приступил к обыску. Однако во время обыска один из задержанных выскочил из окна и несмотря на ряд произведенных в него выстрелов, добежал до леса и скрылся. Как оказалось, бежавший и был именно тем преступником, на розыски которого отправился Еленский. Конечно, не вина Соболева в том, что преступник оказался не там, где его искали и куда были направлены главные силы, а был на даче, оцепленной пятью надзирателями под руководством Соболева, который не был основательно ознакомлен ни с личностями подлежащих задержанию лиц, и степенью их серьезности, ни располагал достаточными силами. Сверх того в своих действиях он был связан указанием: не предпринимать никаких действий помимо ленсмана, не касаться при производстве обыска никаких вещей и не обращаться помимо него ни с какими вопросами к застигнутым на даче лицам. Когда о побеге доложили Курлову, тот отчислил ротмистра Соболева от охранного отделения и арестовал его на 30 суток, не приняв во внимание ни обстановки, при коей случился побег, ни его отличной репутации и прежней успешной служебной деятельности... Коллеги Соболева недоумевали о причинах столь строгого взыскания. Начальник отделения полковник М.Ф. Фон-Котен говорил, что Соболев пострадал из-за него и что «если б он признал себя виновным в побеге, то ничего бы не было». Характерно, что при аналогичном случае побега обыскиваемого лица, имевшем место в Санкт-

Петербурге, чиновнику, руководившему этим обыском и состоявшему в том же охранном отделении, был объявлен только выговор²³³.

С приходом Джунковского, розыскным офицерам стал постепенно перекрываться кислород. Менее, чем через полгода после назначения Джунковского, 7 мая 1913 г. последовал циркуляр по ОКЖ, под страхом строгого взыскания запрещающий вновь принятым адъютантам подавать ходатайства о переводе в другие управления для более основательного ознакомления с делом политического розыска²³⁴. Вместе с тем Джунковский пытался найти действенный способ решения конфликтов между жандармскими офицерами и в 1914 г. на территории всей империи ввел 16 жандармских «судов чести», аналогичных армейским. Однако это нововведение было выгодно в первую очередь опять же начальникам ГЖУ, находящимся в более высоких чинах и имевшим обширные неформальные связи²³⁵.

Во время войны ДП столкнулся с дефицитом розыскных кадров: более 100 розыскных офицеров было командировано в действующую армию для службы в контрразведывательных отделениях, остальные же из материальных соображений старались занять должности помощников начальников ГЖУ²³⁶.

Таким образом, нельзя сказать, что успех карьеры жандармского офицера определялся каким-либо одним фактором. С одной стороны, на фоне постоянной угрозы террористических актов обычный nepoтизм оказался невозможен, а с другой стороны, оставить эффективность в качестве единственного критерия качества жандармской службы пронизанный сословными представлениями бюрократический аппарат позволить себе не

---

²³³ ГАРФ. Ф. 110. Оп. 2. Д. 16537. Л. 15.

²³⁴ ГАРФ. Ф. 102.ОО. 1914 г. Оп. 244. Д. 325. Л. 2. В декабре 1914 г. число адъютантов, прикомандированных к розыскным учреждениям, было ограничено 12.// Там же. Л. 7.

²³⁵ Бакшт Д.А. Органы политического сыска в Енисейской губернии в период упадка российской монархии (1880–1917 гг.): монография / [Электронный ресурс] / Электрон. дан. / Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева. – Красноярск, 2016. С. 79.

²³⁶ ГАРФ. Ф. 102.ОО. 1914 г. Оп. 244. Д. 325. Л. 15.

мог. В условиях соперничества Штаба корпуса и ДП занятия политическим сыском требовали от офицера не только непосредственных способностей к розыску, но и немалого дипломатического чутья и гибкости, каковыми военные, в основном, похвастать не могли, и потому большинство предпочитало службу на железной дороге.

1.3.2. Жандармско-полицейские управления железных дорог в контексте политики Департамента полиции.

*«...Вставали сонные за стеклами
И обводили ровным взглядом
Платформу, сад с кустами блеклыми,
Её, жандарма с нею рядом...»
А. Блок.*

ЖПУЖД куда больше, чем охранные отделения или ГЖУ, напоминали строевые части. В ходе реализации своих функций, чины жандармской железнодорожной полиции руководствовались общими для всей жандармерии инструкциями и указаниями. Сверх того, в соответствии с «Общим Уставом Российских железных дорог» на них было возложено охранение порядка и безопасности на железных дорогах»²³⁷.

Статья 261/9 «Устава Уголовного Судопроизводства» определяла, что «чины жандармских полицейских управлений железных дорог по отношению к исследованию преступлений и проступков, совершающихся в районе их действий вполне заменяют общую полицию»²³⁸. Соответственно, на железнодорожную жандармерию распространялись ст. ст. 250-258 «Устава...», определявшие порядок производства дознания общей полицией. В связи с чем, о каждом происшествии, содержащем признаки преступления или проступка чины жандармских железнодорожных управлений должны были не позднее суток поставить в известность судебного следователя и прокурора, а при их отсутствии – произвести дознание самостоятельно.

²³⁷ Общий Устав Российских железных дорог и все изданные по 1 Августа 1903 года в развитие и дополнение его узаконения и правила/ Сост. К.П. Змирлов. – СПб., 1904. С. 942.

²³⁸ Законы о полиции. Законы административные, положения о судебно-следственных и исполнительных действиях чинов полиции. Сост. Н. Волков. – М., 1910. С.248.

Абсолютное большинство железнодорожных управлений вплоть до 1906 г. руководствовалось Циркуляром МВД от 26 января 1881 г. за № 146, в котором утверждалось, что чины ЖПУЖД о всяком происшествии, заключающем в себе признаки государственного преступления, лишь уведомляют начальников местных ГЖУ, но сами дознаний по таковым преступлениям, за исключением случаев оскорбления Высочайших особ императорской фамилии, не производят»²³⁹. Данный циркуляр был основан на том соображении, что эти офицеры, «лишены возможности иметь точные сведения о революционном движении и лицах, к нему прикосновенных», а потому «легко могут упустить связь отдельных дел и обвиняемых между собой и таким образом закончить дознание, не выяснив существенных по оному обстоятельств».

В среде «железнодорожников» было много людей со средствами и гвардейских офицеров²⁴⁰. Долгие годы железнодорожные жандармы были непричастны к политической работе, и потому их представления о ней бывали порой несколько комичны²⁴¹. Единственное преступление, имевшее оттенок политического – оскорбление членов Августейшей фамилии – как правило, заключалось в том, что злоумышленники занимались обыденным вандализмом – портили портреты государя, висевшие в железнодорожных помещениях²⁴².

Первая русская революция стала серьезным испытанием для полицейской системы империи, которая, надо признать, его едва не провалила, и ЖПУЖД здесь не стали исключением. В конфиденциальном письме дворцовому коменданту Д.Ф. Трепову отставной генерал-лейтенант М.А. Красовский заявляет, будто «в декабрьское восстание и забастовку железных дорог десятитысячный Корпус жандармов (кроме дивизионов)

---

²³⁹Циркуляр МВД от 26 января 1881 г. № 146.

²⁴⁰Заварзин П.П. Указ. соч. С. 37.

²⁴¹ Там же. С. 38.

²⁴²ГАРФ. Ф. 102. 7-е Делопроизводство. 1912 г. Оп. 209. Д. 1489.

оказался для правительства несуществующим как военная сила»²⁴³. События на Московском железнодорожном узле декабря 1905 г. изрядно поколебали прежний порядок. По мнению Министерства путей сообщения, во время Декабрьской забастовки «легкость завладения забастовщиками московских железнодорожных станций..., зависела в значительной степени от недостаточно деятельного отношения чинов жандармской железнодорожной полиции к делу борьбы с самозванными организациями»²⁴⁴. Недовольство работой чинов ЖПУЖД было высказано также Московским генерал-губернатором Ф.В. Дубасовым²⁴⁵..

Несмотря на скрытое и, местами, явное, недовольство железнодорожных жандармов, приказом по Корпусу 1906 г. № 145 на начальников Отделений ЖПУЖД возложены были обязанности производства дознаний о всех преступных действиях политического характера, совершенных в полосе отчуждения железной дороги²⁴⁶. Однако поступающая в Штаб Корпуса переписка по этому поводу указывает на весьма разнообразное понимание многими начальниками отделений прав и обязанностей подведомственных им нижних чинов по исследованию такого рода преступлений, совершенных в их районах²⁴⁷.

Чтобы оценить активность ЖПУЖД по производству дознаний по делам о государственных преступлениях, обратимся к отчетности. Перечневые ведомости дознаниям, произведенным чинами ЖПУЖД за 1915, включающие в себя отчеты 21 управления, представляют весьма удручающую статистику: из 159307 дознаний, «политических» оказалось только 115, т.е. дознания по государственным преступлениям составляли менее одной десятой процента (около 0,07 %) от числа всех дознаний, произведенных чинами ЖПУЖД²⁴⁸.

---

²⁴³ ГАРФ. Ф. 110. Оп. 1 Д. 461. Л.134.

²⁴⁴ Там же. Л. 151.

²⁴⁵ ГАРФ. Ф. 110. Оп. 4. Д. 1587. Л. 10-10 об.

²⁴⁶ Систематический сборник циркуляров Департамента полиции и Штаба Отдельного корпуса жандармов, относящихся к обязанностям чинов корпуса по производству дознаний. СПб., 1908. С. 13.

²⁴⁷ ГАРФ. Ф. 110. Оп. 4. Д. 1904. Л. 2, 2об.

²⁴⁸ ГАРФ. Ф. 110. Оп. 17. Д. 486.

Предвоенные годы и вовсе были временем революционного затишья: так, в Московском ЖПУЖД за 1912 и 1913 гг. не был дан ход ни одному «политическому» дознанию²⁴⁹. В 1914 г. таковых было всего 2²⁵⁰. (См. Приложение III).

Помимо передачи чинам ЖПУЖД дознаний по политическим делам, 7 августа 1906 г. ДП был издан циркуляр, согласно которому начальники отделений обязаны были в районе своего ведения иметь агентуру²⁵¹. Новая инициатива ДП была встречена без всякого энтузиазма.

Летом 1906 г. Департамент принялся за ЖПУЖД и, в числе прочего, предписал начальникам таковых изложить сведения о положении дел во вверенных им управлениях и доложить о готовности к предполагающимся изменениям. Реакция железнодорожных жандармских начальников всецело подтвердила прозвучавшие выше критические характеристики. А отповедь строптивного начальника Московского ЖПУЖД полковника С.И. Федорова директору ДП и вовсе вызвала служебный скандал. Так, Федоров в своем донесении пустился в излишние рассуждения и задался целью доказать, что проектируемые Департаментом меры борьбы с революционным движением совершенно бесцельны и не отвечают основным задачам жандармской службы.

Все это полковник излагал неоднократно в неуместной и недопустимой форме сношений с высшей инстанцией, причем, по мнению своего руководства, выказал полное незнание с тем делом, о котором рассуждал²⁵². По его убеждению, «введенная ... в жизнь и службу железных дорог агентура никакой существенной помощи дать не может», а потому она и не стоит денежных затрат. Не считая нужным «выделять агентурное наблюдение за железнодорожными служащими из центров общего политического надзора», охранных отделений и ГЖУ, Федоров, по сути,

---

²⁴⁹ ГАРФ. Ф. 59. Оп. 1. Д. 72,125.

²⁵⁰ Там же. Д. 156. Л. 104-105, 123-124.

²⁵¹ Политическая полиция и политический терроризм в России (вторая половина XIX – начало XX вв.). Сборник документов. М., 2001. С. 236-237.

²⁵² ГАРФ. Ф. 110. Оп. 2. Д. 11451. Л. 1-3 об. ; Там же. Оп. 4. Д. 1650. Л. 2-7 об.

просто не желал возложить на себя новые обязанности²⁵³. Естественно, в ДП сочли, что Федоров не должен руководить в Москве²⁵⁴.

Тем не менее, не стоит думать, будто удаление жандармского начальника с поста главы Московского ЖПУЖД было делом тривиальным. Принимая во внимание отношения Штаба корпуса и ДП, Федоров, вполне возможно, удержался бы на своей должности, если б не его «принципы», которые он столь щедро и необдуманно изложил Трусевичу. Как нетрудно догадаться, офицер, занявший подобную должность, должен был быть далеко не так прост. И действительно, Федоров являлся старшим адъютантом Штаба корпуса в 1895-1903 гг., что, несомненно, увеличивало его административный ресурс. В 1905-1906 гг. Федоров руководил Харьковско-Царицынским ЖПУЖД, однако фактически за это время он перенес две затяжные болезни, и потому почти все время управлением руководил его заместитель. Самому же Федорову было предложено оставить службу на время болезни и по выздоровлении вернуться на вакантную должность на железной дороге²⁵⁵. Таковой и оказалась, и вряд ли случайно, должность начальника Московского ЖПУЖД. И все же, пока угроза смуты была ещё сильна, ссориться с директором ДП было очень рискованно. В одной из резолюций Саввича значится: «О полковнике Федорове директор Департамента полиции, считая себя им обиженным по должности, ставил вопрос более серьезно: он или я. Я сделал для Федорова все, что мог»²⁵⁶.

²⁵³ ГАРФ. Ф. 110. Оп. 4. Д. 1650. Л. 2, 2 об.,

²⁵⁴ Федорова предложили переместить в Екатерининское ЖПУЖД, однако тот отказался от этого назначения, «равносильного отбытию наказания», ссылаясь на благотворность московского климата для его здоровья. Поняв, что его желают «уйти», Федоров попытался сначала апеллировать к авторитету бывшего начальника Штаба корпуса В.А. Дедюлина, с которым, похоже, находился в хороших отношениях. Однако когда и это не помогло, Федоров стал хлопотать о назначении усиленной пенсии. Однако новый начальник Штаба корпуса С.С. Саввич счел, что «нежелающих служить офицеров поощрять наравне с подвергающими себя расстрелу» было бы с его стороны «нечестно». ГАРФ. Ф. 110. Оп. 2. Д. 11451. Л. 11-12, 16, 19, 22.

²⁵⁵ ГАРФ. Ф. 110. Оп. 2 Д. 10736. Л. 1,2,8,20.

²⁵⁶ Там же. Д. 11451. Л. 62.; Жалоба Федорова командующему корпусом генерал-майору барону Ф.Ф. Таубе также не имела действия. Изучив соображения Федорова, генерал счел, что тот «начитался-таки революционной литературы» и отреагировал соответственно: «мне «убеждений» не надо, а лишь добросовестную службу». Впрочем,

Вместе с тем, Федоров оказался прав, когда предположил, что «Департамент полиции едва ли получит положительные отзывы о целесообразности применения этой меры на практике» от других начальников ЖПУЖД²⁵⁷. Вслед за Федоровым высказали своё недовольствие начальники Киевского ЖПУЖД генерал-майор И.И. Захарияшевич и Московско-Рижского ЖПУЖД полковник Н.В. Шубин²⁵⁸.

Начальник Виленского ЖПУЖД полковник В.В. фон Вильдеман-Клопман также считал, что «агентура на железных дорогах навряд ли принесет пользу»²⁵⁹. В ответ на многочисленные роптания начальников ЖПУЖД, ДП было им предложено воздержаться от излишних рассуждений и не вдаваться в полемику по существу вопроса²⁶⁰. Находились, впрочем, и те, что считали введение агентуры целесообразным и в препирательства не вступали²⁶¹. С другой стороны, предложенные ими меры в очередной раз обнаружили неискренность начальников в деле политического сыска²⁶². В числе основных препятствий к приобретению агентуры начальники ЖПУЖД указывали сплоченность железнодорожной корпорации, опасения агентов за свою жизнь и свой достаток, а также недоброжелательное отношение к жандармской железнодорожной полиции²⁶³. Последнее выражалось, в частности, в том, что высшие агенты дорог отказывали в приеме на работу рекомендованным жандармским надзором лицам²⁶⁴. Работу осложняло и то, что ассигнования от ДП на приобретение агентуры поступали с большими задержками²⁶⁵.

вышеупомянутого административного ресурса Федорова оказалось вполне достаточно, чтобы выхлопотать усиленную пенсию в 1000 руб. в год. ГАРФ. Ф. 110. Оп. 9. Д. 820. Л. 1-17 об.; Там же. Оп. 2. Д. 11451. Л. 35.

²⁵⁷ ГАРФ. Ф. 110. Оп. 4. Д. 1650. Л.5.

²⁵⁸ Там же. Л.11, 11 об., 19, 19 об.

²⁵⁹ Там же, Л. 23.

²⁶⁰ Там же, Л. 13-14.

²⁶¹ Там же. Л. 17-17 об., 22-22 об., 26, 43, 43 об

²⁶² Там же. Л. 36, 36 об., 48 об

²⁶³ Там же. Л. 27, 41 об., 45, 47, 70, 70 об.

²⁶⁴ Там же, Л. 70 об.

²⁶⁵ Там же. Л. 99, 99 об., 113,175, 181, 183.

Не без труда, но сопротивление начальников ЖПУЖД было сломлено, и они принялись за дело, однако говорить о полном успехе данного предприятия не приходится. В начале 1909 г. начальник Воронежского ЖПУЖД генерал-майор Д.Е. Кирсанов на запрос ДП, чем объясняется совершенное прекращение розыскной деятельности подведомственных ему начальников отделений, сообщил, что «ввиду отсутствия в районе вверенного ему управления преступных организаций и отдельных их деятелей... в приобретении таковой надобности не встречается»²⁶⁶. В связи с этим вице-директор ДП С.Е. Виссарионов указал Командиру ОКЖ на многочисленные свидетельства противоправительственной активности на Юго-Восточных железных дорогах, причиной же неосведомленности Кирсанова посчитал «индифферентное отношение его к правильной постановке агентуры»²⁶⁷.

При проверке Одесским РОО постановления розыска в Мелитопольском отделении Харьковского ЖПУЖД оказалось, что у начальника отделения секретных сотрудников не имеется вовсе, и агентурное дело, даже в канцелярском отношении, ведется крайне неудовлетворительно²⁶⁸.

Впоследствии, настойчивые требования обзавестись агентурой, звучали регулярно. Так, Циркуляром от 15 мая 1910 г. была отмечена неудовлетворительная постановка дела розыска в некоторых управлениях, а их начальникам напомнили об их личной ответственности за приобретение агентуры во всех отделениях ЖПУЖД²⁶⁹. 22 мая 1912 г. директор ДП С.П. Белецкий в письме командиру ОКЖ генерал-лейтенанту В.А. Толмачеву указывал, что чины ЖПУЖД «не только не принимают личного участия в деле политического розыска, но в некоторых случаях и противодействуют мерам, принимаемым Губернскими жандармскими управлениями к

---

²⁶⁶ ГАРФ. Ф. 110. Оп. 4. Д. 2147. Л. 1.

²⁶⁷ Там же. Л. 2.

²⁶⁸ ГАРФ. Ф. 110. Оп. 4. Д. 2147. Л. 15, 15 об.

²⁶⁹ Политическая полиция Российской империи между реформами... С.211-212.

осуществлению такого в полосе отчуждения»²⁷⁰. 11 июня 1912 г. в секретном циркуляре Штаба ОКЖ вновь констатировалось, что начальники ЖПУЖД «уклоняются от личного, самостоятельного ведения политического розыска... считая это дело как бы малосущественным»²⁷¹. В записке ДП от 22 декабря 1912 г. также говорилось, что в ЖПУЖД «розыск поставлен совершенно неудовлетворительно, несмотря на... печальные события 1905 г.»²⁷² Впрочем, всё это не отменяет усердия и успеха отдельных чинов²⁷³. Так, например, новый начальник Московского ЖПУЖД полковник Д.А. Правиков предписал начальникам отделений «безусловно... иметь в своем распоряжении секретных сотрудников» и осуществлять политический розыск «в полном объеме»²⁷⁴.

ДП в целях ознакомления офицеров с современным положением революционных организаций, их программами, тактикой и уставами, систематически рассылал в жандармские управления брошюры, воззвания и другие издания программного характера, а также циркулярные извещения с изложением аналогичных сведений. Но, как показывала практика, некоторые начальники управлений не считали нужным знакомить своих подчиненных с этими материалами, в итоге, многие офицеры не были даже в курсе этих мероприятий ДП²⁷⁵.

В целях ознакомления офицеров ЖПУЖД с розыскным делом, практиковалось прикомандирование их к местным РОО, где их знакомили с историей революционного движения в России, с программами и уставами существующих революционных партий, с организацией наружного наблюдения, а также с порядком регистрации добытых сведений. По большому счету, аналогичную информацию можно было бы почерпнуть на курсах при Штабе ОКЖ или из материалов, рассылаемых ДП, однако

---

²⁷⁰ ГАРФ. Ф. 110. Оп. 4. Д. 2855. Л. 46.

²⁷¹ Там же. Л. 66.

²⁷² Политическая полиция Российской империи между реформами... С. 268

²⁷³ ГАРФ. Ф. 110. Оп. 4. Д. 1650. Л. 124-138, 279; Там же. Д. 2855. Л. 163-165.

²⁷⁴ Там же. Д. 2855. Л. 163-165, 168.

²⁷⁵ Там же. Д. 2147. Л. 11, 11 об.

подобные занятия способствовали появлению «более чуткого отношения» со стороны начальников отделений к требованиям и взглядам их коллег из РОО и уменьшению трений между первыми и последними²⁷⁶.

Таким образом, ЖПУжд, несмотря на указания руководства и требования момента, так и не стали полноценной частью аппарата политической полиции. Это обстоятельство, в контексте взаимоотношений с обществом, играет принципиально важную роль, поскольку железнодорожные жандармы составляли большинство чинов корпуса²⁷⁷. (См. Приложение I). Частичную неприменимость к ним основной из характеристик – политической – заставляет рассматривать в ином ключе и общественную оценку чинов корпуса.

Между тем, именно железнодорожная служба считалась наиболее престижной, именно «железнодорожникам» благоволил Штаб Корпуса²⁷⁸, именно они имели возможность, не прилагая каких-либо чрезвычайных усилий, наиболее выгодно устроиться в материальном плане. По свидетельству А.П. Мартынова, большинство кандидатов на вступление в корпус мечтали устроиться на частных железных дорогах, т.к. это давало некоторую прибавку к содержанию²⁷⁹. Жандарм-мемуарист А.М. Поляков сетует на то, что ни одна железнодорожная вакансия до него так и не дошла, и ему поневоле пришлось удовольствоваться ГЖУ. Однокурсник Полякова, набравший больше всех баллов, предпочел Московское ЖПУжд, считавшееся «вроде гвардейского»²⁸⁰.

Описывая одного своего «железнодорожного» коллегу, начальника саратовского ЖПУжд генерал-майора А.Т. Николенко, Мартынов замечает,

---

²⁷⁶ Там же. Л. 17-18 об.

²⁷⁷ Так, суммируя общее число офицеров и нижних чинов ЖПУжд за 1913 г. (7637 чел.) с численностью 3-х жандармских дивизионов (1488 чел.), а также городских, крепостных и пеших жандармских команд (1080 чел.), при общей численности корпуса в 12700 чел., получим остаток всего в 2495 чел. собственно политической полиции.

²⁷⁸ Политическая полиция Российской империи между реформами... С. 41.

²⁷⁹ Мартынов А. П. Указ. соч. С. 58.

²⁸⁰ Поляков А.М. Записки жандармского офицера // Жандармы России. - СПб., - М., 2002. С. 486-487.

что от того «исходило сознание, что полицейский протокол о происшествии на железной дороге есть центр его жандармского долга; что же касается политическо-розыскной работы, то это его не касалось вовсе: это было каким-то неприятным и не совсем чистым делом разных ГЖУ и охранных отделений»²⁸¹. Бравый железнодорожный жандармский офицер ротмистр С.И. Балабанов также презирал политический сыск²⁸².

Приходится признать, что колоритные характеристики, каковыми снабдил Мартынов своих сослуживцев, недалеки от истины. Так, менее, чем за год до появления Мартынова в Саратове, в декабре 1905 г. на Николенко и Балабанова был подан анонимный донос, подписанный «Партией жандармов, угнетенных произволом своего начальства». Руководители железнодорожной жандармской полиции обвинялись в том, что в середине октября не предупредили собраний служащих Рязанско-Уральской железной дороги, состоявшихся на Саратовском вокзале. Заявленное обсуждение экономических вопросов было санкционировано губернатором, что делало собрание легитимным в глазах полиции, однако экономическая повестка быстро сменилась призывами: «Долой самодержавие! Долой Царя-кровапийцу!» О том, что характер собраний на вокзале будет исключительно революционный, представители администрации знали заблаговременно из докладов ротмистра Федорова, а также из сообщений нижних чинов управления, однако руководство ЖПУЖД оказалось неспособно предотвратить мятежную сходку, что стало причиной особого недовольствия нижних чинов, которым приходилось наблюдать за фактически противоправительственной акцией и бездействовать²⁸³.

---

²⁸¹Мартынов А.П. Указ. соч., С. 135- 136.

²⁸²Там же.

²⁸³ГАРФ. Ф. 110. Оп. 6. Д. 1320. Л. 7-8. По итогам дознания, произведённого по данному заявлению полковником Н.И. Мочаловым, в порядке Военно-судебного устава, заведующий Судной частью корпуса полковник В.И. Добряков поставил это упущение в вину Николенко и Балабанову. Кроме того, он заключил, что унтер-офицеры, авторы анонимного сообщения, руководствовались «высоким патриотическим чувством», и что ротмистру Балабанову не следовало «держаться так далеко от подведомственных ему нижних чинов». Там же. Л. 93-94.

Несмотря на явную необремененность железнодорожных жандармов розыскной работой, отнюдь нельзя сказать, что возложенные на них обязанности регулярной полиции на транспорте были легки. Железные дороги были зоной с повышенной криминогенной обстановкой, о чем наглядно свидетельствуют статистические данные. (См. Приложение IV).

К особенностям железнодорожной службы жандармов следует отнести значительность размаха их профессиональных контактов. Мало того, что чины ЖПУЖД были всегда на виду у публики, им зачастую по долгу службы приходилось взаимодействовать также с коллегами сразу из нескольких ГЖУ и охранных отделений, поскольку железнодорожная магистраль, входившая в зону ответственности управления, могла проходить по территории нескольких губерний. Подобное сосуществование в одной местности нескольких полицейских учреждений нередко вело к чисто техническим неурядицам. Так, иногда филеры охранных отделений, обращаясь за содействием к станционным жандармам, ничем не устанавливали своей принадлежности к органам сыска, чем вводили своих железнодорожных коллег в сомнения. Бывали даже случаи, когда посторонние лица под видом филеров, обращались за содействием к железнодорожным унтер-офицерам²⁸⁴.

Железнодорожные жандармы, составлявшие значительная часть корпуса, фактически не являлись политической полицией и становиться ею желания не изъявляли. Однако государственная власть запутывала взаимоотношения жандармов с другими учреждениями и между собой. Неспособное выработать четкие и эффективные алгоритмы межведомственного взаимодействия, руководство нередко предлагало договариваться «полубовно», частным образом, что в очередной раз свидетельствует о серьезных недостатках организации политической полиции.

---

²⁸⁴ ГАРФ. Ф. 110. Оп. 6. Д. 920. Л. 20.

Сколь ни удивительно наблюдать подобные отношения в рядах тех, кого принято считать опорой трона, конфликты в жандармской среде, надо признать, отнюдь не были случайностью. Помимо очевидной громоздкости полицейского аппарата империи, среди причин этих и многих других проблем жандармского ведомства следует назвать принципы, заложенные в самой его основе. Поскольку в сознании представителей власти, «все "доброе", "патриотические" и "надежное" объединялось с "военными"»²⁸⁵, корпус получил военную организацию. Рудименты «нерассуждающей» воинской дисциплины мешали той живой и инициативной работе, которая требовалась от политической полиции. Между тем, обстоятельства текущего момента обусловили замену ожидания лояльности требованием эффективности. Результатом стало продвижение, вопреки сложившимся служебным порядкам, розыскных офицеров, чей профессиональный инструментарий был разнообразнее, чем у их коллег из жандармских управлений. Так, до определенной степени искусственно, жандармская корпоративная среда оказалась расколотой и, во многом, неспособной к консолидации даже во имя защиты государственных интересов.

---

²⁸⁵ Мартынов А.П. Указ. соч. С. 34.

Глава 2. Круг взаимодействия чинов Отдельного корпуса жандармов в рамках служебной деятельности

2.1. Служебные взаимоотношения жандармских чинов вне системы органов политической полиции.

2.1.1. С чиновниками Министерства юстиции

Ближайшими коллегами жандармских офицеров по службе являлись чины прокурорского надзора, призванные надзирать за производством дознаний о государственных преступлениях, каковое право было передано жандармам в соответствии с законом от 19 мая 1871 г. Недостаточная юридическая подготовка жандармских офицеров, отмеченная как мемуаристами, так и исследователями²⁸⁶, предопределила служебное и интеллектуальное превосходство прокуроров. Так, А.Ф. Кони констатируя активное личное участие лиц прокурорского надзора в производстве дознаний, отмечал, что «их юридические сведения ... не могли не оказать нравственного давления на менее опытных и менее образованных чинов жандармского корпуса ... За ничтожными исключениями прокуроры сделались действительными и полновластными хозяевами дознаний, а жандармские чины – писцами постановлений и протоколов под диктовку прокуроров»²⁸⁷. Играло роль и специфическое отношение к жандармскому мундиру. На страницах своих воспоминаний Кони приводит любопытную сценку из жизни своего коллеги товарища прокурора В.И. Жуковского, который в середине 60-х гг. был костромским губернским прокурором и участвовал в качестве официального лица в проходах жандармского штаб-офицера, получившего другое назначение. Сохраняя кое-как за обедом служебную сдержанность, он совершенно растерял её остатки на пристани, когда свежий волжский воздух усилил действие винных паров. Неожиданно для всех он брякнул провожаемому, который хотел с ним поцеловаться: «Ты

---

²⁸⁶Краковский К.П. Политическое дознание во второй половине XIX-начале XX века// Историко-правовые проблемы: новый ракурс: Сборник научных статей. - Курск: КГУ, 2012, Вып. 5. - С. 315-344.

²⁸⁷Кони А.Ф. Собр. соч. в 8 т. М.: Юрид. лит., 1966. Т. 2. С. 333.

куда лезешь?! Чего тебе, е. т. м.?! Стану я с тобой, со шпионом, целоваться! Прочь, с.... сын!»²⁸⁸

Впечатления же самих жандармов об участии прокуратуры в политических делах были несколько иными. Так, по мнению Спиридовича, прокуратура в большинстве случаев, «схватывалась за освобождение и... принимала на себя роль адвоката арестованных», хотя, как он пишет, бывали в этом отношении исключения в провинции, «где находились иногда прокуроры даже еще более жестокие, чем жандармские офицеры»²⁸⁹.

Если первоначально сотрудничество жандармов и чинов прокуратуры и воспринималось в свете противоборства судебного ведомства и МВД, то со временем прокуроры стали проявлять все большую лояльность к действиям жандармских чинов и практика их совместной деятельности со всей очевидностью продемонстрировала отсутствие каких-либо серьезных противоречий между представителями этих ведомств. Например, если во время дознания предпринималась попытка склонить обвиняемого к сотрудничеству, «прокуроры покидали комнату, в которой оставался жандармский офицер, с тем, чтобы в нее вернуться тогда, когда все дело было кончено»²⁹⁰.

Мартынов оставил обширные и вполне благожелательные описания чинов прокурорского надзора, с которыми ему приходилось общаться по долгу службы. «Например, товарищ прокурора С.-Петербургского окружного суда А.Т. Васильев пользовался общим уважением и любовью жандармов, - писал А.П. Мартынов. – Ни один из жандармских офицеров не мог ожидать от него возврата оконченного дознания. В случае необходимости каких-либо дополнений или наличия пропусков со стороны производившего дознание офицера, А.Т. Васильев деликатно, в частном порядке обсуждал с офицером дознание и указывал, что требовало дополнений. Каждый офицер, узнав, что

²⁸⁸ Кони А.Ф. Воспоминания о деле Веры Засулич. М., 2015.

²⁸⁹ Спиридович А.И. Указ. соч. С. 75-76.

²⁹⁰ Падение царского режима. Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства/ ред. П.Е. Щеголев Т.1. Л., 1924. С. XVI.

наблюдающим за его дознанием будет Васильев, чувствовал себя вполне удовлетворенным: никаких неприятностей по производству дознания быть не могло»²⁹¹ Также в положительном ключе Мартынов упоминает едва ли не всех чинов прокурорского надзора, с которыми ему довелось сотрудничать: товарища прокурора Петербургской судебной палаты А. Н. Силина, товарищей прокурора Петербургского окружного суда Д. П. Бусло, Н. П. Харламова, М.И. Зубовского, прокурора Московской судебной палаты (впоследствии товарища министра внутренних дел), А.В. Степанова; товарища прокурора Московской судебной палаты (впоследствии также товарища министра внутренних дел) И. М. Золотарева. Товарищи прокурора А. В. Скопинский и граф Пащенко-Развадовский были «очень приятные сослуживцы». Исключение составляют упоминавшийся выше прокурор Саратовской судебной палаты Миндер, русский немец, с большой предвзятостью относившийся к жандармскому ведомству, а также В. А. Брюн де Сент-Ипполит, директор ДП, бывший некогда товарищем прокурора Петербургского окружного суда. «Приличный до крайности, этот “сухарь” в прокурорской форме неизменно хранил на лице как бы безгливость от соприкосновения с делами жандармского ведомства»²⁹². В качестве иллюстрации Мартынов приводит эпизод своего визита в ДП на предмет объяснения по жалобе начальника Владимирского ГЖУ полковника К.П. Немировича-Данченко, «железнодорожника» по опыту предыдущей службы. По словам Мартынова, Брюн де Сент-Ипполит, выслушав объяснения, сухо сказал: «Знаете что, полковник, очень трудно разбираться в ваших делах!», имея в виду «в ваших жандармских», «ваших розыскных», «ваших охранных». Весьма странный, если не сказать дикий, ответ начальника политического сыска империи своему прямому подчиненному.²⁹³

Однако в целом консерватизм представителей прокурорского надзора, по мнению Мартынова, был ничуть не меньше консерватизма чинов ОКЖ, а

---

²⁹¹ Мартынов А.П. Указ. Соч. С. 99-102.

²⁹² Там же. С. 72-73.

²⁹³ Там же. С. 95.

их общая культурность и понимание дела, могли бы сделать из них очень дельных руководителей политического розыска. Тем не менее, в силу того обстоятельства, что «на них не было военного мундира», правительство отдавало предпочтение чинам жандармского ведомства.²⁹⁴

Иные крупные жандармские начальники позволяли себе едва ли не отмахиваться от коллег из судебного ведомства. Примечательны воспоминания Спиридовича о периоде т.н. «весны Святополк-Мирского», (последовавшей вслед за убийством В.К. Плеве). «Спокоен был у нас... прокурор палаты, ... но некоторые маленькие товарищи прокурора бегали как угорелые. Один все приставал ко мне, на каком я основании делаю то или другое и так надоел, что однажды я сказал ему: "Да разве вы не знаете, что есть такое учреждение в Киеве на Бульварно-Кудрявской, где все и всегда делается без всяких оснований? Если не знаете, то знайте!" Он обиделся, но больше уже не приставал»²⁹⁵. Однако тут же Спиридович спешит оговориться, что всё же арест каждого лица должен был быть серьезно обоснован.

Впрочем, несмотря на обширные свидетельства мемуаристов, опираться на них в общей оценке взаимодействия чинов жандармского ведомства с представителями прокурорского надзора, было бы наивно. Во-первых, в лице авторов воспоминаний мы, как правило, имеем розыскных офицеров самой первой величины, чьи профессиональные контакты были куда шире и интенсивней, чем у их менее именитых коллег. И во-вторых, как мы уже могли убедиться на примере служебных взаимоотношений А.П. Мартынова, воспоминания жандармов порой грешат против истины.

Тот же Спиридович, как показывают документы, имел конфликт с прокурорским надзором и ГЖУ из-за ареста некоей Е.А. Герман. Эта женщина, квартирная хозяйка арестованного ранее Карнаухова, мать двоих детей и несчастливая обладательница одного-единственного номера журнала

---

²⁹⁴ Мартынов А.П. Указ. Соч. С. 101.

²⁹⁵ Спиридович В.Д. Указ. Соч. С. 164.

«Революционная Россия» стала яблоком раздора между Киевским ГЖУ и охранным отделением. Спиридович посадил ее под домашний арест, чтобы, как поняли его коллеги, по возвращении мужа с фронта, посадить и в тюрьму, как лицо неблагонадежное. Начальник ГЖУ и прокурорский надзор, возмутились, впрочем, не столько ситуацией, сколько несоблюдением формальных тонкостей. Под их совокупным давлением ДП сделал Спиридовичу надлежащие внушения²⁹⁶.

Нередко работа жандармских начальников вызывала нарекания чинов прокурорского надзора. Документы свидетельствуют о том, что прокуроры куда чаще жаловались на своих коллег из «голубого ведомства», нежели те на них. Так, из 41 дела (1893-1916 гг.), начатого в связи с конфликтными ситуациями между жандармскими офицерами и чиновниками Министерства юстиции, чуть более половины (21) имело для жандармов более или менее серьезные служебные последствия. В большинстве случаев, жандармское начальство объявляло подчиненным выговор (5), ставило на вид (5) или делало замечание (4). В исключительных случаях, когда повредить офицеру не желали, а сделать назидание подчиненным считали необходимым, существовал и такой способ: в приказе по корпусу произошедший случай описывался в общих чертах, без упоминания имен и названия управления (1). В случае если разногласия между прокурорским надзором и жандармским офицером оказывались непреодолимыми, но вина офицера незначительна, существовала практика перевода на аналогичную должность (4). Зачастую офицеры переводились один на место другого. В остальных же случаях наказания были куда жестче: штраф (1), домашний арест (2), арест (1), угрозы и предложения оставить службу (2). Стоит, впрочем, заметить, что, несмотря на всю опасность пререканий с прокурорами, из 41 дела только 1 закончилось увольнением с формулировкой служебного несоответствия²⁹⁷.

---

²⁹⁶ГАРФ. Ф. 110. Оп. 6 Д. 1165. Л. 1-2, 8, 9.

²⁹⁷ГА РФ. Ф. 110. Оп. 4. Д. 2783, 1613, 1614, 4570, 3265, 2791; Оп. 6. Д. 1579, 1622, 1501, 774, 1463, 1313, 1179, 827, 1655, 2318, 1215, 912, 2063, 483, 481, 754, 1419.

Так, причиной к увольнению послужил ряд серьезных служебных нарушений, допущенных начальником Рязанского отделения Московского ЖПУЖД подполковником А.П. Романовым. Романов при дознании о возникшей в декабре 1905 года забастовке железнодорожных служащих на станции Рязань, составил от своего имени и за своей подписью протокол допроса нескольких свидетелей, которые в действительности были допрошены вахмистром. Когда же во время предварительного следствия свидетели заявили, что показания их изложены в протоколе неправильно, на это не было обращено внимания. Щепетильный прокурор Московской Судебной Палаты сообщил об этом в Штаб корпуса. Последовало разбирательство, в результате которого эти сведения нашли подтверждение, а вместе с тем обнаружилось, что Романов в служебных делах «не всегда относился к железнодорожным служащим с должным беспристрастьем»²⁹⁸.

Чины ГЖУ становились участниками конфликтных ситуаций в половине случаев (22), офицеры ЖПУЖД - чуть реже (16). Менее всего недоразумений с прокурорским надзором имели чины охранных отделений, те самые розыскные офицеры (3), причем ни один из рассмотренных эпизодов не имел губительных для чинов корпуса последствий.

Более того, иногда и репутация самих прокуроров могла оказаться под вопросом. Например, начальник Рижского охранного отделения подполковник Н.И. Балабин донес на двух лиц судебного ведомства - судебного следователя Горнштейна, который якобы выгораживал соплеменников и закрывал дела, не доводя их до суда, и прокурора городского суда Благовещенского, который был обвинен в том, что он «кадет, и даже левее по своим политическим убеждениям» и также потворствует евреям. Командированный расследовать этот случай прокурор Санкт-Петербургской Судебной палаты П.К. Камышанский обвинений Балабина не подтвердил, но урон репутации чинов прокуратуры был нанесен

---

²⁹⁸ГАРФ. Ф. 110. Оп. 6. Д. 1419. Л. 62-62 об.

немалый²⁹⁹. Либеральные воззрения прокуроров и их сочувствие к обвиняемым вообще зачастую являлись причиной жалоб жандармских офицеров. Например, в конфликте прокурора Екатеринбургского окружного суда Б.О. Козицына, не пожелавшего привлечь к ответственности революционного агитатора-подстрекателя, с чинами Пермского ГЖУ, губернатор А.П. Наумов поддержал последних. «Настоящий случай такого отношения прокурорской власти к участникам революционной агитации во вверенной мне губернии является не единичным, - писал губернатор. - Прокурорский надзор слишком явно не желает оказывать содействия делу борьбы с революционной пропагандой»³⁰⁰.

В единственном случае из 41 изученного, из-за жалобы жандармских коллег представитель прокурорского надзора поплатился должностью. Так, товарищ прокурора Владикавказского окружного суда, коллежский асессор Кирьяков был уволен в результате препирательств с чинами Терского областного жандармского управления, донесших до сведения начальства упорно циркулировавшие слухи о том, будто бы тот назвал императора «Николашкой»³⁰¹.

Подобный случай, впрочем, являлся исключением, поскольку основное количество жандармских жалоб на чинов прокурорского надзора составляли нарекания на превышение прокурорами своих полномочий и попытки возложить на жандармов обязанности вне законных предписаний. К таковым можно, например, отнести несправедливое требование и.д. Тобольского прокурора К.Б. Газенвинкеля, чтобы жандармские унтер-офицеры отдавали ему честь³⁰², а также попытку прокурора Либавского окружного суда возложить на железнодорожных жандармов обязанность по вручению повесток мировых судей³⁰³. «Неуставное» грубое обращение прокуроров с жандармскими унтер-офицерами не было редкостью и

---

²⁹⁹ ГАРФ. Ф. 110. Оп. 6. Д. 1695. Л. 1-2об.

³⁰⁰ ГАРФ. Ф. 110. Оп. 4. Д. 1623. Л. 14.

³⁰¹ ГАРФ. Ф. 110. Оп. 6. Д. 1723.

³⁰² Там же. Д. 357.

³⁰³ Там же. Д. 933.

становилось причиной ссор и разбирательств. Товарищ прокурора Ковенской судебной палаты Рапопорт в присутствии публики повышенным тоном сделал замечание одному из жандармских унтер-офицеров, приветствовавшего Рапопорта и вставшему позже других: «Жандарм, вставай, вставай быстрее!» В ответ на это начальник Ковенского ГЖУ полковник П.В. Шатов, в свою очередь, разразился гневным письмом в адрес Рапопорта. Дошло до того, что конфликт пришлось улаживать на уровне министров – юстиции и внутренних дел, соответственно³⁰⁴.

Основными темами многочисленных прокурорских жалоб на жандармских офицеров, в свою очередь, являлись: медлительность в производстве дознаний и несвоевременные донесения (17), а также некорректное обращение (23), причем квалифицировать, где заканчивалась критика процессуальных ошибок, а где начиналось обвинение в бестактном и оскорбительном отношении, зачастую не представляется возможным.

Более половины жалоб на промедление в производстве дознаний (10) относятся к периоду первой революции. Вероятно, по этой причине, начальство воспринимало медлительность жандармов с пониманием. Так, по жалобе прокурора Казанской судебной палаты на ротмистра К.Н. Самойленко-Манджара о том, что поступившие в апреле 1906 г. требования судебного следователя были исполнены только в августе, жандармскому офицеру его медлительность была «поставлена на вид». Начальник Пермского охранного отделения ещё с апреля был загружен делами по реализации материала, поступившего перед 1 мая, так и по ликвидации в начале мая. Кроме того произошел ряд попыток хищения динамита, выборы Пермского комитета с-д, окружная и областная конференции с-д. Всё это также надо было ликвидировать, а вслед затем производить осмотры взятого по обыскам материала. Не имея под рукой интеллигентного помощника, ротмистру Самойленко-Манджара пришлось единолично, кроме текущей переписки, утром с 7-8 часов принимать наружное наблюдение, шифровать

---

³⁰⁴ГАРФ. Ф. 110. Оп. 14. Д. 9. Л. 1-5.

телеграммы, вести сношения с должностными лицами, участвовать в совещаниях, устраиваемых начальником губернии, рассматривать взятые по обыскам бумаги, а вечерами принимать секретных сотрудников, после чего нередко приходилось бывать с личными докладами у губернатора. Освобождался ротмистр часа в 2-3 ночи и положительно был лишен возможности заниматься в это время другими делами. Работы было столько, что письмоводитель заболел от переутомления. Вновь нанятым писарям не хватало ни сил, ни опыта, вот почему требование следователя случайно оказалось подшито к несоответствующей переписке³⁰⁵.

С аналогичными трудностями в данный период сталкивались многие коллеги ротмистра. Когда в 1906 г. начальник Севастопольского жандармского управления полковник В.М. Ламзин отказал прокурору в производстве дознания о покушении на убийство полковника И.А. Думбадзе, жандармское начальство не только не наказало его, но и напротив, признало отказ правильным. Мотивируя отказ, Ламзин сослался на недостаток офицеров в управлении и массу текущих дел³⁰⁶. Аналогично, в ответ на жалобу Прокурора Санкт-Петербургской Судебной палаты на значительные задержки в производстве дознания, допускаемые начальником Лифляндского ГЖУ полковником И.Д. Волковым и его помощником подполковником М.С. Байковым, Штаб корпуса обещал поставить им на вид, но, как видно, дело замяли. Подполковник Байков, окончивший переданное ему в мае дознание лишь в августе, имел параллельно 52 других дознания, в числе которых 14 арестантских, требующих особой поспешности выполнения следственных действий и разъездов по губернии³⁰⁷. Ту же картину наблюдаем и в случае с жалобой прокурора Казанской судебной палаты на неисполнение чинами Самарского ГЖУ требования следователя по делу двух эсерок, Натальи Юргенс и Елизаветы Калюжной. Промедление произошло ввиду значительного количества арестантской переписки, причем в управлении при

---

³⁰⁵ГАРФ. Ф. 110. Оп. 6. Д. 1463. Л. 4-6.

³⁰⁶ Там же. Д. 1469.

³⁰⁷ Там же. Д. 1313.

недостаточности личного состава на тот момент числилось более двухсот дознаний³⁰⁸.

Стоит отметить, что не только прокуроры не получали своевременных ответов, но и запросы ДП нередко исполнялись не в срок. Дело в том, что канцелярии жандармских управлений, штат большинства из которых был утвержден в 60-е гг. и ни разу с тех пор не пересматривался, страдали хроническим недостатком квалифицированных кадров, который становился тем очевидней, чем интенсивней проявляли себя преступность и протестное движение. П.И. Рачковский констатировал, что ГЖУ «завалены делом настолько, что при всем их старании выполнить его с полной тщательностью сделать этого они не в состоянии»³⁰⁹.

Особенно остро эта проблема встала в годы первой русской революции. Так, например, в мае 1906 г. в канцелярии Екатеринославского ГЖУ помимо адъютанта занимались только двое молодых и неопытных писаря. Один из них, поступивший на место своего предшественника, за неисправимо дурное поведение и беспробудное пьянство преданного суду, был совершенно неграмотен. А из числа состоящих при управлении унтер-офицеров только два кое-как могли печатать на печатной машинке³¹⁰. Зимой 1906 г. начальник Бакинского ГЖУ полковник Глоба телеграфировал в Штаб корпуса: «Адъютанта нет, переводчик ранен, писарь болен. ... Работы масса»³¹¹.

Вместе с тем, не стоит забывать и о вышеупомянутом сибаритстве офицеров, для которых пребывание на службе с 10 утра до 4 дня составляло проблему. Начальник Московского ГЖУ генерал-лейтенант В.А. Черкасов указывал своим подчиненным, что их медлительность в производстве дознаний «не объясняется никакими причинами»³¹².

---

³⁰⁸ ГАРФ. Ф. 110. Оп. 6. Д. 1550. Л. 2.

³⁰⁹ Политическая полиция Российской империи между реформами... С. 38.

³¹⁰ ГАРФ. Ф. 102. 7-е Делопроизводство. 1906 г. Оп. 203. Д. 890. Л.41.

³¹¹ ГАРФ. Ф. 110. Оп. 2. Д. 11676. Л.26.

³¹² ГАРФ. Ф. 58. Оп. 8. Д. 1447. Л. 22.

Суммируя факты, можно сказать, что жандармские офицеры, сталкиваясь по службе с чинами прокурорского надзора, в большинстве случаев проигрывали им в плане профессионализма и расторопности. Это было вызвано рядом объективных причин, основными из которых являлись: нехватка кадров, в особенности, канцелярских служащих, отсутствие необходимого опыта и специального образования. При проведении дознания жандармские офицеры нередко были весьма нещепетильны по отношению к букве закона, пренебрегая необходимыми правилами и процедурами. В этом отношении прокурорский надзор был значительно более корректен. В то же время, чиновникам Министерства юстиции, как представителям российского образованного класса, случалось разделять либеральные воззрения своей среды, хотя нельзя сказать, чтобы таковые имели значительное влияние на их служебную деятельность. Вот почему способность жандармского офицера к качественному исполнению следственных действий и формальному соблюдению законных процедур гарантировала отсутствие проблем с прокурорским надзором.

2.1.2. С представителями Министерства внутренних дел.

Ещё одной категорией должностных лиц, от благоприятного взаимодействия с которыми, зависел успех жандармской службы, являлись губернаторы. Однако, как казалось, возникновение проблем в этой области было предписано изначально. Так, в инструкции, данной шефом жандармов одному из агентов политической полиции, ему вменялось в обязанность «...споспешествовать благотворительной цели государя императора и отеческому его желанию утвердить благосостояние и спокойствие всех в России сословий, видеть их охраняемыми законами и восстановить во всех местах и властях совершенное правосудие», «обратить особенное внимание на могущие произойти без изъятия во всех частях управления и во всех состояниях и местах злоупотребления, беспорядки и закону противные поступки; ...наблюдать, чтобы спокойствие и право граждан не могли быть нарушены чьей-либо личной властью и преобладанием сильных лиц или

пагубным направлением людей злоумышленных». Однако именно те же цели преследовал и институт губернаторов. Э.Н. Берендтс по этому поводу не без иронии писал: «Если губернаторы были неспособны к исполнению означенных обязанностей ввиду недостатка в них соответственных личных качеств, то, спрашивается, почему набранные со всех сторон кавалерийские, артиллерийские и пехотные офицеры признавались способными для таких высоких целей?»³¹³

Кроме того, губернаторов не могла не раздражать независимость начальников ГЖУ, ведь последние в своих отчетах, подаваемых в Петербург, прямо или косвенно касались и работы губернатора. Так, например, в Тверской губернии на протяжении многих лет отношения ГЖУ с губернатором были откровенно враждебными. Тверской губернатор А.Н. Сомов, активно искавший компромисс с либеральными земцами, нередко делался мишенью жандармских доносов³¹⁴. Тот же Берендтс призывал «подчинить вполне и безусловно жандармов губернаторам, со строгим запрещением входить к высшему правительству с рапортами помимо губернаторов»³¹⁵. Важно заметить, что данная идея была далеко не нова. Ещё в 1880 г. в записке о преобразовании полиции М.Т. Лорис-Меликов предлагал объединить жандармскую полицию с общей, «путем полного подчинения жандармских чинов высшей губернской административной власти»³¹⁶. В декабре 1880 г. на заседании Комиссии под председательством товарища министра внутренних дел М.С. Каханова петербургский градоначальник А.А. Федоров высказался за подчинение жандармов градоначальнику, а когда его предложение было отклонено, подал записку, обосновывавшую соединение ГЖУ и полиции, т.е. дознания и розыска, в

³¹³Берендтс Э.Н. Указ. Соч. С. 163.

³¹⁴Чудакова М. С. Проблемы взаимоотношений общей и политической полиции царской России// Вестник Томского государственного университета. История. 2010, № 3, С. 32.

³¹⁵Берендтс Э.Н. Указ. Соч. С. 165.

³¹⁶Политическая полиция Российской империи между реформами. От В.К. Плеве до В.Ф. Джунковского. Сборник документов/ Вступительная статья, составление и комментарии Е.И. Щербаковой. – М.: АИРО-XXI; СПб.: Алетейя, 2015. С. 17.

одном учреждении³¹⁷. Аналогичные идеи выдвигал в своей записке и начальник Московского ГЖУ генерал-лейтенант К.Ф. Шрамм³¹⁸.

Особенно серьезно этот вопрос рассматривался в рамках подготовки полномасштабной реформы полиции в Особой междуведомственной комиссии под председательством товарища министра внутренних дел А.А.Макарова, приступившей к работе осенью 1906 г.³¹⁹. В частности, в проекте особой подкомиссии во главе с М.И. Трусевичем (1908 г.) было предложено введение новой должности помощника губернатора по полицейской части, в ведении которого было бы заведование как полицией, так и жандармскими чинами в пределах губернии, однако при обсуждении данного проекта губернаторы, опасаясь за свою власть, осудили основные положения данного проекта³²⁰. Работа Комиссии продолжалась, проект был представлен в Совет министров и Государственную думу, но работа думской комиссии, в свою очередь, затянулась на долгие годы, и окончилась частичной реформой, коснувшейся только вопросов личного полицейского состава³²¹.

Отношения начальников ГЖУ с губернаторами нередко оставляли желать лучшего. Фонд Штаба ОКЖ содержит немало дел, живописующих разногласия чинов ГЖУ и местных губернаторов, с типовыми заголовками «О ненормальных отношениях», «О нетактичных действиях».

Начальнику Ковенского ГЖУ полковнику В. А. Черкасову было поставлено в вину то, что он «держит себя далеко от местного губернатора» и «редко его посещает»³²². Начальник ЖПУ Уссурийской железной дороги полковник Е.В. Фон-Франкенштейн начал свои отношения с военным губернатором Приморской области генерал-майором А.М. Колюбакиным с того, что не сделал ему визита тотчас по прибытии, что впоследствии, в

---

³¹⁷ Овченко Ю.Ф. Московская охранка на рубеже веков...С. 64-65.

³¹⁸ ГАРФ. Ф. 110. Оп. 8. Д. 10.

³¹⁹ Подробнее: Перегудова З.И. Политический сыск России...С.380-396.

³²⁰ Там же. С. 384-387.

³²¹ Там же. С. 394.

³²² ГАРФ. Ф. 110. Оп. 6. Д. 433. Л. 2.

совокупности с промедлениями в исполнении предписаний Штаба ОКЖ, стоило ему должности³²³. Под угрозой увольнения из-за ненормальных отношений с местным губернатором оказался начальник Сувалкского ГЖУ полковник А.И. Хрыпов³²⁴.

Начальникам губерний предоставлялось, в случае особой важности, возлагать на штаб-офицеров ОКЖ, по их соглашению, поручения, не указанные в законе³²⁵. Но штаб-офицеры своё согласие выказывали не всегда, что приводило к выяснению отношений³²⁶. Например, начальнику Эстляндского ГЖУ полковнику П.А. Тихоновичу, отказавшему губернатору П.В. Веревкину произвести расследование о расколе в секте адвентистов, был поставлен на вид «резкий, полемический тон» отказа и приказано взяться-таки за это дело³²⁷.

Порой жандармским чинам доводилось сталкиваться и с неправомерными действиями губернаторов. Так, например, причиной конфликта губернатора с начальником Орловского ГЖУ полковником П.П. Глоба стало нежелание последнего исполнять противозаконные предписания. Губернатор хотел, чтобы помощник полковника Глоба ротмистр Д.Д. Петров под каким-либо предлогом вызвал организаторов забастовки на Брянском заводе с целью последующего ареста. Аналогичная просьба поступила от губернатора городскому судье и судебному следователю. Глоба счел, что «подобный образ действий несовместим с достоинством правительственной власти и дискредитирует её в глазах населения», а потому губернатору в содействии отказал. Более того, Глоба занял сторону мятежного пролетариата, полагая, что «требования брянских рабочих крайне умеренны и если бы не пристрастное отношение Орловского губернатора... к директору завода..., то рабочие пошли бы на многие уступки». О

³²³ ГАРФ. Ф. 110. Оп. 6. Д. 1286. Л. 14, 15, 21, 26, 27.

³²⁴ ГАРФ. Ф. 110. Оп. 2. Д. 15106.

³²⁵ Согласно прим. 2 к ст. 503 ч.1 т. II Св. Зак. Изд. 1876 г.// ГАРФ. Ф. 110. Оп. 6. Д. 302. Л. 6-10.

³²⁶ ГАРФ. Ф. 110. Оп. 6. Д. 302. Л. 1-5.

³²⁷ Там же. Д. 3423. Л. 4-5 об., 34.

ненормальных отношениях заводской администрации к рабочим Глоба донес Директору ДП и командиру ОКЖ генерал-майору К.Н. Рыздзевскому. В данном случае высокое начальство заняло сторону жандармского полковника, но ввиду обострившихся отношений с губернатором, Глоба был переведен на должность начальника Кутаисского ГЖУ³²⁸. Даже правота не означала для жандармского чина отсутствия последствий.

Впрочем, бывали и исключения. Одним из них является случай, когда начальник Енисейского ГЖУ полковник М.С. Байков обвинил умершего Енисейского губернатора И.И. Крафта в слабости и покровительстве ссыльным³²⁹. Но, очевидно, ввиду того, что обвиненный был уже покойником, на службе Байкова это не отразилось³³⁰.

Поводом к взаимным обвинениям сравнительно часто являлись инциденты между жандармами и регулярной полицией. Так, например, в 1892 г. начальник Калужского ГЖУ полковник Н.И. Новаковский направил жалобу на отсутствие содействия со стороны Калужской городской полиции и, якобы, запрещение чинам полиции разговаривать с нижними жандармскими чинами. Однако полковник не счел нужным указать, кем именно из полицейского начальства было отдано такое распоряжение. Выяснилось, что одному из городских, дежурившему ночью, был в драке нанесен удар в голову. Утром его сменил его коллега. Жандармский унтер-офицер, пришедший поинтересоваться случившимся, обиделся на дежурившего городского, когда тот отказался поведать ему подробности³³¹. Запрошенный по этому случаю калужский губернатор писал, что «и прежде, и в настоящее время жандармские нижние чины часто являются в полицейские части за всеми сведениями и в сообщении таковых никогда со стороны полицейских чинов не было им отказа... Новаковский считает излишним иметь со мною личные сношения, ограничиваясь почти всегда

---

³²⁸ ГАРФ. Ф. 110. Оп. 6. Д. 1217. Л. 2,3, 11-13.

³²⁹ Крафт и сам был сыном ссыльнопоселенца.

³³⁰ ГАРФ. Ф. 110. Оп. 6. Д. 3400. Л. 1-6 об.

³³¹ Там же. Д. 464. Л.1-9.

одними письменными сообщениями»³³². Руководство Корпуса поставило на вид Новаковскому нетактичность его действий, заключающуюся в нежелании личного объяснения, а также рекомендовало «быть в более близких, доверчивых отношениях к губернатору».

Подобные увещевания редко, правда, приносили какую-либо пользу, поэтому в случае возникновения более серьезных разногласий неуживчивых начальников ГЖУ приходилось переводить. В подобной ситуации оказался начальник Волынского ГЖУ полковник П.П. Бек, которого подвели подчиненные, унтер-офицеры Макурков и Суменцов, промышлявшие ростовщицеством, да и в остальном ведущие себя некорректно по отношению к гражданам и полиции. Когда слухи о неслужебных доходах подчиненных полковника дошли до сведения гражданских властей, из канцелярии Киевского генерал-губернатора А.П. Игнатьева в Штаб корпуса пошли жалобы на то, что «подобные безобразия едва ли прекратятся до тех пор, пока полковник Бек будет занимать настоящую должность, так как он неоднократно выказывал отсутствие должного уважения к представителям власти, и его подчиненные, зная о сем, без сомнения считают себя как бы вне закона»³³³. Итогом данного дела стал перевод полковника Бека на аналогичную должность (в Кубанское областное жандармское управление). Никаких иных репрессий, кроме того, что ему «поставили на вид», к нему применено не было. Унтер-офицера Макуркова решено было перевести в другое ГЖУ вне района Юго-Западного края, что и было вскоре исполнено посредством обмена с Варшавским ЖПУжд³³⁴.

Подобный метод «рокировки» Штабом своих сотрудников в случае возникновения каких-либо неприятностей являлся широко применяемой практикой.

Иногда, когда необходимость перевода была очевидна, Штаб не утруждал себя попытками примирить своих подчиненных с губернаторами.

---

³³² Там же. Л. 6.

³³³ ГАРФ. Ф. 110. Оп. 6. Д. 456. Л. 1-5.

³³⁴ Там же. Л. 22-24.

Так, например, когда отношения начальника Полтавского ГЖУ полковника М.Н. Филатьева с местным губернатором зашли в тупик, товарищ Министра внутренних дел, заведующий полицией, сообщил полковнику, что «согласно высказанному им желанию, ... может он с кем-нибудь поменяться». До перевода же Филатьева попросили просто «быть в высшей степени корректным в отношении губернатора», только «чтобы не повредить себе»³³⁵.

Губернаторы, со своей стороны, досадовали на обособленность местных органов жандармского надзора и невозможность контролировать их действия. Как и чины прокурорского надзора, они пытались обременить жандармов не входящими в сферу обязанностей последних поручениями. Так, в 1898 г. Н.А. Добровольский, и.д. Гродненского губернатора потребовал у начальника Гродненского ГЖУ полковника А.Федорова предоставить сведения о числе нерешенных в управлении дел. В ответ на это ему было заявлено, что согласно приказам и циркулярам по военному ведомству и ст. 750 кн. V Св. Воен. Пост., начальники ГЖУ не обязаны предоставлять губернаторам упомянутых сведений, и информацией делится лишь «постольку, поскольку считает это нужным для пользы дела»³³⁶. Внушение Министра внутренних дел И.Л. Горемыкина Добровольскому и вовсе было не из приятных. В частности, он заявил, что «не почитает губернаторов призванными оценивать служебную деятельность чинов Корпуса жандармов и выражать им ... одобрение или порицание»³³⁷. Так что в ответ возмущенные реплики жандармского начальства Добровольскому пришлось сослаться на ошибку канцелярии. Вообще, надо сказать, вся история взаимоотношений Добровольского с начальниками местного ГЖУ изобилует скандалами, и ссорой с полковником Федоровым дело не ограничилось³³⁸.

---

³³⁵ ГАРФ. Ф. 110. Оп. 6. Д. 1269.

³³⁶ Там же. Д. 626. Л. 1 об.

³³⁷ ГАРФ. Ф. 102. 3-е Делопроизводство. 1898 г. Оп. 96. Д. 1206. Л. 17-20 об.

³³⁸ ГАРФ. Ф. 110. Оп. 14. Д. 98. Л. 23-33.

Аналогичная ситуация имела место в конце 1899 г., когда начальник Сувалкского ГЖУ полковник М.А. Роменский писал в Штаб корпуса: «по ознакомлении с ...администрацией я, к сожалению, вынес убеждение в ненормальных отношениях ее к офицерам Корпуса жандармов; причем и. д. губернатора статский советник Ватаци, как видно, полагает, что чины Корпуса жандармов состоят в подчинении его». Э.А. Ватаци неоднократно обращался к офицерам ГЖУ преимущественно с поручениями о производстве негласных дознаний, однако эти просьбы встречали отпор со стороны местного жандармского руководства (поскольку на основании Циркуляра Шефа жандармов от 7 дек. 1874 г. и 10 янв. 1875 г. за № 10 и 2, начальники ГЖУ сообщают губернаторам из дознаний только те обстоятельства, которые признают нужными, храня в секрете то, о чем не следует сообщать)³³⁹.

Также полковник Роменский жаловался, что вообще в г. Сувалках жандармские офицеры «не были поставлены на высоту своего положения»: полиция к жандармским офицерам относилась небрежно, а при объезде полковником городов Сувалкской губернии ни один из начальников Земской стражи, состоящих в чине поручика, не считал нужным с ним познакомиться³⁴⁰. Также, по словам полковника, полицмейстер не предоставлял запрашиваемых управлением справок о прибывающих в город, следуя совету и.д. губернатора, опасаящегося, чтобы жандармские чины «не возмечтали и не сочли полицию в своем подчинении»³⁴¹.

Отдельного внимания заслуживают претензии жандармских начальников по части нарушения губернскими властями в их отношении этикета и протокола. Например, когда начальник жандармского управления Мариампольского и Владиславовского уездов, штабс-ротмистр Крылов по прибытии в Мариамполь, сделал служебный визит начальнику уезда, коллежскому секретарю Кравцову, последний возвратил визит только спустя

---

³³⁹ ГАРФ. Ф. 110. Оп. 14. Д. 106. Л. 1.

³⁴⁰ Там же. Л. 1 об.

³⁴¹ Там же. Л. 2.

три недели. Затем, тот же начальник уезда вовсе не отдал визита полковнику Роменскому, хотя имел для того достаточно времени³⁴². Подобное отношение жандармские офицеры склонны были рассматривать как вопиющую служебную бестактность и спешили докладывать об этом в Штаб корпуса.

Нередко такие формальные нарушения этикета были связаны с публичными и торжественными мероприятиями. Во всех городах России было принято в театрах устанавливать в первом ряду крайнее кресло для начальника ГЖУ, однако в Сувалках и в этом отношении был заведен особый порядок и вместо определенного места полицмейстер присылал начальнику управления в виде любезности билеты, взятые бесплатно в кассе. Полковник Роменский, «находя неудобным пользоваться такими подачками», возвратил полицмейстеру полученный от него билет, заявив, что он может пользоваться служебным местом, если таковое будет установлено. Однако в ответ на это, по распоряжению полицмейстера, два крайних места в первом ряду были заняты креслами для губернатора и вице-губернатора, а для начальника ГЖУ назначен стул в середине ряда, воспользоваться каковым он, разумеется, «счел ниже своего достоинства»³⁴³. Штаб корпуса, хотя и настойчиво советовал «оставить всякие домогательства по поводу места в театре, а с губернатором постараться установить нормальные отношения»³⁴⁴, кардинально повлиять на стороны данного конфликта был не в силах. Последствием подобных трений становилась ситуация, когда начальники ГЖУ иногда были изолированы от приглашений на какие-либо торжественные приемы, не говоря уже о младших чинах.

Даже в случае вопиющей неправоты губернатора жандармский офицер мало что мог сделать. Наглядно свидетельствует об этом инцидент, произошедший между начальником Ярославского ГЖУ полковником А.Шульцем и местным губернатором графом Д.Н. Татищевым, накричавшим на полковника за то, что тот, якобы самовольно, а на самом деле, в целях

---

³⁴² Там же. Л. 6.

³⁴³ Там же. Л. 2-2об.

³⁴⁴ Там же. Л. 4.

обеспечения безопасности прибывающей царской семьи, разместил одного офицера в губернаторском вагоне³⁴⁵.

Иными словами, несмотря на объективную общность служебных интересов, отношения начальников ГЖУ с губернаторами могли варьироваться от самых лучших до предельно натянутых³⁴⁶.

Несколько иначе складывались отношения с офицерами охранных отделений, которые были скорее заинтересованы в поддержке губернатора. Он же, в свою очередь, желал держать руку на пульсе их работы, поскольку от ее успеха зависело очень многое, включая иногда и его собственную жизнь. Кроме того, ввиду того, что во главе охранных отделений находились относительно молодые, часто невысоких чинов офицеры, влиять на них было куда проще, чем на независимых начальников ГЖУ.

В случае если начальнику охранного отделения удавалось доказать свою эффективность, отношения с губернатором складывались положительно, даже несмотря на козни коллег из ГЖУ. Так А.П. Мартынову удалось завоевать расположение Саратовского губернатора графа С.С. Татищева. Сам граф прибыл в Саратов немногим раньше Мартынова: он был назначен исправляющим делами Саратовского губернатора весной 1906 г., а утвержден в этой должности лишь в конце 1908 г. Определяющим моментом при назначении Татищева было, по всей видимости, мнение его знаменитого предшественника - П.А. Столыпина. Граф С.С. Татищев, выходец из старинного дворянского рода, вступил в столь высокую должность, не достигнув и 34 лет. Когда Мартынов, которому на тот момент было всего 30, занял пост начальника Саратовского охранного отделения, он поначалу чувствовал в обращении Татищева «нотку сдержанного недоверия». Этим он был обязан начальнику местного ГЖУ полковнику Д.С. Померанцеву, который явился к губернатору и изобразил назначение Мартынова «в самых мрачных красках». Впрочем, вскоре между губернатором и новым

---

³⁴⁵Реент Ю.А. Полицейская система Российской империи начала XX в. (1900-1917 гг.) Дисс. док. ист. наук. М, 2002. С. 302.

³⁴⁶ Там же.

начальником охранного отделения установились самые уважительные и доверительные отношения, которые «нельзя было разрушить никакими происками или наветами». Мартынов охарактеризовал Татищева как «прекрасного человека редкой душевной чистоты и порядочности», чрезвычайно простого в своих привычках и примерного семьянина³⁴⁷.

Иногда, впрочем, губернаторы склонны были переносить свои впечатления от взаимодействия с ГЖУ, либо частное мнение о жандармском ведомстве на отношение к руководителям охраны. Спиридович, после своего назначения в Киев, не без опасений ехал представляться генерал-губернатору, генерал-адъютанту М.И. Драгомирову, о котором говорили, будто он либерал и не жалуется жандармских офицеров. «Рассказывали, что когда-то, когда Драгомиров был помоложе и любил выпить, он как-то закутил и веселился три дня. И будто бы тогда начальник Киевского ГЖУ Новицкий написал на него доклад в Петербург. Узнав об этом, Драгомиров послал телеграмму государю Александру III: "Третий день пью здоровье вашего императорского величества". И будто получил ответ: "Пора бы и перестать". Драгомиров возненавидел Новицкого и, при первой же после этого встрече с ним, повернулся к Новицкому спиной, низко нагнулся и, раздвинув фалды сюртука, сказал: "Виноват, Ваше Превосходительство, секите, виноват!" Анекдот этот был очень распространен»³⁴⁸.

Тем не менее, в целом, губернаторы «в городах, где открывались охранные отделения, были довольны»³⁴⁹.

В вопросе успеха в налаживании отношений с начальником губернии основными критериями выступали: во-первых, способность офицера обеспечить личную безопасность губернатора и, во-вторых, осведомленность о развитии революционного движения в губернии и локализации террористического подполья. От жандармского руководителя требовалось или единолично завоевать доверие губернатора, оставив в тени своих коллег,

---

³⁴⁷ *Мартынов А.П.* Указ. соч., С. 145.

³⁴⁸ *Спиридович А.И.* Указ. соч. С. 115-116.

³⁴⁹ *Там же.* С.111-112.

или же наладить с таковыми плодотворное и доверительное сотрудничество, что, впрочем, удавалось весьма редко. Одним из наиболее частых поводов к жандармским жалобам в адрес губернатора являлись действия подчиненной ему регулярной полиции. В свою очередь, успех взаимодействия жандармов и полиции во многом зависел от того, насколько доверительными и дружественными оказывались отношения жандармского начальника с губернатором.

Казалось бы, жандармские чины, как представители политического сыска, и гражданская полиция, в чью компетенцию входили борьба с нарушениями общественного порядка и предупреждение уголовных преступлений, имели различные обязанности. ГЖУ, согласно Положению о Корпусе жандармов от 16 октября 1867 г., несли «обязанности только наблюдательные», содействуя восстановлению общественного порядка «только в таком случае, когда приглашены ... к тому местными властями», по собственному же побуждению они должны были действовать «только при небытности на месте чинов исполнительной полиции»³⁵⁰. Однако служебные взаимоотношения чинов Корпуса жандармов с полицейскими чинами были изначально осложнены рядом обстоятельств. Во-первых, и ГЖУ, и охранные отделения могли давать поручения общей полиции, но не наоборот. Начальник ГЖУ являлся губернским инспектором в отношении полицейской стражи, находящейся в прямом подчинении гражданской полиции³⁵¹. В-третьих, чинам последней часто приходилось исполнять функции политического сыска за отсутствием в местности жандармских офицеров, не пользуясь при этом их жалованьем, правами и привилегиями. Хотя и в более ранний период, до создания ДП, в расследовании государственных преступлений органами политической и общей полиции на местах был

---

³⁵⁰ПСЗ. Собр. 2. СПб., 1967. Т. 42, № 44956.

³⁵¹Реент Ю.А. Полицейская система Российской империи начала XXв. (1900-1917 гг.) Дисс. док. ист. наук. М, 2002. С 309,310.

свойственен параллелизм³⁵², но после разгрома народовольцев в 80-е гг., активность революционеров сместилась из крупных городов в провинцию, где малочисленный штат ГЖУ просто физически был неспособен организовать планомерную борьбу с противоправительственными силами³⁵³. Это не могло не вызывать раздражения местных полицейских начальников, что же до полицейских нижних чинов, то они в отношениях с жандармами, по выражению Ю.А. Реента, «остро чувствовали несовершенство социального устройства общества»³⁵⁴.

Принимая во внимание тот факт, что офицеры ГЖУ предпочитали проживать в городах, а в деревнях бывали лишь «наездами», полноценными сведениями о ситуации на местах, вне городов и районных центров они не обладали. По словам Мартынова, «деревни, волости и вообще «веси» наших уездных просторов были, попросту говоря, оставлены без надзора и наблюдения»³⁵⁵. П.И. Рачковский признавал, что полиция, «видя бессилие жандармской власти, нередко, по собственной инициативе производит обыски, аресты и дознания по политическим делам..., нанося иногда непоправимый вред не только местным, но и общим, непосредственно самим Департаментом полиции руководимым розыскам»³⁵⁶. Все это делало фигуру полицейский урядника «всезнающим оком», именно к нему, в случае необходимости, обращался за справками и сам жандармский унтер-офицер. Нетрудно догадаться, что такое положение дел порой ставило эффективность работы ГЖУ в зависимость от профессионализма местного полицмейстера и

---

³⁵²Подробнее: *Логачёва, Н. В.* Роль подразделений Министерства внутренних дел и губернаторов в борьбе с революционным движением в Российской империи в 1870-е-1880-е гг. / Н. В. Логачева // Вестник Пензенского государственного университета. 2013. № 1. С. 34-39.

³⁵³*Чудакова М. С.* Проблемы взаимоотношений общей и политической полиции царской России// Вестник Томского государственного университета. История. 2010. № 3.С. 27.

³⁵⁴*Реент Ю.А.* Указ. соч. С. 314.

³⁵⁵*Мартынов А.П.* Указ. Соч. С. 50.

³⁵⁶ Цит. по: Политическая полиция Российской империи между реформами...с. 39.

его желания идти навстречу жандармам. Неудивительно, что периодически на запросы полиция отвечала не вовремя и неточно³⁵⁷.

Жандармы, стремясь сосредоточить в своих руках все дело политического розыска, нередко входили в острые конфликты с полицейскими властями, отстаивавшими свою самостоятельность и в этой, казалось бы, не принадлежащей им области. Н.Г. Работнов описывает случай, произошедший в Ярославле, когда агенты полиции силой отгоняли филеров от домов, входивших в сферу их наблюдения, и намеренно проваливали их. Бывали случаи, когда на крупных предприятиях местный полицмейстер по личной договоренности с руководством фабрики и за хорошее вознаграждение выполнял функции чинов жандармского ведомства. Таким образом, можно сказать, создавалась конкуренция на рынке полицейских услуг. Так, например, когда ротмистр В.М. Немчинов обратился к директору Ярославской Большой мануфактуры с просьбой зачислить в штат рабочих доверенное лицо, ему в этом было отказано, поскольку на предприятии уже трудились «соглядатаи» полицмейстера Пузырева³⁵⁸. В донесении начальнику Ярославского ГЖУ ротмистр с прискорбием констатировал: «С первых шагов своей деятельности я наткнулся на ожесточенный антагонизм со стороны всех, без исключения, чинов полиции». Нежелание полицмейстера делиться средствами, отпускаемыми директором фабрики на организацию политического сыска, сделало все старания Немчинова наладить сотрудничество безрезультатными. Положение, по мнению Немчинова, изменилось лишь с назначением нового полицмейстера Н.В. Волкова, который, впрочем, был не в восторге от розыскных способностей своего жандармского коллеги.³⁵⁹

Иногда в случае организационной неразберихи и конфликта интересов, начальники ГЖУ действовали сообща с полицией в ущерб престижу

---

³⁵⁷ Например, ГАРФ. Ф. 102 . 3-е Делопроизводство. 1898 г. Оп. 96 . Д. 1848.

³⁵⁸ Работнов Н.Г. Тайны Ярославского застенка. С. 5.

³⁵⁹ Чудакова М. С. Проблемы взаимоотношений общей и политической полиции царской России..., С. 29.

охранного отделения (РОО или розыскного пункта). Столь нездоровая атмосфера соперничества, интриг и недомолвок чрезвычайно вредила делу и требовала регулярного вмешательства вышестоящего начальства. Так, разногласия начальника Ярославского охранного отделения ротмистра А.А. Гинсбурга с местной полицией окончились инспекцией помощника начальника отделения по охранению общественной безопасности и порядка по району ротмистра Васильева, который был принят губернатором А.А. Римским-Корсаковым. Инспекцией был подтвержден факт самостоятельной организации политического сыска полицмейстером Волковым и приставом Мегалинским, равно как и безуспешность попыток губернатора урегулировать отношения полиции и охранного отделения³⁶⁰.

Многолетняя вражда Тверского ГЖУ с губернатором разгорелась с новой силой при Н.Г. Бюнтинге, последнем Тверском губернаторе, впоследствии павшего одной из первых жертв Февральской революции. Бюнтинг, имевший сильных покровителей при дворе и потому недостижимый для жандармских жалоб, предписал местной полиции обо всех происшествиях политического характера сообщать не в ГЖУ, как было положено, а в канцелярию губернатора. Кроме того, по распоряжению губернатора, все лица, посещавшие ГЖУ, брались на учет. Полученные сведения о секретных сотрудниках полиция нередко предавала гласности³⁶¹.

В Одессе чины полиции имели обыкновение самовольно приступать к следственным действиям по делам, имеющим политический характер без ведома начальника местного охранного отделения, что вызывало обоснованное возмущение последнего³⁶².

Масштабы ведомственного сепаратизма в дореволюционной России трудно переоценить. Например, весной 1908 г. недоразумения между Екатеринославской полицией и охранным отделением достигли столь невиданных масштабов, что разобраться в ситуации был послан не кто иной

---

³⁶⁰ Там же, С. 31.

³⁶¹ Там же, С. 32.

³⁶² ГАРФ. Ф. 102. ОО. 1903 г. Оп. 231. Д. 1545. Л. 3-4.

как С.Е. Виссарионов, та тот момент и.о. вице-директора ДП. Кстати сказать, для Виссарионова это была первая крупная командировка подобного характера в новой должности, поскольку он пришёл в Департамент в самом начале 1908 г³⁶³. Результаты ревизии были поразительны. Если деятельность охранного отделения, несмотря на небольшие недочеты, была в целом признана удовлетворительной, а также заслужила положительные отзывы местной прокуратуры, то от репутации Екатеринославской общей полиции Виссарионов не оставил и камня на камне.

Так, по его мнению, причины и обстоятельства недоразумений на почве политического розыска, существовавшие между Екатеринославским сыскным и охранным отделением, менее всего зависели от деятельности последнего. Сыскное отделение, вопреки приказам губернатора, втихомолку занималось политическим розыском. В частности, налицо оказалось стремление чинов Екатеринославской общей полиции к самостоятельной организации специальной агентуры и, соответственно, к дискредитации работы охранного отделения путем подрыва его источников.

Полиция регулярно становилась виновником провала агентуры. Желая удержать за собой честь открытия, чины общей полиции сами ставили свое наблюдение, производили обыски и аресты, и тем срывали иногда наблюдение охранного отделения. Полицейский пристав Гусаков, невзирая на заявления секретного сотрудника о своей подлинной роли, заставил его тут же указать своего подельника, которого пристав поспешил тут же арестовать, чем провалил агента охранки. Доводы Гусакова исчерпывались формулировками «Задавлю как пискленка!» и «Наплевать мне на охранное отделение!»³⁶⁴. Коллега Гусакова, пристав Синьковский получал от директора завода деньги «на агентуру», которая у него действительно имелась в количестве двух сотрудников, работавших параллельно агентам охранного отделения. Предшественник Синьковского без ведома начальника

---

³⁶³ ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 248. Л. 7; Падение царского режима . Т.3. Лг., 1925. С. 441.

³⁶⁴ ГАРФ. Ф. 102. ОО. 1908 г. Оп. 316. Д. 404. Л. 46-78об., 55.

охранки обыскал рабочих и провалил агента. Причем, по заявлению Виссарионова, агентура приставов добросовестным отношением к работе не отличалась и была склонна к провокации, дабы оправдать получаемые от директоров заводов деньги. Аналогичный случай имел место и пятью годами ранее в Одессе, когда полиция в ходе не согласованной с охранным отделением облавы арестовала сходку эсеров, среди которых попался и секретный сотрудник³⁶⁵.

Главный антагонист начальника Екатеринославской охранки ротмистра В.С. Прутенского, полицмейстер И.Ф. Машевский, устроивший это соревнование в области политического сыска, на дух не переносил охранные отделения и питал неприязнь ко всем, кого замечал в сношениях с ним. «Нельзя служить двум богам в одно время: и охранным отделениям, и мне»- говорил он своим подчиненным, а возразить они были не вправе, поскольку практически все места в полиции раздавались по представлению Машевского за взятки. Помимо этого, полицмейстер взимал мзду за открытие пивных, трактиров, торговлю на ярмарке и т.д. Впрочем, несмотря на свою противозаконную предприимчивость, Машевский пользовался полным доверием губернатора А.М. Клингенберга. И тому было две основные причины: во-первых, он умело прислуживался к супруге губернатора, собирая по её предложениям с богатых евреев денежные суммы, якобы, на благотворительность, а во-вторых, доносил губернатору на его заместителя, вице-губернатора, пользовавшегося большой симпатией и популярностью у екатеринославской публики, в особенности, дворянства³⁶⁶.

Ловкий интриган, Машевский совершенно овладел личностью губернатора Клингенберга, отчего тот принялся уверять Виссарионова, будто он «никогда не видал ни одного умного толкового жандармского офицера», что ротмистр Прутенский – «пижон, которому не охранным отделением заведовать, а ротой ещё надо командовать», а также что, якобы,

---

³⁶⁵ ГАРФ. Ф. 102. ОО. 1903 г., Оп. 23, Д. 1545.

³⁶⁶ ГАРФ. Ф. 102. ОО. 1908 г., Оп. 316. Д. 404. Л. 65, 72, 73.

ротмистр ведет себя с полицмейстером, да и с ним, губернатором, столь заносчиво, что его за это надо «или убрать, или подозвать да физиономией об стол постучать». Тем не менее, на просьбу Виссарионова привести какие-либо факты, доказывающие служебное несоответствие Прутенского, А.М. Клингенберг смог указать только на «излишнюю конспирацию» ротмистра, и ни одного факта, порочащего деятельность Екатеринославского охранного отделения, привести оказался не в состоянии³⁶⁷. Не видящий смысла в содержании агентуры, губернатор жаждал сиюминутных результатов, и эта погоня полиции за «фактами» и породила ненормальное положение, при котором, по убеждению Виссарионова, «правильная работа в охранном отделении не могла быть налажена». Чтобы пресечь «сплошное и злонамеренное глумление» чинов Екатеринославской общей полиции над требованиями высшей правительственной власти Виссарионов предлагал поступить радикально, а именно, уволить все руководство Екатеринославской полиции³⁶⁸. Справедливости ради стоит сказать, что и сам ротмистр Прутенский был не без греха³⁶⁹.

Законодательная обособленность положения жандармов в отношениях с регулярной полицией также играло им не на руку. Недоумение по поводу нецелесообразного разграничения функций порой выливалось даже на страницы официальной печати. Обращает на себя внимание статья В. Шервуда в журнале «Вестник полиции», в которой рассматривается вопрос о перспективах преследования преступника полицией по горячим следам. Автор делает неутешительный вывод, что регулярная полиция такой возможностью практически не обладала. Практика показала, что в тех

---

³⁶⁷ Там же. Л. 76 об.

³⁶⁸ Там же. Л. 77 об.

³⁶⁹ В 1909 г. он не поладил с помощником начальника Екатеринославского ГЖУ подполковником В.Д. Самойловым, не подавшим ему руки в ответ на поклон. Итогом этого конфликта стал перевод Прутенского в Вильну. При перемене места службы выяснилась растрата казенных сумм в размере 2 867 руб., что, вероятно, и побудило его к попытке самоубийства. Несмотря на простреленную грудь, он успел ещё застать революцию подполковником, и весну 1917 г., как и многие его коллеги, встретил в Петроградском городском арестном доме. // ГАРФ. Ф. 110. Оп. 6. Д. 2147. Л. 3-4, 6; Д. 2168. Л. 1; Оп. 2. Д. 15028. Л. 4,7; Ф. 1467. Оп. 1. Д. 29. Л. 20.

местностях, где имелись железные дороги, преступники после совершения преступления старались немедленно скрыться из этого района в другой, исключительно по железной дороге. Там затем они совершенно спокойно ликвидировали свою добычу, хорошо зная, что чины местной полиции не имеют права преследовать их по железной дороге, поскольку таковые находились в ведении чинов ЖПУЖД. Автор статьи, не рискующий, впрочем, упрекать жандармскую железнодорожную полицию в плохом исполнении своих обязанностей, вместе с тем утверждает, что она была малочисленной, малоподготовленной к сыскному делу и совершенно не ознакомленной с личностями серьезных преступников. «За 19 лет полицейской службы, - пишет В. Шервуд, - Я из личной, довольно разнообразной практики могу констатировать десятки примеров, когда железнодорожные жандармы, после задержания общей полицией на станции или в притоне около станции какого-нибудь из важных преступников... по предъявлении их им, - совершенно добродушно заявляли, что они их давно знают даже по фамилии (конечно вымышленной) и что они их считали за торговцев и благонадежных людей».³⁷⁰

Следует также добавить, что имевшие место случаи перемены жандармской службы на общеполицейскую, именуемой «отхожим промыслом», в корпусе воспринимались спокойно и не предварялись какими-либо неприятностями по службе³⁷¹. Также не стоит думать, что чины гражданской полиции поголовно мечтали присовокупить политический сыск к числу своих обязанностей. Так, например, в Киеве городские потребовали освободить их от заданий, относящихся к сфере деятельности политической полиции³⁷².

Вместе с тем, стоит указать и на позитивный опыт взаимодействия регулярной и политической полиции. Ещё в 1897 г. в Москве, а затем и в

---

³⁷⁰ Шервуд В. Всегда ли полиция имеет возможность преследовать преступников? // Вестник полиции. № 18. С.13.

³⁷¹ Мартынов А.П. Указ. Соч. С. 134-135.

³⁷² Реент Ю.А. Указ. соч. С. 319.

других административных центрах, были введены должности участковых и вокзальных полицейских надзирателей, подчиненных охранным отделениям, и осуществлявших функции наружного наблюдения³⁷³.

Руководство не могло не замечать масштабов проблемы и потому регулярно призывало конфликтующие стороны к благоразумию. Директор ДП М.И. Трусевич, и как уже упоминалось выше, глава подкомиссии по реформе полиции, в 1907 г. писал: «Необходимо единение с общей полицией, памятуя, что наблюдаемые во многих местах разногласия, прежде всего, грозят самим представителям местной власти».

Иные жандармские начальники и сами осознавали недостатки подобного положения. Когда в октябре 1900 г. Штаб корпуса запросил начальников ГЖУ высказать соображения о положении дел в подведомственных им учреждениях, начальник Воронежского ГЖУ Н.В. Васильев, в числе прочих своих коллег, прислал обстоятельный доклад, озаглавленный «Обзор современных условий служебного положения губернского жандармского управления и ряд соображений относительно изменения их организации и порядка деятельности». Выход из неудовлетворительного, по его мнению, состояния политического розыска он видел в объединении жандармов с общей полицией и введении решительных мер по повышению профессиональной квалификации³⁷⁴.

Однако эффективных способов пресечь разногласия найдено не было, и дальше просьба о примирении дело не шло.

2.1.3. С представителями ведомства путей сообщения.

При изучении деятельности ЖПУЖД обращает на себя внимание колоссальный объём и разнообразие обязанностей чинов железнодорожной жандармерии. Они были обязаны: выдавать справки о благонадежности принимаемых на работу железнодорожных служащих, способствовать

---

³⁷³Реент Ю.А. Общая и политическая полиция России (1900-1917 гг.). Рязань, 2001. С. 202-203.

³⁷⁴Перегудова З.И. Указ. соч. С. 126-127.

установлению законных отношений между подрядчиками и рабочими, принимать заявления, жалобы; предупреждать беспорядки на строительстве; осуществлять надзор за правильной организацией санитарной, продовольственной и врачебной части на местах работ; располагать подробными сведениями о подрядчиках, а также о числе рабочих в каждом пункте стройки; иметь точные сведения о положении и ходе работ на линии³⁷⁵. Также в круг обязанностей начальников ЖПУ жд входила установка паспортных правил. «Полицейские железнодорожные правила» предписывали жандармам наблюдение за железнодорожными сооружениями и недопущение к ним посторонних лиц, оказание помощи пострадавшим при крушении поездов, а также проверку печатного ассортимента и качества продуктов и напитков, продававшихся в станционных буфетах. Последнее обстоятельство способствовало возникновению известных служебных соблазнов³⁷⁶. На жандармов возлагался надзор за продажей книг и газет на станциях. Повседневная деятельность чинов ЖПУ жд включала в себя поиск людей, пропавших без вести, детей и душевнобольных; железнодорожная жандармерия ограждала девушек от опасности быть вовлечёнными в порочную жизнь, препятствовала вывозу детей за границу, пресекала азартные игры среди пассажиров, и т.д. Кроме того, жандармские унтер-офицеры должны были присутствовать при записи пассажирами жалоб в особые жалобные книги, после чего снимать копию зафиксированной жалобы и представлять её начальнику отделения.³⁷⁷

Сколь велик был перечень обязанностей, столь же широк и разнообразен был и спектр профессиональных контактов чинов ЖПУ жд: Естественно, наиболее значительная доля этих контактов приходилась на представителей ведомства путей сообщения. Помимо собственно железнодорожной администрации туда входили чины железнодорожной

---

³⁷⁵ Тимофеев Л. А. Справочная книжка для чинов жандармских полицейских управлений железных дорог. – СПб., 1895. С. 1-2.

³⁷⁶ ГАРФ. Ф. 110. Оп. 6. Д. 350, 1292.

³⁷⁷ Обязанности жандармской железнодорожной полиции ... С. 327

инспекции, кондукторы, привратники, швейцары, составители поездов, сцепщики, сторожа, стрелочники, рабочие.

Межведомственное взаимодействие осуществлялось и на самом высоком уровне. В ответ на вызовы первой революции при МПС был образован Главный комитет по охране железных дорог. В его состав наряду с начальником Управления железных дорог и начальником Управления военных сообщений, вошел начальник Штаба ОКЖ. Главный комитет координировал и направлял деятельность особых комитетов по охране, куда, в свою очередь, входили Управляющий соответствующей дороги, заведующий передвижением войск и начальник ЖПУЖД. Решения особых комитетов оказывали непосредственное влияние на службу железнодорожных жандармов. Так, например, отказ Особого комитета при управлении Юго-Восточных железных дорог в найме дополнительного числа вооруженных стражников сделал службу чинов Воронежского ЖПУЖД по охране провозимых ценностей практически непосильной³⁷⁸.

Согласно ст. 185, 186 «Общего устава Российских железных дорог», жандармам было разрешено обращаться за содействием к некоторым железнодорожным служащим: «обер-кондукторам, кондукторам и другим низшим служащим железнодорожной службы»³⁷⁹, но на деле путейцы далеко не всегда готовы были это содействие оказывать. С другой стороны, и жандармскому руководству регулярно приходилось напоминать своим подчинённым о необходимости «полного соблюдения вежливости ... в обращении к агентам железной дороги»³⁸⁰. Зачастую железнодорожные жандармы «или вовсе отказывали комендантам станции оказывать содействие ... или выполняли это с чисто формальной стороны»³⁸¹.

---

³⁷⁸ ГАРФ. Ф. 110. Оп. 4. Д. 4792. Л. 1-2 об., 15.

³⁷⁹ Общий Устав Российских железных дорог и все изданные по 1 Августа 1903 года в развитие и дополнение его узаконения и правила/ Сост. К.П. Змирлов. – СПб., 1904. С. 942.

³⁸⁰ ГАРФ. Ф. 127 Оп. 1. Д. 250. Л. 7.

³⁸¹ Там же. Д. 246. Л. 8, 8 об.

Одной из главных проблем, с которой приходилось иметь дело железнодорожной жандармерии, было взяточничество. Мздоимство и провоз кондукторами безбилетных являлись «одним из самых больных мест в ... железнодорожном деле»³⁸². Кондукторы нередко открыто вмешивались в публику близ кассы и «без всякого стеснения» отговаривали от покупки билетов. Судя по всё возраставшему их благосостоянию, борьба с взятками железнодорожной жандармской полиции давалась тяжело. Виной всему было то, что «масса обывателей – нередко весьма состоятельных – не гнушалась возможностью поживиться за счёт государственной казны, проехать пятак или рублём дешевле, вступить в преступную сделку с кондуктором»³⁸³.

Чины ЖПУЖД вынуждены были постоянно взаимодействовать с администрацией дороги на чрезвычайно узких отрезках пространства, каковыми являлись железнодорожные станции и вокзалы, и потому всякое происшествие становилось предметом коллективной ответственности. Это последнее обстоятельство, выражавшееся в постоянном присутствии сторонних интересов, немало усложняло взаимоотношения чинов ЖПУЖД между собой.

Приведем для наглядности пример из ранних лет службы знаменитого П.П. Заварзина, на тот момент находившегося в чине ротмистра и в должности начальника Лубенского отделения Московско-Киевского ЖПУЖД. Так, некий нижний чин, Семен Букреев, приятель железнодорожного агента В.Н. Шумилина, метившего на должность начальника станции, доставлял беспокойство действующему начальнику станции Березань С.А. Рыбальченко и докучал ему придирками и жалобами ротмистру Заварзину. Ротмистр заставил начальника станции писать объяснение, в результате чего, по-видимому, выяснилась подлинная роль и цели Букреева, за что его, надо думать, отчитали. Но и он в долгу не остался и, в свою очередь, пожаловался на начальника. Букреев обвинил Заварзина в

---

382 Кикодзе Г.С. Линейные железнодорожные служащие: Их роль и значение.- Харьков. 1911. С. 10.

383 Там же.

том, что он груб и несправедлив с подчиненными, бранил жандармов на глазах железнодорожных агентов и вообще, «поддерживал интересы агентов в ущерб служебных прав своих подчиненных». Опрошенные железнодорожники же полагали, что, напротив, «ротмистр слишком требователен к агентам», а затем всплыли и кое-какие грехи самого Букреева, так что жалоба вышла ему боком³⁸⁴. Следующая попытка бросить тень на репутацию Заварзина также потерпела сокрушительное фиаско.³⁸⁵

Однако как ни удручающе порой выглядели взаимоотношения железнодорожников и жандармов, они были накрепко повязаны. Несение жандармской службы на железной дороге зависело от расписания движения поездов, причем численность личного состава ЖПУЖД не поспевала за увеличением интенсивности движения и объёмов перевозок. Так, например, изменение расписания, последовавшее в 1913 г., продемонстрировало невозможность для чинов Вержболовского отделения Северо-Западных железных дорог продолжать службу в прежнем режиме. Если в 1907 г. унтер-офицеры, начиная службу в 5 ½ часов утра и оканчивая её в час ночи, находились в этот двадцатичасовой период времени на работе 10 часов 10 мин. в дни экспрессов, и 8 ½ часов, когда экспрессов не было; с изменением расписания должны были находиться на работе 13 ½ часов в дни экспрессов и 12 часов 17 мин. в дни, когда экспрессов нет³⁸⁶. Списочный штат отделения увеличен не был даже с началом войны.

Ещё одной особенностью железнодорожных жандармов, роднившей их с коллегами-путейцами, было то, что некоторые чины ЖПУЖД были

---

³⁸⁴ГАРФ. Ф. 110. Оп. 6. Д. 767. Л. 1-25.

Интересно, что в процессе производства предварительного следствия по делу Букреева между военным прокурором Киевского военно-окружного суда и Московско-Киевским ЖПУЖД возникли трения. Предметом разногласий стал вопрос о выдаче прогонных денег военному следователю: ЖПУЖД инициировало разбирательство, однако выплачивать указанные суммы следователю не желало. Итогом же стал Циркуляр ОКЖ № 9 от 19 апреля 1903г., обязавший жандармские управления раскошелиться. Там же. Л. 28-55 об.

³⁸⁵ГАРФ. Ф. 110. Оп. 6. Д. 793. Л. 2-11. В Штабе корпуса разрешили возбудить против Курганова уголовное преследование за клеветание своего бывшего начальника. Прокурор предложил Заварзину начать дело в порядке частного обвинения, от чего тот отказался.

³⁸⁶ГАРФ. Ф. 127. Оп. 1. Д. 161. Л. 53-54.

ознакомлены с ремеслом железнодорожных служащих: телеграфным делом и управлением паровозом.

Ещё в 1903 г. и.д. начальника Штаба корпуса генерал-майор барон Г.П. Медем поставил вопрос о необходимости ознакомления унтер-офицеров ЖПУЖД с устройством и управлением паровозами «настолько, чтобы самостоятельно могли вывести паровоз из депо и следовать с таковым без помощи железнодорожных агентов». Поводом к этому послужил случай, когда во время стачки в депо и железнодорожных мастерских одному из жандармских унтер-офицеров, вошедших силой в депо, по просьбе железнодорожной администрации, пришлось взять на себя управление паровозом, вывести его из депо и подать на станцию, где таковой был передан находившимся там старшим агентам службы тяги.

В соответствии с данным распоряжением, начальникам ЖПУЖД было предписано снестись с начальниками и управляющими соответствующих дорог³⁸⁷. Последние восприняли данную инициативу Штаба по-разному: одни – большинство – в содействии отказали³⁸⁸, ссылаясь на противоречие с § 12 Правил технической эксплуатации железных дорог, другие, напротив, изъявили свое согласие³⁸⁹. Это вынудило Штаб корпуса обратиться непосредственно в Управление железных дорог МПС, которое заявило, что «при всем своем сочувствии в принципе этой мере, оно не может ...признать возможным, чтобы жандармские чины, лишённые необходимой технической подготовки, могли быть ознакомлены с этим делом до степени, позволяющей дать этим чинам право самостоятельно управлять паровозами», даже в

---

³⁸⁷ГАРФ. Ф. 110. Оп. 4. Д. 1315. Л. 1. Циркуляр Штаба ОКЖ от 7 августа 1903 г. № 6854.

³⁸⁸Например, начальники и управляющие Риги-Орловской, Харьковско-Николаевской, Белгород-Сумской, Забайкальской, Средне-Азиатской, Екатеринбургской, Юго-Восточных, Полесских жд.

³⁸⁹Начальники Московско-Брестской жд, Правление обществ Первого и Лифляндских подъездных путей. На Николаевской и Санкт-Петербурго-Варшавской дорогах подобное ознакомление осуществлялось и ранее. Так, летом 1903 г. начальник участка Службы тяги на ст. Петербург провел 3 урока для 60 офицеров, подготовлявшихся к переходу на службу в ОКЖ. (ГАРФ. Ф.110. Оп. 4. Д. 1315. Л. 11.)

исключительных случаях рабочих волнений и беспорядков, и испросило разрешения Командира ОКЖ на отмену данного распоряжения³⁹⁰.

Однако Штаб не собирался отступать от задуманного, поскольку подобное ознакомление жандармов было необходимо, в том числе и для грамотного составления протоколов при расследованиях о крушениях поездов и несчастных случаях. Кроме того, циркулярным предписанием от 15 ноября 1903 г. за №10061 Штаб разъяснил, что отнюдь не требовал подготовки унтер-офицеров до степени способности управлять паровозом на перегонах, а имел в виду лишь элементарное ознакомление их с главнейшими частями паровозов и с основными правилами управления ими, без предоставления права самостоятельного управления. Выполнение этого последнего циркуляра не встретило затруднений³⁹¹.

Вместе с тем жандармское начальство предпринимало меры к обучению унтер-офицеров ЖПУЖД телеграфному делу. Плодами подобной настойчивости стало то, что уже через семь лет в большинстве ЖПУЖД были унтер-офицеры, обученные азам управления паровозом и телеграфному делу. (см. Приложение V.) Экзамены проходили при службах соответствующих дорог, по завершении которых экзаменуемому выдавалось удостоверение³⁹². Офицерам такое обучение давалось отчего-то сложнее, но и среди них были те, кто вполне освоил эти занятия. Одним из тех, кому лучше других давалось управление паровозом, был известный жандарм-мемуарист А. Поляков³⁹³.

Несмотря на то, что обучение унтер-офицеров предписано было организовывать негласно, сведения эти просочились на страницы прессы. Так, например, «Новое время» сообщало об открытии при паровозных депо

---

³⁹⁰ГАРФ. Ф. 110. Оп. 4. Д. 1315. Л. 8-9.

³⁹¹ Там же. Д. 3398.

³⁹² Например, ГАРФ. Ф. 110. Оп. 17. Д. 734. Л. 14.

³⁹³ Поляков А. Указ. соч. С. 519-520.

на Южных дорогах специальных курсов для чинов ЖПУ жд по уходу и управлению паровозами³⁹⁴.

2.1.4. Жандармские чины и военные.

Отношения с военными можно считать, пожалуй, наиболее неоднозначными из всех служебных взаимоотношений жандармов. С одной стороны, жандармы и сами поголовно вышли из военной среды, Отдельный корпус имел военную организацию и, как уже было сказано выше, финансировался Военным министерством и подчинялся ему по строевой, хозяйственной и инспекторской части. С другой стороны, налицо многочисленные свидетельства прохладного отношения военных к синим мундирам.

Известно, что генерал М.Д. Скобелев «о тех, кто менял свой мундир на полицейский, потом и слышать не мог»³⁹⁵, а М.И. Костенко в своих воспоминаниях об осаде Порт-Артура пишет о «систематическом преследовании жандармов» генерал-адъютантом А.М. Стесселем и его постоянных притеснениях вышеупомянутого начальника крепостной жандармской команды князя Микеладзе³⁹⁶. Крупнейший военный теоретик империи, упоминавшийся ранее киевский генерал-губернатор М.И. Драгомиров презирал политический сыск, требовал, «чтобы Новицкий и его агенты не совали носа в войска», всячески хлопотал об отставке последнего, но при этом заступался за убежденных революционеров³⁹⁷. Муж дочери Драгомирова генерал-лейтенант А.С. Лукомский оправдывал и в основном разделял взгляды своего тестя на политический сыск в армии, хоть и признавал, что само офицерство, которое и должно было взять на себя

³⁹⁴ГАРФ. Ф. 110. Оп. 4. Д. 2483. Л. 33, 36 об.; Новое время от 29 декабря 1910 г.

³⁹⁵Немирович-Данченко В.И. Скобелев. М.: Воениздат, 1993. С. 241.

³⁹⁶Костенко М.И. Осада и сдача крепости Порт-Артур. Мои впечатления. Киев, Типография Окружного Штаба, Банковая ул. д. №11, 1907.// Электронный ресурс: <http://www.regiment.ru/Lib/B/17/2.htm>.

³⁹⁷Лукомский А.С. Воспоминания. Сост., предисл., коммент. С. Волкова. - М.: Айрис-пресс, 2012. С. 218, 221.

борьбу с крамолой вместо жандармов, «не умело бороться и не понимало (не видело) надвигающейся опасности»³⁹⁸. Основной причиной подобного отношения военной среды к чинам жандармского ведомства, по мнению исследователей, являлся офицерский менталитет и особые «представления об офицерской чести и достоинстве, не допускавшие носителей этой чести опуститься до так называемого “шпионства”»³⁹⁹.

Несмотря на неприязнь, у военного руководства и жандармских чинов ещё со времен III-го Отделения имелся значительный совместный фронт работ – по проверке благонадежности новобранцев и искоренению противоправительственной агитации. В 1904 г. жандармам было разрешено арестовывать и допрашивать военных⁴⁰⁰.

Борьба с агитаторами осложнялась запретом на внедрение агентуры в казармах, снятым только в сентябре 1906 г. Наряду с революционным периодом особенно напряженной борьба с агитацией становилась во время проведения мобилизаций.

Также в числе совместных мероприятий следует упомянуть охрану железных дорог. В утвержденной в 1905 г. Инструкции по охране императорских поездов указывалось, что «принятие мер по охране железнодорожного пути со всеми искусственными сооружениями, станционными линейными зданиями в полосе отчуждения возлагается исключительно на чинов жандармских полицейских управлений железных дорог»⁴⁰¹, причём войскам, охраняющим путь, воспрещалось вмешиваться в распоряжения, исходившие от жандармов⁴⁰². 7 февраля 1906 г. согласно

---

³⁹⁸ Там же. С. 326.

³⁹⁹ *Жаров С.Н.* Офицерский менталитет и создание контрразведывательных отделений в российской армии// Историко-правовые проблемы: Новый ракурс. № 4-2. 2011. С. 16.

⁴⁰⁰ *Страхов Л.В.* Тайная полиция и армия: проблемы взаимодействия (на материалах Воронежской губернии)//Известия вузов. Серия «Гуманитарные науки». №6 (4). С. 294.

⁴⁰¹ Инструкция по охране императорских поездов при высочайших путешествиях. – СПб., 1905. С.2.

⁴⁰² Там же. §5, 8.

«Правилам о призыве войск для содействия гражданским властям», начальник ЖПУЖД получил соответствующее право вызывать войска⁴⁰³.

Как показали события 1905-1907 гг., когда жандармским учреждениям вместе с военным руководством удалось выявить и разгромить большинство военных организаций революционных партий, в критической обстановке неприязнь не являлась препятствием для совместной работы⁴⁰⁴. Однако когда опасность, как казалось, миновала, всё вернулось на круги своя. Помимо расхождений в этических вопросах, военное начальство раздражало, что нередко по материалам жандармских отчетов в воинских частях учинялись проверки⁴⁰⁵. В 1913 г., накануне Первой мировой войны, по инициативе В.Ф. Джунковского, вербовать агентуру среди военных было запрещено. Такое решение в полной мере являлось следствием отношения воинской среды к жандармскому ведомству и закономерным итогом политики флигель-адъютанта, бесконечно далекого от реальной розыскной работы.

Одной важнейших из областей совместной деятельности военных и жандармов была контрразведка. Опыт русско-японской войны и подоспевшей революции показал, что учреждения политического сыска были не в силах бороться и с революционным элементом, и вражеским шпионажем одновременно. Однако уже первые обсуждения предполагаемых преобразований выявили невежество военных чинов в вопросах оперативно-розыскной работы. Духовные ценности офицерского корпуса, с одной стороны, делали невозможным создание контрразведывательного органа силами военных, а с другой, не позволяли доверить контрразведку полицейскому ведомству⁴⁰⁶.

---

⁴⁰³ Гончарова Ю.В. Жандармские полицейские управления железных дорог (1867 - 1917 гг.). Академия управления МВД России. Дисс. канд. юрид. наук. М, 2000, С. 122.

⁴⁰⁴ Вязьмитинов М.Н. Жандармы и армия: политический сыск и вооруженные силы России в революции 1905-1907 гг.//Военно-исторический журнал. 1995. №1. С. 89-93

⁴⁰⁵ Страхов Л.В. Указ. соч. С. 296.

⁴⁰⁶ Жаров С.Н. Офицерский менталитет и создание контрразведывательных отделений в российской армии// Историко-правовые проблемы: Новый ракурс. № 4-2. 2011. С. 19-20.

В итоге, благодаря дипломатическим усилиям товарища министра внутренних дел П.Г. Курлова, 8 июня 1911 г. военным министром В.А. Сухомлиновым были утверждены "Положение о контрразведывательных отделениях" и "Инструкция начальникам контрразведывательных отделений", в соответствии с которыми в крупных городах учреждались контрразведывательные отделения, во главу которых были поставлены жандармские офицеры. Все отделения, кроме Петербургского, состояли при соответствующих штабах военных округов, а их начальники, соответственно, подчинялись окружным генерал-квартирмейстерам⁴⁰⁷. Всем жандармским офицерам было предписано оказывать содействие сотрудникам контрразведывательных отделений, но объем и условия данного содействия изначально были прописаны нечетко.

Непосредственно перед началом войны, 30 июля 1914 г., на начальников ГЖУ были возложены обязанности «задерживать лиц, подозреваемых шпионами и доносить о сем не только своему непосредственному начальству, но и в Штаб Округа... и возбуждать перед Министром внутренних дел ходатайство о высылке означенных лиц из пределов подчиненных им районов". МВД, со своей стороны, должно было информировать жандармские управления о лицах, причастных к шпионажу⁴⁰⁸. С началом войны контрразведка в губерниях, граничащих с линией фронта, перешла в ведение армейского командования, однако вне театра военных действий, в тылу, продолжали действовать прежние порядки. Попытка распространить новый, прифронтовой, порядок взаимоотношений ГЖУ и отделений контрразведки, предпринятая генералом М.А. Беляевым, встретила сопротивление В.Ф. Джунковского⁴⁰⁹. И, надо признать, у последнего были все основания для подобного отказа.

---

⁴⁰⁷ *Едигаров А.Г.* Взаимодействие контрразведывательных отделений Главного управления Генерального штаба Военного министерства с органами политического сыска в канун и ходе Первой мировой войны// Общество и право. Выпуск № 5 (27) / 2009. С. 93-95.

⁴⁰⁸ Там же.

⁴⁰⁹ Там же. С. 95.

Военное командование нередко проявляло излишнюю подозрительность и неразборчивость, давая ход многочисленным необоснованным доносам. Так, например, помощник начальника Курляндского ГЖУ в Фридрихштадтском и Иллукустском уездах ротмистр Плотто, заваленный расследованиями по доносам латышского населения на немцев-землевладельцев, признавал, что «просто совестно стало являться к баронам ... для обследования вопроса о существовании в указываемых в доносах имениях заготовленных площадок для спуска и подъема аэропланов, складов бензина и проч., - и все-таки едешь и начинаешь все снова». На основании этого комендант Двинской крепости генерал И.Н. Львов заподозрил ротмистра Плотто в пристрастном отношении к немцам, что послужило причиной особого служебного расследования⁴¹⁰.

Не будет преувеличением сказать, что военные круги поразила настоящая шпиономания. Конечно, наиболее полно неприязнь военных к жандармскому ведомству в этом отношении проявилась в истории С.Н. Мясоедова, (подробнее – в Главе 3), в измене которого не усомнился, кажется, ни один военный.

Впрочем, мнимое предательство Мясоедова стало лишь финальным актом его трагедии, кульминацией которой стала знаменитая дуэль Мясоедова и А.И. Гучкова, являвшегося выразителем мнения определенных военных кругов. Известно, что прямым поводом к их конфронтации и последующей дуэли стал именно вопрос об организации политического сыска в армии⁴¹¹ и циркуляр Главного штаба № 982, одобрявший наблюдение за офицерами. Гучкову и его товарищам, офицерам-«младотуркам», группировавшимся вокруг генерала А.А. Поливанова, была отвратительна

---

⁴¹⁰ГАРФ. Ф. 110. Оп. 2. Д. 18930. Л. 2-8 об.

⁴¹¹Подробнее: *Хутарев-Гарнишевский В.В.* Осиное гнездо провокации: Политический сыск в армии в преддверии Первой мировой// Родина. 2010. №9. С. 120-123.

мысль, что орган, возглавляемый таким человеком, как С.Н. Мясоедов, будет «держат в своих руках судьбы русского офицерства»⁴¹².

С началом войны на жандармов также были возложены обязанности по контролю над охраной военнопленных и по борьбе и антивоенной агитацией; интенсифицировалась деятельность по поимке дезертиров⁴¹³. В число первостепенных обязанностей выдвинулся контроль над соблюдением санитарно-эпидемиологических норм⁴¹⁴. Наряду с этим ЖПУЖД усилили надзор за перевозкой военных грузов.

Однако лишенная своего главного оружия – агентуры – политическая полиция оказалась бессильна противостоять вражеской и революционной пропаганде в войсках. Когда после ухода Джунковского был возбужден вопрос об отмене этого решения, было уже поздно: комиссия, назначенная для обсуждения этого вопроса, провалила его большинством голосов от армии. Последствия такого решения не замедлили сказаться. По некоторым данным было известно, что уже в 1916 г. настроение войск Петроградского гарнизона внушало опасения, но из-за отсутствия внутренней агентуры заранее принять требуемые меры по ликвидации вредных элементов было невозможно.⁴¹⁵

Итак, трения и диссонанс наблюдались не только в рамках учреждений политической полиции, но выходили далеко за её рамки. Служебные взаимоотношения жандармских чинов с коллегами из учреждений ведомства Министерства внутренних дел, Министерства юстиции и Военного министерства оставляли желать лучшего. Громоздкость полицейского аппарата, структурное дублирование функций, несогласованность в работе центра и периферии, волокита, излишняя конспиративность, взаимное

---

⁴¹² Александр Иванович Гучков рассказывает... Воспоминания председателя Государственной Думы и военного министра Временного правительства. М., 1993. С. 95.

⁴¹³ *Страхов Л.В.* Указ. соч. С. 295.

⁴¹⁴ ГАРФ, Ф. 127 Оп 1 Д. 12, Л. 17, 17 об.

⁴¹⁵ *Глобачев К.И.* Правда о русской революции: Воспоминания бывшего начальника Петроградского охранного отделения / Под ред. З.И. Перегудовой; сост.: З.И. Перегудова, Дж. Дейли, В.Г. Маринич. М., 2009. С. 95.

недоверие, соперничество и карьеризм - всё это крайне негативно отражалось на деле и, несомненно, играло на руку революционерам.

Впрочем, приписывать данные отрицательные черты исключительно жандармскому корпусу было бы несправедливо. О.Н. Квасов отмечает, что отсутствие административного взаимодействия было характерно для всей управленческой системы империи в целом⁴¹⁶.

2.2. Взаимоотношения жандармских чинов с адептами противоправительственных идеологий и организаций.

*Мученичество, если и останавливает дурака
(что бывает далеко не всегда), одновременно
укрепляет невежество его последователей.
Подлинность страданий делает подлинными
убеждения мученика даже в случае бреда.*

Д.Е. Галковский.

Разумеется, наиболее интенсивно и масштабно было взаимодействие жандармов и их непосредственных подопечных, представителей противоправительственных течений, составлявших политический авангард российского общества. Граница разделения идеологического пространства на тех, кто являлся объектом внимания политической полиции и тех, кто оставлял её равнодушной, в действительности, оставалась весьма призрачной. Принято считать, будто область профессионального полицейского интереса не простиралась далее радикального либерализма, а «умеренный либерализм воспринимался в политической полиции как норма и был позиционирован в политическом пространстве рядом с консерватизмом»⁴¹⁷. Возможно, в области личных жандармских убеждений и предпочтений это и так, однако на практике наблюдение устанавливалось

⁴¹⁶Квасов О.Н. Губернский аппарат тайного политического сыска Российской империи в новейших отечественных исследованиях.// Вестник РГГУ. № 10 (111). 2013, С. 194-195.

⁴¹⁷Ульянова Л.В. Служащие политической полиции о либералах : место либерализма в легальном политическом пространстве (1880-1905 гг.)// Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. № 2. 2009. С. 18.

невзирая ни на что - по необходимости, скорее исходя из поведения, связей и намерений конкретного субъекта, а не в силу его «неправильных» политических убеждений.

Так, например, осенью 1912 г. под пристальное наблюдение попал лидер октябристов, А.И. Гучков. Когда оказалось, что Гучков филёрам не по зубам⁴¹⁸, полиция решила отдать должное чтению переписки и детальному выяснению контактов своего поднадзорного. Центральное место в комплексе документов этого периода занимает объёмное дело «О наблюдении за деятельностью и сношениями Александра Ивановича Гучкова»⁴¹⁹. Материалы перлюстрации сохранили даже любовную переписку⁴²⁰.

Также не стоит забывать, что жандармы вели наблюдение и в благих целях. Так, например, начальникам семи жандармских управлений было предписано оказывать полное содействие барону Де-Бай, ехавшему по заданию французского Министерства народного просвещения на Кавказ с научными целями⁴²¹.

Иммунитетом в отношении интереса со стороны органов политической полиции априори не обладал практически никто. Наблюдение осуществлялось за бароном К.П. Фредериксом⁴²², двоюродным братом министра Императорского Двора В.Б. Фредерикса, бывшим Нижегородским губернатором (1905 -1906 гг.), отстраненным за взяточничество⁴²³. Более того, силами тех же органов велся надзор даже за членами императорской фамилии: ещё III-е Отделение осуществляло наблюдение за поведением и

⁴¹⁸ В Санкт-Петербурге господину «Санитарному» порой удавалось скрыться на автомобиле, в Москве «Балканский» ускользнул от филёров на лошади. // *Сенин А.С. Александр Иванович Гучков.*-М.: Скрипторий.1996.-С.71,72.

⁴¹⁹ ГАРФ. Ф.102. ОО. 1913 г. Д. 243. Л.144.

⁴²⁰ ГАРФ. Ф. 63. Оп. 50. 1916 г. Д. 15. Л. 1. См. также: *Лаврёнова А.М.А.И. Гучков и его окружение в документах политической полиции //Российский парламентаризм: истоки, история и современность. Материалы научно-практической конференции. М. 2013. С. 72-79.*

⁴²¹ ГАРФ. Ф.110. Оп. 2. Д. 9276.

⁴²² Кличка наблюдения «Хлебный».

⁴²³ ГАРФ. Ф. 63. Оп. 45. Д. 143.

состоянием здоровья великого князя Николая Константиновича⁴²⁴. Примечательно, что и сам командир Корпуса мог оказаться под наблюдением, но уже не своих подчиненных, а сотрудников «чёрных кабинетов». Для людей, ведавших перлюстрацией, неприкосновенными были вообще всего две персоны – действующий министр внутренних дел и император⁴²⁵. Естественно, основными клиентами карательно-розыскного аппарата самодержавия оставались представители радикальных политических течений. Рассмотрим теперь, каким же образом проявляли себя чины «голубого ведомства», и каким образом запечатлелись их действия в воспоминаниях революционеров.

Здесь, впрочем, необходимо принять во внимание тот факт, что революционерам приходилось сталкиваться с совершенно различными типами жандармов, поскольку разгон уличных мероприятий и непосредственное «окарауливание», как правило, осуществлялись силами жандармских дивизионов и крепостных жандармских команд, личный состав которых мало чем отличался от рядового армейского, тогда как обыски, задержания и следственные действия производились под контролем жандармских офицеров. Будучи различными по сути, все они, тем не менее, носили одно и то же наименование, и потому в глазах обывателей выступали как единое целое.

Теоретически, существовало два основных метода взаимоотношений политической полиции с революционными организациями: первый предполагал длительное наблюдение за противоправительственной организацией и мгновенную ликвидацию в момент её расцвета; второй, получивший распространение после первой революции, заключался в оказании систематического и неослабевающего давления на революционные круги посредством регулярных арестов наиболее видных их деятелей⁴²⁶. К

---

⁴²⁴ГАРФ. Ф. 109. Оп. 3а. Д. 2619, 2620, 2621; Ф. 110. Оп. 9. Д. 816, 817, 836, 837.

⁴²⁵*Перегудова З.И.* Политический сыск России... С. 292-293.

⁴²⁶*Реент Ю.А.* Полицейская система Российской империи начала XXв. (1900-1917 гг.) Дисс. док. ист. наук. М, 2002. С.231-232.

числу особых приемов политической полиции относятся перекрестное наблюдение, дезинформация, дискредитация революционеров перед лицом их товарищей, и, наконец, провокация⁴²⁷.

Вместе с тем, в ранние годы наружное наблюдение было поставлено слабо, приобретением агентуры же многие жандармы откровенно брезговали⁴²⁸. Отличительной чертой этих лет являлось явное предпочтение дознания розыску, следствием чего были массовые облавы.

Аресты зачастую производились «впредь до выяснения причин ареста», а обыски нередко служили для сбора улик, а не производились на основании уже имеющихся данных. В преддверии беспорядков, приуроченных к определенным дням революционного календаря, практиковался также гуманный «предупреждающий арест», ограниченный только пятью днями вместо трех месяцев, положенных за участие в демонстрации⁴²⁹.

Дознания производились по большей части на основании Закона 19 мая 1871 г.⁴³⁰. Руководство для чинов корпуса жандармов при производстве следствий и дознаний не делало различия между жандармским дознанием по политическому делу и предварительным следствием⁴³¹. Формально они были уравнены законом 7 июня 1904 г., однако принципиальные их отличия, были едва ли преодолимы. Так, в ходе дознаний, производимых жандармскими офицерами, обвиняемые были не вправе ознакомиться с материалами дознания, а свидетелям не напоминали о том, что они не обязаны давать показания против родственников. Также стоит упомянуть и о большей юридической компетентности членов судебных палат.⁴³²

⁴²⁷ Там же, С. 232-235. О провокации подробнее в Гл.3.

⁴²⁸ *Перегудова З.И.* Указ. соч. С. 212.

⁴²⁹ *Реент Ю.А.* Указ. соч. С. 236.

⁴³⁰ *Овченко Ю.Ф.* Московская охранка на рубеже веков... С. 67.

⁴³¹ Руководство для чинов корпуса жандармов при производстве следствий и дознаний. СПб, 1885. С. 18.

⁴³² *Краковский К.П.* Политическое дознание во второй половине XIX-начале XX века// Историко-правовые проблемы: новый ракурс: Сборник научных статей. - Курск: КГУ, 2012, Вып. 5. - С.322-323.

В ходе дознаний жандармские офицеры пользовались всеми общими правами полиции, установленными для дознаний по общеуголовным преступлениям (ст. 253, 254, 256–258 Уст. Угол. Судопр.), а также всеми специальными полномочиями, соответствующими по своей юридической природе полномочиям судебного следователя. Так, в числе полномочий жандармских чинов при производстве дознаний по государственным преступлениям находились: розыски, словесные расспросы, негласное наблюдение, сохранение следов преступления, принятие всех установленных для следствия мер пресечения обвиняемому способов уклоняться от дознания, осмотры, освидетельствования, обыски, высылки, предварительные допросы с составлением протоколов, подписанных давшими показания и, в случае отказа, понятыми. Помимо этого, как и следователи, жандармы имели право заключать под стражу даже в том случае, если наказание обвиняемого не влекло за собой лишения или ограничения прав состояния. О том, могут ли жандармы привлекать лицо в качестве обвиняемого и допрашивать его, закон 19 мая 1871 г. умалчивал, тем не менее, это практиковалось, что, по мнению К. П. Краковского, являлось прямым нарушением принципа отделения административной власти от судебной⁴³³.

По окончании, такое дознание поступало министру юстиции, после чего тот, по соглашению с Шефом жандармов, либо распоряжался о производстве предварительного следствия, либо испрашивал высочайшее повеление на прекращение дела или же на разрешение его в административном порядке. Такой порядок применения административной ссылки внесудебным порядком просуществовал вплоть до 1904 г.

14 августа 1881 г. было введено в действие «Положение к охранению государственного порядка и общественного спокойствия»⁴³⁴. Оно

---

⁴³³ Краковский К.П. Указ. соч. С. 323.

⁴³⁴ Включало: «Общие правила, правила о «Положении усиленной охраны», Правила о «Положении чрезвычайно охраны», Правила для местностей, не объявленных на исключительном положении», Правила об административной высылке.

обеспечивало губернскому руководству дополнительные полномочия (административная высылка, запрет собраний и т.д.). Дополнительные права получали и начальники жандармских управлений. Так, им разрешалось арестовывать на срок не более 2 недель всех лиц, внушающих подозрение в совершении государственных преступлений, а также в принадлежности к противозаконным сообществам; производить во всякое время и во всех помещениях обыски; налагать аресты на имущества, указывающие на преступность действий или намерений заподозренных лиц. Подобные действия, в глазах общества, клонились к нарушению естественных прав и свобод человека, подпитывая общественное неприятие жандармского ведомства.

Начиная с издания в 1881 г. «Положение о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия» многие территории десятилетиями находились в особом правовом статусе⁴³⁵. Газеты писали, что положение, «как ползучий лишай, постепенно охватывало одну губернию за другой». (См. Приложение VI, VII).

Общественное неприятие Положения было таково, что порой возникали ситуации, подобные делу об убийстве инженера-технолога И.П. Василенко⁴³⁶. Во многом благодаря юридическим тонкостям, связанным с правоприменительной практикой в рамках особого положения, данное дело приобрело широкий общественный резонанс. 7 марта 1907 г. около 8 часов утра Василенко, начальник Александровских мастерских 2-й Екатеринбургской железной дороги, по дороге на службу был расстрелян. Убийцы, двое молодых людей, отстреливаясь от преследователей, попытались скрыться, но были задержаны. Рабочие - адепты классового террора - были приговорены к повешению полевым судом, но выяснилось, что военное положение в Александровском уезде давно заменено усиленной охраной. С другой стороны, преступление было совершено в полосе отчуждения железной

---

⁴³⁵ПСЗ. Собрание третье. - СПб., 1885.— Т. I. № 350.

⁴³⁶ГАРФ. Ф. 102 . 2-е Делопроизводство. 1913 г. Оп. 70. Д. 32. Л. 107-113.

дороги, депо которой находилось в пределах другого военного округа. Покуда представители правосудия были заняты перепиской, за убийц вступилась общественность: «Приговоренные к смерти через повешение рабочие за убийство начальника мастерских ждут разрешения спорного вопроса, разрешение которого является для них вопросом жизни или смерти. ... Подсудность...неизвестна. Значит, остается только хлопотать, ходатайствовать, а осужденным переживать минуты “безумия и ужаса”⁴³⁷. А пока общественность намеревалась хлопотать, власти пытались решить вопрос о мере наказания. Вице-губернатор П.П. Шидловский призывал занять жесткую позицию: « По городу Екатеринославу и губернии мы казнили около ста человек, и часть казненных ... обвинялась подчас даже и не в столь серьезных грабежах; тут же случается зверское убийство исключительно серьезного и возмутительного характера – и убийцы предаются гражданскому суду, который назначит им через год следствия 6-10 лет каторги. По моему скромному, но настоятельному мнению, правительственная власть не должна допускать подобных колебаний»⁴³⁸. Однако решить судьбу обвиняемых без вмешательства императора оказалось невозможно. На Всеподданнейший доклад П.А. Столыпина, испросившего отмены приговора военно-полевого суда, была положена резолюция: «С[огласен] Но нельзя освободить обвиняемых»⁴³⁹. Тогда как судьба обвиняемых, казалось, прояснилась, вопрос о подсудности в полосах отчуждения железных дорог оставался открытым. Командующий войсками Одесского военного округа генерал от кавалерии барон А. В. Каульбарс писал военному министру А.Ф. Редигеру о возможности повторения недоразумений и призывал к пересмотру подобной автономии, когда «дорога предполагалась находящейся на положении чрезвычайной охраны в то время, когда вся местность была на положении усиленной и наоборот»; или же в случае, когда «объявление местности на военном положении не вызывало

⁴³⁷ГАРФ. Ф. 102. 7-е Делопроизводство. Оп. 204. 1907 г. Д. 1924 . Л. 19, 23.

⁴³⁸ Там же. Л. 25.

⁴³⁹ Там же. Л. 37.

состояния дороги на положение чрезвычайной охраны»⁴⁴⁰. Так, например, часть линии Юго-Западных железных дорог, пролегающая в пределах Одесского уезда, объявленного состоящим на военном положении, не была объявлена в положении чрезвычайной охраны, поскольку была подчинена комитету, находящемуся в г. Киеве, т.е. в пределах другого военного округа.

А пока шли обсуждения, один из обвиняемых, Петр Аршинов, в ночь на 22 апреля 1907 г. бежал из Александровской тюрьмы и был затем задержан лишь в 1910 г. в г. Борщов, в пределах Австрии. Его сообщник был повешен⁴⁴¹. Когда в 1911 г. Аршинов (он же Михаил Гуляк, он же, Федот Иванович Михальский) наконец был выдан русским властям, снова встал вопрос о подсудности. На этот раз дело было обращено к общей подсудности и передано в Харьковскую Судебную палату, но благодаря «L'Humanité» получило международную огласку. Е. Рубанович в статье «Новая низость царизма» негодовал: «Четверо русских революционеров... были в 1911 г. арестованы в Австрии по просьбе русского правительства. Обвиняя их в разных «политических» преступлениях, русское правительство, требовало их выдачи, как обыкновенных преступников». (Благодаря вмешательству «L'Humanite», Международного социалистического Бюро, а также хлопотам Диаманда и Виктора Адлера, членов Австрийского парламента, трое русских революционеров были освобождены, и только один, Гуляк, был выдан в Россию). Выяснилось, что помимо террористического покушения, вооруженного сопротивления при аресте и бегства из Александровской тюрьмы Аршинов-Гуляк также виновен в трех вооруженных экспроприациях. Рубанович, однако, обращает внимание на нарушение правил выдачи, согласно которым судить подозреваемого можно только за преступления, служившие поводом для просьбы о выдаче. На основании этого он заключает: «можно... всего ожидать со стороны русского правительства, которое в своем диком преследовании русских

---

⁴⁴⁰ Там же. Л. 40.

⁴⁴¹ ГАРФ. Ф. 102. 7-е Делопроизводство. Оп. 204. 1907 г. Д. 1924. Л. 51-62.

революционеров не знает ни узды, ни границ» и выражает надежду, что австрийское правительство «правительство цивилизованной страны» не станет сообщником преступления, «задуманного варварским правительством против политического эмигранта, уже ставшего жертвой одного нарушения права убежища». «Мы твердо уверены, что наши друзья в Австрийском Парламенте ещё раз срочно вступятся в дело, и не допустят совершиться этой новой низости красного Царя», - восклицает Рубанович, ни словом не обмолвившись о смерти инженера Василенко⁴⁴².

Поскольку возмущение правоприменительной практикой самодержавия позволяло общественности игнорировать даже столь серьезные обвинения в адрес таких борцов с режимом, как Гуляк, неудивительно, что менее радикальные адепты антиправительственной деятельности, бесспорно, выглядели жертвами.

Впрочем, пресса была склонна нередко преувеличивать жесткости полиции. Профессиональная революционерка Ц. С. Бобровская-Зеликсон признается: «Надо сказать, свой арест я приняла почти как должное. Ведь я уже ... целый год вела самую напряженную работу. Пора было, так сказать, и честь знать»⁴⁴³. Поэтому когда однажды ночью жандармы нагрянули к ней с обыском, она не выказала большого удивления. «Жандармский ротмистр Норнберг»⁴⁴⁴, производивший обыск, был большой весельчак, и пытался в процессе острить, спрашивая: "Очень обескуражены? Ведь вы, наверное, думали, что все произойдет, как во французских романах: предстанет перед вами прекрасный офицер и скажет: "сударыня, как ни тяжело, но именем закона я вас арестую". Потом он стал копаться в книгах и, перечитывая названия, приговаривал: "Политическая экономия", "Капитал" Карла Маркса. Все капитал, а в портмоне, вот видите, у вас всего шестьдесят копеек»⁴⁴⁵.

⁴⁴² ГАРФ. Ф. 102. 7-е Делопроизводство. Оп. 204. 1907 г. Д. 1924. Л. 68-77.

⁴⁴³ Бобровская (Зеликсон) Ц. С. Записки подпольщика. 1894-1917. М., 1957. С. 20.

⁴⁴⁴ Вероятно, имеется в виду поручик Санкт-Петербургского Гренадерского Короля Фридриха-Вильгельма III полка К.Н. Горнберг, 2 августа 1894 г. назначенный адъютантом к начальнику Варшавского жандармского округа. // ГАРФ. Ф. 110. Оп. 2. Д. 7608, 8206.

⁴⁴⁵ Бобровская (Зеликсон) Ц. С. Там же.

Впоследствии жандарм-весельчак наделал долгов, вышел в отставку и был найден мертвым в Сан-Ремо⁴⁴⁶. Однако с его смертью потешаться над Зеликсон представители политической полиции не прекратили: в 1915 г. филеры Московской охранки, следившие за ней в течение двух недель и кропотливо фиксирующие в своих рапортчиках её прогулки с детьми и походы по магазинам, дали ей кличку «Редиска», а её знакомой – «Редька»⁴⁴⁷. Однако ничего предосудительного в быту «Редиски» на сей раз найдено, по-видимому, не было.

Примечательна история ареста врача С.Я. Елпатьевского, впоследствии известного писателя и публициста, произошедшая на заре его деятельности, в 1880 г., в Скопинском уезде Рязанской области. Елпатьевский был немало удивлен, когда явившийся для обыска ротмистр вначале попросил подозреваемого указать не только свой кабинет (в других комнатах обыск не производился), но и, втайне от также присутствовавшего в доме исправника, выбрать для осмотра безопасный для себя ящик письменного стола. Вслед за обыском последовал и допрос, который «велся в весьма деликатном тоне»⁴⁴⁸.

Подобные случаи, когда жандармы сознательно манкировали обыском, либо попросту игнорировали вещественные доказательства или иные улики, хоть и не были возведены в правило, но случались время от времени. Особенно это касалось расследования противоправительственной деятельности подростков. Не желая «губить» молодых людей, полиция нередко отказывалась от преследования. Так, когда начальник Волынского ГЖУ полковник В.Э. Гофман отобрал у своей 12-летней дочери альбом с преступными стихотворениями, принадлежащий старшей сестре ее подруги, ДП затормозил это дело⁴⁴⁹.

Первое знакомство В.М. Зензинова с «синим мундиром», который он «уже ненавидел», состоялось в 1889 г., когда юноше было всего 18 лет.

---

⁴⁴⁶ ГАРФ. Ф.110. Оп. 2. Д. 9533; Оп. 6. Д. 803.

⁴⁴⁷ ГАРФ. Ф. 63. Оп. 44. Д. 6231.

⁴⁴⁸ *Елпатьевский С.Я.* Воспоминания за 50 лет. Л. 1929. С. 69–70.

⁴⁴⁹ ГАРФ. Ф. 110 Оп. 9. Д. 826.

Жандармский ротмистр, в руках которого определенно имелись доказательства его сношений с заграничными революционерами, ограничился вызовом родителя для беседы в охранное отделение и ночным обыском, состоявшимся как раз накануне последнего выпускного экзамена. «Сейчас я не могу не обратить внимания на то, как в то время были человечны даже "синие мундиры"», – писал Зензинов. - Я ... получил аттестат зрелости. Этому, в конце концов, я был обязан "синим мундирам", которые дали мне возможность окончить гимназию».⁴⁵⁰

Впоследствии Елпатьевский свел знакомство с обыскивавшим его жилище ротмистром, и когда последнему из С.-Петербурга пришла телеграмма об аресте, ротмистр, к вящему недоумению арестованного, наотрез отказался отправлять его в тюрьму: «Вы не знаете, что за тюрьма здесь. Гнилушка, грязь, вонь, камеры холодные, гулять негде. Клоака... Вы останетесь у меня»⁴⁵¹. Несколько дней провел врач в доме у жандармского ротмистра, причем хозяин позвал на ужин друзей арестанта, вызвал из деревни его жену и детей. В конце концов, арестант из чувства неловкости настоял на своей отправке в тюрьму. Любопытно, что подобное поведение ротмистра Елпатьевский был склонен объяснять молодостью жандарма и особой благотворной атмосферой «именин сердца», сопутствовавшей правлению М.Т. Лорис-Меликова⁴⁵².

И хотя такие эпизоды и впрямь были исключением, внимание к нуждам арестованного было закреплено нормативно. Так, в жандармских инструкциях было предписано, что с арестованными следует обходиться по возможности «снисходительно, без грубости, не допускать ни упреков, ни обидных выражений, помня при этом, что только закон может произносить приговор и карать преступника, личность которого для всех

---

⁴⁵⁰ Зензинов В. М. Пережитое. Нью-Йорк, 1953. С. 61-64.

⁴⁵¹ Там же. С. 72.

⁴⁵² Там же. С. 74.

других так же неприкосновенна, как и личность всякого человека»⁴⁵³. В «Инструкции жандармских нижних чинов, сопровождающих арестованных лиц» особо оговаривались мероприятия в случае болезни арестованного; в случае похолодания была предусмотрена покупка для него теплой одежды и обуви; количество суточных кормовых денег, отпущенных на содержание арестованного, предписывалось объявлять ему заранее.

В скопинской тюрьме, столь нелюбимо описанной ротмистром, Елпатьевского охватило «чувство глубокого покоя». Как ни странно, это далеко не самое радужное из описаний места заключения. С.Г. Струмилин, в будущем известный советский статистик, пишет, что «почувствовал себя в тюрьме как на курорте»⁴⁵⁴. Однако, самое стилистически роскошное описание своего тюремного быта оставил саратовский революционер П.С. Поливанов, перед переводом в Алексеевский рavelин проведший некоторое время в «третьеотделенской кутузке»: «Из всех камер, какие я только видел на своем веку, она в наименьшей степени носила тюремный характер». Ему выдали белье, туфли и хороший халат на красной подкладке. Потом офицер спросил, не хочет ли заключенный чаю. Пожелав спокойной ночи, «поручик грациозно раскланялся». Когда арестант осмотрел свое новое пристанище, выяснилось, что «камера производила довольно приятное впечатление». Мебель была «того же фасона, какого они обыкновенно бывают в гостиницах средней руки», хорошее байковое одеяло, чистое белье, отмеченное буквами Ш. К. Ж., толстая стеариновая свеча в подсвечнике, – «все это показалось бы мне теперь чуть ли не раем», как заключил арестант⁴⁵⁵.

Известно также описание помещения при Санкт-Петербургском охранном отделении, где «посиживали» революционеры. Эта комната в подвальном этаже, непохожая на тюремную камеру, скорее имела вид канцелярии: письменный стол, кожаные стулья и клеенчатый диван. Именно

⁴⁵³Памятная книжка для нижних чинов Варшавского жандармского округа. Варшава, 1885. С. 40–41.

⁴⁵⁴Струмилин С.Г. Из пережитого. М., 1957. С. 108.

⁴⁵⁵Поливанов П.С. Алексеевский рavelин. Л., 1926. С. 78.

на этом «клеенчатом, холодном, скользком диванчике, скрючившись, не разуваясь и не меняя белья» три недели ночевала Зеликсон. Башуров, проведший в этом помещении несколько меньше, также оставил описание этого злосчастного продавленного дивана, на котором не было ни одеяла, ни подушки. Всё время их заключения жандарм приносил утром и вечером чай, подавал днем обед; выпускал по стуку в дверь оправиться, но оставался нем как рыба. Поэтому заключенные страдали здесь главным образом от скуки и от грязи, поскольку бани при охранном отделении не имелось.⁴⁵⁶

Пребывание в тюрьме скрашивалось тем, что родным зачастую разрешено было доставлять арестованному продукты, при желании и в тюрьме можно было располагать «хорошим столом, с фруктами, хорошим вином, с хорошими сигарами»⁴⁵⁷. Даже если поблизости у арестованного никого из родных не было, товарищи всегда в таких случаях находили революционно настроенных курсисток, готовых объявить себя «невестой» заключенного и, добившись таким образом свиданий, регулярно навещать его⁴⁵⁸. «Сколько швейцарского шоколада и других деликатесов я пересмотрел в доме предварительного заключения у одной только Эсфири Тамаркиной, красивой еврейки, „невесты“ известного эсера Авксентьева!..» – вспоминает начальник Московского охранного отделения А.П.Мартынов⁴⁵⁹.

Примечательно, что в случае, если роль заключенного в революционном движении была, по мнению следствия, не так уж велика, и за ним лично не числилось никаких особенно громких дел, то на условия его содержания могли значительно повлиять деньги и связи его родных. Возлюбленная В.М. Зензинова, Амалия Фондаминская (в девичестве, Гавронская), арестованная в числе своих товарищей осенью 1905 г. была как раз из таких. Её матери, принадлежавшей к известному клану московских евреев-миллионеров, удалось добиться того, что одиночную камеру ее

⁴⁵⁶ Башуров А. Ю. По тюрьмам и ссылкам. Свердловск, 1933, С. 15 ; Зеликсон С. Указ.соч. С. 40.

⁴⁵⁷ Там же. С. 82.

⁴⁵⁸ Струмилин С.Г. Указ. соч. С. 133.

⁴⁵⁹ Мартынов А.П. Указ. соч. С. 67.

дочери в Таганской тюрьме оклеили обоями, а тюремный повар персонально готовил для вегетарианки Амалии особые блюда. Кроме того, она получала огромные передачи, среди которых было много конфет и цветов-«то и другое она рассылала по все тюрьме». В камере и в коридоре, куда выходила ее одиночка, пахло духами. В тюрьме она провела только один месяц, и, как сама рассказывала впоследствии, провела это время «с удовольствием».⁴⁶⁰

Иногда, чтобы смягчить тюремные порядки, можно было обойтись и без материальных средств убеждения. Свекровь революционерки Зеликсон-Бобровской, Софья Львовна была вдова действительного статского советника. Благодаря лишь своему положению, она тотчас же получила свидание с заключенной, причем к камере ее провожал «шпик, торжественно неся в руках калоши, которые она сняла в коридоре»⁴⁶¹.

По слухам, циркулировавшим среди жандармских офицеров в Киеве, дочь известного психиатра тайного советника И.П. Мержеевского Юлия, арестованная в 1909 г. за попытку покушения на царя, содержалась не в местах заключения, а в одной из комнат частной квартиры подполковника Н.Н. Кулябко, возле охранного отделения, причем, несмотря на всю серьезность павшего на неё подозрения, особой охраны не было⁴⁶².

Впрочем, даже если родители могли похвастать средствами и положением, особую самонадеянность им проявлять всё же не следовало. Спиридович приводит случай, приключившийся с одним богачом, в доме которого жандармы произвели обыск, и по результатам такового арестовали двоих его сыновей. Придя в тот или на следующий день в клуб, отец арестованных имел неосторожность заявить, что он не беспокоится за сыновей, что «за деньги всевозможно», и выразил уверенность, что ему удастся добиться быстрого освобождения детей у жандармского управления. Эти слова стали известны Спиридовичу, и они незамедлительно были доведены им официально до сведения ДП, прокуратуры и жандармского

---

⁴⁶⁰Зензинов В. М. Пережитое. Нью-Йорк, 1953. С.212.

⁴⁶¹Зеликсон Ц. С. Указ. Соч. С. 107.

⁴⁶²ГАРФ. Ф. 102. 5-е Делопроизводство. 1911 г. Оп. 147. Д. 700. Л. 81.

управления, где производилось дознание. В результате «каждый боялся поднять вопрос об освобождении братьев Г., и они просидели благодаря отцу много больше, чем могли бы просидеть...»⁴⁶³

Надо заметить, что ввиду того, что тюремный режим то смягчался, то ужесточался, иногда становились реальными совершенно, казалось бы, вопиющие вещи. Струмилин так описывал свое пребывание в известных «Крестах»: «Все окна тюрьмы были весь день настежь открыты. И мы могли... свободно переговариваться сквозь оконные железные решетки. По вечерам у тех же решеток... заслушивались и обсуждались, как в парламенте, чьи-нибудь выступления»⁴⁶⁴.

Разумеется, тюрьма есть тюрьма, и условия содержания не везде были столь привлекательны, как в описанных случаях: в иные времена и за обычное перестукивание можно было угодить в карцер. К тому же следует иметь в виду, что хотя российская политическая полиция, по большей части состоящая из жандармских офицеров, и редко применяла жестокость в борьбе с крамолой, моральная ответственность за действия чинов других ведомств в глазах общества также ложилась на совесть жандармов. Совершенно иным было отношение к осужденным чинов Главного тюремного управления. Так, в марте 1911 г. в руки ДП попало письмо одного из узников Центральной Тобольской каторжной тюрьмы, отправленное В.Л. Бурцевым депутату Е.П.Гегечкори для внесения запроса в Государственную думу. Автор письма во всех подробностях описывал горькие последствия ужесточения тюремного режима, при которых «уже надзиратели и те не выносят и уходят в отставку, мотивируя, что при таких истязаниях присутствовать не в состоянии», а «порки стали таким обычным явлением, что на них не обращается никакого внимания»⁴⁶⁵. Надо отметить, власти регулярно делали внушения тюремному начальству. Так, например, осенью 1912 г. Иркутский генерал-губернатор А.И. Кияшко дал начальникам тюрем

---

⁴⁶³ *Стиридович А.И.* . Указ. соч. С. 147-148.

⁴⁶⁴ *Струмилин С.Г.* Указ. соч. С. 161.

⁴⁶⁵ ГАРФ. Ф. 102. ОО. Оп. 235. 1906 г. (I). Д. 702. Т. 2. Л. 217–219.

строжайшее указание, что «закон вооружает их достаточными средствами дисциплинарного воздействия на арестантов, чтобы не допускать со стороны военного конвоя или тюремной стражи причинения арестантам побоев»⁴⁶⁶.

Что касается жандармов, то инструкции офицерам, состоящим при политических тюрьмах, неизменно требовали от них полного исполнения законов относительно содержания политических преступников. Жандармский штаб-офицер обязан был наблюдать, чтобы положенное от казны содержание и довольствие арестованных отпускалось своевременно и соответствовало определенным стандартам качества⁴⁶⁷. Жандармские офицеры ходатайствовали о посещении арестантов врачом и о своевременном отпуске лекарств⁴⁶⁸.

Быт большей части политических преступников непосредственно под жандармским надзором физически был вполне сносным. Так, В.Г. Короленко в «Истории моего современника» описывает эпизод, произошедший в 1881 г., когда политические ссыльные были крайне обрадованы, узнав, что вместо регулярной полиции препровождать их в Сибирь будут жандармы.

«Перед нами стоял немаловажный вопрос: кто и как нас повезет обратно; придется ли нам следовать этапом в сопровождении солдат конвойной команды, или нас повезут жандармы... Жандармы были гораздо культурнее и уже привыкли к обращению с политическими... Конвойная команда, наоборот, состояла из людей грубых, привыкших к самому грубому обращению с уголовными... Останавливаться пришлось бы на грязных, зараженных вшами и болезнями этапах. Поэтому совершенно понятна радость, с которой наши женщины встретили появившихся в глубине двора жандармов. Мы с Вноровским, сидя в своей комнате, услышали вдруг громкие рукоплескания и крики:

– Жандармы, жандармы, жандармы!..

---

⁴⁶⁶ГАРФ. Ф. 29. Оп. 7. Д. 94. Л. 15.

⁴⁶⁷ Например, Инструкция штаб-офицеру при политической тюрьме на Каре// ГАРФ. Ф. 29. Оп. 7. Д. 667. Л. 5-12.

⁴⁶⁸ГАРФ. Ф. 29. Оп. 7. Д. 667. Л. 16-17.

Шесть жандармов подходили к дверям, вероятно удивленные этой радостной встречей».

А.И. Деникин, чья рота некоторое время несла караул в знаменитом X павильоне Варшавской крепости, где содержались важные политические преступники, пишет, будто в городе среди поляков ходили самые фантастические слухи «о том, будто русское правительство систематически отравляло заключенных». Однако Деникин, которому, согласно инструкции дежурного по караулам, доводилось дважды в день пробовать пищу, подаваемую в павильон, полагал, что питание заключенных «было не хуже, чем в любом офицерском собрании»⁴⁶⁹.

Воспоминания Ф.Э. Дзержинского содержат целый ряд замечательных в своем роде сцен из жизни X павильона. Симптоматичный случай приключился с соседкой Феликса Эдмундовича. 18-летняя работница, имевшая обыкновение целыми днями петь (чему администрация не препятствовала), как-то раз, возвращаясь из уборной, наотрез отказалась открывать дверь своей камеры, сославшись на боль в руке (по слухам, во время одного из прежних столкновений онахватила жандарма кувшином, а он ранил ее в руку шашкой) и потребовала, чтобы это сделал сопровождавший ее жандарм. Однако это было запрещено из опасения, что заключенный может напасть на жандарма, пока тот будет возиться с замком. Поэтому жандарм потребовал, чтобы она сама открыла дверь. «Все равно, – ответила она, – ...открыть двери я не могу и буду все время стоять здесь». Жандарм пригрозил ей, что он позвонит начальству. Она упорно стояла на своем. Когда жандарм направился к звонку, она подошла к камере на другой стороне коридора и начала разговаривать с заключенными. Взбешенный жандарм открыл дверь, крича: «Ну, ты, иди, я тебе открыл!». После этого он долго ворчал и вполголоса крикнул: «Стерва!». Услышав это, Дзержинский резко напустился на жандарма, а тот начал оправдываться, говоря, что он открыл бы двери, но она уже не один раз устраивала такие штуки, и когда

---

⁴⁶⁹ Деникин А.И. Путь русского офицера. М., 1991. С. 94.

жандармы нагибались, чтобы отодвинуть засов, она «заезжала им в морду»⁴⁷⁰.

Другая соседка Дзержинского после очередного конфликта с жандармом начала истерически кричать и звать на помощь, «словно ее собирались зарезать или убить». В других камерах начали стучать в двери. Жандарм умоляющим голосом просил: «Не стучите, пожалуйста, ведь я никого не обругал и не обидел». Когда кто-то из заключенных потребовал, чтобы он вызвал заведующего, заявив, что он пожалуется ему на то, что там кого-то бьют, жандарм смиренно ответил: «Ладно, пожалуетесь»⁴⁷¹.

Пребывание в Варшавской цитадели описывают также Маньковский⁴⁷² и его товарищ Феликс Кон⁴⁷³. Все описания периодически указывают на неуставную мягкость обращения нижних чинов жандармского дивизиона. Маньковский описывал, как после оглашения приговоров жандармы и солдаты не только не мешали, но и сами помогали распространению этих сведений. Свободы, допущенные тюремной администрацией по выдаче обвинительного акта, после окончания суда стали ещё шире: заключенные могли собираться все вместе в одной камере, «жить кто с кем хотел, ходить кто к кому хотел». Жандармы запирали камеры, но открывали по первому зову. На прогулки ходили группами⁴⁷⁴. Уроки, прогулки группами, чтение, общие разговоры по вечерам, свидания с родными наполнили тюремную жизнь товарищей Маньковского, правда, стоит помнить, что многие из них были приговорены к смерти и могли надеяться лишь на замену казни бессрочной каторгой. Ввиду этого обстоятельства, под звуки песен и танцев обреченные пилили отверстие в потолке, надеясь успеть организовать побег⁴⁷⁵.

⁴⁷⁰ Дзержинский Ф. Э. Дневник и письма. М., 1956. С. 19–20.

⁴⁷¹ Там же. С. 16.

⁴⁷² Маньковский. У подножия виселицы. (отрывок из тюремных воспоминаний), Пг., 1919.

⁴⁷³ Феликс Кон. Под знаменем революции. М., 1970.

⁴⁷⁴ Маньковский. Указ. Соч. С. 6, 8.

⁴⁷⁵ Там же. С. 10, 28.

Попытки проявлять жесткость в обращении с заключенными пресекались начальством. Назначенный в 1883 г. (и пробывший в этой должности 3 года) комендантом Варшавской Александровской цитадели, генерал С.С. Унковский с большой симпатией относился к заключенным, особенно к учащейся молодежи. Известен случай, когда некто жандарм Фурса запретил жандармам и солдатам отдавать честь офицерам, находящимся под стражей, заключенный капитан выразил свое возмущение и вызвал коменданта. Унковский признал, что капитан прав, и Фурсе «влетело». Не раз попадало Фурсе за несвоевременный вызов врача к больному заключенному, за недоброкачественную пищу, за неопрятное содержание камер. По мнению Кона, Унковский «просто недолюбливал жандармов»⁴⁷⁶.

Как же выглядела вся эта ситуация с точки зрения чинов жандармского дивизиона и их начальства? Рассмотрим на примере.

В 1909 г. вскоре после назначения помощником Варшавского генерал-губернатора по полицейской части генерал-лейтенант Л.К. Утгоф⁴⁷⁷ обратил свое внимание на изрядную распущенность команды Варшавского жандармского дивизиона, находившейся при X павильоне Варшавской крепости. Он сменил заведующего павильоном и избрал на эту должность штабс-ротмистра В.Н. Иолкина. Вскоре выяснилось, что команда предается пьянству и способствует сношениям арестованных с внешним миром. В ответ на это Утгоф приказал ненадежных нижних чинов немедленно отправлять обратно в дивизион и заменять их другими. В короткое время Иолкину пришлось заменить до 30 человек. Постоянные требования Иолкина о замене нижних чинов, конечно, не понравились Командиру дивизиона, а также и нижним чинам, которые, получая в павильоне добавочное содержание, были очень недовольны возвращением их в дивизион. Когда штаб-ротмистр Иолкин установил нижних чинов, через посредство которых

---

⁴⁷⁶Феликс Кон. Указ. соч. С. 63

⁴⁷⁷Любопытная деталь: его сын Владимир был эсером (партийным псевдоним Петр Петрович Дерюжинский) и, впоследствии, членом Учредительного собрания.

арестанты поддерживали сношения с внешним миром, они были преданы суду. Однако председатель повел заседание таким образом, что оно имело характер суда не над нижними чинами, а над самим Иолкиным, вызванным в качестве свидетеля. Утгоф увидел в этом инциденте кампанию, затеянную из желания сделать приятное командиру дивизиона, недовольному Иолкиным⁴⁷⁸.

Вскоре на Иолкина был подан рапорт, сущность которого сводилась к тому, что штабс-ротмистр на Пасху явился в помещение команды нижних чинов дивизиона и позволил себе неуместный разговор. Так, он, будто бы, сказал, что политические арестанты – «люди, страдающие за Россию», и поэтому к ним нужно относиться снисходительно. Увидев на груди у рядового Вершинина медаль за усердие, Иолкин, якобы, заметил, что этот нижний чин «убил свою душу» а не отличился, поймав преступника. Подтверждая факт своего опьянения, Иолкин объяснил, что, поздравив с праздником своих подчиненных, он уже мало что помнил, хотя был уверен, что приписываемого ему сказать не мог⁴⁷⁹.

В целом, из дознания ясно выплывает, что возводимое на Иолкина обвинение, было сделано нижними чинами из мести и с одобрения командира дивизиона, недовольного тем, что Иолкин подвел его под гнев начальства. Вероятно, по этой причине и всплыло столько любопытных фактов службы и жизни нижних чинов X павильона, каковые в другой ситуации вряд ли оказались бы известны. По словам рядовых дивизиона И. Чернухина и И. Частухина, Иолкин объяснял, что если нижний чин, находясь на службе, забудется и позволит себе сказать заключенному «ты», то будет переведен с этого коридора в другой, а предварительно посажен на 5 суток под арест в темную. В этот же карцер, сажали и провинившихся заключенных, но часто отпускали уже спустя сутки благодаря их усиленному стуку в двери. Между тем, нижних чинов держали там по пять суток, причем

---

⁴⁷⁸ ГАРФ. Ф. 110. Оп. 6. Д. 2240.Л. 1-3.

⁴⁷⁹ Там же. Л. 2.

давали стакан воды и кусок хлеба. Припомнили даже такой случай, когда один нижний чин, отсидев пять суток в этом помещении, стал кашлять кровью. В коридорах павильона были вывешены краткие выдержки из инструкции, напоминавшие, чтобы нижние чины дивизиона говорили заключенным «Вы». В случае ошибки, заключенные требовали заведующего павильоном, и тогда последний подвергал нижнего чина взысканию⁴⁸⁰. Рядовой М. Вершинин, хоть и оспаривал заявления своих товарищей о суровости наказаний для нижних чинов, однако привел крамольную цитату из «Пасхальной» речи штабс-ротмистра. В частности, он сообщил, будто Иолкин сказал следующее: «здесь есть один Ватерлос, который страдает не только за нас, но и за всю Россию. ... если мне не верите, то можете открыть камеры и поговорить с арестованными, есть такие люди образованные, которые больше нас знают...»⁴⁸¹. Что касается самого празднования Пасхи, то, по меткому выражению рядового Е. Фофонова, жандармы разговелись «до потери сознания», так что некому было заступить на дежурство по коридору. Те же, которые заступили, были «сильно выпивши» и допускали всякие нарушения: беседовали и пили чай с арестованными».⁴⁸²

Сам же Иолкин на допросе прокомментировал обвинение в излишней жесткости к подчиненным так: «я могу только ответить, что отношений этих сравнивать невозможно, т.к. от заключенных я требую только ненарушения установленных для арестованных правил ...причем я всегда стараюсь быть с арестованными вежливым и корректным, во избежание каких бы то ни было столкновений и инцидентов, и того же требую и от нижних чинов. Что же касается моего отношения к нижним чинам, то я от них требую, кроме исполнения обязанностей по павильону, ещё и исполнения обязанностей воинской службы». «Конечно, - замечает Иолкин, - нижним чинам может казаться странным, почему я арестованным говорю «Вы», а им,

---

⁴⁸⁰Там же. Л. 8-9 об.

⁴⁸¹Там же. Л. 17 об.-21.

⁴⁸²Там же. Л. 25-26.

окарауливающим этих арестованных, говорю «ты», но к этому меня обязывают существующие инструкции»⁴⁸³.

В процессе расследования также выяснилось, что карцеры X-го павильона были неодинаковы, и те, что лучше, предназначались для арестантов, а один, тот, что похуже – для нижних чинов. За все время заведывания Иолкиным X-м павильоном в этом карцере были выдержаны за важные проступки в течение 5 суток более 10 нижних чинов.⁴⁸⁴

Что касается содержания крамольных речей, то оно было прояснено при помощи сторонних незаинтересованных лиц – унтер-офицеров Варшавского ГЖУ. Выяснилось, что когда заведующий увидел у Вершинина на груди медаль «За усердие» и спросил его, за что «он такой малый, а такой молодчага и герой получил эту медаль», то Вершинин ответил: «За хорошую еблю». Принимая во внимание такой ответ, сомнительно, чтоб за ним могли последовать какие-либо рассуждения про «погубленную душу». Подобная дерзость была, впрочем, штабс-ротмистром ему ради праздника прощена⁴⁸⁵.

В итоге данного разбирательства лица, клеветавшие на Иолкина, были подвергнуты различным дисциплинарным взысканиям⁴⁸⁶. Но и самому Иолкину пришлось покинуть свой пост.⁴⁸⁷ Наконец, по освобождении от этой должности, Иолкин подал рапорт о допущении его к слушанию лекций при Штабе корпуса жандармов,⁴⁸⁸ куда успешно поступил⁴⁸⁹.

Важно отметить, что в случае, если действия жандармских офицеров в отношении заключенных клонились к нарушению установленного порядка, арестант порой мог найти содействие в лице своих непосредственных

---

⁴⁸³ Там же. Л. 13-15 об.

⁴⁸⁴ Там же.

⁴⁸⁵ Там же. Л. 26 об-28, 29.

⁴⁸⁶ Там же. Л. 32-33 об.

⁴⁸⁷ Там же. Л. 34-35.

⁴⁸⁸ Там же. Л. 38.

⁴⁸⁹ И служил сначала в качестве начальника жандармского управления Липновского и Рыпинского уездов, а затем адъютантом Бессарабского ГЖУ. 12 августа 1914 г. Приказом по ОКЖ № 270 переведен во 2-й Черноморский полк Кубанского казачьего войска, с переименованием в есаулы.// Справочник-список офицерского и рядового состава жандармских управлений, охранных отделений, агентов охранной агентуры дворцового коменданта и чинов Департамента полиции МВД царской России, М., 1940. С. 111.

тюремщиков и прокуроров. Подобное положение усугублялось запутанными служебными взаимоотношениями чинов различных силовых ведомств. Так, например, подполковник М.П. Мадатов, забравший по поручению начальника Московской охраны П.П. Заварзина бумаги некоего арестанта Селезнева, подвергся жесткой критике со стороны прокурорского надзора. Начальник же Московской губернской тюрьмы и вовсе позволил себе накричать на Мадатова в присутствии Селезнева и бывших за дверью нижних чинов. Более того, действия подполковника были квалифицированы ДП как «бестактные», а его начальнику было указано на неправильность подобных мер, хотя тюремной администрации не могло не быть очевидно, что Мадатов пытался склонить Селезнева к сотрудничеству⁴⁹⁰.

Даже в карийской мужской политической тюрьме отдельные чины администрации защищали интересы государственных преступников в ущерб службе, а жандармским унтер-офицерам случалось искать расположения арестантов⁴⁹¹.

Вера Фигнер в своей книге «Запечатленный труд» всю одиннадцатую главу посвятила коменданту Шлиссельбургской крепости И.И. Гангардту, который «отклонял мстящую руку Департамента полиции» и которому заключенные были обязаны всеми крупными улучшениями. Однако и о некоторых других комендантах она отзывается положительно: так, по ее словам, комендант К.К. Покрошинский был вежлив в обращении; комендант Коренев - добродушен и при первом посещении камеры Фигнер протянул ей руку для пожатия, при нем же начались серьезные послабления тюремного режима⁴⁹². В дальнейшем, эти послабления сделались настолько значительными, что узникам было разрешено устраивать огороды, выращивать птицу, осуществлять совместные прогулки, работать в

---

⁴⁹⁰ГАРФ. Ф. 102. ОО. Оп. 316. 1910 г. Д. 353. Л. 21-24 об., 150.

⁴⁹¹ГАРФ. Ф. 29. Оп. 7. Д. 675. Л. 1,1 об, 4-5.

⁴⁹²Фигнер В.Н. Запечатленный труд. Т. 2. М., 2016. С. 130-131.

мастерских, выписывать книги, газеты и журналы, собирать гербарии и даже устраивать импровизированные собрания и лекции⁴⁹³.

По свидетельству шлиссельбургского завхоза ротмистра В.В. Парфёнова, на покупку материалов для работ на каждого заключенного ДП отпускал по 5 р. в месяц⁴⁹⁴. Стол узников Шлиссельбурга во времена Парфёнова был весьма разнообразен, причем меню составляли они сами⁴⁹⁵. Самой суровой деталью режима была редкая переписка и отсутствие свиданий с родными и вообще с кем-либо, кроме жандармов⁴⁹⁶.

Особое беспокойство арестованные революционеры традиционно испытывали в преддверии жандармского допроса, когда, как в их представлении, «молодые, может быть, способные, но неопытные люди, живущие в отвратительных условиях одиночки, нервно расстроенные, вступают в состязание с способными, опытными, старыми, хладнокровными следователями, не брезгающими никакими приемами для раскрытия дела и обладающими для этого огромными средствами»⁴⁹⁷. Как показывает практика, одним из основных таких приемом была элементарная вежливость. Именно в данной характеристике чинов жандармского ведомства

⁴⁹³ *Новорусский М.В.* Записки шлиссельбуржца. 1887-1905. – М., 1933.

⁴⁹⁴ *Лаврёнова А.М.* Судьба жандарма: Воспоминания ротмистра В. В. Парфёнова о службе в Шлиссельбургской крепости Часть 2. Узники Шлиссельбурга// *Обозреватель -Observer*. 2017. № 4. С. 112.

⁴⁹⁵ «Департамент полиции отпускал на каждого заключенного в день по 35 коп. на обед и на ужин и по 10 коп. в день на хлеб. Кроме того, деньги на ½ ф. чаю и 3 ф. сахару на месяц и по 1 ф. табаку и 1000 шт. гильз каждому курящему. ... Заключенные покупали или сыр, или монпасье, иногда селедки, лимоны, горчицу, уксус и проч. ... Каждый день к обеду было два блюда, или мясных, или одно из них молочное, и на ужин одно блюдо мясное или опять же, молочное. Из обедов, вспоминаю, были такие: мясной суп со свежей капустой, котлета с жареным картофелем, на ужин пшенная каша на молоке с маслом. 2) Картофельный суп, битки с гречневой кашей, на ужин голландский сыр. В воскресенье обед состоял из трех блюд, т.е. третье блюдо был обязательно пирог с мясом или капустой. ... На Рождество и на Новый год давался улучшенный стол: жарили гусей или уток, делали пирог с мясом и на сладкое компот. На Пасху каждому заключенному выдавались, кроме улучшенного обеда, кулич, 5 шт. яиц, небольшая сахарная пасха, по 2 ф. ветчины, по порции индейки, малороссийских колбас, по 3 апельсина и по 1 д[южине] яблок, по 1 ф. винограда»// *Лаврёнова А.М.* Судьба жандарма: Воспоминания ротмистра В. В. Парфёнова о службе в Шлиссельбургской крепости Часть 2. Узники Шлиссельбурга// *Обозреватель - Observer*. 2017. № 4. С. 114.

⁴⁹⁶ Там же. С. 115.

⁴⁹⁷ *Махновец В.П.* Как держать себя на допросах. Женева, 1900. С. 18.

расписывается абсолютное большинство мемуаристов. Так, например, А. Поляков признавал, что хотя в своей среде жандармы и бывали порой «грубы и невыносимы», но в общении с посторонними жандармов отличали «любезность, корректность, выдержка, вежливость»⁴⁹⁸. Именно она заставляет видного эсдека В.П. Махновца восклицать: «Посмотрите, как сдержаны, как тактичны жандармские полковники! Вы можете бросить ему в глаза какое угодно оскорбление – он не вспылит; вы можете говорить с ним как угодно резко – он будет с вами тем почтительнее, вы можете поймать его на слове и уличить в противоречии, во лжи, в глупости – он не будет защищаться, он замолчит и не проронит ни одного слова»⁴⁹⁹. Подобные разговоры иногда напоминали салонную беседу, нежели допрос; в процессе допрашиваемому предлагались чай и папиросы – иными словами, жандармы всеми силами старались создать обстановку, благоприятную для откровенного общения с «подопечными».

Максим Горький, принимавший участие в допросах по делу 9 января 1905 г., по его словам, чувствовал себя в положении «ученика, вызванного на публичный экзамен по всем отраслям знания». Он писал, что следователи ведут себя так, как будто считают преступление несчастьем, печальной «ошибкой молодости». Однажды, к удивлению Горького, допрашивавший его жандармский ротмистр высказал похвалу «своему земляку» писателю В.Г. Короленко⁵⁰⁰. По мнению Горького, ротмистр был человек «добродушный, но неумный». На третьем допросе он доверительно сообщил писателю об обеспокоенности Европы его арестом и об особом заступничестве португальского короля⁵⁰¹.

Нередко жандармы оказывали разумное содействие своим «клиентам». Так, например, один из организаторов Морозовской стачки, П.А. Моисеенко, попросил разрешить ему повидаться с женой. Полковник пообещал это и

---

⁴⁹⁸ Поляков А. Указ. соч. С. 482.

⁴⁹⁹ Махновец В.П. Указ. соч. С. 32.

⁵⁰⁰ Гернет М.Н. История царской тюрьмы. Т. 4. М., 1954. С. 158–159.

⁵⁰¹ Там же. С. 160.

вскоре действительно её вызвал. Свидание проходило в присутствии полковника, и когда жена пожаловалась на то, что ее не принимают на фабрику, он обещал «все устроить». Более того, когда жена Моисеенко сообщила, что с арестованного мужа высчитали три рубля за книгу, не сданную в библиотеку, полковник взялся уладить этот вопрос с сыном самого Морозова⁵⁰².

Подлинным триумфом полицейской обходительности стали теплые отношения М.В. Вильбушевич (Мани Шохат) и С. В. Зубатова, начальника Московского охранного отделения, убедившего девушку оставить революционную деятельность и сделавшего из своей протекции восходящую звезду сионистского движения⁵⁰³.

Нередко утонченному искусству допроса и тонкостям следовательской «дипломатии» жандармские офицеры обучались у своих старших коллег-прокуроров. Мартынов описывает свое первое изумление от допроса С.В. Балмашева, убийцы Сипягина, проведенного М.И. Трусевичем, на тот момент (1902 г.), товарищем прокурора Санкт-Петербургской судебной палаты. На глазах Мартынова развернулось поистине необыкновенное зрелище: Трусевич, с «некоторым простоватым радушием в голосе», пригласил террориста сесть к столу, и, «раскрыв объемистый и очень изящный золотой портсигар, весьма любезно предложил ему папиросу», от которой Балмашев не отказался. Самая манера разговора, более напоминавшая тон дружеской беседы, нежели допрос, все это обаятельное обхождение прокурора с убийцей министра шокировали молодого жандармского офицера⁵⁰⁴.

Чтобы не попасться на удочку мнимого жандармского дружелюбия и не запутаться в показаниях, революционеры нередко вовсе отказывались отвечать на вопросы. Именно такую тактику пропагандировал и упоминавшийся выше Махновец в своей брошюре «Как держать себя на

---

⁵⁰² *Моисеенко П.А.* Воспоминания П.А. Моисеенко, 1873 – 1923 гг. М., 1924. С. 67–68.

⁵⁰³ *Заславский Д.И.* Зубатов и Маня Вильбушевич. М., 1923.

⁵⁰⁴ *Мартынов А.П.* Указ. Соч. С. 72-73.

допросах». Одним из тех, кто неизменно старался следовать этой тактике, был Зензинов. Бывало, что он те только отказывался от дачи показаний, но и вовсе от поездок в жандармское управление. Интересно, что к его поведению власти относились совершенно корректно – негодовали, но никаких специальных карательных или принуждающих мер не принимали и никаким наказаниям его не подвергали⁵⁰⁵.

Правда, тут стоит отметить, что поскольку Зензинов принадлежал к высшим кругам партии эсеров и был лично знаком с Азефом, жандармы не очень-то и упорствовали в получении от него каких-либо показаний. Поскольку, как справедливо отметил тот же Мартынов, при хорошо налаженном розыске «откровенное показание» на жандармском дознании и не требовалось. Более того, оно могло скорее повредить хорошо поставленному политическому розыску. Таким образом, известное требование «не отвечать на вопросы при жандармских дознаниях», предъявляемое членам подпольных революционных организаций их лидерами, имело и свою хорошую сторону⁵⁰⁶.

Не стоит, впрочем, оценивать таланты рядовых жандармских штаб-офицеров, основываясь исключительно на опыте выдающихся специалистов политического сыска. Заведующий заграничной агентурой П.И. Рачковский в своей записке «Об условиях деятельности политической полиции» (1902 г.) весьма критически отзывался о подготовке офицеров к проведению допросов и придавал немалое значение брошюре Махновца. То обстоятельство, что допрашивающий имел дело с всесторонне образованным, интеллигентным преступником, помимо соблюдения процессуальных аспектов, требовало его моральной победы⁵⁰⁷.

«Преувеличенная галантность»⁵⁰⁸ жандармов была зачастую противоположна манере поведения революционеров, «фонтанами

---

⁵⁰⁵ Зензинов В.М. Указ. соч. С. 166, 353, 358.

⁵⁰⁶ Мартынов А.П. Указ. соч. С. 74.

⁵⁰⁷ Цит. по: Политическая полиция Российской империи .... С. 41, 48..

⁵⁰⁸ Струмилин С.Г. Указ. соч. С. 131.

изливающих желчь»⁵⁰⁹ и «не упускающих ни одного случая для протеста против тюремщиков»⁵¹⁰. Непримируемость заключенных доходила порой до совершенно гротескных масштабов.

Жаловались политические заключенные часто и использовали для этого всякий повод. Так, когда жандармский офицер приказал надзирателям держать одного обвиняемого, не желавшего фотографироваться и постоянно морщившего лицо, последний расценил это как акт насилия над собой и направил жалобу, потребовав предать офицера суду⁵¹¹. Бывало так, что когда кого-либо из арестованных отправляли за перестукивание в карцер, вся тюрьма поднимала «неимоверный стук, требуя, чтобы всех стучавших... тащили туда же», но поскольку карцеров на всех не хватало, протестующих лишали свиданий и передач. Как следствие, в прокуратуру направлялись «сотни жалоб и протестов с требованиями расследовать действия тюремной администрации». В тюрьме появлялся прокурорский надзор, с которым заключенные вступали «в горячие словесные схватки по разным поводам»⁵¹².

В обыденной жизни общение с жандармами, как правило, не вызывало у революционеров такого ожесточения. Так, Л.Г. Дейч, возвращаясь в Россию после четырехлетней отлучки, был, по его словам, очень обрадован встречей с жандармами. «Если бы кто-нибудь посторонний зашел в то помещение, где я сидел за столом, на котором находились чай и закуска, и беседовал с окружавшими меня жандармами, – писал Дейч, – то он, наверное, подумал бы, прислушавшись к нашему разговору, что это встретились после продолжительной разлуки давно друг друга знающие люди»⁵¹³. А когда в Вильно на железнодорожном вокзале В. Зензинов упал в обморок от усталости, первым, кто пришел к нему на помощь, был жандарм, чью помощь он не побрезговал принять⁵¹⁴.

---

⁵⁰⁹ Махновец В.П. Указ. соч. С. 22.

⁵¹⁰ Струмилин С.Г. Указ соч. С. 129.

⁵¹¹ ГА РФ. Ф. 110. Оп. 6. Д. 1416. Л. 3–10.

⁵¹² Струмилин С.Г. Указ соч. С. 129.

⁵¹³ Дейч Л.Г. 16 лет в Сибири. Ч. I. СПб., 1906. С. 74.

⁵¹⁴ Зензинов В.М. Их жизни революционера. Париж., 1919, С. 59.

Однако встречаясь с жандармами на почве своей «профессиональной деятельности», в рамках своей социально-политической роли, революционеры зачастую преисполнялись непримиримой злобы. Описания случаев физического воздействия, встречающиеся в мемуарах, позволяют думать, что насилие, творимое самим революционером оставляло его едва ли не равнодушным.

Справедливости ради стоит отметить, что отношение к насилию было во многом обусловлено социальным происхождением революционера и, соответственно, усвоенными им нормами. В частности, известно, что Б.В.Савинкову, руководителю Боевой организации Партии эсеров, террор давался морально весьма непросто. Ему, выходцу из интеллигентной семьи, нередко приходилось испытывать нравственные мучения. На страницах своей книги «То, чего не было», Савинков пронзительно описывает сцену «казни» революционерами жандармского полковника Слезкина во время декабрьского вооруженного восстания в Москве. Убийство тут же разделяет сообщников: для одних участие в кровопролитии воспринимается как нечто чудовищное, отвратительное и противоречащее человеческой природе; другие же воспринимают это совершенно цинично и хладнокровно. Так, один из главных героев, Болотов, почувствовав, что при виде этой сцены у него вот-вот брызнут слезы, попросил сообщника пощадить жандарма. Получив отказ, он не помня себя, вышел из комнаты. У входных дверей с бесстрастным лицом и с браунингом в руке дежурил незнакомый Болотову рабочий, чей «равнодушный, почти скучающий взгляд» показался ему страшен. Он понял, что Слезкин неизбежно будет убит⁵¹⁵.

Словами Болотова Савинков задает, по-видимому, немаловажный и для самого себя вопрос: «Почему, если я убил Слезкина,- я герой, а если он повесился меня, он мерзавец и негодяй?» Итогом подобных размышлений стал неожиданный для революционера фатализм и фактическое отрицание материалистического объяснения истории, с одной стороны, и очень

---

⁵¹⁵В. Ропшин. (Б. Савинков). То, чего не было. М., 1990. С. 83-84.

созвучный творчеству Л.Н. Толстого протест против насилия, с другой. Устами Болотова Савинков ставит знак равенства между революционером и жандармом, в случае если последний бескорыстен и движим лишь искренними убеждениями. Подобное отношение к идеологическому противнику было свойственно и В.Л. Бурцеву, признавшего равней разоблаченную им З.Ф. Жученко-Гернгросс, а также ходатайствовавшего в 1917 г. за некоторых высших чинов политической полиции, заключенных под арест Чрезвычайной следственной комиссией. Такое отношение, впрочем, было скорее исключением.

В массе своей представители радикальных политических течений были совершенно непримиримы и предпочитали вести диалог со своими оппонентами единственно при помощи бомбы и кинжала, причем часто их деятельность носила ощутимый суицидальный оттенок⁵¹⁶. Если большинству эсеров-максималистов, анархистов и примкнувшему к ним преступному элементу особое философское обоснование террора не требовалось, то террористы – выходцы из интеллигентской среды остро нуждались в нравственном оправдании своих действий. Так, террор виделся им вынужденным ответом на гнет власти. Эсерка Ф. М. Фрумкина, совершившая покушение на В.Д. Новицкого, заявляла: «Террористические акты являются пока, в бесправной России, единственным средством хоть несколько обуздать выдающихся русских насильников»⁵¹⁷. Совершая теракты, революционеры, тем не менее, ощущали себя жертвой, причем: режима – с одной стороны, и добровольной жертвой во имя человечества – с другой. Такая картина мира, как кажется, не вызывала противоречий, хотя иной раз приходилось очень постараться, чтобы вынудить власти к расправе. Так, сама Фрума Фрумкина, помимо покушения на Новицкого, намеревалась убить жандармского полковника в Минске, затем хотела совершить покушение на Одесского градоначальника, при аресте пыталась ударить ножом

---

⁵¹⁶Будницкий О. В. Терроризм в российском освободительном движении: идеология, этика, психология (вторая половина XIX — начало XX в.) - М., 2000. С. 165-166.

⁵¹⁷Дело Ф.Фрумкиной// Революционная Россия. 1904. № 39. 1.01. С. 5.

жандармского офицера, в Московской пересыльной тюрьме также бросилась с ножом на ее начальника, а сверх того пыталась организовать покушение на Московского градоначальника А.А.Рейнбота и, наконец, на очередного тюремного чиновника в Бутырской тюрьме, и только это, в конечном итоге, привело её на эшафот⁵¹⁸.

Первые призывы к применению репрессий в отношении полицейских и жандармов стали звучать вместе с призывами к свержению самодержавия ещё в пореформенные годы. Так, например, тайное общество «Народная расправа» в 1868 г. полагало, «что члены III-го Отделения и полиции вообще ... должны быть казнены самым мучительным образом и в числе самых первых».⁵¹⁹

Однако пик эпидемии политического терроризма в России пришелся на период Первой русской революции. События «Кровавого воскресенья», в которых приняли участие в том числе и чины Санкт-Петербургского жандармского дивизиона, стали отправной точкой начала революции. Г. А. Гапон, бежавший за границу, призвал своих последователей бороться с режимом, и прежде всего, с полицией. «Бомбы, динамит, все разрешаю. Уничтожайте ненавистную народу полицию». Опубликованное в газете РСДРП «Искра» и перепечатанное либеральным журналом «Освобождение», это воззвание идейно сплотило политических радикалов и либеральную интеллигенцию. Тем временем анархисты и эсеры приступили к созданию специальных отрядов для «нейтрализации полицейских и жандармов»⁵²⁰. Политический терроризм стал превращаться в массовое движение.

Ещё летом 1905 г. в статье, озаглавленной «Memento!», центральный орган партии эсеров санкционировал применение террора против простых исполнителей указаний начальства, «мелких сошек»: «Пусть знает каждый губернатор, каждый прокурор, военный судья, полицмейстер, офицер, командующий стрелять в народ, каждый рядовой жандарм, агент сыска и

⁵¹⁸ Будницкий О. В. Указ. соч. С. 165.

⁵¹⁹ Цит. по: Борисов А.В., Малыгин А.Я., Мулукаев Р.С. Указ.соч. С. 579

⁵²⁰ Цит. по: Там же. С. 580.

даже простой полицейский, арестовывающий революционера, что ему грозит свинцовая пуля, как наше естественное и необходимое средство самообороны»⁵²¹. В октябре 1905 года Ленин открыто призвал убивать шпионов, полицейских, жандармов, казаков и черносотенцев, взрывать полицейские участки, обливать солдат кипятком, а полицейских - серной кислотой⁵²².

Крупные террористические акты сопровождались десятками мелких покушений и убийств среди низших чинов администрации, не считая письменных угроз, получавшихся чуть ли не всяким полицейским чиновником; «бомбы швыряли при всяком удобном и неудобном случае», бомбы встречались «в корзинах с земляникой, почтовых посылках, в карманах пальто, на вешалках общественных собраний, в церковных алтарях»... «Взрывалось все, что можно было взорвать, начиная с винных лавок и магазинов, продолжая жандармскими управлениями ... и памятниками русским генералам... и кончая церквями»⁵²³.

Манифест 17 октября, воспринятый как свидетельство проявленной слабости, напротив, лишь разжег аппетиты революционеров – массовые беспорядки и уличные бои прокатились почти по всем крупным городам империи. Когда в ходе декабрьского вооруженного восстания в Москве революционные трибуналы расстреливали полицейских и жандармских чинов, широкая общественность оставалась безучастна к их судьбе. Так, например, думским большинством была отклонена резолюция, осуждавшая террор. На заявление депутата М.С. Стаховича о том, что за несколько месяцев убито 288 и ранено 338 человек, в основном простых полицейских служащих, с депутатских скамей и с балконов, где размещалась публика, раздались выкрики: «Мало»⁵²⁴

---

⁵²¹ Цит. по: Будницкий О. В. Указ. соч. С. 170.

⁵²² Ленин В.И. ПСС. т. 11. С. 340-343.

⁵²³ Цит. по: Гейфман А. Революционный террор в России. 1894-1917 гг. М., 1997. С. 30.

⁵²⁴ Цит. по: Борисов А.В., Малыгин А.Я., Мулукаев Р.С. Указ. соч. С.581.

Общественная поддержка революционного террора во многом способствовала росту террористической практики. Как отмечает Квасов О.Н., «имена известных террористов ... становились культовыми. Их предсмертные или напутственные письма печатались, переписывались и превращались в революционные молитвы»⁵²⁵. Самоожжение в Петропавловской крепости М.Ф. Ветровой, арестованной по делу Лахтинской типографии, послужило причиной массовой политической демонстрации у Казанского собора 4 марта 1897 г. Среди демонстрантов пронесся слух, будто «жандармы-тюремщики гнусно её изнасиловали там и оскорбленная девушка, не имея иных способов протеста, облила себя из зажженной лампы керосином». Для С.Г. Струмилина этот день «стал начальным днем всей дальнейшей общественной деятельности».⁵²⁶ Значительную роль в популярности эсерки М. Спиридоновой, убийцы Тамбовского вице-губернатора Г.Н. Луженовского, сыграло ее письмо, обличающее её мучителей. Аналогичное сочувствие общества снискало предсмертное письмо эсерки М.М. Федоровой, совершившей покушение на Воронежского губернатора М.М. Бибикова⁵²⁷.

Между тем, общее число погибших в результате терактов превысило 17 тыс. человек⁵²⁸. В период с февраля 1905 г. по май 1906 г. количество пострадавших при террористических актах жандармских офицеров (как убитых, так и раненых) составило 8 человек, жандармских нижних чинов – 55 человек⁵²⁹. Кроме того, согласно одному официальному рапорту, среди жандармов резко увеличилось число нервных заболеваний⁵³⁰. (См. Приложение VII, IX).

⁵²⁵ Квасов О. Н. Революционный терроризм в Центральном Черноземье в начале XX века (1901 -1911 гг.)/ Квасов Олег Николаевич. - Воронеж: Изд-во Воронежского государственного университета, 2005. С. 32-33.

⁵²⁶ Струмилин С.Г. Из пережитого. М., 1957, С. 54; Памяти Марии Федосьевны Ветровой. СПб., 1898.

⁵²⁷ Квасов О. Н. Революционный терроризм в Центральном Черноземье... С. 33.

⁵²⁸ Будницкий О. В. Указ. соч. С. 170.

⁵²⁹ Политическая полиция и политический терроризм в России (вторая половина XIX – начало XX вв.). Сборник документов. – М., 2001. С. 249-250.

⁵³⁰ Гейфман А. Указ. соч. С. 59.

Впрочем, порой революционеры были беспощадны даже по отношению к своим товарищам. Ярким проявлением жестокости была хладнокровная программа чистки партии большевиков от действительных и потенциальных секретных сотрудников полиции, предложенная С.А. Тер-Петросяном, известным под кличкой Камо. В частности, Камо предлагал переодевшись в жандармскую форму, произвести ложные аресты ведущих партийных активистов: «Придем к тебе, арестуем, пытать будем, на кол посадим. Начнешь болтать: ясно будет, чего ты стоишь. Выловим так всех провокаторов, всех трусов»⁵³¹.

Жесткая позиция революционеров выражалась также и в практике голодовок. Голодовка с требованием немедленного освобождения или высылки до объявления приговора или в качестве протеста против чрезмерного затягивания дела была весьма распространенным средством борьбы с системой. По утверждению Зеликсон-Бобровской, тюремная администрация, прокуратура и жандармы боялись тюремных голодовок. Поэтому узнав, что она отказалась принимать пищу, они засуетились. «В моей камере в эти дни можно было наблюдать умирительное зрелище, как ротмистр Норнберг⁵³² или сам полковник Дыханов упрашивают меня "скушать ложечку бульонца" или "выпить полстаканчика молока"» - вспоминает революционерка. Голодать ей пришлось недолго - всего трое суток, а на четвёртые ее отпустили (под гласный надзор полиции, до суда)⁵³³. Весной 1903 г., снова оказавшись в тюрьме, Зеликсон принимает участие в массовой голодовке. Предложение было поддержано тюремными собраниями у открытых окон, заключенные голосовали, а результаты голосования передавались из камеры в камеру. Голодовка была решена подавляющим большинством голосов, и в ней приняло участие человек

---

⁵³¹ Цит. по: *Гейфман А.* Указ. соч.

⁵³² Верно: Горнберг.

⁵³³ *Зеликсон Ц.С.*, Указ. Соч. С. 24.

триста. Голодали «шумно: били окна, стучали в двери, пели, кричали, устраивали всяческую обструкцию»⁵³⁴.

В случае если голодовка долго не прекращалась, администрация грозила применить искусственное питание. На что политзаключенные нередко обещали «в случае малейшего насилия» вскрыть себе вены⁵³⁵. И здесь мы, наконец, подходим к центральной, на наш взгляд, «точке сборки» ментальности заключенного революционера – его представлению о неприкосновенности личности (разумеется, исключительно, своей собственной). В большинстве работ манифест «сознательной» части революционного контингента повторяется с минимальными оттеночными вариациями. «Мы твердо решили оберегать свое человеческое достоинство, всеми средствами вплоть до самоубийства»⁵³⁶, – пишет Жуковский-Жук. «Мы отстаивали все свои гражданские права и человеческое достоинство как могли... даже ценой жизни»⁵³⁷, – вторит ему Струмилин. «Я вздрогнул всем телом... Снова жгучая боль оскорбленного человеческого достоинства охватила мою душу, снова по спине забегали мурашки, а горло свело нервной судорогой»,⁵³⁸ – таковы были впечатления Поливанова от безобидной процедуры тюремной стрижки.

Казалось, непреодолимая стена отделяла мир жандармов от мира их «клиентов». Жандармский полковник расспрашивал Дзержинского, есть ли у того книги, как его кормят, уверял, что устроил бы в тюрьме театр, на что Дзержинский вопрошал, «не заговорила ли в нем когда-либо совесть». Полковник «с сочувствием и соболезнованием в голосе» ответил, что Дзержинский «не в себе»⁵³⁹. Революционерам, по своей натуре тяготеющих к радикальным суждениям, вероятно, казалась нелепой всякая мысль

⁵³⁴ Там же. С. 41.

⁵³⁵ Струмилин С.Г. Указ. соч. С. 135.

⁵³⁶ Жуковский-Жук И. В дни борьбы: Воспоминания и документы о Кутомаре. Электронный ресурс : <http://www.memo.ru/nerczinsk/zhuk.htm>.

⁵³⁷ Струмилин С.Г. Указ. соч. С. 129.

⁵³⁸ Поливанов П.С. Указ. соч. С. 84.

⁵³⁹ Дзержинский Ф.Э. Указ. соч. С. 14.

«перевоспитать» людей, которых они считали «гнусными наемными палачами»⁵⁴⁰.

Однако если в редких случаях революционеры и могли заметить «чувство симпатии» к себе, «существующее даже в жандармских сердцах»⁵⁴¹, их положение и их идеологический багаж не предполагали симметричного ответа. И хотя жандармы, по большому счету, и не отступали от требования нравственности, их личные качества значительно теряли в значимости ввиду решающей роли первого из вышеозначенных принципов, легших в основу политической полиции: соблюдения тайны действий при гласном ее существовании. И, по-видимому, прав был Э.Н. Берендтс, утверждая, что человеческая природа «легче перенесет грубейший открытый произвол, нежели произвол скрытый и боящийся света»⁵⁴².

Прочно установившееся мнение о пренебрежении политической полицией к общественным интересам изрядно подпитывалось фактами арестов практически невинных людей, заключением их в тюрьмы без серьезных оснований и последующим освобождением арестованных из-за отсутствия улик. Руководители политического сыска не были неосведомлены о подобном положении дел. Так, например, Рачковский признавал, что «политическая полиция ... осуждена исполнять свои обязанности наудачу, не отделяя очень часто правых от виновных, чем и объясняется вполне крайняя и повсеместная неприязнь к ней»⁵⁴³.

Кроме того, не следует забывать о том, что принято называть «классовым характером» жандармского ведомства. Отношение к политическому преступнику, да и к обычному обывателю, в значительной мере зависело от его общественного положения, сословного происхождения и достатка. Образ действий чинов корпуса жандармов, задуманного как полиция «благородного сословия», в этом мало чем отличался от поведения

---

⁵⁴⁰ Махновец В.П. Указ. соч. С. 22.

⁵⁴¹ Маньковский М.К. У подножия виселицы: Отрывок из тюремных воспоминаний. Пг., 1919. С. 6.

⁵⁴² Берендтс Э.Н. О прошлом и настоящем русской администрации, М., 2002. С. 164.

⁵⁴³ Политическая полиция Российской империи между реформами... С. 36.

полицейских приставов. В полицейских участках с рабочими и вообще с плохо одетыми людьми обращались грубо. А перед «хорошо одетыми господами» полицейские чиновники «ходили на задних лапках, предлагали стул и говорили "вы"»⁵⁴⁴. Ничего подобного в отношении рабочих не практиковалось. Рабочему говорили «ты» с периодическим добавлением непечатной отечественной ругани. Аналогичное обращение нередко встречали пролетарии и в жандармских управлениях, пусть даже и оказавшись там по вполне невинному паспортному делу. «Вследствие этого грубо-оскорбительного обращения, - пишет А.С. Шаповалов, - я и жандармов стал относить к той же категории фараонов, к которой причисляли в Питере рабочие всех полицейских»⁵⁴⁵.

По свидетельству Спиридовича, сходным был и менталитет лиц прокурорского надзора, поскольку «и если еще арест какого-либо рабочего не обращал внимания прокурора, то арест интеллигентного человека и, в частности, студента всегда влек за собою справку прокуратуры по телефону: за что и почему»⁵⁴⁶. (См. Приложение X).

Более того, по словам К.И. Глобачева, санкция на ликвидацию революционного подполья давалась высшим руководством МВД только когда речь шла о рабочих и «ничего не значащих лицах», «но совсем иное было дело, если среди намеченных к аресту лиц значилось хоть одно занимавшее какое-либо служебное или общественное положение; тогда начинались всякие трения, проволочки», позволявшие руководящей интеллигенции ускользнуть⁵⁴⁷.

Такое отношение было во многом обусловлено общим взглядом административной и судебной власти на несанкционированное политическое волеизъявление со стороны простого народа. По мнению О.Н. Квасова, даже

⁵⁴⁴ Шаповалов А. С. Путь молодого рабочего. М., 1923, С. 43-45.

⁵⁴⁵ Там же, С. 45

⁵⁴⁶ Спиридович А.И. Указ. соч.С. 164.

⁵⁴⁷ Глобачев К.И. Правда о русской революции: Воспоминания бывшего начальника Петроградского охранного отделения / Под ред. З.И. Перегудовой; сост.: З.И. Перегудова, Дж. Дейли, В.Г. Маринич. М., 2009., С. 59-60.

карательные отряды в годы первой русской революции, и те были менее жестоки к крестьянам, нежели судебные власти. «За стихийный крестьянский бунт ... военные и местные власти массово пороли и налагали неподъемные штрафы, а за революционно оформленный и организованный крестьянский протест суд вешал, отправлял на каторгу и ссылал за Уральские горы»⁵⁴⁸.

Сущность конфликта между чинами жандармского корпуса и его потенциальными подопечными во многом заключалась в самом чувстве раздражения «ввиду постоянной опасности ложных доносов и незаконного произвольного таинственного вторжения в частную жизнь»⁵⁴⁹. Вместе с тем, политическая полиция «благородного сословия» не имела морального превосходства над своими противниками из этого самого сословия; по отношению же к простому народу она не умела проявить ни должной чуткости, ни понимания.

Как ни парадоксально, но В.Л. Бурцев рекомендовал Временному правительству оставить политическую полицию, как учреждение, укомплектовав ее людьми с «революционными убеждениями». С усилением влияния большевиков А.Ф. Керенский, изначально полагавший, что после революции «постыдная Охрана» должна исчезнуть навсегда, начал переговоры с бывшими руководителями политической полиции⁵⁵⁰.

Однако широкие массы, чуждые прагматических рассуждений о государственной пользе, были настроены иначе. С началом Февральской революции бывшие защитники трона в восприятии толпы были подвергнуты полной дегуманизации. Ненависть к жандармам и полиции, копившаяся долгие годы, воплотилась в самых диких формах вплоть до убийства сотрудников полиции. «Утро России» сообщало: «По всему городу происходит деятельная ловля тараканов, ядовитых пауков и смрадных

---

⁵⁴⁸ *Квасов О.Н.* Мария Фёдорова – террористка и жертва террора // Новый исторический вестник. № 27. С. 93.

⁵⁴⁹ Там же.

⁵⁵⁰ *Васильев А.Т.* Охрана: Русская секретная полиция // Охранка: Воспоминания руководителей политического сыска. Т. 2. М., 2004. С. 515.

тарантулов. Тут полицейские, приставы, сыщики. В солдаты их! – раздаются возгласы из народа. Нет! Армию поганить?!»⁵⁵¹

Воспоминания К.И. Глобачева сохранили свидетельства беспрецедентной жестокости по отношению к бывшим слугам режима: «зверства, которые совершались взбунтовавшейся чернью февральские дни по отношению к чинам полиции, корпуса жандармов и даже строевых офицеров, не поддаются описанию». Толпа жестоко избивала начальника Петроградского ГЖУ генерал-лейтенанта И.Д. Волкова, сломала ему ногу, после чего потащила к Керенскому в Государственную думу. Увидав израненного и обезображенного Волкова, Керенский заверил его, что он будет находиться в полной безопасности, но в Думе его не оставил и не отправил в госпиталь, а приказал отнести его в одно из временных мест заключений, где в ту же ночь пьяный начальник караула его застрелил⁵⁵². С полковника М.Н. Собошанского⁵⁵³ по приказу Керенского сорвали погоны и награды и бросили в карцер Петропавловской крепости, где продержали 4 месяца и без единого допроса освободили⁵⁵⁴.

Таким образом, жандармы и их «клиенты» находились во власти двух разных мировоззренческих парадигм. Идеалистические доктрины, склонные переносить линейные схемы механистического прогресса на ближайшие перспективы общественного развития, делали своих адептов непримиримыми антагонистами системы. Для жандармского восприятия, в силу инерции сословных представлений, политические преступники, составляющие часть образованного класса, не являлись однозначным обезличенным злом, в силу чего мероприятия жандармских учреждений не

⁵⁵¹Цит. по: *Борисов А.В., Малыгин А.Я., Мулукаев Р.С.* Три века Российской полиции. М.: Рипол-классик, 2016. С. 594.

⁵⁵²*Глобачев К.И.* Указ. соч. С. 130.

⁵⁵³Собошанский, Матвей Николаевич. Род. 25 апреля 1855 г. Полковник (1911 г.), Начальник Шлиссельбургской пешей жандармской команды (1897 г.), младший помощник начальника Шлиссельбургского ЖУ (1900 г.), прикомандирован к Шлиссельбургскому ЖУ (1901 г.), младший помощник начальника Шлиссельбургского ЖУ (1905 г.).

⁵⁵⁴*Глобачев К.И.* Указ. соч. С. 142.

были сознательно направлены на депривацию у осужденного его человеческого и гражданского достоинства, не препятствовали поддержанию в определенном объеме родственных, сословных и духовных связей заключенных. Однако общественное сознание на данном витке развития оказалось наиболее чувствительно к вопросам неприкосновенности личности. Сами же жандармы являлись для своих восторжествовавших противников не более чем классовым врагом, недопустимым атавизмом старого мира, что вскоре обрело официальное подтверждение в первой советской конституции, назвавшей бывших слуг режима в числе «лишенцев», и многочисленные неофициальные, выразившиеся в терроре и бессудных расправах.

Глава 3. Круг внеслужебного взаимодействия чинов Отдельного корпуса жандармов.

«Государство ломает кости тому, кто перед ним не сгибается или не встречает его с любовью, как невеста жениха. Государство есть сила. Это его главное... Вот почему единственный порок государства — слабость. Слабое государство не есть уже государство, а просто “нет”»⁵⁵⁵.

Розанов В.В.

3.1. Общественная и личная жизнь жандармских чинов

Жандармские штаб- и обер-офицеры заводили знакомства преимущественно в соответствующей им по социальному статусу среде местных служащих губернской администрации и военных чинов.

Традиционными местами проведения досуга, сопряженного с неким социальным взаимодействием, были театры, клубы и концерты.

С театрами у жандармского ведомства отношения были весьма оригинальными. Так, А.П. Мартынов в своих мемуарах упоминает так называемые «театральные наряды», формально являвшиеся служебной практикой, но по сути сводившиеся к простому посещению спектакля. В аждом из Императорских театров жандармскому офицеру, отправленному в подобный наряд, полагалось в заднем ряду партера свое особое место. Наряды эти были, по словам Мартынова, не только необременительными, но зачастую офицеры разыгрывали между собой право на наряд во время какого-нибудь выдающегося спектакля⁵⁵⁶. Более того, по какому-то обычаю, «кажущемуся странным и малообъяснимым», офицеры Московского жандармского дивизиона невозбранно ходили во все театры без входных билетов. У начальников Петербургского и Московского охранных отделений и вовсе были бесплатные неименные годовые билеты во все театры, но

⁵⁵⁵Розанов В.В. Опавшие листья. М.: Издательство АСТ, 2004. С. 113.

⁵⁵⁶Мартынов А.П. Указ. соч., С. 41-42.

поскольку служба не позволяла им развлечений, пользовались этими билетами их родственники и друзья⁵⁵⁷.

Впрочем, посещения театров жандармами были обусловлены не только их эстетическими потребностями. Так, согласно существующему порядку, по требованию театральной Дирекции, довольно часто от жандармских дивизионов высылались лошади и при них нижние чины, которые переодевались в театральные костюмы и выходили на сцену в качестве статистов. Так, в течение 1882 г. из Санкт-Петербургского жандармского дивизиона было послано в театры 189 лошадей с проводником по 75 коп. за каждую (всего 142 руб. 75 коп.). Деньги эти поступали в солдатскую нарядную сумму⁵⁵⁸. Аналогичная практика существовала также в отношении гвардейских частей⁵⁵⁹.

Поскольку в дореволюционной России здания железнодорожных вокзалов регулярно использовались в развлекательных целях, как театральные площадки или концертные залы, «театральные наряды» несли не только столичные жандармы, но и железнодорожные. И наконец, зачастую именно театр был тем местом, где собирались воедино представители самых разных слоев общества, становившиеся свидетелями и судьями жандармской службы. Так, едва не был «осужден» на смерть унтер-офицер жандармско-полицейского управления Сибирской железной дороги Мурачев, назначенный на 1 октября 1906 г. дежурным по железнодорожному театру при станции Красноярск. Мурачев, зная, что в театре по окончании действия обыкновенно умышленно некоторое время не включают электричество и, пользуясь темнотой, злоумышленники разбрасывают преступные прокламации, взял с собой в театр воинский патруль из нижних чинов охраны и скрытно поместил их на галерею, полагая, что разбрасывание будет происходить из верхних мест театра. Но, как показали дальнейшие события, его расчеты оказались неверны: в тот день прокламации раздавались в

---

⁵⁵⁷ Мартынов А.П. Указ. соч. С. 89-90.

⁵⁵⁸ ГАРФ. Ф. 110. Оп. 2. Д. 6011. Л. 1-3.

⁵⁵⁹ Там же. Л. 6.

креслах. Одного из распространителей Мурачев выследил и задержал, но публика силой освободила последнего и вырвала у Мурачева отобранные у преступника прокламации. Несмотря на угрожающие крики толпы: «Бей его, смерть жандарму!», он вырвался из рук схватившей его публики и бросился за убегающим преступником, которого настиг и вновь задержал в помещении театрального буфета. Но и здесь публика отбила задержанного, а самого унтер-офицера чуть не растерзала, если бы не спас его успевший сбежать вниз вышеупомянутый патруль⁵⁶⁰.

Об отношении публики к жандармам, с одной стороны, и жандармского начальства к попыткам своих подчиненных вступить с этой публикой в диалог, с другой, наглядно свидетельствует следующий эпизод. Как-то раз на Благовещенье подполковник В.В. Лещинский, прибыв на тагильский завод в театр общества трезвости, перед началом назначенного в этот день народного чтения обратился из ложи к собравшейся публике с речью, начав со слов: «Сегодня в день Благовещенья, я должен сообщить вам благую весть». Смысл его речи сводился к демонстрации решимости власти принять крутые меры к прекращению рабочих беспорядков. В числе прочего подполковник заявил, что «вся крамола у нас идет с запада» и что «все это создается искусственно и совершенно чуждо нашему народу», а также порекомендовал появляющиеся прокламации предъявлять ему, а лицам, причастными к их распространению, «задавать трепку», что и пояснил жестом. Сказав затем ещё несколько слов о влиянии на семью женщины и о ее значении в деле пропаганды, Лещинский махнул рукой в направлении оркестра и запел гимн «Боже, Царя храни». Это выступление вызвало хохот одних и рукоплескания других, но, в целом, данный поступок был расценен как «неуместный» и даже посеял в некоторых сомнения в нормальности умственных способностей подполковника. Что любопытно, штаб корпуса оказался солидарен с возмущенной публикой, нежели со своим

---

⁵⁶⁰ГАРФ. Ф.110. Оп. 6. Д.1419. Л. 64 об. -65.

подчиненным, потому поступок Лещинского был поставлен ему на вид, а перевод в другое управление не заставил себя долго ждать⁵⁶¹.

Бывало, что и простое посещение заканчивалось скандалом. Именно такая история приключилась в 1909 г. в Екатеринодаре с ротмистром Пономаревым. 1 мая Пономарев был в летнем городском театре, в начале пятого акта услышал, как сидящая сзади него какая-то неизвестная дама вызывающим тоном потребовала, чтобы он снял фуражку. Считая это за каприз и придирку лично только к нему, т.к. все окружающие мужчины сидели в фуражках, ротмистр Пономарев ответил отказом. Дама, оказавшая женой подъесаула 2-го Урупского полка Марией Есауловой, не успокоилась, а наоборот стала ещё громче выражать свое недовольство. Когда же она крикнула «Нахал!», Пономарев попросил ее «не злоупотреблять своим положением как женщины», и пригрозил, что в противном же случае ему придется принять «экстренные меры». Когда спектакль окончился, Пономарев попросил полицмейстера узнать фамилию дамы и даже, по-видимому, попытался припугнуть арестом. Многочисленная публика, присутствовавшая при всём этом, безоговорочно приняла сторону обиженной Есауловой. В единодушии с потерпевшей выступил и комендант Екатеринодара. Приказом по Кубанской области и Кубанскому казачьему войску штабс-ротмистра Пономарева за нетактичный поступок в публичном месте предписывалось подвергнуть аресту на 5 суток. Впрочем, приказ этот в исполнение приведен не был, т.к. расторопный Пономарев ещё до получения приказа был уволен в отпуск в Санкт-Петербург, якобы, для совета с врачами, откуда прислал медицинское свидетельство о болезни⁵⁶².

Между тем, у военного начальства были свои представления о том, как офицерам и нижним чинам следует проводить свой досуг.

Так, например, в Циркуляре Штаба ОКЖ от 16 декабря 1904 г., адресованном начальникам жандармских управлений в Петербурге и

---

⁵⁶¹ ГАРФ. Ф.110. Оп 6. Д. 912. Л. 4, 6 -7об.

⁵⁶² Там же. Д. 2078 . Л. 1-3, 28.

командиру Санкт-Петербургского жандармского дивизиона, сообщалось о разрешении Санкт-Петербургского Комендантского управления нижним чинам посещать помимо Императорских театров и Народного дома, также и ряд частных театров (Малый, Василеостровский и Цирк). При этом нижние чины не имели права занимать места в креслах и ложах бенуара, бельэтажа, 1-го и 2-го ярусов; в театре Народного дома они могли находиться только в бесплатных местах нижней и верхней галерей и в партере, но не ближе 11-го ряда⁵⁶³.

В циркуляре начальника ЖПУ Северо-Западных железных дорог сообщалось о приказе по войскам гвардии и Петербургского военного округа от 26 марта 1911 г, содержащем точное руководство офицерам по посещению тех или иных публичных заведений. В соответствии с данным приказом, всем офицерам, находящимся в Санкт-Петербурге, было запрещено посещать частные клубы и собрания, где производилась азартная игра, а также «Варьете» (Фонтанка, 81, зимний шантан), «Кафе-де-Пари» (кофейная под Пассажем на Невском), «Эден» (летний увеселительный сад, Глазковая ул., 23), «Яр» (ресторан на Большом пр., Петербургской стороны). Кроме того запрещалось посещать мелкие кинематографы, рестораны и гостиницы низших разрядов, трактиры, чайные, кухмистерские, кофейные, пивные, портерные, и, наконец, буфеты III класса на станциях железных дорог.

Офицеры не имели права вступать в число членов частных клубов и обществ без разрешения своего прямого начальства. В качестве же гостей офицерам безусловно разрешалось посещать Императорский яхт-клуб, Императорский речной яхт-клуб, Английский клуб, Новый клуб, Дворянское собрание, Благородное собрание, Купеческое собрание, Железнодорожный клуб, Театральный клуб, Сельско-хозяйственный клуб.

Нижним чинам воспрещалось посещать летние театры и сады, за исключением театра и сада Народного дома и Таврического, Стеклянного завода и Екатерингофского сада. Нижние чины в театрах и цирках могли

---

⁵⁶³ ГАРФ. Ф. 110. Оп. 2. Д. 10368. Л. 3, 3 об.

занимать места не ниже второго яруса лож и совсем не могли быть в партере и местах за креслами. В театре Народного дома нижние чины могли занимать места в партере не ближе 10 ряда. Посещение же платных общественных танцевальных вечеров, устраиваемых частными обществами и учреждениями нижним чином безусловно воспрещалось⁵⁶⁴.

Кроме официальных запретов посещения некоторых публичных заведений, существовала и более прозаическая причина, затруднявшая визиты даже и в официально разрешенные. Подполковник П.П. Осипов, помощник начальника Нижегородского ГЖУ жаловался, что хотя в театре и имелось одно бесплатное кресло для начальника жандармского управления, но пользоваться им можно было только по очереди с другими офицерами, причем за место для жены и семейство платить приходилось из собственного кармана. Это обстоятельство не позволяло семейным офицерам часто бывать в театрах, и побуждало, за частым отсутствием других развлечений в губернском городе, предпочитать в свободные часы посещение клубов. Но и с посещением клубов были проблемы. По свидетельству того же Осипова, в Нижнем Новгороде клубов было всего четыре: «Коммерческий», «Общедоступный», «Судоходный» и «Общественное собрание». Первые три клуба были крайне неудобны для посещений жандармских офицеров, т.к. большинство членов и гостей помимо разнообразия своей сословной и профессиональной принадлежности, до ремесленников, приказчиков и рабочих, включительно, являлись «лицами оппозиционного и даже революционного направления». «Коммерческий», наиболее приличный и интеллигентный, состоял преимущественно «из кадет», все остальные же были куда более радикальны. Так что доступным для жандармских офицеров Нижнего Новгорода оставалось только благонадежное и, по большей части, бюрократическое, «Общественное собрание». Для членов клуба и их семей в «Общественном собрании» зимой были установлены дамские карточные вечера с музыкой, игрой в лото и синематографом, время от времени

---

⁵⁶⁴ГАРФ. Ф.110. Оп. 22. Д. 323. Л.62-70 об.

устраиались танцевальные и музыкальные вечера, костюмированные балы. При клубе находилась небольшая библиотека, читальня и бильярд. Летом клуб переезжал в летнее помещение, в сад на берегу реки Волги, в котором ежедневно играл оркестр и периодически устраивались фейерверки⁵⁶⁵.

Ещё одним общим увлечением местного общества и жандармских офицеров была игра в карты.

Жандармские офицеры чаще всего играли в винт, преферанс и фальку (смесь винта и преферанса), где проигрыш или выигрыш ограничивался 15-20 рублями. В чуть менее популярной «деревяшке» ставка начиналась от 30 коп. до 2 руб. и проигрыш не превышал 50-60 руб. Более опасной игрой была «железка», где проигрыш мог составить сотни, а иногда и тысячи рублей⁵⁶⁶. Из всех Нижегородских жандармов только начальник охранного отделения ротмистр В.А. Ерандаков и начальник ГЖУ генерал-майор А.И. Левицкий могли себе позволить играть в рискованную «железку». Простые жандармские офицеры, как правило, не обладали достаточными средствами, чтобы играть по-крупному, поэтому в случае, если им доводилось пристраститься к азартным играм, риск растраты казенных денег был весьма велик. Дурная слава о растратах полковника Чернявского, старшего адъютанта Штаба, облетела весь корпус. Заметим, что двое партнеров упомянутых Ерандакова и Левицкого по карточному столу, воспитатель Кадетского корпуса подполковник Энгельгардт и нотариус Рейтлингер, проиграв казенные деньги, застрелились. Возможно, причиной самоубийств послужило и какое-либо иное обстоятельство, но именно такая версия, приправленная слухами о шулерстве жандармов, блуждала в общественном мнении нижегородцев⁵⁶⁷.

Играли жандармы много, а порой и чрезмерно. Особенно красочное описание карточных вечеров оставил завхоз Шлиссельбургской крепости ротмистр В.В. Парфёнов: « Сходились в 5 часов вечера, на скорую руку пили

---

⁵⁶⁵ГАРФ. Ф. 110. Оп. 6. Д. 2310. Л. 10-11.

⁵⁶⁶Там же. Л. 18 -19.

⁵⁶⁷ Там же. Л. 2.

чай и засаживались за игру. Играли только в азартную игру под названием “Девятый вал”. ... Играли большей частью до 7 или 8 ч. утра, потом пили чай и тогда уже расходились. После такой игры давался один день отдыха, а на следующий день опять назначалась игра у очередного офицера. ... Господа, зеленые от бессонницы и усталости, перекошенные от жадности лица, в особенности, у дам... Одним словом, вся эта компания на обычного человека производила впечатление умалишенных»⁵⁶⁸. Жена ротмистра В.И.Пети, чтобы избавиться от постоянных проигрышей своего супруга, перед вышеописанными карточными вечерами, запирала всю его одежду, и ротмистр сидел дома в одном белье⁵⁶⁹.

Другой коллега Парфёнова по Шлиссельбургу, подполковник В.В. Правоторов серьезно поплатился за свою страсть к картам, когда проигравший в «железку» техник А.Д. Литвиненко подал на него жалобу в Штаб ОКЖ. Реакция генерал-майора В.П. Никольского не заставила себя долго ждать: Правоторов был подвергнут аресту на гауптвахте сроком на 15 дней и переведен из Ташкента на Байкал⁵⁷⁰, а офицерам корпуса пригрозили, что в дальнейшем «будут приняты самые беспощадные меры для искоренения этого нетерпимого в нашей среде зла»⁵⁷¹. Впрочем, маловероятно, чтобы эта угроза подействовала.

Если карты были сомнительным способом завязать отношения в обществе, имелись и более действенные средства завоевать расположение местных чиновников. Одним из таких средств была охота, а вторым – обеды и возлияния. Мемуары А. Полякова, изобилующие красочными описаниями подобных сцен, служат тому наглядным подтверждением⁵⁷².

---

⁵⁶⁸ Лаврёнова А.М. Судьба жандарма: Воспоминания ротмистра В. В. Парфёнова о службе в Шлиссельбургской крепости. Часть 1. Жандармы Шлиссельбурга// Обозреватель - Observer. 2017. № 3. С.118-119.

⁵⁶⁹ Там же.

⁵⁷⁰ Начальником Байкальского отделения ЖПУ Забайкальской железной дороги,

⁵⁷¹ ГАРФ. Ф. 110. Оп. 6. Д. 3268. Л. 1-2 об.

⁵⁷² Поляков А. Указ. соч. С. 490, 499, 511, 526

Таким образом, в сферу общения жандармских офицеров входили, преимущественно сослуживцы, военные и чиновники губернских правительственных учреждений.

***

Значительное место в жандармской действительности занимали их ближайшие спутницы – жены, невесты и любовницы. На первый взгляд, картина жандармского семейного быта представляется ясной и непротиворечивой. Женщины, несмотря на первые робкие ростки эмансипации, пробивающиеся сквозь патриархальную броню российского общества, были серьезно поражены в правах и, в массе своей, социально пассивны. Едва ли не единственной моделью социального лифта для них являлся брак, и потому союз с жандармским офицером, чье жалованье существенно превышало армейское, являлся сокровенной мечтой многих барышень. А.И. Спиридович писал, что его сестры, воспитанные в архангельской провинциальной глуши и чуждые интеллигентских предрассудков, убеждали его идти в жандармерию. Они смотрели на жандармского офицера просто: «офицер, служба серьезная, очень важная, жалованье хорошее и форма красивая, чего же еще нужно для брата?»⁵⁷³

Аналогичные свидетельства находим у С.Г. Елпатьевского, который привел на страницах мемуаров историю своего приятеля, жандармского ротмистра. Когда тот был ещё пехотным офицером, ему случилось влюбиться в дочь богатого помещика. Отец невесты, впрочем, не хотел отдавать дочь за офицера, живущего на грошовое армейское жалованье, а сам он не желал вводить жену в обстановку жизни полковых дам и после короткого раздумья поступил в жандармы⁵⁷⁴.

И действительно, девушки, не отягощенные политическими воззрениями, и их родственники склонны были видеть жандармов в сугубо положительном свете. Так, Верочка, героиня рассказа «Ангелочек» М.Е.

⁵⁷³ Спиридович А.И. Записки жандарма. Харьков, 1928. С. 29.

⁵⁷⁴ Елпатьевский С. Воспоминания за 50 лет. Л., 1929. С. 73.

Салтыкова-Щедрина, и её мать, пишущие сочинение на тему «О чем бы голубой цвет мог говорить?», видят жандармов в одном смысловом ряду с «небесной лазурью», и «херувимами». «Ангелочек поживает, а добрый жандарм бодрствует и охраняет ее спокойствие... Ежели мы ничего дурного не сделали, то и жандармы за нас спокойны».

Не всякая девица могла стать супругой жандармского офицера. Например, лица, женатые на католичках, по правилам, в Корпус в принципе не допускались⁵⁷⁵. Если же по вступлении в корпус, офицер был холост, и решал связать себя узами брака, будучи уже облаченным в жандармский мундир, ему необходимо было добиться разрешения начальства. Кроме того, согласно циркулярного предписания начальника Варшавского жандармского округа от 22 августа 1887 г. № 7162 начальники губернских управлений имели право входить с представлениями разрешения брака только тем нижним чинам, невесты которых в достаточной мере владели русским языком. В удостоверение этого с невесты бралась специальная подписка, что в домашней жизни она обязуется не употреблять польского языка, а будет употреблять исключительно русский язык⁵⁷⁶.

Женились жандармские офицеры на женщинах близкого социального положения. По подсчетам Дж. Дэйли, 46 женатых офицеров Московского ГЖУ взяли в жёны женщин православного вероисповедания, отцами которых были потомственные дворяне (24%), личные дворяне (48%), купцы (17%), разночинцы (6.5 %) или священнослужители (4.5 %) ⁵⁷⁷. Жандармские офицеры, обедневшие дворяне, живущие на одно жалованье, не меньше, чем их избранницы, зависели от успешного бракосочетания. Удачная женитьба приносила им не только приданое невесты, но и могла обеспечить необходимыми связями, протекцией. Неблагоприятное течение семейной жизни могло иметь далеко идущие служебные последствия. Повышенное

---

⁵⁷⁵ *Перегудова З. И.* Политический сыск России (1880-1917 гг.), М., 2013. С.366.

⁵⁷⁶ ГАРФ. Ф. 110 Оп. 24 Д. 187 Л. 25.

⁵⁷⁷ *Jonathan W.Daly.* Autocracy under Siege: Security Police and Opposition in Russia, 1866-1905. P. 55.

внимание начальства к нравственному облику и репутации своих подчиненных нередко делало личную жизнь офицера постоянным источником угрозы.

Жалобы на жандармских чинов, подаваемые руководству корпуса, практически во всех случаях становились основанием для служебного разбирательства или, по меньшей мере, требовали представления объяснительной в виде рапорта начальнику управления. Однако если в случае принесения жалобы на служебные действия жандармского чина, в первую очередь опрашивался он сам, то намек на какой-либо «женский след» означал возможность сбора сведений негласным путем, что порождало слухи и не играло на руку репутации офицера.

Общественные этические нормы эпохи давали женщинам более или менее знатного происхождения преимущества, которыми им случалось пользоваться с неблагоприятными целями. К жалобам с одинаковым успехом прибегали и дамы из общества, и простые крестьянки. Далекое не всегда характер их разногласий с представителями жандармского ведомства носил сколько-нибудь политический или же служебный характер. Во многих случаях конфликты разгорались на сугубо бытовой почве. Однако в чем более близких отношениях с жандармом состояла женщина, тем больший вред его репутации она могла нанести. Практически любые отношения, не имеющие официального статуса, могли при дурном стечении обстоятельств, сделаться, своего рода, ахиллесовой пятой жандарма, причем солидные офицеры порой рисковали ничуть не меньше неискушенных корнетов.

Подавляющее число составляют имеющие сугубо материальный характер жалобы жандармских жен, чья супружеская жизнь потерпела фиаско, а развод по какой-либо причине оказался невозможен. Суть подобных споров ярко рисует картину глубокого социального и нравственного кризиса, в котором оказалось общество поздней империи, с его обветшавшей сословной структурой, с одной стороны, и буржуазным лицемерием, с другой. Примечательно, что хотя женщины в рамках

патриархального общества, каковым, так или иначе, оставалось российское общество на рубеже веков, и были поражены в правах, они зачастую отнюдь не выглядели жертвами.

В рамках данного исследования было рассмотрено 38 случаев, в которых фигурируют женщины, известных Штабу корпуса вследствие подачи жалоб самими женщинами или вследствие анонимных доносов и доносов, поступивших от третьих лиц⁵⁷⁸. Из этих 38 дел, лишь в 5 случаях можно утверждать, что вина однозначно лежала на жандармском чине. Полковник П.К. Верголич и ротмистр А.Е. Стахурский бросили своих жен и нерегулярно выдавали им содержание; унтер-офицер С. Качан был обвинен в изнасиловании, ротмистр князь И.К. Эрстов – в покушении на таковое; вахмистр М.Н. Шанин в припадке ревности застрелил жену. Причем фактически наказание понес только С. Качан, Шанин был признан невменяемым, Эрстов помилован, Верголич и Стахурский имели объяснение с руководством⁵⁷⁹.

Из 32 случаев, в которых вина жандармских офицеров либо отсутствует, либо неочевидна, 5 дел было начато по жалобам посторонних людей, тогда как в 27 случаях непосредственными фигурантками дел являлись спутницы жандармов – жены, невесты и любовницы. В половине случаев был нанесен очевидный урон служебной и общественной репутации офицеров. В 11 случаях дела содержали различные материальные претензии, в основном, требования выдачи содержания; в 12 случаях жены оставили своих мужей или отказались последовать за ними к месту службы. Причем в 9 случаях два этих фактора – материальных претензий и географической удаленности жен – сочетаются. 3 дела содержат ложные обвинения в

---

⁵⁷⁸ ГАРФ. Ф. 110. Оп. 2. Д. 8100, 10483, 10685, 16583, 16584, 18365 ; Оп. 4. Д. 3762; Оп. 6. Д. 533, 683, 699, 704, 738, 762, 862, 1134, 1195, 1259, 1374, 1377, 1396, 1466, 1500, 1576, 1641, 1781, 1785, 1946, 2400, 2491, 2520, 2631, 2666, 2708, 2802, 2826, 2889, 2903, 3136, 3141, 3217, 3253, 3265, 3397. Подробнее: *Лаврѣнова А.М.* Синий мундир в Зеркале Венеры. Взаимовлияние личной жизни и служебной карьеры чинов Отдельного корпуса жандармов// Новый исторический вестник. № 2 (44). М., 2015.

⁵⁷⁹ ГАРФ. Ф. 110. Оп. 6. Д. 683, 1781, 2666, 2903, 3253.

изнасиловании, сделанные из соображений шантажа или мести. Последствиями жалоб спутниц жизни являлись: служенные трудности (дисциплинарные взыскания, перевод на другое место службы) – в 7 случаях, а также отставка – в 5.

Нормативное совершенствование законодательства не поспевала за изменением социальных форм, что наглядно отразилось в категорическом несоответствии насущной социально-бытовой необходимости с умопомрачительной сложностью процедуры развода. Поскольку в Российской империи существовал только церковный брак, то и развод был возможен лишь в духовных учреждениях. Православным, коих среди жандармских чинов было большинство, требовалось разрешение Святейшего Синода. По закону развод был возможен только при условии доказанного (т.е. при наличии свидетелей) прелюбодеяния, двоеженства, наличия до заключения брака какой-либо болезни, препятствующей супружеским отношениям, длительного безвестного отсутствия одного из супругов, осуждения за тяжкое преступление, включающее ссылку или лишение прав состояния. Развод допускался и в случае согласия обоих супругов принять монашество, если они не имели малолетних детей⁵⁸⁰. Неоправданно жесткое законодательство о разводе, хоть и вызывало многочисленные нарекания и насмешки, просуществовало в практически неизменном виде вплоть до самого конца империи.

Стоит также отметить, что даже при формальном наличии одного из необходимых условий, де-факто получить развод было очень сложно. Так, например, самому начальнику дворцовой агентуры полковнику А.И. Спиридовичу огромного труда стоило оформить развод с неизлечимо больной женой, после нескольких попыток самоубийства и покушения на убийство мужа помещенной в психиатрическую клинику⁵⁸¹. В силу того, что

---

⁵⁸⁰ *Беляков Е. В., Белякова Н.А.* Церковный брак и развод в России в XIX - нач. XX вв. // Приход: Православный экономический вестник. N. 6 /2004. – Москва: Издательский дом МЦФЭР, 2004.. – С. 54 - 60.

⁵⁸¹ ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 721.

добиться официального расторжения брака зачастую не удавалось, порой складывались самые дикие ситуации.

В большинстве картин краха семейного очага жандармов проступает одна общая деталь, каковую максимально точно сформулировал начальник Харьковского ЖПУЖд полковник П.Д. Каневцов в ответ на финансовые притязания своей супруги Клавдии, выдвинутые спустя 18 лет после разрыва. «С момента разрыва я не считаю ее участницей моих прав, жизнью и службой приобретенных, - писал полковник, - ибо она пренебрегла ими и мною необдуманно оскорбительно, когда я был мал, с безвестным будущим, тем более удивляет меня ее бесцеремонная настойчивость захватить их через 18 лет, только потому, что это ей выгодно»⁵⁸². Госпожа Каневцова, вернувшись к отцу и не изъявлявшая желания к совместному с мужем проживанию, развод дать все же отказалась, хотя и расходы, и вину за развод супруг готов был взять на себя. Когда же Каневцов получил привлекательную должность, жена подговорила брата-генерала написать мужу письмо чуть ли не угрожающего содержания с требованием обеспечить супругу материально⁵⁸³. Что удивительно, в данном случае, законных поводов игнорировать притязания супруги, найдено не было. Полковника Каневцова обязали «впредь до окончания дела о разводе» выплачивать жене содержание в размере, «необходимом для безбедного её существования», и настоятельно рекомендовали не доводить до судебного разбирательства, как компрометирующего служебное положение жандарма⁵⁸⁴.

Иными словами, многие женщины, вступая в брак с представителями жандармского ведомства, ничем иным, кроме материальных соображений и не руководствовались. Существующее семейное законодательство вполне позволяло им претендовать на финансы своих мужей, не принимая в их жизни никакого участия.

---

⁵⁸²ГА РФ. Ф. 110. Оп. 6. Д. 1785. Л. 7-8.

⁵⁸³ Там же.

⁵⁸⁴ Там же. Л. 9.

Важно отметить, что крах брака, сам по себе, без каких-либо жалоб обиженной экс-супруги, вёл к значительному ухудшению служебного положения жандармского офицера. То, насколько тесна оказывалась взаимосвязь служебной аттестации с выбором спутницы жизни, наглядно демонстрирует незавидная доля старшего брата знаменитого А.П. Мартынова, Николая⁵⁸⁵. Когда Н. Мартынов пребывал на посту начальника Михайловской крепостной жандармской команды, его карьера уже клонилась к закату. По свидетельству младшего брата, весельчак, певец-любитель и страстный театрал, поначалу состоявший в теплых дружеских отношениях с С.Е. Виссарионовым, Николай вскоре восстановил против себя многих своих знакомых и сделался склочным истеричным интриганом. Гроза разразилась в феврале 1914 г., когда в Штабе корпуса получили совершенно неудовлетворительную аттестацию, данную деятельности Н. Мартынова начальником Кутаисского ГЖУ полковником К.К. Трескиным. В Штабе сочли, что дальнейшее пребывание Мартынова в рядах корпуса жандармов лишь роняет достоинство носимого им мундира, и приказали предложить ему в течение одного месяца оставить службу⁵⁸⁶. Целесообразно задать вопрос: что же представляла собой эта пресловутая личная жизнь Николая Павловича Мартынова, едва не стоившая ему карьеры?

Дело в том, что начальник Михайловской крепостной жандармской команды вместе со своей сожительницей, Ольгой Нечагиной, перебрался на дачу, куда перевел также строевых лошадей, цейхгауз и канцелярию, и зажил там на широкую ногу. Офицеры команды, по их словам, в течение всего лета были заняты преимущественно личными услугами ротмистру Мартынову:

---

⁵⁸⁵ Николай Павлович Мартынов, род. 19 октября 1873 г., окончил 3 Московский кадетский корпус и Елисаветградское кавалерийское юнкерское училище. Затем поступил в 10-й Драгунский Новотроицко-Екатеринославский полк. Перед поступлением в Отдельный корпус жандармов, Николай Мартынов был обладателем выдающихся аттестаций и обширных навыков. Мартынов специально обучался подрывному, телеграфному делу и фехтованию, а также отлично знал французский и немецкий языки. Незадолго до перевода в Московский жандармский дивизион, каковой состоялся 6 января 1898 г., корнет Мартынов-старший женился на дочери купца З. И. Морозовой. ГАРФ. Ф. 110. Оп. 2. Д. 8100. Л. 4-8, 14-18.

⁵⁸⁶ ГАРФ. Ф. 110. Оп. 2 Д. 18365.Л. 4.

возили дрова, чинили дроги, строили сарай, чинили крышу; одного унтер-офицера начальник командировал в Тифлис снять в гостинице комнату для Нечагиной и рекламировать, что «на днях в Тифлис приедет парижанка продавать дамские шляпы». Крепостные жандармы «совершенно пали духом», «сделались захудалые»; их постоянно видели с корзинами, мешками, топорами и лопатами. Так они «стали посмешищем в глазах народонаселения». Строевых же лошадей Мартынов употреблял на катание с Ольгой Нечагиной, поездку с дачи в город, на перевозку вещей⁵⁸⁷.

Курьезно, что когда увольнение Мартынова считалось решенным делом, и на его место стали присматривать нового кандидата, вся история с обсуждением «безнравственного» образа жизни повторилась. На должность начальника Михайловской крепостной жандармской команды прочили ротмистра Патрика, но при подробном изучении обстоятельств его жизни, выяснилось, что заменить им Мартынова – значило бы обменять «шило на мыло». Дело в том, что ротмистр А.М. Патрик уже в течение восьми лет сожительствовал с одной дамой, которую вплоть до получения секретного письма Командующего корпусом (от 26 февраля 1915 г.) выводил в общество и в среду офицеров-сослуживцев под видом жены. После получения предостережения начальства ротмистр Патрик не оставил свою спутницу, хоть и стал воздерживаться от появления с ней в общественных местах⁵⁸⁸.

Когда стало ясно, что убрать Мартынова не получилось, встал вопрос, что делать с Патриком. Несмотря на сожительницу, для начальства ротмистр был «одинок», и потому подлежал назначению в Семипалатинск, в Омское ГЖУ. Возражения Патрика о том, что назначение это для него неприемлемо, поскольку его больная мать проживает в Вильно, а сам он страдает ревматизмом, были проигнорированы: назначение, так похожее на наказание, состоялось по личному приказанию Командующего корпусом⁵⁸⁹. Суровая зима Семипалатинска с морозами под 40 градусов оправдала худшие

---

⁵⁸⁷ГАРФ. Ф. 110. Оп. 6 Д. 3163. Л. 12-15.

⁵⁸⁸ ГАРФ. Ф. 110. Оп. 2. Д. 18365. Л. 52.

⁵⁸⁹ Там же. Л. 57, 58.

опасения ротмистра: череда продолжительных болезней и обострение ревматизма заставили его уже менее, чем через год просить нового назначения. На сей раз, руководство, сочтя, что ротмистр примерно наказан за свое своеволие, перевело его на должность помощника начальника Варшавского ГЖУ.⁵⁹⁰

Своеволием почиталась всякая попытка жандармского офицера устроить свою личную жизнь без ведома и одобрения руководства. Особенно, в случае, если речь шла о втором браке или браке с разведенной. Во-первых, в российской практике бракоразводный процесс не мог происходить на основании обоюдного желания сторон, но предполагал непременно наличие факта вины и, соответственно, виновной стороны, подлежащей наказанию. Так, до 1904 г. на основании Ст. 253 Устава Духовных Консистерий при разводе, произошедшем в результате супружеской измены, виновная сторона лишалась в дальнейшем права на вступление в новое супружество. (И только 28 мая 1904 г. высочайшим указом этот пункт был отменен). А во-вторых, вступление в брак без разрешения начальства, само по себе, являлось проступком, достаточно тяжким для отправления виновного на гауптвахту. Поэтому, например, когда в самом начале 1905 г. адъютант Пензенского ГЖУ ротмистр Г.А. Левицкий без предупреждения женился вторым браком на разведенной, он, по приговору суда, подлежал содержанию на гауптвахте на время от трех до шести месяцев, с ограничением некоторых прав и преимуществ по службе. Впрочем, Левицкому повезло. Начальство изрядно смягчилось, учитывая последние изменения законодательства, а также принимая во внимание, что Левицкий позволил себе вступить в брак без разрешения «лишь по молодости лет» и из ложного предположения, что ему в этом разрешении будет отказано. В итоге, дело было решено посредством всеподданнейшего доклада, где под предложением жандармского начальства не подвергать

---

⁵⁹⁰ Там же. Л. 60, 62, 66, 76.

Левицкого наказанию и признать его брак законным, красуется резолюция императора «согласен»⁵⁹¹.

Однако вступление в брак без разрешения начальства при дурном раскладе могло стать последней каплей. Начальство долго терпело выходки ротмистра Н.Г. Лалетина. Ротмистр пил и заставлял пить своих подчиненных, бранился, рассказывал сальные анекдоты и показывал непристойные фотографические карточки, стрелял, наводя ужас на канцелярию управления⁵⁹². Как-то раз в 4 часа ночи в пьяном виде вломился в дом управляющего канцелярией Туркестанского генерал-губернатора Г.М. Мустафина и уснул в комнате лакея, укрывшись пальто, где и был наутро обнаружен⁵⁹³. Казалось, подобное поведение сходило Лалетину с рук: начальство долго ограничивалось лишь гауптвахтой и переводами. Однако когда ротмистр без предупреждения женился на сожительнице своего предшественника, его немедля принудили написать прошение об отставке.⁵⁹⁴

Проблема незаконного сожительства стояла в среде жандармских офицеров настолько остро, что вновь назначенному командиру Корпуса барону Ф.Ф. Таубе пришлось отдельно конкретизировать свое мнение по данному вопросу, притом снабдив его угрозами. Сделано это было при помощи секретного письма, направленного всем начальникам жандармских управлений с тем, чтобы они, в свою очередь, донесли до своих подчиненных позицию высокого начальства. «Знакомясь с бытом офицеров Высочайше вверенного мне корпуса, - писал Таубе - я не мог не обратить внимания на то, что некоторые офицеры корпуса, находясь в незаконном сожительстве и проживая со своими сожительницами совместно на одной квартире, нередко совершенно пренебрегают установившимися в этом отношении взглядами общества, и, вследствие недостатка такта, стремятся обусловить свою частную жизнь пределами тех общественных отношений, какие допустимы

---

⁵⁹¹ ГАРФ. Ф. 110 Оп. 6 Д. 1195. Л. 9.

⁵⁹² Там же. Д. 2631. Л. 27-28.

⁵⁹³ ГАРФ. Ф. 110. Оп. 2 Д. 16583. Л. 5.

⁵⁹⁴ ГАРФ. Ф. 110. Оп. 6. Д. 2631. Л. 39-40, 46, 49; Оп. 2. Д. 16583. Л. 33.

лишь при законном браке, что, конечно, влечет за собой справедливые нарекания и порождает часто серьезные недоразумения». Говоря о недоразумениях, Таубе имел в виду в первую очередь, ущерб престижу жандармского офицера в глазах широкой общественности. И потому чины ОКЖ, призванные являться прочным оплотом правительственной власти, по мнению их командира, должны были демонстрировать безупречное и корректное отношение в равной мере, как к долгу службы, так и к законам общества. Таким образом, Таубе напрямую связывал успех миссии своих подопечных с их репутацией в обществе и с тем, насколько они вписывались в предложенную им социальную роль, пусть даже и в личной жизни. Признавая совершенно недопустимым какое бы то ни было нелегальное открытое, а тем более афишированное сожителство в среде офицеров корпуса жандармов, Таубе, по сути, требовал невозможного. Отнимая у жандармов право на приватность, он ожидал от них безупречности, поскольку, как он сам признавал, «каждый поступок жандармского офицера, который может быть истолкован не в его пользу, будет всегда служить поводом для различных обвинений». А чтобы эти увещевания не показались голословными, Таубе предупредил, что семейное положение и «обладание известным житейским тактом» будет приниматься весьма серьезно и «сурово» в расчет при оценке службы и возможности дальнейшего карьерного продвижения офицеров Корпуса⁵⁹⁵.

Впрочем, несмотря на это, отнюдь не стоит считать, что жандармы поголовно являли собой образец безукоризненного поведения. Несмотря на очевидно более строгий отбор и пристальное внимание к соблюдению нравственности, жандармы обладали теми же пороками, что и их собратья по военной службе. Склонность к пьянству и агрессии, неудовлетворительное психическое состояние, усугубляемое тяжелой военной и политической обстановкой, разгульный образ жизни, нередко провоцирующий растраты казенных сумм, общение с женщинами сомнительной репутации не являлись

---

⁵⁹⁵ГАРФ. Ф. 110. Оп. 9 Д. 825.Л. 6, 6 об.

такой уж редкостью. Все это очевидным образом диссонировало с предполагаемой благородной ролью чинов корпуса, поэтому золотым правилом жандармской корпорации было «не выносить сора из избы»: жалобы не доводить до суда, скандалы не делать достоянием гласности.

Несогласных с этим неписанным законом, как правило, не ожидало ничего хорошего, и даже протекция и связи не в силах были отвести плачевный финал. Таким образом, в своем понимании нравственности Штаб Корпуса пытался балансировать на узкой грани соблюдения благопристойного реноме, с одной стороны, и отъявленного лицемерия, с другой⁵⁹⁶.

Суммируя все вышесказанное, стоит констатировать, что вопреки поэтически возвышенным устремлениям отцов-основателей «голубого ведомства», проза жандармской действительности была изрядно омрачена в силу двух основных обстоятельств. Во-первых, жандармское начальство было озабочено проблемами нравственности и, в частности, вопросами «чести мундира» лишь в той степени, в которой это предписывалось известной общественной моралью и которая, по возможности, обеспечивала бы отсутствие судебных исков и публичных обвинений. А во-вторых, женщины, со своей стороны, являясь заложницами традиционного общества, пытались по полной использовать те небогатые права, которые предоставляло им архаичное семейное законодательство царской России. Разумеется, приведенные свидетельства являют собой, в массе своей, последствия всяческих девиаций и неудачного супружества. Тем не менее, можно констатировать, что требования, предъявляемые к службе и моральному облику жандарма, делавшие его уязвимым для жалоб и клеветнических наветов, предполагали весьма ограниченное количество вариантов развития сюжета. Если успешная женитьба могла принести

---

⁵⁹⁶ Подробнее: *Лаврёнова А.М.* Синий мундир в Зеркале Венеры. Взаимовлияние личной жизни и служебной карьеры чинов Отдельного корпуса жандармов// Новый исторический вестник. № 2 (44). М., 2015.

большие плоды, то неудачное супружество (или даже сватовство) могло привести к катастрофе, разыгрывавшейся по вполне схожим сценариям.

3.2. Негативное отношение общества к жандармам: истоки и воплощение.

Испокон веков политический сыск, окруженный зловещей и мрачной аурой, вызывал у обывателя неприязнь. Как верно подметил А.Г. Чукарев, и «Третье отделение и корпус жандармов в памяти современников и последующих поколений, несмотря на все добрые намерения царя, остались мрачным, репрессивно-карательным ведомством»⁵⁹⁷. Несмотря на усилия власти, жандармский мундир не пользовался большой популярностью. Ф.Ф. Вигель писал даже, будто «голубой мундир... производил отвращение даже в тех, кои решались его надевать» и будто он «не встречал ни единого человека, который бы учреждение сие одобрил»⁵⁹⁸.

Мифы о жандармских злодеяниях витали в области коллективного бессознательного. Жандармский офицер Поляков в своих воспоминаниях говорит, будто «в обществе держалось мнение, что при поступлении в жандармы все офицеры и нижние чины будто бы должны были давать особую клятву, в которой отрекались от отца, матери, обещали, будто бы никого не щадить»⁵⁹⁹. Департамент полиции, по свидетельству А.Т. Васильева, и подавно, для масс населения был «символом ужаса». О нем рассказывали – и многие таким рассказам верили – что там людей сбрасывают в подвал через дыру в полу и пытаются⁶⁰⁰. Конечно, в уме любителей подобных историй различие понятий «Департамент полиции» и «Отдельный корпус жандармов» вряд ли когда-то давало себя знать.

⁵⁹⁷ Чукарев А.Г. Указ. соч. С. 587.

⁵⁹⁸ Вигель Ф.Ф., Указ. соч. С. 305-306.

⁵⁹⁹ Поляков А.М. Записки жандармского офицера // Жандармы России. - СПб., - М., 2002.С. Жандармы России., С. 488.

⁶⁰⁰ Васильев А.Т. Охрана: русская секретная полиция// «Охранка»: Воспоминания руководителей политического сыска, Т. 2. М., 2004. С. 346.

Художественные произведения, принадлежащие перу идейных противников царского режима и очерки революционеров изображают «деревянные лица унтеров, на которых была написана лишь радость стараться, готовность по одному слову... начальства вязать, бить, душить кого оно только прикажет, хотя бы отца родного»⁶⁰¹. Рассказы живописуют «старых служаек», жандармских «вахмистров» с крупными шейными медалями, со щетинистыми физиономиями. «Осанистый, чуть-чуть жиреющий жандармский полковник, от которого разило безукоризненной физической чистотой», соседствует здесь с inferнальным ротмистром по фамилии Леденцов, обладателем «стальных нервов, каменного сердца и кристально-ледяного ума», опутывавшего сотрудников своими «паутинными сетями»⁶⁰². Фантазия авторов рисовала шкафы в жандармских управлениях, с хранящимися в них тисками, зажимами и прочими средствами, применяющимися чтоб развязать язык «неразговорчивых». Но всё это были, якобы, пустяки по сравнению с Петропавловской крепостью, где сохранились застенки, оборудованные по последнему слову современной техники, где жертву можно было умертвить не оставив на теле никаких следов насильственной смерти⁶⁰³.

Даже робкий намек на «очеловечивание» посредством демонстрации «производственной солидарности» скучающего железнодорожного унтер-офицера с рабочими-строителями, оброненный Л.Н. Андреевым в рассказе «На станции (Жандарм)», вряд ли можно счесть сколько-нибудь успешным. Станционный жандарм Андреева вызывает у героя-рассказчика впечатление нереальности, неуместности и чуждости, вперемежку с неясным страхом.

Параллельно мрачный образ жандарма складывался и в литературе. И хотя данная тема и выходит за рамки исследования, здесь необходимо отметить несколько стилистических особенностей в поэтическом представлении жандармской природы. Так, например, богато на сочные и

⁶⁰¹ *Поливанов П.С.* Указ. соч. С. 193.

⁶⁰² *Нерадов И.* Синие палачи (жандармы). М., б.г. С. 4, 8, 10.

⁶⁰³ *Там же.* С. 22.

динамичные художественные образы жандармов творчество Н.А. Некрасова. В стихотворении «Опять тройка» жандарм «с осанкою победной» и «усищами в аршин» сопровождает преступника, бледного 19-летнего юношу. Затем «завидев кабачок, как друга, - жандарм командует: "Стоять!", напивается и «обняв преступника», опять же, «как друга», засыпает и храпит. Тот же жандарм с нагайкой на неприветливом фоне приближающейся непогоды предстает и в стихотворении «Перед дождем». Мелькает жандармский полковник «со звездой» и в «Кому на Руси жить хорошо» в качестве управляющего княжеским поместьем. Н. П. Огарев в «Забытьи» (1861 г.) приводит изящную строчку «Летит жандарм — архангел царских кар». При этом курьеры «вскачь спешат», чиновник «пешком усердствует», солдаты «идут». Всюду образ жандарма динамический, активный, витальный, агрессивный, находящийся в противоречии с монотонными, заунывными образами природы и окружающих людей. Он – «ангел», посланник, прямой посредник между тронем и попираемым им мирозданием. Такова была интуитивная, эмоциональная и неосознаваемая окраска данного феномена в сознании читающей публики.

Примечательно, что подобные настроения были свойственны не только элементам, имевшим кое-какие счеты с жандармским ведомством, но и интеллигенции в массе своей. Аппарат политической полиции, достаточно эффективный против революционных организаций, был, тем не менее, практически бессилён против нарастающего общественного движения, и потому оказался неспособен влиять на настроения «будирующей интеллигенции». Последний начальник Санкт-Петербургского охранного отделения полковник Глобачев, отмечал, что хотя политическая полиция и предоставляла власти исчерпывающую информацию о состоянии умов, а также выдвигала собственные предложения, власть никаких организационных выводов из этого не делала, и общегосударственных мер не предпринимала.⁶⁰⁴

⁶⁰⁴ Глобачев К.И. Указ. соч. С. 61..

Неприятное отношение к жандармам проявлялось не только в области общественных дискуссий и на страницах прессы, но и в быту. Когда Спиридович надумал жениться, негативное отношение его будущего тестя к «голубому ведомству» едва не смешало ему все карты. Почтенный присяжный поверенный, русский человек, сын генерала, севастопольского героя, «он не хотел и слышать, чтобы его зять был жандармом». Антипатии своей он рационально объяснить не мог, но, казалось, был готов на всё, только бы Спиридович не шел в жандармы: предлагал устроить на доходное место на гражданской службе, обещал материальную помощь.⁶⁰⁵

Очевидно, что здесь мы имеем дело с неким априорным, принятым в обществе как бы по умолчанию, отношением к чинам отдельного корпуса жандармов. Общественная оценка данного ведомства, негативная, по большей части, не являлась следствием реального опыта: подавляющее число представителей интеллигенции не то что никогда не подвергалось ночным обыскам, но и сам жандармский мундир лицезрело исключительно на железнодорожной станции.

Хотя ряды защитников режима включали в себя губернаторов, полицейское начальство, гвардию и прокуроров, жандармов воспринимали как представителей института, специально предназначенного для борьбы с оппозиционным движением, активисты которого пользовались очевидным уважением и даже восхищением со стороны широких образованных слоёв.

В.М. Зензинов вспоминал, как его отец в шутку обращался к знакомому чиновнику (Н.Л. Гондатти): «Когда Вы ... сделаетесь губернатором, не забудьте нас: у меня растет в семье революционер ... - так, когда его сошлют в Сибирь, помогите ему, чем можете». Чиновник в ответ дружелюбно посмеивался и обещал сделать всё от него зависящее⁶⁰⁶.

Даже А.С. Суворин и Ф.М. Достоевский признавались друг другу в начале 80-х годов, что никто из них не осмелится выдать полиции террориста

---

⁶⁰⁵ Спиридович А.И. Указ. соч. С. 30.

⁶⁰⁶ Зензинов В.М. Указ. соч. С. 60.

из страха перед общественным осуждением. В переписке с А.А. Блоком В.В. Розанов отмечал «ритуальность» террора. Блок же отвечал ему: «Страшно глубоко то, что Вы пишете о древнем "дай полизать крови". Но вот : Сам я не "террорист" уже по одному тому, что "литератор". Как человек, я содрогнусь при известии об убийстве любого из вреднейших государственных животных ... И, однако, так сильно озлобление (коллективное) и так чудовищно неравенство положений - что я действительно не осужу террор сейчас"⁶⁰⁷.

Будущий священник, С.Н. Булгаков, в юности, как и многие образованные люди его времени, был яростным противником самодержавия и даже мечтал о цареубийстве. «Всю свою молодость и сознательную жизнь до первой революции, - писал он, - я был непримиримым врагом самодержавия, я его ненавидел, презирал, гнушался им, как самым бессмысленным, жестоким пережитком истории. Самодержавие - это полиция, жандармы, тюрьма, ссылка, придворные, ни для кого не нужные и неинтересные приемы и парады и убийственная жестокость к русскому народу. Всю гамму интеллигентской непримиримости к самодержавию я изведал и пережил»⁶⁰⁸.

Презрение к чинам жандармского ведомства нашло отклик даже среди членов царствующей фамилии: сосланный в Туркестан великий князь Николай Константинович, известный своим радикальным образом мыслей и эксцентричным поведением, писал: «Офицер, кот[орый] покидает свой родной полк и благородную строевую службу и поступает в Корпус жандармов для исполнения гнусных обязанностей сыщика “чтобы получать больше жалованья” – мерзавец»⁶⁰⁹.

Особенно ситуация обострилась в годы Первой мировой войны, когда средние обыватели, обычно равнодушные к политике, под впечатлением

⁶⁰⁷Цит. по: В. Ропшин. (Б. Савинков) То, чего не было. М., 1990. Предисловие Ю. Давыдова. С. 13.

⁶⁰⁸Булгаков С. Н. Автобиографические заметки. Paris, 1991.С. 75.

⁶⁰⁹ГАРФ. Ф. 110. Оп. 9. Д. 817. Л. 112.

военных неудач огульно и злорадно бросились обличать правительство. Полиция, а в особенности, политическая, прочно заняла свое место в ряду наиболее скандальных тем наряду с Распутиным, Сухомлиновым, дороговизной и т.д.⁶¹⁰

По мере того как режим терял легитимность в глазах образованного общества, революционная деятельность и оппозиционные взгляды приобретали ауру чуть ли не святости. Борьба с ними, требовавшая использование специальных агентов и «шпионов» в глазах общественности выглядела отвратительно. Ирония этой ситуации заключалась в том, что до самого 1905 года очень немногие жандармы активно противостояли политической крамоле, и лишь единицы из них делали это успешно и эффективно⁶¹¹.

Малочисленный корпус жандармов (менее 15 тыс. к 1917 г.)⁶¹² чисто физически не мог подвернуть своей «опеке» всех, кто полагал себя оскорбленным его действиями. Следует заключить, что общественная оценка жандармов складывалась из нескольких компонентов.

В первую очередь, чины жандармского ведомства конца XIX – нач. XX вв. унаследовали оценку, данную обществом их предшественникам.

Книга Герцена «Тюрьма и ссылка», вышедшая в Лондоне, а затем в Париже, выдержавшая три прижизненных переиздания, однозначная в своей оценке самодержавному строю, оказывается отнюдь не одномерной в отношении жандармов. Фантасмагорические описания грубого быта нижних чинов соседствуют здесь с миролюбивыми рассуждениями о нравственных качествах жандармских обер-офицеров. Из книги Герцена читатель мог, в частности, узнать, что жандармам в «царские дни» полагалась чарка водки, от которой можно было несколько раз подряд отказаться с тем, чтобы потом

---

⁶¹⁰ГАРФ.Ф. 63. Оп. 47. Д. 480. т.1. Л. 54-55.

⁶¹¹*Jonathan W.Daly*. P.51.

⁶¹²Общий состав управлений и чинов Отдельного корпуса жандармов по 10 октября 1916 г. – СПб., 1916.

получить все их разом. Водку эту, якобы, выливали в миску, крошили в неё хлеб и ели ложкой⁶¹³.

Что касается офицеров то они, по описанию Герцена, были «вовсе не шпионы». Молодые отпрыски небогатых дворянских семей, это были довольно добрые люди. «Мало или ничему не учившиеся, без состояния, не зная куда преклонить главы, они были жандармами потому, что не нашли другого дела», и потому «должность свою они исполняли со всей военной точностью», но без особого усердия. Герцен упоминает, как эти офицеры делали ему различные поблажки и одолжения, так что, жаловаться на них было бы грешно⁶¹⁴. Тут же Герцен приводит историю молодого жандармского офицера, командированного в 1831 г. в Польшу арестовать одного скрывавшегося помещика. Когда офицер обнаружил дом, в котором предполагал обнаружить беглеца, он вошел туда в сопровождении двух жандармов и, оставив их внизу, полез на чердак. Там он обнаружил помещика, его красавицу-жену и насмерть перепуганную дочь. Женщина спросила его: "И Вы будете иметь жестокость погубить их?" Офицер настолько смутился их видом, что сперва извинялся за необходимость ареста, но, в конце концов, усомнился и в ней и спросил жену помещика, что же ему теперь делать. Жена помещика гордо посмотрела на него и сказала: «Идти вниз и сказать, что здесь никого нет». Именно так он и поступил⁶¹⁵.

Все это подвигло Герцена к удивительным и довольно нетипичным для последующих авторов выводам. «Ничего в мире не может быть ограниченнее и бесчеловечнее как оптовые суждения целых сословий - по надписи, по нравственной отметке, по главному характеру.— пишет он. - Нельзя быть шпионом, нельзя быть наемным убийцей, торгашом чужого разврата, и честным человеком, но можно быть жандармским офицером - не утратив всего человеческого достоинства»⁶¹⁶.

⁶¹³ Герцен А.И. Тюрьма и ссылка. Из записок Искандера. Лондон, Париж, 1854. С. 48.

⁶¹⁴ Там же. С.49.

⁶¹⁵ Там же. С. 50.

⁶¹⁶ Там же.

Л.А. Тихомиров в молодые годы был куда радикальнее и не скупился на яркие характеристики: Судейкин, по его мнению, был «ходячая язва политической безнравственности», «типичное порождение и представителя того политического и общественного разврата, который разъедает Россию под гнойным покровом самодержавия», беспринципный карьерист⁶¹⁷.

В начале рассматриваемого нами периода также вышли несколько громких книг, оказавших большое влияние на коллективное восприятие жандармов. Как правило, все издания подобного рода оказывались в списке запрещенных, а их авторам въезд в Россию надолго был «заказан». В первую очередь, следует назвать труды С.М. Степняка-Кравчинского. Его работа «Россия под властью царей» впервые вышла в Лондоне на английском языке в 1885 г. и снискала большую популярность, поэтому в том же году издание было повторено. Одновременно вышла в Нью-Йорке, через год - снова в Англии третьим изданием, в 1887 - во Франции и в Швеции.⁶¹⁸ «Моя книга - писал Кравчинский, - тенденциозная, политическая, предназначена для возможно большей массы публики. Я должен был сделать ее настолько серьезной, чтобы удар, наносимый русскому правительству в общественном мнении, был тяжелый, неотразимый, убивающий...»⁶¹⁹

Подбор историй, рассказанных Кравчинским, целиком соответствовал поставленной цели и был должным образом оформлен лексически. Одной из самых симптоматичных сцен является эпизод ареста Батюшковой Варвары Николаевны. Эта барышня, дочь генерала Николая Батюшкова, входила в состав московского отделения кружка «чайковцев». Арест её состоялся в 1875 г. Она была осуждена по процессу 50-ти и выслана в Сибирь. Во время ночного обыска в её доме, она попыталась избавиться от компрометирующей записки, засунув ее в рот, а жандармы, соответственно, пытались этому воспрепятствовать. Степняк-Кравчинский описывает эту сцену так: «корчась и тяжело дыша, доведенная до отчаяния, она напрягает все силы, чтобы

⁶¹⁷Тихомиров Л.А. Воспоминания . М., 1927. С. 104.

⁶¹⁸Степняк-Кравчинский С. М.Россия под властью царей. М., 1964 г. С. 3.

⁶¹⁹Цит. по: Степняк-Кравчинский С. М. Указ. соч. С. 3.

исполнить свое намерение. Но перевес на стороне ее врагов. После короткой схватки цербер кладет на стол алый бумажный мякиш, измазанный кровью, и когда жандармы выпускают наконец свою жертву из рук, она без сознания падает на пол»⁶²⁰.

Критическая по отношению к жандармскому ведомству публицистика появлялась и за рубежом. Помимо очевидной в данном случае активности радикальных кругов эмиграции, аналогичные взгляды исповедовали и иностранные авторы. И в первую очередь, здесь следует упомянуть работу Кеннана. Похоже, что никто не повлиял на мировое общественное мнение об отношении императорской России к политическим преступникам столь пагубно, как Джордж Кеннан, знакомившийся с карательной системой Сибирской ссылки с середины 1885 до лета 1886. В начале длинного рассказа о путешествии в Сибирь Кеннан заявляет, что начинал своё расследование, будучи предубежденным против русских революционеров и, напротив, настроенным благожелательно по отношению к императорской администрации. Однако его последующее общение с ссыльными поселенцами заставило его разразиться язвительным обвинением в адрес правительства и его карательного аппарата. Он заключил, что не терроризм в России вынуждал к высылке, а беспощадная жестокость и ссылка без надлежащих правовых процедур провоцировали терроризм. Критика Кеннана получила большой резонанс - как за границей, так и в России, где она была запрещена. Так, Юлий Мартов позднее отмечал, что он черпал свои представления о том, что именно ожидает его в сибирской ссылке в основном из книги Кеннана. Мартов признавал, что был практически уверен, что он будет заточен в полнейшей безвестности о своей грядущей судьбе вплоть до принятия какого-либо тайного решения, согласно которому его сошлют на край света. Поэтому впервые оказавшись на жандармском допросе (в 1891)

---

⁶²⁰Там же. С.85.

со всеми его процедурными нормами и прочими принадлежностями, он был приятно удивлён.⁶²¹

В 1907 г. масла в огонь общественного недовольства подлила брошюра «Из итогов служебного опыта. Настоящее и будущее русской полиции» бывшего Директора департамента полиции А.А. Лопухина. После отставки Лопухин примкнул к оппозиционному лагерю и в 1906 г. выступил с громкими разоблачениями ранее вверенного ему ведомства. В дальнейшем, как известно, оказал содействие В.Л. Бурцеву в разоблачении Е.Ф. Азефа, и в следующем, 1909 г. по обвинению в государственной измене был приговорен к 5 годам каторжных работ с лишением всех прав состояния.

В 1908 г. выходит книга М.К. Лемке «Николаевские жандармы и литература 1826-1855 гг.». Безальтернативно критическая в отношении «синих мундиров», эта книга обращала внимание на ряд любопытных особенностей корпоративного образа жандармского ведомства. Так, в книге был собран ряд высказываний, свидетельствовавших о «поголовном восприятии III-го Отделения и жандармерии в мрачно-пародической проекции на ситуацию Евангелия»⁶²².

Символом и средоточием негативного отношения к жандармскому ведомству стал термин «провокация», означающий в словаре революционеров всякое осведомительство в принципе и вызывающий в то время небывалое возмущение. Термин этот окончательно закрепился в этом качестве благодаря газетной шумихе вокруг разоблачения Азефа, когда даже рядовому обывателю было преподано содержание данного феномена. Уже в 1917 г. на допросе в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства, бывший директор ДП М.И. Трусевич твердо и последовательно отстаивал закономерность существования политической полиции и целесообразность ее методов: «Это всегда было, и до тех пор, пока

---

⁶²¹Jonathan W. Daly .Autocracy under Siege: Security Police and Opposition in Russia, 1866-1905, P. 49.

⁶²²Лебедева О.Б. Поэтика русской высокой комедии XVIII-первой трети XIX веков. М., 2014. С. 342.

будет существовать какой-нибудь розыск, даже не по политическим, а по общеуголовным делам, агентура всегда будет в той среде, которая расследуется... Это есть условие, при котором известный политический строй, каков бы он ни был, отстаивает свое существование»⁶²³.

Аналогичные доводы привел и И.В. Доброскок (Доброскоков) (псевд. Добровольский), «Николай-золотые очки», видный чиновник Петербургского охранного отделения. В 1917 г. ответ на ядовитую характеристику своего бывшего агента, Н.П. Денисова (Рутинцева), Доброскок писал: «Охранное отделение как технический аппарат в распоряжении судебных властей не только не преступное учреждение, но необходимое в каждом организованном государстве... Никакой розыскной орган (уголовный, политический, военный) не может существовать без внутреннего освещения деятельности подпольной или преступной организации»⁶²⁴. Вместе с тем, стоит отметить, Доброскок прохладно относился к своим коллегам-жандармам, их карьеризму и образу жизни в целом⁶²⁵.

Допросы высших полицейских чиновников показали, что члены комиссии в принципе не видели никакой разницы между сотрудничеством и провокацией. Председатель ЧСК, Н.К. Муравьев, «изнеженный социал-демократ», приятель В.Г. Короленко, Максима Горького и Л.Н. Толстого, адвокат, сделавший карьеру преимущественно на политических процессах, являлся в данном случае типичным представителем «прогрессивной» публики⁶²⁶. Так же, как и его коллега Трусевич, С.Е. Виссарионов тщетно пытался втолковать Муравьеву базовые принципы организации политического сыска. Однако вопросы председателя, вернее, их тон, свидетельствуют о том, что дело это было практически безнадежное. В

⁶²³ Падение царского режима. Т. 3. С. 212–213.

⁶²⁴ Охранник Добровольский о сотруднике Денисове // *Щеголев П.Е. Охранники и авантюристы. - Секретные сотрудники и провокаторы / Гос. Публ. Ист. Б-ка России. - М., 2004. С. 289, 292.*

⁶²⁵ Там же. С. 285.

⁶²⁶ *Романов А. Ф. Император Николай II и Его Правительство (по данным Чрезвычайной Следственной Комиссии). // Русская летопись. Кн.2. Париж, 1922.*

глазах Муравьева и его коллег обыденная деятельность секретного агента была однозначно преступна «по определению». Членам комиссии всюду мерещилась самая злостная провокация.

Однако, несмотря на кажущуюся логичность приводимых доказательств, ссылки на иностранный опыт и апелляцию к здравому смыслу, переубедить вчерашних оппонентов режима, а теперь, хозяев игры, было невозможно. Бывшие оппозиционеры, прочившие себя на роль реформаторов, если не спасителей, отчества, не желали расставаться со своими белыми одеждами. Поэтому им жизненно необходимо было доказать обществу и самим себе свою непричастность к террору, открестившись от своего политического родства с убийцами. Вот почему бесконечно на все лады муссировать тему провокации, возлагающей ответственность за пролитую кровь на совесть самих защитников режима, выставив их перед лицом общества корыстолюбивыми беспринципными карьеристами, было так важно.

Темы, поднимающиеся на допросах ЧСК, полностью повторяли поверхностный интерес газетной аудитории и не уходили далее деталей биографии секретных сотрудников, скандальных подробностей «провокации» и погромов. Это особенно наглядно демонстрирует содержание газетных вырезок, которые отложились в личных фондах различных общественных деятелей. Так, например, в фонде публициста В.В. Водовозова львиная доля вырезок, посвященных деятельности полиции, носит именно такой, разоблачительный, характер⁶²⁷.

В секретной инструкции по организации и ведению внутреннего наблюдения (1907 г.) утверждается, что искусство ведения политического розыска и состоит в умении различать тонкую грань между «сотрудничеством» и «провокацией»⁶²⁸. Однако значительная часть полицейских чиновников этим искусством не обладала, и таким образом,

---

⁶²⁷ ГАРФ. Ф. 539. Оп. 1. Д. 134. Л. 5, 10 об.; Д. 173. Л. 2 об., 3, 3 об., 4 об., 5, 8, 8 об., 9 об., 10, 13, 28; Д. 228. Л. 4, 8 об., 19, 19 об., 20-21 об., 30 об. – 32, 52, и др.

⁶²⁸ Цит. по: Политическая полиция Российской империи между реформами... С. 97.

некомпетентность в вопросах использования агентуры порождала в официальных сферах известные предрассудки против секретного сотрудника «как продажного, безнравственного и предательствующего человека». Ещё в 1892 г. П.И. Рачковский сетовал, что в России «почти никто не склонен видеть в агенте лицо, исполняющее скромный долг перед родиной»⁶²⁹.

Вышеупомянутый подполковник А.М. Еремин, посланный в Саратов для разрешения разногласий между А.П. Мартыновым и князем Микеладзе, по этому поводу писал: «Самый род деятельности охранного отделения таков, что его легко обвинять в тех или других неблагоприятных поступках, а особенно в провокации, так как оправдания в возводимых обвинениях не могут быть предъявлены тому широкому кругу лиц, в котором распространилось обвинение». Между тем, по его словам, не только лица, чуждые розыскной службы, но даже имеющие некоторое понятие о ней, очень часто затруднялись ясно отделить провокацию от секретного сотрудничества и некоторых других приемов розыскной службы. В силу этого обстоятельства слухи, исходящие от фигуры начальника жандармского управления, как, например, в случае с обвинением Мартынова его коллегами, получали полную авторитетность и признавались многими за истину, попутно смешивая с грязью репутацию охранного отделения»⁶³⁰.

Несмотря на распространенное критическое восприятие совокупности полицейских практик, известных, как «провокация», её в некоторой степени следует реабилитировать как оперативно-тактический прием. Именно в таком качестве рассматривает её Ю.Ф. Овченко. Так, по его мнению, «в условиях перехода правительства к политической реакции полиция применяли провокацию, благодаря которой получала возможность ускоренными темпами выявить своих врагов и осуществить над ними расправу»⁶³¹ Также к провокации прибегали и как к «средству создания

---

⁶²⁹ Там же. С. 31.

⁶³⁰ ГА РФ. Ф. 110. Оп. 6. Д. 1666. Л. 1–5.

⁶³¹ Овченко Ю.Ф. Московская охранка на рубеже веков. 1880-1904 гг. М., 2010. С. 92.

недостающих улик"⁶³². Детальный анализ оперативных нюансов политического сыска позволил Овченко, наряду с термином «провокация», ввести новые, более конкретные и логически уместные понятия: «идеологическая диверсия» (применительно к зубатовщине), «оперативный эксперимент» (моделирование условий, показывающих истинные намерения разрабатываемого, проходящее под полным контролем, исключающим возможность преступления)⁶³³.

Также наряду с совокупностью мер, именуемой провокацией, существовали и другие практики, не столь громкие, но определенно не вызывающие сочувствия обывателей. Такой, в частности, являлось взяточничество. Жандармское мздоимство могло быть двух видов – официально разрешенное и классическое, т.е. противозаконное.

Жандармское руководство в лице начальников управлений, ещё прежде всяких официальных инструкций на этот счет практиковало передачу денег, представленных нижними чинами, в различные местные казенные и общественные благотворительные учреждения по собственному усмотрению⁶³⁴. Отсутствие официальных инструкций было до определенной степени мнимым, подобная практика входила в противоречие с ст. 372-382 Уложения о наказаниях, поскольку закон воспрещал не только присвоение, но и само принятие подарков по делам, касающимся службы. Вместе с тем, в военном ведомстве на основании ст. 37 Воинского Устава о Наказаниях, разъясненной решениями Главного военного суда 1885 г. № 6 и 38, такие деньги было принято присоединять к капиталам Александровского комитета о раненых. Официальное обсуждение данного неоднозначного предмета было спровоцировано запросом начальника ЖПУ Уссурийской железной дороги в январе 1907 г.⁶³⁵. Через полгода, 14 июня, циркуляром Штаба

---

⁶³² Там же. С. 52.

⁶³³ Овченко Ю. Ф. Безопасность империи: Политический розыск – средство обеспечения безопасности Российского самодержавия, 1880-1917 гг. М., 2012. С. 313.

⁶³⁴ ГАРФ.Ф. 110.Оп. 6.Д. 1560. Л.2, 2 об.

⁶³⁵ Там же. Л. 1.

Отдельного корпуса жандармов № 75⁶³⁶ был установлен единый порядок передачи денег на счета Александровского комитета о раненых. Таким образом, подлежащие к зачислению в Инвалидный капитал деньги должны были передаваться в Санкт-Петербурге – в Главное казначейство, а в губерниях – в местные кассы Министерства финансов (Губернские и Уездные казначейства), с указанием в препроводительных бумагах основания к зачислению и с уведомлением Александровского комитета о раненых.

После передачи mzды начальству, жандарму в приказе по Корпусу объявлялась благодарность, а незадачливый проситель оставался и без денег, и без содействия. Чаще всего подобные казусы возникали при попытке нелегального перехода границы. Очевидно, эта двойственность позволяла трактовать роль жандармов как в положительную, так и в отрицательную сторону, в зависимости от пожелания публики.

Впрочем, не стоит думать, что все жандармские офицеры поступали в точности согласно с инструкцией. Во-первых, количество желающих «толкнуть трешницу» в карман жандарму было чрезвычайно велико, особенно в приграничных районах⁶³⁷. А во-вторых, наивно было бы предполагать, будто мздоимство и казнокрадство, свойственное бюрократической системе Российской империи, в целом, совершенно при этом не затронет ОКЖ. Так, например, в результате ревизии сенатора Н.П. Гарина в 1910 г. выяснилось, что помощник начальника Гродненского ГЖУ ротмистр З.О. Киселев, некоторое время входивший в Тамбовскую приемную комиссию, оказался виновен в получении «благодарностей» от поставщиков сукна. В своем ходатайстве за коллегу начальник Тамбовского ГЖУ полковник В.М. Фон-Оглио писал: «Киселев, хотя и виновен в получении “благодарностей” от поставщиков, но вина его заключается лишь в том, что он явился тем заурядным офицером, который, как и бесчисленное число его предшественников, считал получение “благодарностей” от поставщиков

---

⁶³⁶ Там же. Л. 16.

⁶³⁷ ГАРФ. Ф. 110. Оп. 6 Д. 3134. Л. 42.

делом вполне узаконенным обычаем и давностью, а потому не нашел в себе достаточного мужества отказаться от предложенных ему 6 000 руб». Насколько же дело это считалось обычным и не порочащим офицера, видно из того, что, по выходе ротмистра Киселева из комиссии, на его место был назначен сын Командующего войсками Московского военного округа Малахова, который за получение таких же «благодарностей» вскоре предстал перед судом. В итоге ротмистр был уволен от службы «по домашним обстоятельствам»⁶³⁸.

***

Со второй половины XIX в. России рост грамотности населения способствовал увеличению числа периодических изданий. В 1900 г. одновременно выходили 1002 издания, в 1908 г. их число удвоилось, а к 1917 г. выходило уже 4281 наименований.

Центральное место в системе периодической печати составляли правительственные издания - печатные органы министерств, выходившие в Петербурге, и газеты, выпускавшиеся администрацией на местах. Ежедневная газета «Правительственный вестник» являлась официальным органом МВД. Военное министерство издавало газету «Русский инвалид». Имели свои официальные издания и прочие министерства империи, а также Синод. Во второй половине XIX - начале XX в. бурный рост частных изданий отодвинул официальную периодику на второй план, так что к началу Первой мировой войны частные издания составили почти три четверти от общего числа печатных наименований.

Во многих губерниях единственным регулярно поступавшим столичным изданием была газета «Новое время», издателем которой был А.С. Суворин, пользовавшийся монопольным правом торговли печатной продукцией на казенных железнодорожных станциях. В провинции наряду с официальными «Ведомостями», за внимание аудитории конкурировали частные газеты, которые с начала XX в. печатались не только в губернских,

---

⁶³⁸ГАРФ. Ф.110. Оп. 2. Д. 15712. Л. 13-13 об., 32.

но и во многих уездных городах. Подавляющая часть периодических изданий рассматриваемого периода придерживалась оппозиционных взглядов. (Журналы «Современник» и «Отечественные записки», а также газета «Русские ведомости»).

В годы первой русской революции многие газеты и журналы заявили о своей оппозиционной направленности. Редакторы и издатели наиболее уважаемых столичных изданий, приглашенные на совещание к С.Ю. Витте, фактически засвидетельствовали свою нелояльность режиму⁶³⁹. Редактор-издатель газеты «Биржевые ведомости» С. М. Проппер от имени присутствовавших заявил о недоверии правительству и изложил условия, на которых буржуазная печать готова была поддерживать формируемый кабинет министров. Таким образом, уже на второй день своего премьерства, 19 октября 1905 г., Витте осознал, что «опереться на прессу невозможно»⁶⁴⁰.

После 17 октября 1905 г. стали легально издаваться газеты и журналы - органы политических партий. С 1906 г. основным рупором кадетов была газета «Речь» под редакцией П.Н.Милюкова и И.В.Гессена. На её страницах постоянно велась полемика с проправительственными изданиями: в частности, расписывались положительные стороны конституционного строя и, вместе с тем, подробно освещались злоупотребления властей, причем критическая направленность публикации подчеркивалась в том числе и заголовками, дававшимися редакцией (например: «Жандармская расправа»). «Речь» была недешевым удовольствием: годовая подписка обходилась в 12 рублей в год. В связи с этим параллельно с ней издавалась более дешевая газета кадетов того же содержания и направленности - «Современное слово». Ещё одним распространенным оппозиционным изданием была московская газета «Утро России», выходившая на средства группы капиталистов во главе с П.П. Рябушинским тиражом 30 - 40 тыс.

---

⁶³⁹ Редактор-издатель газеты «Санкт-Петербургские ведомости» князь Э.Э.Ухтомский, редактор-издатель газеты «Новое время» А.С.Суворин и редактор-издатель дотируемой правительством газеты «Гражданин» князь В. П. Мещерский и др.

⁶⁴⁰ *Vitte С.Ю.* Воспоминания. М., 1960. Т. 3. С. 63. 424.

экземпляров. В первом номере газеты, редакция характеризовала своё детище как «внепартийный орган прогрессивной деловой мысли» в противовес газете «Голос Москвы» - глашатаю партии «Союз 17 октября».

Полицейские учреждения, в том числе ГЖУ, выписывали различную печатную продукцию. Преимущество отдавалось официальным печатным изданиям⁶⁴¹. В своей диссертации А.О. Костылев приводит список газет и журналов, выписываемых Варшавским ГЖУ в 1916 г.⁶⁴²

Департамент полиции старался держать руку на пульсе прессы, причем не только отечественной, но и зарубежной. На выписку журналов и газет из секретных сумм ДП ассигновались значительные суммы. Так, в 1891 г. на приобретение русских газет было истрчено 268 руб. 20 коп., иностранных – 720 руб., итого 988 руб. 20 коп. В следующем, 1892 г., эта сумма была увеличена до 1048 руб.⁶⁴³.

МВД в лице того же ДП пыталось сориентировать своих подчиненных в мире печатного слова, поэтому существовали рекомендованные Департаментом журналы и газеты. Так, например, в 1913 г. особым объявлением был рекомендован для жандармских нижних чинов и нижних чинов полицейской стражи еженедельный военно-народный журнал «Верность». Причем рекомендация была дана вследствие ходатайства самого редактора-издателя упомянутого журнала⁶⁴⁴. В 1914 г. с просьбой о выдаче субсидии обратилась в ДП небезызвестная черносотенная публицистка Е.А. Шабельская-Борк. Издательнице журнала «Свобода и порядок», согласно распоряжения министра внутренних дел, с 1 февраля 1914 было положено выдавать из директорского аванса «на известное директору назначение»

---

⁶⁴¹«Правительственный вестник, «Русский инвалид», «Военный сборник», «Разведчик», «Журнал Министерства юстиции», «Верность», «Стражник и городской», «Ведомости Санкт-Петербургского градоначальства и Санкт-Петербургской городской полиции», «Ведомости Московского градоначальства и столичной полиции».

⁶⁴²*Костылев А.О.* Организационно-правовые аспекты работы с кадрами полиции и жандармерии Российской империи, 1880- 1917 гг.: Дисс. канд. юрид. наук. - М., 2003. С. 116.

⁶⁴³ ГАРФ. Ф. 102. 1-ое Делопроизводство. Оп. 11. 1891 г. Д. 1439. Л. 1, 3.

⁶⁴⁴ ГАРФ. Ф. 102. 2-е Делопроизводство. 1913 г. Оп. 70. Д. 88.

ежемесячно по 600 руб. Ранее Елизавета Александровна получала только по 500 руб.⁶⁴⁵.

Однако единственным легитимным выразителем мнения жандармского ведомства в мире прессы являлся журнал «Вестник полиции».

До 1908 г. не существовало ни одного специального издания, которое было бы посвящено разработке вопросов, связанных с правильной постановкой полицейской службы в России; между тем потребность в таком органе печати давно уже назрела. Департамент полиции на тот момент являлся почти единственным центральным учреждением, лишенным возможности, за отсутствием своего собственного журнала, при помощи печатного слова содействовать усовершенствованию органов сыска и укрепления корпоративного духа среди их чинов.

Между тем, подобные печатные органы существовали во всех западноевропейских государствах. Также всего за несколько месяцев до описываемых событий, 15 мая 1908 г. германский рейхсканцлер и бывший министр внутренних дел Теобальд фон Бетман-Гольвег указал циркулярно всем начальникам полицейских управлений Германской империи не только на желательность, но даже и на прямую необходимость выписки журнала «Die Polizei»⁶⁴⁶.

Первая русская революция наглядно продемонстрировала, что отныне даже банальное охранение общественного порядка представляет собой нетривиальную задачу, и вкупе с этим, показала всю важность осмысленного отношения сотрудников полиции к своим обязанностям, с одной стороны, и знания технических приемов розыска, с другой. Служить этим задачам, сводящимся к объединению полицейских чинов разных мастей воедино и сообщению им различных полезных сведений по их специальности, и взялся журнал «Вестник полиции».

---

⁶⁴⁵ ГАРФ. Ф. 102. 1-е Делопроизводство. 1914 г. Д. 394. Л. 1.

⁶⁴⁶ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 28. 1-е Делопроизводство. 1908 г. Д. 882. Л. 46.

Первоначально, «Вестник» был изданием частным, что, впрочем, не помешало ему приобрести известный круг читателей. Более того, в адрес редакции сразу стало приходить неожиданно большое количество корреспонденции от представителей целевой аудитории. Тем не менее, несмотря на прогнозируемый стабильный читательский интерес и наличие 3800 платных подписчиков издатели «ВП», признавая дальнейшее ведение этого предприятия затруднительным для себя, уже менее чем через год изъявили желание безвозмездно передать Департаменту полиции свои права по изданию журнала. В числе прочего, издатели обязались внести в кассу Департамента полиции все деньги, поступившие от подписчиков на 1909 год, за исключением суммы, уже израсходованной в текущем году на выпуск первых номеров. Что же представляло собой издание, которому прочили статус официального органа Департамента полиции?

«Вестник полиции» выходил раз в неделю тиражом в 5 000 экземпляров, тетрадями в 24 печатные страницы. Годичная подписная плата была установлена в размере 5 рублей, но для низших чинов полиции и ОКЖ существовала скидка, и им подписка на журнал, включая приложения, обходилась всего в 2 руб.80 коп. Одна только печать стоила порядка 8 000 руб., ещё 6 800 руб. составляла стоимость бумаги. По приблизительным расчетам на издание «ВП» в 1909 г. предполагалось истратить около 40 000 руб., а приход должен был составить не менее 16 000 руб., таким образом, дефицит составлял не менее 24 000 руб. И рассчитывать на то, что ожидаемый рост числа подписчиков окажется в состоянии целиком покрыть убытки, очевидно, было бессмысленно. Учитывая это последнее обстоятельство, неудивительно, что издатели постарались поскорее избавиться от своего журнала⁶⁴⁷.

Так издание «ВП» по распоряжению Министра внутренних дел перешло из частных рук в ведение ДП. По резолюции от 16 февраля 1909 г., товарищ министра согласился дефицит в 24 000 руб. отнести на специальные

---

⁶⁴⁷ГАРФ. Ф. 102. Оп. 28 . 1-е Делопроизводство. 1908 г. Д. 882. Л. 13.

средства Департамента. Однако вследствие увеличившейся подписки и благодаря принятию особых мер к сокращению расходов, необходимое от Департамента пособие выразилось в сумме 15 000 руб.⁶⁴⁸.

1909 г. выдался для редакции журнала весьма плодотворным. Кроме 52 номеров журнала, был выпущен ряд ценных приложений: свод всех законов, относящихся к полиции, руководство по дактилоскопии, антропометрии и фотографии и пособие для производства дознаний по уголовным делам. На одни только приложения было затрачено около 7 000 руб. Вероятно, эту сумму сочли неприемлемой, поэтому в следующем, 1910 г. на приложения выделили всего 1 000 руб.

Политика экономии затронула не только деньги, отпускаемые на издательство приложений, но даже и средства на содержание редакции. В целях сокращения расходов личный состав редакции почти сразу был уменьшен, некоторые должности уничтожены, другим понижено жалование настолько, что например, высший оклад не превышал 50 руб. в месяц. Всё это, конечно, не могло не отразиться на качестве содержания журнала. Обычная построчная плата составляла 3 и 5 копеек, а нанять за такую цену соответствующих образованных сотрудников было практически невозможно. Поэтому большинство сотрудников составляли часто малограмотные приставы и урядники, которые «или восхваляли себя в корреспонденциях об открытых ими преступлениях или сообщали об отрицательных сторонах своего безотрадного положения или, в лучшем случае, возбуждали разные вопросы, которые потом не разрабатываются с необходимой объективностью и обстоятельностью».

Естественно, что при таких условиях журнал был не в состоянии должным образом исполнить возложенной на него просветительской задачи⁶⁴⁹. В связи с чем стали раздаваться голоса в пользу увеличения построчной платы и привлечения более интеллигентных сотрудников как из

---

⁶⁴⁸ Там же. Л. 46 об.

⁶⁴⁹ Там же. Л. 47.

состава губернской администрации и судебного ведомства, так и из числа университетских специалистов по полицейскому праву. Также было предложено ввести единообразную подписную плату в 4 руб.⁶⁵⁰.

Каким образом рефлексия чинов ОКЖ по животрепещущему вопросу взаимоотношений с обществом проецировалась на страницы единственного печатного органа, официально призванного формировать мировоззрение полиции? В первую очередь, обращает на себя внимание закономерное обилие трагических красок и обиженных излияний, выдержанных в популярном на тот момент мелодраматическом тоне. В первом же номере «Вестника» читаем: «Никто не выносит столько нападков несправедливых, часто клеветнических, как полиция. ... Тяжелую обязанность доблестно несут и чины Корпуса жандармов. Всем известна цена жизни в настоящее время этих тружеников, которые выходя из дому, не знают, вернутся ли домой, многие из них гибнут на своих постах..., но вместо их на постах появляются другие. ... При массе труда, при постоянной опасности и материальной необеспеченности, это уже служба не за страх, а за совесть; это не дело, а подвиг; тут не материальные выгоды, а идеалы общегосударственные, здесь не низшие служащие, а герои!»⁶⁵¹ В этом же номере была напечатана статья «Полиция и общество», не предлагавшая, впрочем, никаких новаторских подходов к проблеме и отличавшаяся благостным многословием и надеждами на реформу полиции⁶⁵². Вообще, надо сказать, судя по содержанию журнала первых лет его существования, авторы возлагали на реформу неоправданно высокие и оттого несколько наивные упования.

В дальнейшем, тема отношения общества к полиции, в целом, и к жандармам, в частности, как правило, не выходила за рамки традиционных жалоб и возмущения: «недоброжелательное и обидно-подозрительное в большинстве случаев, отношение нашего общества к полиции ...

---

⁶⁵⁰ Там же. Л. 48 об.

⁶⁵¹ Вестник полиции. 2 дек. 1907 г. №1 СПб. С. 4.

⁶⁵² Там же. С. 8-10.

принадлежит к области явлений тем более печальных и нежелательных, что нередко затрудняет полицейскую работу, имеющей конечной своей целью благо того же общества»⁶⁵³. Глубокого конструктивного обсуждения данной проблемы на страницах «Вестника» так и не состоялось.

Широкое общественное обсуждение в прессе не только производило впечатление, но также закрепляло определенную лексику и типологию высказываний о жандармах. Применительно к жандармской тематике приемы «желтой» журналистики в той или иной мере позволяли себе практически все неправительственные издания. Пресса чутко реагировала на все новости, связанные с полицией вообще, и ОКЖ, в особенности. Будь то обсуждение реформы полиции или громкие кадровые перестановки, однако оценка событий в прессе практически всегда оставалась тенденциозной и непрофессиональной. Ещё в 1880 г. М.Т. Лорис-Меликов сетовал на периодическую печать, которая «из желания угодить вкусам читающей публики, ... весьма сочувственно относящейся ко всякому проекту расширения круга деятельности общественных учреждений, много толковала о подчинении полиции земству»⁶⁵⁴. Причем дилетантской критикой полицейской системы доводилось заниматься не только оппозиционным изданиям, но и вполне консервативным. Так, по воспоминаниям А.Т. Васильева, граф В. П. Мещерский в своей газете «Гражданин» однажды опубликовал статью, призывающую к ликвидации всей системы вербовки секретных сотрудников, вместо которой предлагалось, чтобы полиция маскировала собственных сотрудников и посылала их на собрания революционеров⁶⁵⁵.

Количество публикаций, высказывающихся об ОКЖ критически, скептически или оскорбительно, чрезвычайно велико. Однако наибольший интерес вызывают те из материалов, каковые сами жандармы сочли для себя оскорбительными. О таких текстах принято было сообщать в Штаб корпуса.

⁶⁵³Вестник полиции. №7. С. 20. №22. С. 6.

⁶⁵⁴Политическая полиция Российской империи между реформами... С. 18-19.

⁶⁵⁵«Охранка»: Воспоминания руководителей политического сыска. Т.2. М., 2004. С. 363.

Так, например, в конце апреля 1907 г. начальник Самарского ГЖУ подполковник М.П. Бобров обратил внимание штаба на противоправительственное содержание газеты «Прибой», служившей легальным органом местной социал-демократической организации. Редактором газеты был некто Спиридонов. Бобров неоднократно докладывал самарскому и. д. губернатора о наиболее крамольных статьях данной газеты, вследствие чего некоторые номера газеты были конфискованы. Однако часть этих номеров редакция все же успевала рассылать своим подписчикам и распространять путем розничной торговли. Отчаявшись справиться с газетой при помощи местных властей, подполковник Бобров обратился за содействием к своему начальству в лице Штаба корпуса и ДП, приложив к донесению статью «Пора» о предполагаемом упразднении корпуса жандармов⁶⁵⁶.

Данная статья являет собой образчик социал-демократической риторики применительно к жандармскому ведомству. Информационным поводом к её проявлению послужило выступление товарища министра внутренних дел С.Е. Крыжановского на заседании бюджетной подкомиссии, который высказал идею пересмотра положения о Корпусе жандармов с целью возможного упразднения жандармерии и передачи ее функций общим полицейским учреждениям. Примечательно, что во имя идеи уничтожения корпуса жандармов левая газета оказалась готова уделить столько внимания изъяснениям человека, обладавшего в глазах социал-демократов очевидной репутацией реакционера. Итак, пользуясь поводом, автор статьи высказал свое отношение к жандармам в самых что ни есть риторически типичных формулировках, на какие только был способно перо левого публициста.

По мнению автора статьи, ОКЖ являлся институтом, с которым были «связаны самые мрачные страницы русской истории», «от которого десятки тысяч молодых жизней приняли мученический венец, десятки тысяч отцов и матерей доселе льют слезы, сходят с ума», и только его уничтожением могло

---

⁶⁵⁶ ГАРФ. Ф 110. Оп. 6. Д.1746. Л. 1-1об.

заставить русское общество вздохнуть облегченно. «В лице русской жандармерии воплощено всё то мрачное, человеконенавистническое, которое, как глубокая язва, подтачивает организм гражданского общества. Кажется, нет в России более ненавистной, более позорной клички, как слово жандарм...никто не наносил столько тяжелых ударов русскому обществу, как жандармерия. Она вырывала из этого общества лучших людей, цвет русского народа, его защитников, певцов его вековых страданий, она душила их в сырых казематах, слала на каторгу, тянула на виселицы. Слово жандарм стало равнозначным со словом палач. Институт жандармов - это институт бессудия, нравственного разврата, институт, где совершенствуются способности Иуды, где ежечасно "Христа своего распинают, Отчизну свою продают"⁶⁵⁷.

Обращает на себя внимание, что далее в своих обвинениях автор основывается на свидетельствах, представленных в таких источниках, как записка начальника Бакинского ГЖУ генерала Е.Н. Ширинкина, разоблачения бывшего директора ДП А.А. Лопухина и бывшего товарища министра внутренних дел в правительстве С.Ю. Витте князя С.Д. Урусова, запомнившегося фразой: «На судьбы страны оказывают влияние люди по воспитанию вахмистры и городовые, а по убеждению погромщики».

Драгоценные для левой публицистики свидетельства причастности полиции к организации погромов, исходящие не откуда-нибудь, а из недр самого МВД, позволяли делать громкие обобщения: «Насколько институт этот грязен, отвратителен - об этом свидетельствуют разоблачения самих же жандармов. ...Свежие факты, только что опубликованные на днях, факты не выдуманные революционерами, а подтвержденные на суде самими же жандармами, не оставляют сомнения в том, что жандармерия - это величайшая, позорнейшая язва на многострадальном теле русского народа»⁶⁵⁸.

---

⁶⁵⁷ Прибой. № 26 от 13 апреля 1907 г.

⁶⁵⁸ Там же.

Резюмируя вышесказанное, образ жандармов, рисуемый автором статьи, сложностью и многомерностью не отличался: для него они все «погромщики, подкупатели убийц», жаждущие чинов и орденов, «самый гнойный, смердящий нарыв русской жизни», с уничтожением которых «самая позорная страница из нашей истории будет вырвана. И пора... Жандармское дыхание душит русское общество». В финале статьи, автор, впрочем, делает важную оговорку. По его словам, нижние чины, «слепые слуги жадных любителей чинов, орденов», были неповинны⁶⁵⁹.

Было бы ошибкой полагать, что критике прессы подвергались только жандармы, причастные к скандальным историям и политическому сыску. Е.В. Корш, в молодости известный своими связями с народовольцами, был последовательным противником института жандармской полиции на железных дорогах. Проработав более двадцати лет в качестве юрисконсульта на разных магистралях, он опубликовал книгу «Двадцать лет на железных дорогах». В 1911 г. в приложении к «Известиям Собрания инженеров путей сообщения» Корш опубликовал статью, посвященную железнодорожной жандармерии. Находя этот институт не только лишним, но и вредным, он высказывался в пользу её упразднения. Данная статья спровоцировала появление ряда аналогичных по тону и содержанию публикаций.

Так, в статье, недвусмысленно озаглавленной «Поход против железнодорожных жандармов», журналист «Киевской почты» задается вопросом о необходимости выделять полосу железнодорожного отчуждения в отдельный полицейский район. Поскольку данная статья практически является перепечаткой статьи Корша, очевидно, ответ на данный вопрос он дает отрицательный. Аргументы критиков ЖПУЖД таковы: немногочисленное население, живущее вдоль полосы отчуждения, составляло почти исключительно персонал железной дороги, а весь основной персонал проживал или на станциях или вне полосы отчуждения, в городах и селениях. Сама же жандармская полиция, также сосредоточенная на

---

⁶⁵⁹ Там же.

станциях, «не видит и не знает, что делается на линии, пока не придет на станцию путевой сторож и не сообщит начальнику станции о каком-нибудь происшествии..., а начальник станции не позовет жандарма для составления протокола»⁶⁶⁰. По мнению автора статьи, жандарм не только был бессилён предупредить какое-либо преступление на линии, но и в пределах станционной территории пользы не приносил. Деятельность нижних жандармских чинов, заключающаяся во встрече пассажирских поездов, осмотре вагонов, охране порядка и составлении протоколов, как следует из статьи, не оправдывала расхода железных дорог на содержание жандармских управлений, их отделений и станционных жандармов. Рассматривая другие стороны деятельности ЖПУЖД, автор статьи столь же критичен. Разговор о немаловажной практике проверки политической благонадежности кандидатов на вакансии железнодорожных агентов и служащих в газете был заменен некими легендарными случаями, когда жандармская полиция отказывала в своем согласии на прием данных лиц в стрелочники или в сцепщики вагонов «единственно потому, что они обладали, по мнению начальника отделения, «разбойничьими мордами». Апеллируя к зарубежной практике, автор утверждает, что в Германии никакой особой железнодорожной полиции не существует, и «никто об этом не плачет».⁶⁶¹

Вместе с тем стоит заметить, что, к примеру, во Франции железнодорожная полиция была учреждена Луи-Филиппом ещё в 1846 г. Интересно, что под видом железнодорожной полиции правительство, опасаясь гнева общественности, пыталось замаскировать полицию политическую. Полицейские комиссары, чьей декларируемой целью было решение сугубо прикладных транспортных проблем, были, по сути, агентами политической полиции⁶⁶².

---

⁶⁶⁰ Киевская почта. № 570 .

⁶⁶¹ Там же.

⁶⁶² Кучма В.В. Полицейская организация Франции в последней трети XIX в. // Вестник Волгоградского государственного университета. № 10, 2008, С. 8.

Однако, по мнению Корша и вторящих ему журналистов, существование особой железнодорожной полиции «совершенно бесполезно, и дальнейшее сохранение этого дорогого института ничем не может быть оправдано».

Статья «Поход против железнодорожных жандармов» попала на глаза начальнику Киевского ЖПУЖД и он немедленно стал просить Штаб корпуса разрешить ему напечатать ответ «для рассеяния сомнений читающей публики», поскольку эта газета из-за своей дешевизны была очень распространена, а статья, кроме того, была перепечатана и некоторыми другими газетами⁶⁶³. Само предполагаемое опровержение довольно банально и предсказуемо: доводы Е.В. Корша «убоги, грешат против истины и грубо несхожи с действительностью», статья его не более, чем «жалкая инсинуация» с «жалкими потугами на остроумие», а сам Корш, должно быть, или имеет «зуб» против жандармской полиции или «берется не за свое дело, рассуждая о том, о чем, по-видимому, имеет весьма смутные понятия»⁶⁶⁴.

Но какими бы ни были доводы уязвленного самолюбия жандармских начальников, штаб корпуса практически никогда не санкционировал публикацию опровержений, считая участие жандармов в газетной полемике крайне нежелательным. Так и просьба начальника Киевского ЖПУЖД была отклонена⁶⁶⁵.

Обращают на себя внимание также тенденциозные искажения, допускаемые в прессе. Так, 24 апреля 1913 г. в газете «Русская молва» описан инцидент, произошедший днем раньше при отъезде членов Государственной Думы из Екатеринослава в Петербург, перепечатанный также газетой «День» и рядом газет левого направления. В вагоне отделение депутата А.М. Александрова занял начальник жандармского управления полковник А.Д. Фон-Гесберг и, якобы, не хотел уступать, но после того как М.В. Родзянко «заявил энергичный протест» и вызвал начальника станции, полковник будто

⁶⁶³ ГАРФ. Ф. 110. Оп. 4. Д. 2534. Л. 13.

⁶⁶⁴ Там же. Л. 14.

⁶⁶⁵ Там же. Л. 15.

бы был выселен⁶⁶⁶. В действительности, дело обстояло несколько иначе. В вагоне прямого сообщения имелось три отделения I-го класса, которые предназначались депутату Александрову, Родзянко и полковнику Фон-Гесбергу, соответственно. За несколько минут до отправления поезда Родзянко на перроне станции при всем стечении публики стал громко возмущаться тем, что Александрову не хватает места. А начальник управления, по его мнению, «мог бы ехать и во втором или третьем классе». Это заявление было принято публикой одобрительно. Полковник пошел в вагон к Родзянко, чтобы сообщить ему о своей готовности уступить свое отделение и перейти в другой вагон. Родзянко, с которым Фон-Гесберг был, кстати, знаком и доселе не раз встречался в частной жизни, с полковником не поздоровался и, сухо поблагодарив, отвернулся⁶⁶⁷. Однако позже, без публики, Родзянко подошел к полковнику со словами приветствия, сославшись на то, что сперва не узнал его. Узнав, что Фон-Гесберг направляется в отпуск, он сказал: «ну, тогда это меняет картину, Вы такой же пассажир, как и мы, Вас в Харькове устроим»⁶⁶⁸.

Извращением фактов грешила не только отечественная, но и зарубежная пресса. 14 июля 1909 г. в «Vossische Zeitung» вышла статья под названием «Бюрократическая двуличность», посвященная подробностям расследования полковником А.Г. Лубенцовым деятельности В.Г. Черткова, секретаря графа Л.Н. Толстого, в которой полковник предстал в весьма невыгодном свете. Лубенцов жаловался, что в статье ему были приписаны слова и суждения, которых он не высказывал и поступки, которых не совершал⁶⁶⁹.

Сугубо частные конфликты, при иных обстоятельствах никем не замеченные, с участием жандармских чинов неизменно приобретали политическую окраску и становились очередным новостным поводом.

⁶⁶⁶ Русская молва. 24 апреля 1913 г.

⁶⁶⁷ ГАРФ. Ф. 110. Оп. 4. Д. 3209. Л. 4.

⁶⁶⁸ Там же. Л. 4об.

⁶⁶⁹ ГАРФ. Ф.102. Оп. 290. Д. 15 т.1. Л. 9-12; Там же. Д. 15. Л. 11.

Такова, например, история убийства инженера путей сообщения Д.П. Хохулина, погибшего от руки своего приятеля, начальника Вологодского отделения Московско-Архангельского ЖПУ жд ротмистра М.Н. Кононова. Хохулин, злоупотребивший спиртным, весь вечер, несмотря на неоднократные замечания Кононова, докучал домогательствами любовнице ротмистра г-же М.С. Кремьянской и её подруге. Наконец, когда инженер устремился за Кремьянской в спальню, терпение ротмистра лопнуло и он, выстрелив в воздух, попытался выставить Хохулина вон, но тот бросился на Кононова с кулаками. Во время драки Кононов произвел второй выстрел и убил своего приятеля, о чем тут же заявил о случившемся. Очевидно, что никакого политического подтекста трагическая ссора подгулявших приятелей не имела, однако брат убитого решил иначе, и потому заказал надгробный памятник с надписью: «Здесь погребено тело инженера путей сообщения Дмитрия Павловича Хохулина, 29 лет от роду, убитого жандармским ротмистром Кононовым в лихолетье полицейской разнузданности 17 августа 1907 г. в г. Ярославле».⁶⁷⁰ Памятник с данной крамольной надписью был поначалу задержан железнодорожными жандармами, но вскоре выдан родственникам с условием, что при установке тенденциозная надпись будет уничтожена. Однако они проигнорировали данное распоряжение и установили его в неизменном виде. На кладбище был отправлен полицейский надзиратель в компании двух городских с тем, чтобы повалить памятник и вновь сделать родственникам распоряжение удалить надпись. Однако один из городских не удержал семипудовый памятник и выронил его, отчего часть чугунного креста отбилась⁶⁷¹. Данные манипуляции городских не остались незамеченными прессой, и вот страницы «Биржевых ведомостей» и «Речи» украсила история о жандарме-убийце и городских -кощунниках⁶⁷².

---

⁶⁷⁰ ГАРФ. Ф. 102. 3-е Делопроизводство, 1907 г. Оп. 105. Д. 697. Л. 3-10 об.

⁶⁷¹ Там же. Л. 22-23.

⁶⁷² Биржевые ведомости от 12 июля 1909 г. ; Речь от 9 июля 1909 г.

Преувеличенные и непроверенные данные не редкость и для депутатских запросов. Рассмотрим запрос, внесенный социал-демократической фракцией Государственной Думы, касающийся неправильных действий, допущенных чинами Московской полиции при подавлении беспорядков, происходивших в Москве в ноябре 1912 года в знак протеста против смертных приговоров, вынесенных в Севастополе матросам⁶⁷³.

Так, в запросе говорится, что при разгоне 8 ноября толпы рабочих, пытавшихся устроить демонстративное шествие от фабрики Александрова к фабрике Кацевича, были «пущены были в ход обнаженные шашки и нагайки, и под неистовыми ударами шашек плашмя, рабочие принуждены были разбежаться в разные стороны». Однако, как видно из материалов дела, против толпы действовали не конные городовые, а жандармы, у которых не имелось нагаек; кроме того из демонстрантов никто не был не только убит, но даже ранен.

В депутатском запросе встречаем также описание разгона митинга студентов Московского Коммерческого института 12 ноября 1912 г.: «многие из избиваемых падали под нагаечными ударами, обливаясь кровью, и их в полуобморочном состоянии товарищи вытаскивали из-под лошадиных копыт»⁶⁷⁴. Попутно указывается, что в помещение института полиция была введена без предупреждения учебного начальства. Однако расследованием, предпринятым властями, было установлено, что после рассеяния толпы за медицинской помощью никто, кроме одного студента, явившегося в аптеку Феррейна, не обращался. Более того, из сопоставления семи свидетельств студентов, приложенных к запросу, со свидетельствами конных городских и сторонних очевидцев вырисовывается картина происшествия: кучка студентов, окружив конного городского, попыталась стащить его с лошади, за что тот ударил одного студента по голове, причем сшиб с него фуражку, а

---

⁶⁷³ГАРФ. Ф. 102. 7-е Делопроизводство. 1913 г. Оп. 210. Д. 6.Л. 39-45.

⁶⁷⁴Там же.

подоспевшие на крик сослуживцы разогнали остальных студентов. Указание в запросе на то, что полиция была введена в Коммерческий институт без уведомления об этом учебного начальства, безусловно опровергается протоколом пристава 2 уч. Пятницкой части о том, что правитель дел Коммерческого института С. Н. Батаровский, по распоряжению директора института Н.И. Новгородцева сообщил по телефону в участок о неизбежности беспорядков в институте и необходимости ввести в здание института полицию.

Вместе с тем, правительственным расследованием депутатский запрос в отношении действий полковника В.Ф. Модля был признан обоснованным. Модль, помощник Московского градоначальника, пошел в спальни рабочих фабрики Гивартовского, куда собрались удаленные с улицы участники демонстрации. Там он приказывал рабочим встать на колени и просить у Государя императора прощения за их «мерзкую революционных выходку». Один из рабочих не подчинился его приказанию встать на колени, а продолжал, стоя, курить папироску. Видя напряженное ожидание толпы, чем кончится эта демонстративная выходка, полковник обратился к нему со словами: «Тебе, сукин сын, приказываю стать на колени и просить у Царя прощения!». В ответ на это рабочий пустил дым своей папиросы в лицо полковнику Модлю, а тот ударил его. Примечательно, что ДП, оправдавший действия конных жандармов и городских, в данном случае счел требования Модля незаконными, а поведение бестактным⁶⁷⁵.

Обсуждение проекта реформы полиции наглядно продемонстрировало, что публика и пресса настроены негативно по отношению к ОКЖ, как институту вообще, а вовсе не к отдельным аспектам его деятельности.

Один из первых проектов предполагал объединение различных категорий полицейских чинов на местах под властью губернатора и его помощника по полицейской части. Предполагалось, что этот помощник, жандармский штаб-офицер, будет осуществлять, с небольшими изъятиями,

---

⁶⁷⁵ГАРФ. Ф. 102. 7-е Делопроизводство. 1913 г. Оп. 210. Д. 6.Л. 42-43.

непосредственное руководство всеми полицейскими и жандармскими чинами в губернии⁶⁷⁶. Проблемы возникли, когда данный проект ещё проходил обсуждение на заседании Совета министров. Министр финансов В.Н. Коковцов ещё прежде, чем высказать свои весьма скептические соображения о чисто материальной стороне реформы, сразу же заявил решительный протест против усиления влияния высших чинов жандармского корпуса. По его мнению, привилегированное положение жандармских чинов автоматически наносило чрезвычайный ущерб значению общей полиции и вело к поглощению её корпусом жандармов⁶⁷⁷. Соображения Коковцова были вполне созвучны пожеланиям масс. Так что, когда в более поздних вариантах законопроекта разделение полицейских полномочий между губернатором и его помощником было отменено, пресса встретила эту новость с облегчением⁶⁷⁸. Газетчики ратовали зато, чтоб «был навеки предан уничтожению злокачественный пункт о допущении жандармского штаб-офицера на должность помощника губернатора, заведующего полицией», поскольку, в противном случае, по их мнению, это «растлит и отравит всю полицейскую реформу и всю полицию в губернии»⁶⁷⁹.

Каким образом отвечало на критику жандармское ведомство и каковы были его возможности противостоять идеологическому натиску в пространстве публичной дискуссии при условии, что жандармское ведомство было категорически против участия своих подчиненных в полемике на страницах прессы?

Меры, принимаемые ведомствами против недостоверной информации в прессе, из-за отсутствия каких-либо общих указаний долгое время носили случайный характер. Губернаторы порой брезговали принимать какие-либо меры и публиковать опровержения, что было поставлено им в вину Циркуляром № 64219 от 15 декабря 1911 г.

⁶⁷⁶ ГАРФ. Ф. 102. 2-е Делопроизводство. 1907 г. Д. 14. Ч. 4. Литера. «Г». Л. 75-77.

⁶⁷⁷ Там же. Л. 79 об – 80.

⁶⁷⁸ Столичное слово. 27 февраля 1912 г. ; Трудовая копейка. 27 февраля 1912 г.

⁶⁷⁹ Гражданин. 24 мая 1912 г.

Основной мерой борьбы с клеветническими материалами являлась борьба с их авторами. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. содержало особую главу VI «Об оскорблениях чести», каковая, в свою очередь, состояла из нескольких отделений, рассматривавших различные случаи клеветы и соответствующие им формы наказания. В соответствии с Уложением, по ст. 1040 виновный мог быть привлечен даже к уголовной ответственности за оскорбление, если «суд в форме преследуемого сочинения или в способе его распространения и других обстоятельствах усмотрит явный умысел нанести должностному лицу или установлению оскорбления» виновный в оскорблении должностного лица автор или редактор подвергался наказанию в виде денежного штрафа в сумме не более 300 рублей или аресту до 3-х месяцев, или тюремному заключению сроком не более 8-ми месяцев.⁶⁸⁰ Впоследствии штрафовать и приостанавливать периодические издания можно было также в порядке Положения о чрезвычайной охране.

В 1907 г. по инициативе Столыпина представителям местной административной власти были представлены указания, предписывающие реагировать на «вымышленные и тенденциозные» известия, помещаемым в периодической печати. Эти указания были изложены в циркулярах ДП № 210 от 18 января, № 2252 от 25 апреля и № 75998 29 ноября 1907 г. В конце 1912 г. Совет министров выработал общее руководство. Во-первых, ведомствам было указано поставить за правило в срочном порядке опровергать все ложные или клеветнические сообщения о деятельности властей. С другой стороны, тут же оговаривалось, что в незначительных случаях публикации опровержений, напротив, следует избегать, дабы не привлекать к данным эпизодам излишнее внимание общества. Во-вторых, был установлен порядок публикации опровержений и возражений, причем различие этих терминов было четко прописано. Так, если «опровержение» предполагало оспаривание

---

⁶⁸⁰Отечественное законодательство XI-XX вв. Пособие для семинаров. Ч. 1 (XI-XIX вв.)/ Под ред. Чистякова О. И.-М., Наука. 1986 - С. 292, 298.

непосредственных фактов, «возражение» должно было содержать ряд логических доводов, т.е. принадлежало к области полемики. В случае, если опровергаемое сообщение включало в себя указания на преступные деяния должностных лиц, предполагалось объявлять и о привлечении автора неосновательных обвинений к судебной ответственности по обвинению в клевете. «Возражения» и дополняющие их «разъяснения» предлагалось отправлять также в «Осведомительное Бюро» для помещения в его бюллетенях. Наконец, исправления того или иного неверного сообщения о деятельности правительства или отдельных его органов могли препровождаться в газету «Россия» на предмет помещения соответствующей разъяснительной статьи⁶⁸¹.

Несмотря на это в 1913 г. меры по реагированию на появление ложной информации в печати Департаментом полиции были признаны неудовлетворительными. 21 ноября 1913 г. С.П. Белецкий вновь потребовал от своих подчиненных строго придерживаться норм, изложенных в циркулярном предложении Председателя Совета министров № 6746 от 10 декабря 1912 г., а также предоставил единообразные формы писем по разным вопросам для сношений с Главным управлением по делам печати и издателями⁶⁸².

С ростом влияния прессы на общественное мнение в начале XXв., непосредственно жандармским начальникам всё чаще приходилось помещать официальное опровержение, при этом руководство не приветствовало сообщений, носящих полемический характер, предпочитая обходиться формальной констатацией фактов. Так, например, было опубликовано официальное опровержение заметки газеты «День» об убийстве жандармского офицера в г. Кинешме⁶⁸³. Болезненно отнесся Штаб корпуса и к публикации газеты «Новое время», намекающей на конфликт между жандармской администрацией и приамурским генерал-губернатором при

---

⁶⁸¹ ГАРФ. Ф. 102. 2-е Делопроизводство. 1913 г. Оп. 70. Д. 1 ч.1. Л. 383-385.

⁶⁸² Там же. Л. 379 - 381 об.

⁶⁸³ ГАРФ. Ф. 110. Оп. 4. Д. 3331. Л. 1-4.

постройке Амурской железной дороги, закончившийся для ряда офицеров серьезными взысканиями. По приказу Джунковского, в опровержении было заявлено, что предложение подать в отставку начальнику ЖПУ Амурской железной дороги полковнику Н.В. Данилову было сделано по некоей иной причине, каковая указана не была⁶⁸⁴. Между тем, отставному полковнику К.И. Макаренко было отказано в содействии и предложено поместить опровержение заметки газеты «Вече» самостоятельно или привлечь автора и редактора к ответственности за клевету в печати⁶⁸⁵.

Стоит отметить, что хотя по факту каждого публичного обвинения жандармским руководством и производились проверки, результаты таковых публике не предоставлялись. Оставаясь в неведении, общественность всё больше утверждалось в своей вере в неподсудности и вседозволенности чинов Корпуса жандармов.

Жандармские офицеры же, со своей стороны, считали ответные меры в виде опровержений недостаточными. Сухая констатация, по их мнению, была несимметрична клеветническим заявлениям прессы и публики. Исходя из этого, они время от времени пытались разделаться с клеветниками так, как подсказывали им традиции военной среды, а именно, посредством дуэли. Подобные поползновения руководство в большинстве случаев находило неуместными и драться запрещало. Так было в случае с ходатайством ротмистра А.А. Немыского о разрешении вызвать на дуэль члена Государственной Думы А.Ф. Бобянского. Дело в том, что поляк-кадет Бобянский в своей речи, произнесенной им 16 ноября 1909 г. и опубликованной в газетах, позволил себе ряд оскорбительных выражений, относящихся к жандармским офицерам, как то: «несчастные люди», «изгой», «люди, которых не принимают в обществе», и т.д. Не совсем понятно, как ротмистр собирался вызвать Бобянского, отставного генерал-лейтенанта, но резолюция жандармского начальства разом устранила все технические

---

⁶⁸⁴ Там же. Д. 3260. Л. 1-3.

⁶⁸⁵ ГАРФ. Ф. 110. Оп. 6. Д. 1778. Л. 1-2.

сложности организации подобного поединка. Ротмистру было предложено успокоиться и читать газеты ежедневно, тогда он узнал бы, что за честь жандармов вступился командующий корпусом.⁶⁸⁶

Сам А.И. Спиридович пытался добиться разрешения вызвать на дуэль А.И. Гучкова. Дело в том, что 16 ноября 1911 г. на вечернем заседании Думы Гучков, весьма нелестно охарактеризовал Спиридовича. Так, по его словам, «клевет Зубатова», Спиридович «был ненавидим полицией и всеми офицерами жандармского управления» и «исключен из офицерской среды». Примечателен тот факт, что автором клеветнических наветов являлся далеко не сам Гучков, а не кто иной как покойный генерал Новицкий, чьи записки, напечатанные ЦК партии эсеров, Гучков лишь процитировал⁶⁸⁷. Таким образом, Новицкий «наивно и искренно» считавший Зубатова революционером, снабдил козырями своих идеологических противников. Многие же из них, например, Бурцев, по словам Спиридовича, «вполне правильно» оценивали сведения, приводимые Новицким в его мемуарах.

Спиридович совершенно верно полагал, что Гучков из видов политиканства легко мог перенести сводимые с ним счета из области личной в область жандармско-корпоративную, и потому дуэль должна была быть санкционирована Шефом жандармов министром внутренних дел или Командиром корпуса жандармов. Разрешение на дуэль министром А.А. Макаровым, впрочем, дано не было на том основании, что поскольку под исключением из офицерской среды Гучков подразумевал отчужденность офицерского состава Киевского ГЖУ от Спиридовича, которое впрямь существовало, то и клеветы выступление лидера октябристов не содержало⁶⁸⁸.

Спустя больше года, в начале 1913 г. Спиридович возобновил попытки добиться разрешения послать Гучкову вызов, но тщетно⁶⁸⁹.

⁶⁸⁶ Там же. Д. 2189. Л. 1, 1об., 4; Новое время от 3 декабря 1909 г.

⁶⁸⁷ ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 723. Л. 1-2.

⁶⁸⁸ Там же. Л. 5-7.

⁶⁸⁹ Там же. Л. 14-15.

Что любопытно, в 1902 г. генерал-лейтенант В.В. фон Валь едва не дал разрешение начальнику Пензо-Рузаевского отделения Московского ЖПУЖд ротмистру В.С. Фролову принять вызов помещика В.В. Есаулова, который считал ротмистра виновником своего разрыва с женой. Учитывая тот факт, что сам Есаулов лично никаких материальных средств не имел и пользовался деньгами своей жены, уничтожение супругой доверенности на управление ее имением и возбужденное ею ходатайство о выдаче отдельного вида на жительство, должны были не на шутку взволновать помещика. Обстоятельства эти и вызвали со стороны Есаулова подозрение, что все это сделано его женою по наущению Фролова, который хорошо был принят в доме. При поддержке Пензенского вице-губернатора Г. Блохина, Есаулов послал оскорбительное для Фролова, отредактированное тем же Блохиным, письмо, а затем сделал ему вызов на дуэль, причем господин Блохин воздействовал на сына одного видного представителя Пензенского дворянства дать согласие быть секундантом у Есаулова. Учитывая всё вышеизложенное, первоначально жандармское начальство дуэли препятствовать не намеревалось, а скорее, наоборот, пока не всплыли новые невероятные подробности о вероятном противнике ротмистра Фролова. Оказалось, что в Пензе Есаулова считали за человека ненормального и боялись его, так как он был неспособен разумно владеть собой. И немудрено. Ведь в 1899 г. он покушался на самоубийство двумя выстрелами из револьвера вследствие страданий, происшедших от сифилиса, которым он заразился около 8-9 лет тому назад и потерял нос. Последствием этого покушения на самоубийство было лишение правого глаза, причем пуля осталась в голове неизвлеченной. Таким образом, неудавшегося дуэлянта признали неспособным, и ротмистру Фролову, за которым никаких неблагоприятных в отношении Есаулова поступков не обнаружилось, принять вызов на дуэль было запрещено⁶⁹⁰.

---

⁶⁹⁰ГАРФ. Ф. 110. Оп. 6. Д. 812. Л. 32-32 об.

Но, вероятно, наиболее громкой состоявшейся дуэлью подобного рода является знаменитый поединок С.Н. Мясоедова и лидера октябристов А.И. Гучкова. Дуэль эта стала одним из эпизодов грандиозного скандала своего времени, нанесшего едва ли не самый значительный ущерб репутации ОКЖ со времен разоблачения Азефа. Примечательно, что в эту трагедию оказался втянут действительный статский советник О.Г. Фрейнат, редактор «Вестника полиции» в 1911-1914 гг.

Именно благодаря крупным скандалам с участием чинов Отдельного корпуса жандармов коллективный образ жандармского ведомства запечатлевался в массовом сознании особенно чётко. История Мясоедова являет собой ярчайший пример того, как потеря обществом способности к критическому мышлению, открывает дорогу огульным обвинениям и политическим спекуляциям.

Сергей Николаевич Мясоедов занял должность начальника Вержболовского отделения ЖПУ Северо-Западных железных дорог в 1901 г. Этот амбициозный, светский человек, любитель прекрасного пола, неоднократно пользовавшийся своим служебным положением ради упрочения своих связей и капитала, снискал самую лестную характеристику у главы немецкой военной разведки Вальтера Николаи как «одного из самых успешных» оперативников в истории России⁶⁹¹. Имея репутацию удачливого охотника, он неоднократно приглашался в соседний Роминтен, где располагались охотничьи угодья кайзера Вильгельма II, и был лично ему представлен. Эти поездки несколько нервировали его жандармское начальство⁶⁹², однако именно знакомство с германским императором служило ему гарантией неприкосновенности в его разведывательной деятельности⁶⁹³. Мясоедов сформировал сеть из своих агентов, и даже собственного зятя отправил в Кенигсберг для наблюдения за военными приготовлениями.

---

⁶⁹¹Цит. по: Фуллер. У. Указ соч. С. 36.

⁶⁹²ГАРФ. Ф. 110. Оп.2. Д. 10755а.

⁶⁹³Фуллер У. Указ. Соч. С. 35-36.

К сожалению, в точности представить содержание предоставленной им информации до сих пор невозможно, поскольку документы, подтверждающие роль скандального жандармского полковника в русской разведке, и прямо доказывающие его невиновность, до сих пор не найдены. В сущности, несмотря на титанические усилия исследователей⁶⁹⁴ всё, чем мы располагаем – это косвенные доказательства, суммарного веса каких-то, впрочем, вполне достаточно, чтобы реабилитировать С.Н. Мясоедова⁶⁹⁵.

Известно, что в ноябре 1911 г., уже будучи на службе в Военном министерстве, Мясоедов был командирован в район Ковно (а также в Вильно и Минск в феврале 1912 г.) однако на тот момент официальной целью поездки являлся сбор сведений о политических волнениях в армии⁶⁹⁶. Кроме того, вряд ли можно назвать случайностью тот факт, что начальник Вержболовского отделения разъездной почты Роберт Фальк, арестованный 23 февраля 1912 г. в Эйдткунене прусскими властями по подозрению в шпионаже, был некогда партнёром С.Н. Мясоедова по «Северо-Западной русской пароходной компании»⁶⁹⁷. Таким образом, предположение о сотрудничестве Мясоедова и Фалька на почве шпионажа, высказанное У. Фуллером, находит свое подтверждение⁶⁹⁸.

Так что же послужило причиной столь громкой отставки Мясоедова с должности начальника Вержболовских жандармов? Формально дело обстояло довольно прозаично. Вследствие анонимного доноса, в котором жандармское руководство Вержболово обвинялось в содействии контрабандистам, на место был командирован корнет Л.Е. Пономарев. В документах ДП необходимость данной командировки дипломатично

⁶⁹⁴ Фуллер У. Указ. соч.; Шацилло К.Ф. «Дело» полковника Мясоедова// Вопросы истории . 1967. № 4. С. 103-116. .

⁶⁹⁵ ГАРФ. Ф. 102. ОО. Оп. 316. 1910 г. Д. 75, Д. 75 продолжение; Ф. 110. Оп. 2. Д. 10755 а, 12499, 16437; Оп. 6. Д. 2710 а, 3326.

⁶⁹⁶ Фуллер У. Указ. соч. С. 80.

⁶⁹⁷ Там же. С. 87.

⁶⁹⁸ Лаврёнова А.М. Жандармский надзор в Вержболово накануне Первой мировой войны.// Транспортные коммуникации Российской империи в годы Первой мировой войны: Материалы международного круглого стола, 28 января 2014 г. М.; СПб.: Нестор-История, 2014. С. 172-173.

объясняли крайней обремененностью вержболовских жандармов работой по производству дознаний и розыском по делам террористического характера, а также неспособностью таможенного и пограничного надзора пресечь контрабанду оружия⁶⁹⁹. В литературе бытует мнение, что объективный сбор сведений не интересовал, напротив, с самого начала его миссией было опорочить Мясоедова. Судя по документам, подобное предположение имеет под собой некоторые рациональные основания⁷⁰⁰.

Не сумев раздобыть улики против Мясоедова, Пономарев решил создать их собственноручно, попытавшись подбросить оружие Мясоедову в его автомобиль, однако и в этом не преуспел, и был разоблачен Мясоедовым в суде. Показания, данные Мясоедовым на военном суде и позволившие оправдать 11 человек, были признаны его жандармским начальством «бестактными». Данное выступление Мясоедова против своего «коллеги» вызвало столь болезненный для ведомства ажиотаж в прессе⁷⁰¹. Послышались обвинения в погоне за дешевой популярностью у левых партий. Основываясь на докладе Трусевича, Столыпин приказал перевести, а точнее, «сослать» Мясоедова «не ближе меридиана Самары», но тот предпочел такому переводу оставление службы. 22-летняя служба в офицерских чинах пропала, т.к. пенсии он не выслужил, а служебной репутации был нанесен непоправимый урон.

По версии самого Мясоедова, изложенной в рапорте на имя П.А. Столыпина от 1 сентября 1909 г., крушением своей карьеры он был обязан обиде М.И. Трусевича. Собственно, именно уход последнего с поста директора ДП и подтолкнул Мясоедова к попытке добиться восстановления на службе в корпусе. Мясоедов писал, что его неоднократно предупреждали, что Трусевич относился к нему враждебно и постоянно высказывал, что никогда не забудет, как с ним поступили в Вержболово в бытность его

---

⁶⁹⁹ГАРФ. Ф. 102. ОО. Оп. 316. 1906 г. Д. 1020. Л. 59.

⁷⁰⁰ГАРФ. Ф. 102. ОО. 1906 г. Д. 1020; Д. 635, 635. т. 2, 635. т. 3; 1
Делопроизводство. 1907 г. Оп. 27. Д. 240; Ф. 110. Оп. 6. Д. 1636 а.

⁷⁰¹ГАРФ. Ф. 102. Оп. 316. ОО. 1910 г. Д. 75. Л. 49.

товарищем прокурора Санкт-Петербургской судебной палаты. «За собой я никакой вины по отношению к Трусевичу не знал и не знаю» - утверждал Мясоедов. Вслед за этим в его разъяснениях всплывает имя полковника Шульца, одного из Вержболовских жандармов, впоследствии погибшего при взрыве на Аптекарском острове. По словам Мясоедова, В. Ф. Шульц, по школе правовед, в силу каких-то корпоративных счетов, обошелся с Трусевичем не совсем любезно. Кроме того, уже после отставки Мясоедова Трусевич, якобы, заявил ему, что усмотрел в действиях начальника Вержболовского отделения глумление, выразившееся в том, что Мясоедов как-то послал ему грязную рваную шубу, вещественное доказательство, без упаковки, и тем поставил его в крайне неловкое положение перед офицерами Санкт-Петербургского ГЖУ⁷⁰².

Почему же так важно обратить внимание именно на истоки трагедии Мясоедова, к которым общественность и пресса не имели, казалось бы, никакого касательства и играли роль зрителей? Это потом жандармский офицер сделается жертвой общественного скандала, а пока интригану Пономареву досталось от прессы куда больше, нежели Мясоедову. Тем не менее, важно отметить, что именно стараниями начальства и сослуживцев на репутации Мясоедова было поставлено клеймо, которому он впоследствии был обязан всеми своими несчастьями. Именно к этому, вержболовскому, эпизоду апеллировали потом все его обвинители. Самым «удачливым» из таких был лидер октябристов А.И. Гучков.

Отношения Гучкова с жандармами никогда нельзя было назвать безоблачными. Как известно, ещё осенью 1911 г. вскоре после убийства премьер-министра, Гучков приобрёл себе недоброжелателей в лице А.И. Спиридовича и Н.Н. Кулябко, публично обвинив их в попустительстве террористам. В апреле же 1912 г. эпическое противостояние Гучкова с военным министром В.А. Сухомлиновым, достигло своего апофеоза,

---

⁷⁰²ГАРФ. Ф. 102 ОО. 1910 г. Оп. 316. Д. 75. Л. 2 об. 82, 91. (Биржевые ведомости. 19 апреля 1912 г.)

каковым стала дуэль Гучкова с Мясоедовым, считавшегося протезе министра.. Именно тогда, как он впоследствии признался в эмиграции, Гучков решил, что если добиться критики военного министра ему не удастся, то «можно на скандале свернуть ему шею»⁷⁰³. К этому делу он приступил, инспирировав травлю Мясоедова. За развёрнутой «медийной» войной Гучкова Особый отдел ДП следил не менее пристально, чем за самим Мясоедовым⁷⁰⁴. Сначала Гучков продиктовал Б.А. Суворину, редактору «Вечернего времени», заметку, в которой имя Мясоедова хоть и не фигурировало, однако намёк на обвинение последнего в шпионаже в пользу Германии более, был чем прозрачен⁷⁰⁵. По крайней мере, сам Мясоедов себя опознал и, не получив от Суворина извинений, счёл возможным его ударить. Выпад уязвлённого самолюбия «Новое время» назвало «гнусным нападением»⁷⁰⁶. Естественно, таким образом, Мясоедов рассчитывал на дуэль. Однако Суворин передал решение вопроса о дуэли подполковнику К. В. Молоствову и отставному полковнику А.Е. Вандаму, которые, опираясь на Дуэльный кодекс В. Дурасова и суд чести, решили вызов Суворина не передавать⁷⁰⁷.

Далее Гучков дал интервью газете «Новое время»⁷⁰⁸, где прямо указал на Мясоедова. Естественно, лидер октябристов прекрасно представлял, что далее последует вызов на дуэль. Произошедшая дуэль достаточно подробно описана в литературе⁷⁰⁹. По кодексу Дурасова, данная дуэль относилась к четвертому виду, т.е. с приближением. Стреляли из нарезных пистолетов со снятыми мушками, но с сохраненными прицелами. Расстояние между барьерами было определено в 25 шагов. У каждого дуэлянта было право одного единственного выстрела, и оба они им воспользовались, однако кровь

⁷⁰³ Там же.

⁷⁰⁴ ГАРФ. Ф. 102. ОО. 1910 г. Оп. 316, Д. 75.

⁷⁰⁵ Там же. Л. 53.

⁷⁰⁶ Там же. Л. 56.

⁷⁰⁷ Там же. Л. 86.

⁷⁰⁸ Там же. Л. 58.

⁷⁰⁹ *Сенин А.С.* Александр Иванович Гучков.-М., 1996. С. 68-69; *Фуллер У.* Внутренний враг: Шпиономания и закат императорской России.- М., 2009, С. 110-112.

пролита не была. Единственное, что, можно подвергнуть сомнению, так это всеобщую убежденность в том, что Гучков стрелял в воздух. А.И. Звегинцев, его секундант, в интервью газете «Новое время» сказал, что у него «было ощущение», что А.И. Гучков стрелял в воздух»⁷¹⁰. Неотредактированное описание поединка, сохранившееся в бумагах Звегинцева, выглядит следующим образом: «В течение некоторого времени, показавшегося весьма продолжительным, противники смотрели друг на друга, затем у Мясоедова пистолет заколебался, быстро опустился, и он начал весьма продолжительно выцеливать, Гучков все это время стоял с поднятым пистолетом. Как только Мясоедов выстрелил, Гучков не сходя с места тотчас же опустил пистолет и выстрелил почти не целясь».⁷¹¹ Однако кадетская «Речь» уже сообщает, что Гучков «демонстративно выстрелил в воздух»⁷¹². Нуждался ли Гучков, известный бретёр, в продолжительном прицеливании при расстоянии в 25 шагов? Желал ли он промахнуться или просто выстрелил наудачу? Неизвестно. Но то, что он все же выстрелил в сторону противника, а не вверх, и не в сторону, бесспорно. Как и то, что пуля близорукого Мясоедова не причинила ему никакого вреда, а между тем, в следующий после поединка понедельник он явился в Думу с подвязанной рукой⁷¹³.

Заметим, впрочем, что сам Гучков высоко оценивал работу политической полиции. Так, к примеру, на допросе Чрезвычайной следственной комиссии, отвечая на вопрос об аресте рабочей группы Центрального военно-промышленного комитета, он признавался, что для него «было совершенно несомненно», что он и его коллеги были «под ближайшим надзором Департамента полиции». Гучков не допускал и тени сомнения, что агентам Департамента удалось завладеть нужной им информацией⁷¹⁴.

---

⁷¹⁰ ГАРФ. Ф. 102. ОО. 1910 г. Оп. 316, Д. 75, Л. 86.

⁷¹¹ ГАРФ. Ф. 932. Оп. 1. Д. 335. Л. 2-3 об.

⁷¹² ГАРФ. Ф. 102. ОО. 1910 г. Оп. 316, Д. 75. Л. 87

⁷¹³ Фуллер У. Указ соч. С. 113.

⁷¹⁴ ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 267. Л. 54.

Что же касается эпизода с Мясоедовым, да и темы шпиономании в целом, то в дальнейшем Гучков их практически нигде не затрагивает, обращаясь, по большей части, к критике В.А. Сухомлинова, его коллег и покровителей, поэтому не будет ошибкой утверждать, что травля Мясоедова была затеяна исключительно в утилитарных целях. Скандал получился грандиозный. В разгар гучковской кампании против Мясоедова прошение 1909 г. неизвестным образом утекло в прессу, и газета «Биржевые ведомости» упражнялась в красноречии: «Гоголевского героя сгубил гусак, Мясоедова- шуба!»⁷¹⁵.

Так выстрел Гучкова, не поразивший противника физически, попал в цель и в виде военного министра, и, вместе с тем, всего жандармского ведомства. Как видно из прессы, несмотря на обвинения в государственной измене и непристойном поведении, сущность вопроса заключалась не в личности Мясоедова. «Как бы ни был несимпатичен по своим внутренним качествам этот представитель охранного мира, - центр тяжести лежит в самом существовании охранного отделения при военном министре», - писала газета «Утро России»⁷¹⁶.

Наблюдение за политической благонадежностью русского офицерства, осуществляемое чинами «убедительно доказавшего свой вред» жандармского корпуса, в глазах либеральной аудитории газеты, было унижительно и нестерпимо. Контрразведкой должны были заниматься офицеры генерального штаба, политический же розыск среди офицерства признавался делом недопустимым и чуть ли не аморальным.

Именно намеки Гучкова, «патентованного клеветника»⁷¹⁷, и сопутствующая им шумиха в прессе впоследствии, в 1915 г., способствовали тому, что в умах публики, в сущности, довольно бледные и неубедительные подозрения Мясоедова в измене превратились в твердую уверенность. Вот

⁷¹⁵ГАРФ. Ф. 102 . ОО. 1910 г. Оп. 316. Д. 75. Л. 82, 91 ;Биржевые ведомости 19 апреля 1912 г.

⁷¹⁶ Утро России. 20 апреля 1912 г.

⁷¹⁷Спиридович А.И. Великая война и Февральская революция. Нью-Йорк ,1960. Т.1. С.

почему, когда после поражений в Мазурских боях военному руководству потребовался «козел отпущения», более чем сомнительные показания подпоручика Я. П. Колаковского, утверждавшего, будто завербовавшие его немцы порекомендовали ему связаться в Петрограде с Мясоедовым, поискав его по местным ресторанам, послужили основанием для страшного обвинения.

Многие из высокопоставленных жандармских коллег Мясоедова не поверили в достоверность версии о предательстве. Начальник Петроградского охранного отделения К.И. Глобачев констатировал, что материала, уличающего Мясоедова в военном шпионаже, следствие не представило, а суд состоялся исключительно под давлением возбужденного общественного мнения, и потому верховному главнокомандующему пришлось пойти на поводу у публики и «пожертвовать» Мясоедовым⁷¹⁸. А.И. Спиридович также не верил в предательство Мясоедова. Он полагал, что тот был казнен «в угоду общественному мнению» и «явился искупительной жертвой за военные неудачи Ставки в Восточной Пруссии»⁷¹⁹. Военные же с легкостью уверовали в предательство жандармского офицера. Так, например, Деникин в своих воспоминаниях настаивает на том, что Мясоедов являлся не только германским, но также и японским шпионом⁷²⁰.

Вслед за делом Мясоедова последовали процессы над теми, кто считался его агентами. Всех, хоть как-то связанных с Мясоедовым хватили «с поразительной, тупоумной дотошностью», доказательства были «до смешного неосновательными»⁷²¹. Так к суду привлечен бывший редактор журнала «Вестник полиции», О. Г. Фрейнат⁷²². Его «вина» заключалась в

⁷¹⁸Глобачев К.И. Указ. соч. С. 76-79.

⁷¹⁹Спиридович А.И. Великая война и Февральская революция. Нью-Йорк, 1960. Т.1. С. 110.

⁷²⁰Деникин А.И. Путь русского офицера. М., 2002. С. 281.

⁷²¹Фуллер У., Указ. соч. С. 172.

⁷²²Фрейнат Оттон-Юлий Генрихович (1869–1924), закончил Московский университет, с 1907 г. по 1914 г. служил в Министерстве внутренних дел чиновником особых поручений.

личном знакомстве с Мясоедовым и в том, что ему в 1908 г. довелось дать благоприятный отчет о деятельности финансовых партнеров Мясоедова.

Фрейнат являлся членом правления германской акционерного общества “Вальдгоф”, а также русского отделения химического концерна «Шеринг». Обвинители сочли подозрительным тот факт, что вместе с Фрейнатом, остзейским немцем, в число акционеров данных компаний входило некоторое количество германских подданных. Фрейнату приписали попытку склонить рабочих «Вальдгофа» к саботажу, а также припомнили знакомство с германским офицером разведки Рихардом Скопником, каковое состоялось на почве обоюдной любви к служебным собакам.

Первому суду, состоявшемуся в Варшаве в июне 1915 г., понадобилось всего два дня, чтобы вынести приговор: трое из подсудимых были приговорены к повешению, но Фрейната эта чаша на сей раз миновала, и он, в числе ещё 7, был объявлен невиновным. Но у Ставки было иное мнение на этот счет. В.к. Николай Николаевич был разочарован излишней «мягкостью» приговоров и потому был выпущен приказ, запрещающий оправдание кого бы то ни было из задержанных. Всех, кто остался в живых после первого суда, предписывалось перевезти в Вильну и судить Двинским военно-окружным судом. Фрейнат был приговорен к 8 годам каторги и был отправлен в Орел в ножных кандалах⁷²³. После падения режима, Фрейнат оказался в эмиграции, где опубликовал брошюру в защиту Мясоедова⁷²⁴.

Еще одним антигероем газетной хроники был участник Ленской трагедии ротмистр Н.В. Трещенков. Спустя год после печально известных событий, когда ротмистр ещё находился под следствием и проживал в Петербурге под именем Кашина, начала газета «Копейка», а затем и «День», «Луч» и «Правда» опубликовали идентичные сообщения о драке в

---

⁷²³ Фуллер У. Указ. соч. С. 175-177.

⁷²⁴ Фрейнат О.Г. Правда о деле Мясоедова и др.: По официальным документам и личным воспоминаниям. Вильна, 1918.

кафешантана «Эльдорадо»⁷²⁵. Обращает на себя внимание довольно нелепое, но симптоматичное утверждение газет о том, что ротмистр, якобы, в ближайшее время ожидает нового назначения на некий ответственный пост. Известно, что по итогам следствия, завершившегося годом позже, в 1914 г. Трещенков был разжалован в рядовые, но и в 1913 г. уже можно было предполагать, что никаких ответственных постов ротмистру ждать не придется. Тем не менее, растравить возмущение публики было необходимо, и потому в одной из следующих публикаций «Копейка» сообщила о предполагаемом назначении Трещенкова чиновником особых поручений при самом товарище министра внутренних дел Джунковском⁷²⁶. Довольно курьезное замечание, ведь тремя днями позже Трещенков приказом по Корпусу был отправлен на гауптвахту на 30 суток за поступок, несовместимый со званием офицера⁷²⁷. Так что же именно произошло? По версии газетчиков, между Трещенковым и князем Нижерадзе возникла ссора на почве беседы о недавних ленских событиях, о которых ротмистр Трещенков, якобы, рассказывал «с такой циничной откровенностью», что князь, не дослушав его, сорвался с места и, бросив по адресу ротмистра несколько нелестных эпитетов, выхватил саблю и ранил Трещенкова в руку. Естественно, жандармское начальство потребовало объяснений, однако Трещенков утверждал, что вся история – сплошь вымысел газетчиков. И действительно, внезапно обнаружить в лице своего собутыльника Нижерадзе поборника высоких нравственных принципов, да ещё в таком месте, как бордель, Трещенкову вряд ли довелось. Тем не менее, свидетели утверждали, что конфликт все же имел место. Произведенным расследованием было установлено, что Трещенков со своим приятелем-повесой корнетом запаса кавалерии князем Н.К. Нижерадзе, в компании студента Петербургского университета Ф.М. Гренстранда и дворянина В.И.

⁷²⁵ ГАРФ. Ф. 110. Оп. 6. Д. 2887. Л. 4 (Газета-копейка, 1913, № 1665, 6 марта), 8-18 (День, 6 марта, № 62), 14 (Луч, 1913 № 55,(141), 7 марта), 19 (Правда, 1913 № 56 (260), 8 марта.)

⁷²⁶ Там же. Л. 27.

⁷²⁷ Там же. Л. 24.

Гофмейстера, известного шулера, 21 января 1913 г. отправилась на автомобиле в кафе-концерт «Эльдорадо» (Лиговка, д. 42), где заняли сперва директорскую ложу, а затем переместились в отдельный кабинет. Там-то они и начали кутеж по всем законам жанра: были вызваны певицы, заказано 4 бутылки водки, 2 бутылки пива и 8 бутылок шампанского. В конце вечера, Трещенков оплатил счет на 125 руб. 75 коп., дав официанту 10 рублей на чай. Однако подгулявший Нижерадзе, решив покрасоваться перед дамами, заказал сверх того ещё 2 бутылки шампанского. Трещенков однако, за это шампанское платить не пожелал и заявил об этом Нижерадзе. Разгорелась перепалка, в пылу которой Нижерадзе выкрикнул «Я был и буду господином, а ты был хам и будешь хам!», после чего выхватил из ножен шашку и ударил ротмистра плашмя по левой руке. В ответ на это и ротмистр попытался обнажить свою саблю, но присутствующие бросились его удерживать, а тем временем Нижерадзе спешно покинул заведение⁷²⁸.

Очевидно, что состав компании, кутившей с Трещенковым, и её состояние на момент ссоры практически исключает возможность предположения, чтобы собеседники его интересовались произошедшими на Ленских рудниках событиями. Не соответствовало действительности и то, что Трещенкову понадобилась медицинская помощь.

Впрочем, наказания Трещенков заслуживал и помимо истории с Ленскими расстрелами: он был должен едва ли не всем своим знакомым и сослуживцам, в том числе и бывшему своему подчиненному, вахмистру Поважнюку. Между тем, жена ротмистра жила в Кременчуге с тремя малолетними детьми и явно нуждалась в деньгах.

Когда докладная записка о приключениях Трещенкова легла на стол В.Ф. Джунковскому, судьба его была решена. «Оставить на службе ротмистра Трещенкова не нахожу возможным, - говорится в резолюции, - иметь такого офицера – позор для Корпуса жандармов». Тут же Джунковский

---

⁷²⁸ ГАРФ. Ф. 110. Оп. 6 Д. 2887 Л. 35-38 об.

приказал выписать из секретных сумм вахмистру Поважнюку остаток долга Трещенкова (386 руб.), жене же выдать пособие 300 руб.⁷²⁹.

Но избавиться от Трещенкова было также затруднительно: отобрать у него документы на имя ротмистра Кашина означало бы дать повод новым выступлениям «левой прессы». Поэтому, во избежание нежелательных разоблачений, начальству пришлось измышлять хитроумные комбинации с адресными листками⁷³⁰. Скандальные причины увольнения Трещенкова не были озвучены, и он был уволен «по домашним обстоятельствам»⁷³¹.

***

Одним из самых громких «неполитических» скандалов с участием жандарма разразился в 1895 г. и получил сенсационный резонанс: дело не только дошло до суда, но описание его было выпущено отдельной брошюрой под названием «Особняк на Васильевском острове»⁷³². Фигурантами дела стали адвокат, коллежский асессор Николай Михайлович Зеленко и полковник Корпуса жандармов Константин Николаевич Меранвиль-де-Сент-Клер,⁷³³ один из трех братьев Меранвиль де-Сент-Клер, служивших в корпусе жандармов.

Упомянутая брошюра, исполненная в соответствии с канонами желтой прессы, рассчитанная на широкий круг жаждущей сенсаций публики, даже приписывала этим двоим излишне близкую дружбу и даже сожительство⁷³⁴. Все началось с того, что к Меранвилю обратился за помощью его друг, Павел Попов. У юноши возникли проблемы: отец лишил

⁷²⁹ Там же.

⁷³⁰ Там же. Л. 121-122.

⁷³¹ Там же. Л. 134.

⁷³² «Особняк на Васильевском острове»: Процесс известного петербургского. дельца П.М. Зеленко и б. жандармского полковника Меранвиль-де-Сенклер: Изложение дела и его общественно-исторического значения; характеристики речей Ф.Н. Плевако, С.А. Андреевского, В.Н. Герарда и П.М. Миронова Особняк на Васильевском острове. Киев: М.В., 1908.

⁷³³ Дело по обвинению отставного полковника корпуса жандармов К. Н. Меранвиль-де-Сент-Клера и коллежского секретаря Н. М. Зеленко по 3 части 1688 статьи Уложения о наказаниях. //Журнал Министерства юстиции. [№ 9. Ноябрь -№ 10. Декабрь]. -С.-Петербург: Типография Правительствующего Сената, 1897. -№ 9. - С. 247– 295.

⁷³⁴ Особняк.., С. 6.

сына наследства из-за того, тот женился без родительского благословения. Вмешательство Иоанна Кронштадского, привлеченного для семейного примирения, возымело действие, и на смертном одре отец простил сына, но выраженная им воля так и не получила документального закрепления. И когда отец умер, Павел оказался по-прежнему юридически совершенно бесправным.

На предложение брата Юрия назвать сумму, которую Павел пожелал бы получить, тот, не зная о подлинных размерах состояния отца, заявил претензии всего на миллион из всего более чем шестимиллионного наследства. «Наивность» Павла вскоре стала ему очевидна, и он пожаловался своему знакомому, Меранвилю, который и свел Попова с Зеленко⁷³⁵. Когда стала очевидна полная юридическая безнадежность дела, Зеленко решил действовать через комиссию по подаче прошений. Одновременно Меранвиль был послан в Париж, где Юрий Попов находился на лечении, «поговорить по душам».

Содержание этих разговоров выясняется уже в дальнейшем – обвинительным актом и судебным следствием. По словам самого Меранвиля, он взывал к братским чувствам. Юрий Попов утверждал, что Меранвиль явился к нему как представитель «ведомства, которое шутить не любит и умеет творить свой суд быстро и бесповоротно». Меранвиль, по словам Юрия, заявил, что он специально командирован с тем, чтобы убедить Юрия Попова полюбовно и дружески удовлетворить справедливые притязания брата Павла, а также, якобы, сообщил, что «в сферах» страшно недовольны тем, что брат так обидел брата.

Нервный юноша, по-видимому, был впечатлен, и вскоре Меранвиль телеграфировал в Петербург: «Дело кончилось очень хорошо». Юрий обязывался выделить брату 1 миллион 336 тысяч. При этом Меранвилю причиталось получить от Павла Попова 10 тысяч расходных и 50 тысяч непосредственно «за труды». Зеленко полагалось 200 тыс., однако все 260

---

⁷³⁵Там же. С. 10-12.

тыс. были положены в банк на имя Меранвиля, и каковы в действительности были денежные взаимоотношения между товарищами, установлено не было⁷³⁶.

Однако деловых партнеров ожидала неприятная неожиданность. Дело в том, что тесть Юрия Попова генерал Е.Н. Скалон он сумел убедить общество в том, что Юрий был запуган. Ситуация приняла вид межведомственной конфронтации. И хотя строго юридически не было ни фактических улик, ни уголовных противопозказаний, Зеленко и Меранвиль были преданы суду за вовлечение лица в заведомо невыгодную сделку под психологическим давлением (по 1638 ст. уложения). Как писали тогда, этот процесс «сделался любимейшей темой беззаботно-веселого и шумного Петербурга».⁷³⁷

Представителем истца, Юрия Попова, на процессе выступил Ф.Н. Плевако. В итоге, Зеленко был оправдан; а жандармский полковник из рода французских маркизов, Меранвиль – обвинен⁷³⁸. Меранвиль получил ссылку в Западную Сибирь, откуда вскоре бежал за границу⁷³⁹.

***

Следует отметить, что высшее полицейское начальство не испытывало иллюзий относительно популярности своего ведомства. С.Н. Жаровым в фондах ГАРФ был обнаружен «Наказ по ведению политического розыска» авторства генерал-майора П.К. Попова, генерала для поручений при министре внутренних дел, датированный 1916 г.. По словам Жарова, в своем труде «Жандармский генерал, сам того не желая, не только констатировал полное отсутствие социальной опоры царизма, но и продемонстрировал невозможность удержания власти силовыми, репрессивными методами»⁷⁴⁰.

---

⁷³⁶ Там же. С. 14-15.

⁷³⁷ Там же. С. 16.

⁷³⁸ Там же. С. 22-23.

⁷³⁹ ГАРФ. Ф. 110. Оп. 4. Д. 1152; Оп. 2. Д. 8699.

⁷⁴⁰ Жаров С.Н. Социальная опора правительства России перед Февральской революцией глазами жандармов// Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. № 13 (68). 2006. С. 74-76.

Прекрасный в своей точной образности литературно-исторический анекдот привел в своем очерке В.В. Розанов. Описывая впечатления, с которыми М.Е. Салтыков-Щедрин возвращался по железной дороге из Европы в Россию, он передает историю его встречи с жандармским офицером на ст. Вержболово: «...выйдя на ... нашу первую русскую станцию, минутах в двух от ихнего поганого Эйдкунена, он вдруг очутился перед громадным жандармом. Рост его, красивый и видный, до того поразил сатирика, что он вынул и подарил ему три рубля. Так как жандарм есть сокрыто мужичок, - то он не церемонился положить трехрублевку в карман. Приехав в Петербург, Салтыков гневно говорил знакомым и друзьям:

- Народу нет там (за границей). Дрянь какая-то! Мелюзга. Первый настоящий человек, что я увидел за (столько-то) времени путешествия, был русский жандарм на границе. И я дал ему три рубля. Просто от удовольствия видеть человека. Рост, плечи – красота!» И мало дал – заключает Розанов, ведь «жандарму он обязан всею своею литературною славою, всем, что этак и так получил от печатания. Жандарм-то, под разными соусами, и был его всегдашним кушаньем»⁷⁴¹.

Таким образом, с одной стороны, политической полиции приписывалось коварство и злонамеренная изощренность во всем, что касалось стеснения свобод и произвола над личностью. С другой же стороны, подчеркивался непрофессионализм, вплоть до доказательства полной бессмысленности самого существования подобной структуры. Обе эти, в некотором роде, взаимоисключающие установки, вполне удачно уживающиеся в головах представителей оппозиционной общественности, эмоционально окрашенные в самые безрадостные тона, подготовили почву для принятия новой веры - веры в предательство.

Питаясь источниками, во многих случаях, берущими свое начало из конфликтов внутри жандармской корпорации, река народного возмущения была многократно увеличена стараниями прессы. Выплеснувшись на

---

⁷⁴¹Розанов В.В. Домик Лермонтова в Пятигорске.

широкие социальные просторы, её бурное течение препятствовало всяким попыткам трезвого анализа ситуации и отметало саму возможность какой-либо публичной дискуссии о подлинном смысле и назначении политической полиции.

Политическую полицию и ее чинов судили не по делам, и потому результат такого суда был predetermined. Жандармы представляли собой сравнительно узкую на фоне армии и регулярной полиции корпоративную прослойку, но именно они, по словам А.Ф. Керенского, олицетворяли собой государство⁷⁴². Для одних они были зловещим символом царского произвола, для других – воплощением привычного порядка. Так, спутники М.Ф. Кшесинской, уже в октябре 1918 г., увидев на вокзале в Туапсе жандарма в старой форме, бросились его целовать⁷⁴³. Объективное восприятие жандармской службы российским обществом оказалось попросту невозможно.

---

⁷⁴²«Привыкнув долгие десятилетия видеть государство олицетворенным в царском жандарме, стыдились, под напором анархической демагогии, своей революционной государственности, стыдились поддерживать авторитет своей Власти, пока не оказались в государственных тюрьмах под высокой рукой воскресших жандармов - чрезвычайщиков!»
// А.Ф. Керенский. Потерянная Россия. М.: Вагриус, 2007. Февраль и Октябрь.

⁷⁴³Кшесинская М. Воспоминания. М.: Центрполиграф, 2010. Глава 38.

Заключение.

Отдельный корпус жандармов изначально создавался в расчете на общественную симпатию, с одной стороны, и абсолютную лояльность режиму, дисциплину и управляемость, с другой. Полиция «благородного сословия», получившая военную организацию, контролируемая личной канцелярией императора, по мнению властей, должна была целиком удовлетворять этим двум принципам. Однако политическая радикализация российского общества на фоне бурного социально-экономического роста опровергла чаяния власти и вынудила полицейскую систему империи к ряду трансформаций.

Ввиду того, что инакомыслие узкого круга лиц сменилось массовым террором народовольцев, на первый план со всей очевидностью выступил критерий эффективности. Это вступало в явное противоречие с порядками, предписанными пережитками сословного общества, Табелью о рангах, дворянской моралью и обычаями воинской корпорации. На почве данных противоречий между Департаментом полиции, заведовавшим политическим розыском, и штабом Отдельного корпуса жандармов, осуществлявшим непосредственно чиновничество и ведавшим хозяйственной и инспекторской частью, перманентно разгорались конфликты. Одним из принципиальных противоречий стал вопрос о допустимости использования услуг платной агентуры, этой «альфа и омега» политической полиции. Практика показала, что многие офицеры ГЖУ не испытывали большого энтузиазма в отношении этого источника информации, а чины железнодорожной жандармской полиции находили возможным игнорировать служебные практики, связанные с политическим сыском, даже когда таковые вменялись им в обязанность. Данное обстоятельство, ввиду численного преобладания чинов ЖПУЖД, таким образом, вынуждает к пересмотру роли жандармского ведомства в политическом сыске вообще. Кроме того, широкий спектр функций различных жандармских учреждений и разнообразие их организации predeterminedелили размывание жандармской

идентичности. Этот раскол в жандармской среде во многом повторял раскол, наметившийся в дестабилизированном сословном обществе империи.

Проблема отсутствия единства полиции дает себя знать, какой бы эпизод внутриведомственного взаимодействия мы ни приняли к рассмотрению. Недостатки в организации жандармского ведомства, в отборе и подготовке кадров находили свое выражение в служебных отношениях жандармских офицеров с ближайшими коллегами – чиновниками Министерства внутренних дел и Министерства юстиции.

Так, жандармские офицеры в большинстве случаев проигрывали чинам прокурорского надзора в плане профессионализма и расторопности. Это было вызвано рядом объективных причин, основными из которых являлись: нехватка канцелярских служащих и отсутствие необходимого опыта. Недостаток специального юридического образования у жандармских чинов являлся одной из причин пренебрежения необходимыми правилами и процедурами при проведении дознаний. Способность жандармского офицера к качественному исполнению следственных действий и формальному соблюдению законных процедур являлась гарантией нормальных взаимоотношений с прокурорским надзором.

В вопросе служебных отношений жандармских офицеров с губернаторами основными критериями выступали способность офицера обеспечить личную безопасность губернатора, осведомленность о развитии революционного движения в губернии и такт. Одним из наиболее частых поводов к жандармским жалобам в адрес губернатора являлись действия подчиненной ему регулярной полиции.

Отношения жандармов и чинов полиции нередко носили конкурентный характер. Малочисленный Корпус жандармов не мог удовлетворить потребность в политическом надзоре в губернии, и потому полицейским чинам приходилось брать на себя часть надзорных функций. Подобное дублирование функций вызывало излишнюю конспиративность, взаимное недоверие и соперничество, а также несогласованность в работе центра и

периферии. Всё это крайне негативно отражалось на деле и, несомненно, играло на руку противоправительственным силам.

Что касается реальной практики взаимодействия жандармов с их непосредственными «подопечными», революционерами, то, исходя из признаний последних, их первоначальные ожидания, как правило, оказывались куда мрачнее, чем последующий опыт общения с «синими мундирами». Жандармские офицеры вели себя, в основном, корректно и не испытывали враждебности к арестованным революционерам. Жандармские нижние чины и в арестованных интеллигентах продолжали видеть сословное и интеллектуальное превосходство. Это делало служебное положение жандармских унтер-офицеров уязвимым к жалобам как заключенных, так и обывателей.

Несмотря на значительное разнообразие жандармских органов, в обществе сформировалось практически единое, с небольшими оговорками, иррациональное негативное представление о чинах жандармского корпуса. Публика, далекая от представлений о реальной службе большинства жандармских офицеров, воспринимала их как исполнителей сугубо карательной функции самодержавия, предполагавшей притеснение свобод и произвол над личностью.

Одним из важнейших элементов формирования негативного образа жандармского ведомства была пресса. Естественно, что в фокусе внимания прессы оказывались почти исключительно политические скандалы с участием полиции, случаи превышения полномочий, провокации и т.д. Стоит отметить, что практически все более-менее крупные конфликты в самом жандармском ведомстве выливались на страницы прессы, повышая градус антипатии к «синим мундирам» и как бы доказывая справедливость общественных претензий. Так, с одной стороны, жандармам приписывалось коварство, основанное на беспринципном корыстолюбии и карьеризме. С другой стороны, подчеркивался их непрофессионализм, вплоть до доказательства полной бессмысленности самого существования как органов

непосредственно политической полиции, так и железнодорожной жандармской полиции. Авторы большинства критических публикаций не брезговали тенденциозными искажениями информации.

Важно отметить, что львиная доля общественного внимания была прикована к обсуждению отдельных сторон деятельности немногочисленных офицеров охранных отделений. Регулярная практика большинства жандармских чинов практически полностью выпадала из поля зрения общества, хотя преимущество в валовом количестве непосредственных контактов приходится именно на «безобидных» жандармов – чинов ЖПУ жд.

Министерство внутренних дел так и не смогло выработать эффективной модели взаимоотношений с прессой и неудобные темы, как правило, предпочитало замалчивать, опасаясь эскалации их общественного резонанса. Единственным печатным органом отчасти представляющим жандармское ведомство, являлся журнал «Вестник полиции», однако он имел скорее прикладное, служебное значение и не стал полноценной площадкой даже для обсуждения проектировавшейся реформы полиции, не говоря уже об установлении диалога с обществом. Последний, впрочем, вряд ли был возможен ввиду того единодушного критического к жандармам отношения, которым было пронизано все общество, включая даже царских министров и глав департаментов.

Подобное отношение способствовало изоляции жандармских чинов и замыканию их внутри собственной корпорации. Большинство их неслужебных контактов также приходилось на общение с сослуживцами и коллегами по государственной службе из смежных ведомств.

Вместе с тем, декларируемая руководством необходимость соответствия высоким нравственным стандартам, с одной стороны, и неудовлетворительное финансовое положение большинства жандармских чинов, во многом, ставили их карьеру в зависимость от выбора спутницы жизни. Неудачное супружество или вышедшая из-под контроля связь могли завершиться крахом карьеры, и в этом отношении жандармские офицеры

находились в худшем отношении, нежели иные их современники. Не было бы ошибкой сказать, что жандармы сами едва ли вписывались в социальный уклад строя, который были призваны защищать.

Тем не менее, несмотря на малочисленность и указанные недостатки организации Отдельного корпуса жандармов, работа учреждений политического розыска и их чинов, была, в целом, успешна. Революционное движение, как деятельность нелегальных противоправительственных групп, в предвоенный период было разделено и подавлено. Однако противодействие общественному движению и Февральской революции, совершившейся, во многом, благодаря законно избранным или назначенным на свои посты деятелям, сумевшим оседлать волну широкого народного недовольства, требовало совершенно иных средств, нежели те, что имелись в арсенале жандармских офицеров. Многие полицейские чиновники, от высших руководителей политической полиции до железнодорожных жандармов, понимали свою службу как исполнение неизменных функций государственного аппарата. Однако если противоправительственное движение нашло иную форму организации, то работа по реформированию аппарата жандармских учреждений сначала была лишена стимулирующего фактора в лице угрозы революционного террора, а затем и вовсе свернута из-за начавшейся войны. Таким образом, в этой гонке, длившейся девяносто лет, революционное движение одержало победу, сначала моральную, перетянув на свою сторону общественные симпатии, и лишь затем фактическую.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ
ОПУБЛИКОВАННЫЕ

Законодательные источники

- 1) Законы о полиции. Законы административные, положения о судебно-следственных и исполнительных действиях чинов полиции. Сост. Н. Волков. - М, 1910.
- 2) ПСЗ. II Собр., т. I., № 449; т. II., № 1062; т. III. № 1979.
- 3) Свод военных постановлений. Кн. V. 1869 г. изд. 1907 г. С. 777—811.
- 4) Свод законов об обязанностях полиции.- СПб.: Изд. Вестник полиции, 1909. – 312 с.

Ведомственные нормативные акты

- 5) Дело по обвинению отставного полковника корпуса жандармов К. Н. Меранвиль-де-Сент-Клера и коллежского секретаря Н. М. Зеленко по 3 части 1688 статьи Уложения о наказаниях. //Журнал Министерства юстиции. [№9. Ноябрь - № 10. Декабрь].– СПб: Типография Правительствующего Сената, 1897. -№ 9. - С. 247- 295.
- 6) Инструкция начальнику железнодорожного летучего отряда.-СПб.: Тип. Штаба Отд. корп. жанд., 1914. – 16 с.
- 7) Инструкция по охране императорских железнодорожных поездов при высочайших путешествиях. – Б.м.: Б. и., 1897. – 33 с.
- 8) Инструкция по охране императорских поездов при высочайших путешествиях. – СПб., 1905.
- 9) Общий Устав Российских железных дорог и все изданные по 1 Августа 1903 года в развитие и дополнение его узаконения и правила/ Сост. К.П. Змирлов. – СПб., 1904.
- 10) Правила ведения хозяйства в частях и управлениях Отдельного корпуса жандармов. Спб., 1910. – 288 с.

- 11) Систематический сборник циркуляров Департамента полиции и Штаба Отдельного корпуса жандармов, относящихся к обязанностям чинов корпуса по производству дознаний. СПб, 1908. – 308 с.
- 12) Систематический указатель приказов по военному ведомству, циркуляров Главного штаба, приказов по Отдельному корпусу жандармов и циркуляров Штаба сего корпуса, объявленных для сведения и руководства в частях и управлениях Отдельного корпуса жандармов по строевой, инспекторской, хозяйственной и военно-судной частям./ Сост. ротмистр Добряков. – СПб.: Б. и., 1897.

Документальные публикации

- 13) «Охранка»: Воспоминания руководителей политического сыска/ Вступ. Статья З.И. Перегудовой. Т.1,2, М.: Новое литературное обозрение, 2004.
- 14) Агентурная работа политической полиции Российской империи. Сборник документов. 1880-1917. Сост. Е.И. Щербакова. Серия «АИРО-Первая публикация»/ Под ред. Г.А. Бордюгова.- М.: АИРО-XXI; СПб.: «Дмитрий Буланин», 2006. – 384 с.
- 15) Дело провокатора Малиновского. – М.: Республика, 1992.- 285 с.
- 16) Падение царского режима. Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства / ред. П.Е. Щеголев Т.1, 3. М.-Л.: Госиздат, 1924.
- 17) Политическая полиция и политический терроризм в России (вторая половина XIX – начало XX вв.). Сборник документов. Серия «Первая публикация» под ред. Г.А. Бордюгова.-М.: АИРО-XX, 2001. -520 с.
- 18) Политическая полиция Российской империи между реформами. От В.К. Плеве до В.Ф. Джунковского. Сборник документов/ Вступительная статья, составление и комментарии - Е.И. Щербакова. – М.: АИРО-XXI; СПб.: Алетейя, 2015. – 352 с.

- 19) Положение об охранных отделениях от 09.02.1907 г. // Жандармы России / Сост. В.С. Измозик. СПб., - М.: Олма-пресс, 2002. - С.584-562.
- 20) Проект г. А. Бенкендорфа об устройстве высшей полиции// Русская старина, 1900, т. 104, с. 615-616.
- 21) Щеголев, П Е Жандармские откровения (зав Особым отделом о провокации) // Каторга и ссылка. 1929. № 54.– С. 90-105.

Ведомственные документы

- 22) Померанцев Д.С. Свод знаний, обязательных для каждого унтер-офицера губернского, областного и уездного жандармских управлений, а также дополнительного штата губернских жандармских управлений по наблюдательной их деятельности. Харьков, 1897. - 370 с.
- 23) Порядок осмотра губернских жандармских управлений. СПб.: Типография Штаба Отд. корп. жанд., 1913. – 29 с.
- 24) Правила ведения хозяйства в частях и управлениях Отдельного Корпуса жандармов/ Сост. генерал-майор Залесский. СПб., 1910. – 288 с.
- 25) Рожанов Ф.С. Записки по истории революционного движения: для курсов при штабе Отдельного корпуса жандармов. 1912-13 гг. СПб.: Типография Штаба Отд. корп. жанд., 1913 – 79 с.
- 26) Руководство для чинов корпуса жандармов при производстве следствий и дознаний./ Сост. полк. А.А. Попов. СПб.: Типография Месника и Римана, 1885.- 227 с.

Источники личного происхождения

- 27) Александр Иванович Гучков рассказывает...: Воспоминания председателя Государственной Думы и военного министра Временного правительства. М.:Ред. журн. "Вопр. истории", 1993. – 143 с.
- 28) Башуров А.Ю. По тюрьмам и ссылкам. Свердловск: Уралогиз, 1933. - 96 с.

- 29) Белецкий С.П. Воспоминания// Архив русской революции. М., 1991.т. II. -1. С. 5-75.
- 30) Бобровская (Зеликсон) Ц. Записки подпольщика. 1894-1917. М.: Госполитиздат, 1957. – 127 с.
- 31) Булгаков С. Н. Автобиографические заметки. Paris: Ymca-Press, 1991. – 165 с.
- 32) Васильев А.Т. Охрана: Русская секретная полиция// Охранка: Воспоминания руководителей политического сыска. Т. 2. М.: Новое литературное обозрение, 2004. С. 345 - 530.
- 33) Вигель Ф.Ф. Записки, М.: Захаров, 2000. – 590 с.
- 34) Волконский С.Г. Записки Сергея Григорьевича Волконского (декабриста). – СПб.: Б. и., 1902. – 548 с.
- 35) Герасимов А.В. На лезвии с террористами. // «Охранка»: Воспоминания руководителей политического сыска, Т.2, М.: Новое литературное обозрение, 2004. С. 141 -342.
- 36) Герцен А.И. Тюрьма и ссылка. Из записок Искандера. Лондон, Париж, 1854. – 196 с.
- 37) Глобачев К.И. Правда о русской революции: Воспоминания бывшего начальника Петроградского охранного отделения / Под ред. З.И. Перегудовой; сост.: З.И. Перегудова, Дж. Дейли, В.Г. Маринич. М., 2009 М.: РОССПЭН, 2009. - 519 с.
- 38) Дейч Л.Г. 16 лет в Сибири. Ч. I. По германским и русским тюрьмам. СПб.: «Новый мир», 1906. – 192 с.
- 39) Деникин А.И. Путь русского офицера./ [Предисл. Н.С. Тимашева] - М.: Современник, 1991. -299 с.
- 40) Джунковский В.Ф. Воспоминания (1865 - 1904). – Москва: Изд-во им. Сабашниковых, 2016. – 815 с.
- 41) Джунковский В.Ф. Воспоминания: в 2 т.. – Москва: Изд-во им. Сабашниковых, 1997.

- 42) Дзержинский Ф.Э. Дневник и письма. М.: «Мол. гвардия», 1956. – 191 с.
- 43) Елпатьевский С.Я. Воспоминания за 50 лет. – Л.: Прибой, тип. Печатный двор Гос. изд-ва, 1929. – 397 с.
- 44) Жуковский-Жук И. В дни борьбы: Воспоминания и документы о Кутомаре// Электронный ресурс:
<http://www.memo.ru/nerczinsk/zhuk.htm>.
- 45) Жуковский-Жук И. Как мне жандармы побег устраивали. М.: Изд-во Всесоюзн. о-ва политкаторжан и сс.-поселенцев, типо-лит. им. т. Воровского, 1930. – 64 с.
- 46) Заварзин П.П. Жандармы и революционеры.// Охранка: Воспоминания руководителей политического сыска. Т. 2. М.: Новое литературное обозрение, 2004. С.7-138.
- 47) Заварзин П.П. Работа тайной полиции// Охранка: Воспоминания руководителей политического сыска. Т. 1. М.: Новое литературное обозрение, 2004. С. 411-493.
- 48) Зензинов В. Их жизни революционера. Париж.: Б. и., 1919. – 119 с.
- 49) Зензинов В. М. Пережитое. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1953. – 414 с.
- 50) Ивановская П.С. В боевой организации: Воспоминания. М.: Всесоюз. о-во политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1929. – 191 с.
- 51) Кони А.Ф. Собр. соч. в 8 т. М.: Юрид. лит., 1966. /Т. 2: Воспоминания о деле Веры Засулич. – Б.м.: Б. и., 1966. – 503 с.
- 52) Костенко М.И. Осада и сдача крепости Порт-Артур. Мои впечатления. Киев, Типография Окружного Штаба, Банковая ул. д. №11, 1907.// Электронный ресурс: <http://www.regiment.ru/Lib/B/17/2.htm>.
- 53) Кошко А.Ф. Среди убийц и грабителей: Воспоминания бывшего начальника Московской сыскной полиции.- М.: Современник, 1995. – 446 с.

- 54) Курлов П.Г. Гибель императорской России, М.: Современник, 1991. – 255 с.
- 55) Кшесинская М. Воспоминания. М.: Центрполиграф, 2010. – 415 с.
- 56) Лаврёнова А.М. Судьба жандарма: Воспоминания ротмистра В. В. Парфёнова о службе в Шлиссельбургской крепости. Часть 1. Жандармы Шлиссельбурга// Обозреватель - Observer. 2017. № 3. С.111-122.; Часть 2. Узники Шлиссельбурга// Обозреватель - Observer. 2017. № 4. С. 107-116; Часть 3. Шлиссельбургские казни// Обозреватель - Observer. 2017. № 5. С. 113-118.
- 57) Ленин В.И. Задачи отрядов революционной армии// ПСС, т. 11.М.: Государственное издательство политической литературы, 1960. - С. 339-343.
- 58) Ломачевский А.И. Из воспоминаний жандарма 30-х и 40-х годов. Ч. 1-2. – СПб.: Б. и., 1880.
- 59) Лукомский А.С. Очерки из моей жизни. Воспоминания./ Сост., предисл., коммент. С. Волкова. — М.: Айрис-пресс, 2012. — 752 с.
- 60) Маньковский М.К. У подножия виселицы: Отрывок из тюремных воспоминаний. Пг.: Совет р. и к. д., 1919. – 32 с.
- 61) Мартынов А.П. Моя служба в Отдельном корпусе жандармов // Охранка: воспоминания руководителей политического сыска. Т.1. М: Новое литературное обозрение, 2004. С. 27-408.
- 62) Махновец В.П. Как держать себя на допросах. Женева:Союз русских социал-демократов, 1900. – 43 с.
- 63) Моисеенко П.А. Воспоминания П.А. Моисеенко, 1873 – 1923. М.: Б. и., 1924.
- 64) Немирович-Данченко В.И. Скобелев. М.: Воениздат, 1993. – 285 с.
- 65) Нерадов И. Синие палачи (жандармы). М.: Воля, б.г. – 24 с.
- 66) Новицкий В.Д. Из воспоминаний жандарма. М.:Изд-во МГУ, 1991. – 249 с.

- 67) Новорусский М.В. Записки шлиссельбуржца. 1887-1905. – М.: Изд-во. Всесоюз. о-ва политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1933. – 415 с.
- 68) "Особняк на Васильевском острове": Процесс известного петербургского дельца П.М. Зеленко и б. жандармского полковника Меренвиль-де-Сен-Клер: Изложение дела и его общественно-исторического значения; характеристики речей Ф.Н. Плевако, С.А. Андреевского, В.Н. Герарда и П.М. Миронова Особняк на Васильевском острове. Киев: М.В., 1908.
- 69) Поливанов П.С. Алексеевский равелин. Л.:Гос. изд-во, 1926. – 205 с.
- 70) Поляков А.М. Записки жандармского офицера // Жандармы России: (Полит.розыск в России. XV-XX вв. Новейшие исслед.). – СПб.: Нева, 2002.- С. 486-487.
- 71) Ронге М. Война и индустрия шпионажа. –М.: Издательский дом «Правовое просвещение», 2000. – 288 с.
- 72) Ропшин В. (Б. Савинков) . То, чего не было. М.:Худож. лит, 1990. – 397 с.
- 73) Савинков Б.В. Воспоминания террориста. М.: МП «Слово», 1991. – 272 с.
- 74) Спиридович А.И. Великая война и Февральская революция: Воспоминания. – Мн: Харвест, 2004. – 720 с.
- 75) Спиридович А.И.. Записки жандарма. – Репринт. воспроизведение изд. 1930 г. – М.: Худож. лит.: Фонд творч. Инициатив, 1991. – 263 с.
- 76) Степняк-Кравчинский С. М. Россия под властью царей. М.: Мысль, 1964. – 407 с.
- 77) Струмилин С.Г. Из пережитого. М.: Госполитиздат, 1957. – 288 с.
- 78) Тихомиров Л.А. Воспоминания. М.: Государственное издательство (Госиздат/ГИЗ), 1927. – 515 с.
- 79) Феликс Кон. Под знаменем революции. М.:Дет. лит., 1970. – 176 с.
- 80) Фигнер В.Н. Запечатленный труд. Т. 2. М.:Директ-Медиа, 2016.– 446 с.

- 81) Шаповалов А. С. Путь молодого рабочего. М.: Мол.гвардия, 1923. – 82 с.
- 82) Щеголев П.Е. Охранники и авантюристы. Секретные сотрудники и провокаторы. – Москва: Изд-во Государственной публичной исторической библиотеки России (ГПИБ), 2004. – 457 с.

Периодические издания

- 83) Биржевые ведомости от 12 июля 1909 г.
- 84) Вестник полиции: Еженедельный журнал с иллюстрациями. – Санкт-Петербург: Б/и, 1907, 1909.
- 85) Голос минувшего , 1913 , №3, С. 134.
- 86) Гражданин. 24 мая 1912 г.
- 87) Киевлянин. 1906 г. № 218.
- 88) Киевская почта 1911 г. № 570.
- 89) Прибой № 26 от 13 апреля 1907 г.
- 90) Речь от 9 июля 1909 г.
- 91) Русская молва. 24 апреля 1913 г.
- 92) Столичное слово. 27 февраля 1912 г.
- 93) Трудовая копейка. 27 февраля 1912 г.
- 94) Утро России. 20 апреля 1912 г.
- 95) Шервуд В. Всегда ли полиция имеет возможность преследовать преступников? // Вестник полиции, № 18. С.13.

НЕОПУБЛИКОВАННЫЕ

Государственный архив Российской Федерации

- 96) Ф. 29. Канцелярия Нерчинской каторги Забайкальского областного правления и военного губернатора Забайкальской области. Чита.
Оп. 7. Д. 94, 667, 675.
- 97) Ф. 58. Московское губернское жандармское управление.
Оп. 8. Д. 1447.

98) Ф. 59. Московское жандармско-полицейское управление железных дорог.

Оп. 1. Д. 72,125, 156.

99) Ф. 63. Отделение по охране общественной безопасности и порядка в Москве (охранное отделение) при Московском градоначальнике.

Оп. 53. Д. 394.

Оп. 44. Д. 6231.

Оп. 45. Д. 143.

Оп. 47. Д. 480. т. 1.

Оп. 50. 1916 г. Д. 15.

100) Ф. 110. Штаб Отдельного корпуса жандармов.

Оп. 1. Д. 461.

Оп. 2. Д.1540, 6011, 6601 6991,7608, 8100, 8177,8206,8699, 8950, 9276,9454, 9533,10368,10685, 10686, 10736 , 10755а, 10878, 10940, 11296, 11451, 11676, 12053, 12237, 12499, 13025, 15028, 15106, 15712, 16437, 16537,16583, 16584, 18365, 18930.

Оп. 4. Д. 1025, 1152, 1315,1587, 1614, 1623,1650, 1904, 2145,2147, 2368, 2483, 2489, 2534, 2783, 2791, 2855, 3138, 3209, 3260, 3265, 3331, 3398, 3762, 4570, 4792,4813.

Оп. 6. Д. 118, 302, 350, 357, 433, 456, 464, 481, 483, 533, 626, 683, 699, 704, 738, 754, 762, 767, 774, 793, 803,812, 827, 862, 886, 912, 920, 933, 966, 1134, 1165, 1179, 1180, 1195, 1202, 1215, 1217,1259, 1269, 1286,1288, 1292, 1313, 1318, 1320, 1374, 1377, 1396, 1416, 1419, 1439, 1448, 1463, 1466, 1469, 1478, 1500, 1501, 1508, 1525, 1550, 1560, 1576, 1579, 1613,1622, 1636 а, 1641, 1655, 1666, 1695, 1723, 1746, 1778, 1781, 1785, 1884, 1924, 1946, 2063, 2078, 2147, 2168 , 2189, 2240, 2310, 2318, 2400, 2408, 2491, 2520, 2631, 2666, 2708, 2710 а, 2751, 2802,2826, 2887, 2889, 2903, 2909, 3134, 3141, 3163, 3217, 3253, 3253 , 3265, 3268, 3324, 3326, 3397, 3400, 3423.

Оп. 9. Д. 816,817, 820, 825, 826, 836, 837, 839.

Оп. 14. Д. 9, 98, 143, 106а.

Оп. 17. Д. 486, 734,.

Оп. 22. Д. 323.

Оп. 24. Д. 187.

101) Ф. 102. Департамент государственной полиции МВД.

I Делопроизводство.

1891 г. Оп. 11. Д. 1439;

1892 г., Оп. 12. Д. 271;

1907 г. Оп. 27. Д. 240;

1908 г. Оп. 28. Д. 882;

1914 г. Д. 394.

II Делопроизводство.

1907 г. Д. 14. Ч. 4. Литера. «Г»;

1913 г. Оп. 70. Д. 1 ч.1;32, 88 ;

III Делопроизводство.

1898 г., Оп. 96, Д. 1206; 1898 г., Оп. 96 Д. 1848.

1900, Оп. 98, Д. 1006.

1901 г. Д. 933.

1907 г. Оп. 105. Д. 697.

IV Делопроизводство.

1907 г. Д. 96 л.А.

V Делопроизводство.

1909 г. Оп. 145. Д. 1414.

1913 г. Д. 46. ч. 2.

VII Делопроизводство.

1906 г. Оп. 203. Д. 890.

1907 г. Оп. 204. Д. 1924, 2570.

1912 г. Оп. 209. Д. 1489.

1913 г. Оп. 210. Д. 6.

VII Делопроизводство. Оп. 316.

1916 г. Д. 359;

Особый отдел.

1903 г., Оп. 231. Д. 1545; 1911 г., Д.1 ч. 116, литера Д.; 1913 г. Д. 243;

1914 г. Оп. 244. Д. 325,360.

Особый отдел. Оп. 316.

1906 г. Д. 1020; 1906 г. Д.635; 1906 г. Д. 635 т.2; 1906 г. Д. 635 т.3;1906 г. Д. 1052;1910 г. Д. 75; 1908 г., Д. 404; 1910 г. Д 315; 1910 г. Д. 75; 1910 г. Д. 353; 1912 г. Д. 321.

Оп. 261.

Д. 223.

Оп. 290.

Д. 15. т.1.

102) Ф. 109. Третье Отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии.

Оп. 3а. Д. 2619, 2620, 2621.

103) Ф.127. Жандармское полицейское управление Северо-Западных железных дорог.

Оп. 1, Д. 10, 12, 161, 250.

104) Ф. 220. Канцелярия Варшавского обер-полицмейстера.

Оп. 1 Д. 324.

105) Ф. 504. Комиссия по обеспечению нового строя при Исполнительном комитете Московских общественных организаций.

Оп. 1. Д. 488 а.

106) Ф. 539. Водовозов Василий Васильевич, публицист, сотрудник журналов «Неделя» и «Русское богатство», газеты «Северный вестник», народник, член партии «Трудовая группа».

Оп. 1. Д. 134; 173, 228.

107) Ф. 932. Звегинцев Александр Иванович, помещик Воронежской губернии, депутат III Государственной Думы, член партии «Союз 17 Октября».

Оп. 1. Д. 335.

- 108) Ф. 1467. Чрезвычайная следственная комиссия для расследования противозаконных по должности действий бывших министров и прочих высших должностных лиц.

Оп. 1. Д. 29 , 248, 267, 721, 723.

I. ЛИТЕРАТУРА

- 109) Аврех. А.Я. Царизм накануне свержения.- М.: Наука, 1989.- 256 с.
- 110) Агафонов В.К. Парижские тайны царской охраны. – М.: Русь, 2004. – 413 с.
- 111) Алексеева М.А. Проблемы и характер деятельности губернских жандармских управлений в начале XX века (на примере Новгородского губернского жандармского управления)// Вестник Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого. 2006. № 36. С. 73-75.
- 112) Андреевский И.Е. Лекции по истории полицейского права и земских учреждений в России, читанные в Археологическом институте в 1881, 1882 и 1883 годах профессором И. Андреевским, составленные и изданные слушателем Археологического института Д. Волковым. СПб., 1883. – 69 с.
- 113) Анисимов Е.В. Дыба и кнут. Политический сыск и русское общество в XVIII в. М.: «Новое литературное обозрение», 1999. – 720 с.;
- 114) Арсеньев К.К. Законодательство о печати. СПб.: «П.П. Гершунин и К°», 1903. – 264 с.
- 115) Бакшт Д.А. Взаимодействие полиции и жандармерии (на материалах Енисейской губернии, 1881-1917 гг.)// Вестник Кемеровского государственного университета. № 1-1 (61). 2015. С. 50-55.
- 116) Бакшт Д.А. Органы политического сыска в Енисейской губернии в период упадка российской монархии (1880–1917 гг.): монография /

- [Электронный ресурс] / Электрон. дан. / Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева. – Красноярск, 2016.
- 117) Белецкий С. Г. Распутин: из воспоминаний // Былое. -1923.-№20,21, 22.-С. 12-18.
- 118) Берендтс Э.Н. О прошлом и настоящем русской администрации (Записка, сост. в дек. 1903 г.)/ Вступ. ст., указ, примеч. А.С. Сенина; Гос. публ. ист. б-ка России. - М., 2002. – 287 с.
- 119) Борисов А.В., Малыгин А.Я., Мулукаев Р.С. Три века Российской полиции. М.: Рипол-классик, 2016. – 608 с.
- 120) Брачев В.С. Мастера политического розыска дореволюционной России. Спб.: Нестор, 1998. – 110 с.
- 121) Будницкий О. В. Терроризм в российском освободительном движении: идеология, этика, психология (вторая половина XIX — начало XX в.)— М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2000. – 396 с.
- 122) Бутырин Д.А. Жандармы и депутаты: «Дело подполковника Заварицкого» в стенах Государственной думы и Владивостокской крепости (1909 год)// Новый исторический вестник. № 4(50). М., 2016. С. 57-79.
- 123) Волков А. Петроградское охранное отделение. -Пг.: Прибой, 1917. – 74 с.
- 124) Воскобойникова Н. В. Управление и делопроизводство органов политического сыска Нижегородской губернии (1890-1917). – Нижний Новгород: Изд-во Волго-Вятской академии государственной службы, 2006. – 122 с.
- 125) Вязьмитинов М.Н. Жандармы и армия: политический сыск и вооруженные силы России в революции 1905-1907 гг.//Военно-исторический журнал. 1995. №1. С. 89-93.
- 126) Гейфман А. Революционный террор в России, 1894- 1917/ Пер. с англ. Е. Дорман. - М.: КРОН-ПРЕСС, 1997. - 448 с.

- 127) Гернет М.Н. История царской тюрьмы. В 5-ти т. Изд. 3-е. М.: Госюриздат, 1962. (Т. 4. Петропавловская крепость. 1900-1917. М., 1962. - 302 с.
- 128) Гладышева Е.Е. Политический сыск в России в начале XX в.: 1902 - февраль 1917 г. (на материалах Саратовской губернии): Дисс.канд. ист. наук. Саратов, 2006.
- 129) Гончарова Ю.В. Жандармские полицейские управления железных дорог (1867 - 1917 гг.). Академия управления МВД России. Дисс. канд. юрид. наук. М, 2000.
- 130) Горянов В.М. Исторические аспекты деятельности Корпуса жандармов Российской Империи в XIX начале XX веков: Дисс. канд. ист. наук. - Курск, 2001.
- 131) Гросул В.Я. Русское общество XVIII-XIX веков. М.: Наука, 2003. – 517 с.
- 132) Гутнов Д.А. Из истории русского политического сыска: В.Ф. Джунковский и борьба «сверху» с практикой полицейской провокации в 1913-1915 гг.// Вестник РУДН. Серия "История России". - 2012. № 2. С.36–45.
- 133) Деревнина Т.Г. III Отделение и его место в системе государственного строя абсолютной монархии в России (1826-1855): Автореф. дисс. канд. ист. наук. М., 1973.
- 134) Дерюжинский В.Ф. Полицейское право. Пособие для студентов В.Ф. Дерюжинского, проф. С.-Петербур. ун-та. СПб.: Сенатск. тип.,1903.- 499 с.
- 135) Джунджужов С.В. Деятельность карательных органов на Южном Урале в период Первой российской революции: Дисс. канд. ист. наук. -Оренбург, 1998.
- 136) Дорохов В.Г. Политический сыск в Томской губернии: 1881 - февраль1917 гг.: Дисс.канд. ист. наук. - Кемерово, 2005.
- 137) Дунаева А.Ю. В.Ф. Джунковский: политические взгляды и государственная деятельность. Дисс. канд. ист. наук. М., 2010.

- 138) Едигаров А.Г. Взаимодействие контрразведывательных отделений Главного управления Генерального штаба Военного министерства с органами политического сыска в канун и ходе Первой мировой войны// Общество и право. Выпуск № 5 (27) / 2009. С. 93-95.
- 139) Елютин О.Н. Российское железнодорожное хозяйство под огнём критики (1870-1880-е гг.)// Вестник Московского университета. Серия 8, История – №6 (2001). – С. 25 -50.
- 140) Ерошкин Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России. 5-е изд., доп. / Под ред. А.Е. Иванова, А.Д. Степанского. М.: РГГУ, 2008.-710 с.
- 141) Ерошкин Н.П. Российское самодержавие. М.: РГГУ, 2006.- 495 с.
- 142) Жандармы России: Политический розыск в России XV-XX вв. Новейшие исследов./ Авт.-сост. В.С. Измозик . СПб.: Нева; М.: Олма-пресс, 2002. -638 с.
- 143) Жаров С.Н. Нормативное регулирование деятельности политической полиции Российской Империи: Дисс. канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2000.
- 144) Жаров С.Н. Офицерский менталитет и создание контрразведывательных отделений в российской армии// Историко-правовые проблемы: Новый ракурс. № 4-2. 2011. С. 15-20.
- 145) Жаров С.Н. Социальная опора правительства России перед Февральской революцией глазами жандармов// Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. № 13 (68). 2006. С. 74-76.
- 146) Зайончковский П.А. Кризис самодержавия на рубеже 1870 - 1880 годов. М.: Изд-во Моск. ун-та. 1964. – 511 с.
- 147) Зайончковский П.А. Российское самодержавие в конце XIX столетия (политическая реакция 80-х - начала 90-х годов). М.: «Мысль», 1970. – 444 с.

- 148) Закиров Р.С. Визит Великой княгини Елизаветы Федоровны в тюрьму к И.П. Каляеву как провокация Департамента полиции// Вестник МГГУ им. М.А. Шолохова. История и политология. 2012. № 4. С. 20-36.
- 149) Заславский Д.И. Зубатов и Маня Вильбушевич. М.: «Красная новь», 1923. – 64 с.
- 150) Измозик В.С. «Черные кабинеты»: история российской перлюстрации. XVIII – начало XX вв. М.: Новое литературное обозрение, 2015. — 696 с.
- 151) Ирецкий В. Я. Охранка (страницы русской истории).СПб.: Новая Россия, 1917. – 28 с .
- 152) Калугин Д.Я. История понятия «общество» от Средневековья к Новому времени: Русский опыт// От общественного к публичному: Коллективная монография / Науч. ред. О.В. Хархордин. СПб., 2011. С. 305—394.
- 153) Качкин А.Н. Формирование Владивостокской крепостной жандармской команды// Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. №1 (21). 2013. С. 61-65.
- 154) Квасов О. Н. Революционный терроризм в Центральном Черноземье в начале XX века (1901 -1911 гг.)/ Квасов Олег Николаевич. - Воронеж: Изд-во Воронежского государственного университета, 2005.
- 155) Квасов О.Н. Губернский аппарат тайного политического сыска Российской империи в новейших отечественных исследованиях// Вестник РГГУ. № 10 (111). 2013. С. 184-197.
- 156) Квасов О.Н. Мария Фёдорова – террористка и жертва террора// «Новый исторический вестник» к 80-летию МГИАИ-РГГУ. С. 195-212.
- 157) Кикодзе Г.С. Линейные железнодорожные служащие: Их роль и значение.- Харьков.: Тип. «Печатник». 1911. – 61 с.
- 158) Киреев, И.В. Роль института жандармерии в сохранении государственного строя России в XIX веке. Дисс. канд. ист. наук. М., 1994.

- 159) Колосов Е.Е. Государева тюрьма. М.: Изд-во Всесоюзн. о-ва политкаторжан и ссыльно-поселенцев, тип. изд-ва "Крестьянская газета", 1930. – 328 с.
- 160) Костылев А.О. Организационно-правовые аспекты работы с кадрами полиции и жандармерии Российской империи, 1880- 1917 гг.: Дис. канд. юрид. наук. - М., 2003.
- 161) Кравцев И.Н. Тайные службы империи / Под общ.ред. д. ист. наук В.А. Попова. М.: Изд-во РАГС, 1999. - 192 с.
- 162) Краковский К.П. Политическое дознание во второй половине XIX- начале XX века// Историко-правовые проблемы: новый ракурс: Сборник научных статей. - Курск: КГУ, 2012, Вып. 5. - С. 315-344.
- 163) Красный А. Тайны охранки. М., 1917. – 72 с.
- 164) Крушельницкий А.В., Сенин А.С. Еще раз о происхождении административно-командной системы управления// Государственный аппарат России в годы революции и Гражданской войны. – М.: РГГУ, 1998. С. 28-43.
- 165) Кузнецов С. А. Деятельность жандармских полицейских отделений по охране железных дорог нижнего Поволжья в конце XIX начале XX вв.// Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. № 15 (70) / том 12 / 2009 С. 137-141.
- 166) Кучма В.В. Полицейская организация Франции в последней трети XIX в.// Вестник Волгоградского государственного университета. № 10, 2008. С. 4-15.
- 167) Лаврёнова А.М. Жандармский надзор в Вержболово накануне Первой мировой войны.// Транспортные коммуникации Российской империи в годы Первой мировой войны: Материалы международного круглого стола, 28 января 2014 г. М.; СПб.: Нестор-История, 2014. С. 168-181.
- 168) Лаврёнова А.М. Синий мундир в Зеркале Венеры: Взаимовлияние личной жизни и служебной карьеры чинов Отдельного корпуса жандармов// Новый исторический вестник. № 2 (44). М., 2015. С. 31-53.

- 169) Лаврёнова А.М. Служба А.П. Мартынова в Саратовском охранном отделении (о кризисе идентичности в жандармской среде) // Новый исторический вестник. № 1 (43). М., 2015. С. 99-116.
- 170) Лаврёнова А.М. Чины Отдельного корпуса жандармов в восприятии российских революционеров// Вестник РГГУ. № 19 (141) . М., 2014. С. 21-32.
- 171) Лаврёнова А.М. А.И. Гучков и его окружение в документах политической полиции //Российский парламентаризм: истоки, история и современность. Материалы научно-практической конференции. М. 2013. С. 72-79.
- 172) Лаврёнова А.М., Черниченко М.Ю. «Августейший больной», жандармы и психиатры: «Крымские каникулы» великого князя Николая Константиновича (1901 – 1904 годы) //Новый исторический вестник. № 1 (51). М., 2017. С. 116-151.
- 173) Лебедева О.Б. Поэтика русской высокой комедии XVIII-первой трети XIX веков. М.: ЯСК, 2014.–471 с.
- 174) Лемке, М. К. Николаевские жандармы и литература 1826-1855 гг .- СПб.: изд. С.В. Бунина, 1908. – 614 с.
- 175) Личев Р.И. Сотрудничество политической и общей полиции Тобольской губернии в начале XX века// Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2012. С. 126- 132.
- 176) Логачёва Н. В. Роль подразделений Министерства внутренних дел и губернаторов в борьбе с революционным движением в Российской империи в 1870-е-1880-е гг.//Вестник Пензенского государственного университета. - 2013. - № 1. - С. 34-39.
- 177) Лонге Ж., Зильбер Г. Террористы и охранка. М.: Прометей, 1924. – 156 с.
- 178) Лопухин А.А. Настоящее и будущее русской полиции. Из итогов служебного опыта / А.А. Лопухин. М.: Изд-во В.М. Саблина, 1907. - 69 с.

- 179) Лурье Ф.М. Политический сыск в России. 1649—1917.- М.: ЗАО Центрполиграф, 2006.- 399 с.
- 180) Макаревич Э.Ф. Политический сыск: офицеры и джентльмены: истории, судьбы, версии. М.: Алгоритм, 2002. - 344 с.
- 181) Макаричев М.В. Политический и уголовный сыск России в конце XIX - начале XX в.: по материалам Нижегородской губернии: Дисс.канд. ист. наук. Саранск, 2003.
- 182) Министерство внутренних дел. 1802-1902. Исторический очерк. -М.: ОЛМА-пресс, 2002.-232 с.
- 183) Миролюбов А.А. Политический сыск в России 1914-1917 гг.: автореф. дисс. канд. ист. наук. М., 1988.
- 184) Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII-начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. СПб.: Дм. Буланин, 1999. Т. 1, 2. 548+566 с. 3-е изд. СПб.: Дм. Буланин, 2003. Т. 1. LX+548 с.; Т. 2. 583 с.
- 185) Мулукаев Р.С. Полиция и тюремные учреждения дореволюционной России / Р.С. Мулукаев. М.: Наука, 1964. - 119 с.
- 186) Мулукаев Р.С. Организационно-правовые основы становления советской милиции (1917-1920 гг.) Акад. МВД СССР. М., 1975. - 108 с.
- 187) Овченко Ю. Ф. Безопасность империи: Политический розыск – средство обеспечения безопасности Российского самодержавия, 1880-1917 гг. М.: Техинформ, 2012. – 370 с.
- 188) Овченко Ю.Ф. Московская охранка на рубеже веков, 1880-1904 гг. М.: Инсофт, 2010. – 232 с.
- 189) Овченко Ю.Ф. Провокация на службе охранки // Новый исторический вестник. 2003. № 1 (9). С. 28-45.
- 190) Овченко Ю.Ф. Охранка и зубатовщина.-М.: Вече, 2017. – 336 с.
- 191) Ольминский М.С. Из прошлого. Происхождение жандармов. -М.: Гос. Изд., 1919. – 120 с.

- 192) Оржеховский И.В. Самодержавие против революционной России (1826-1880 гг.) - М.: Мысль, 1982. – 207 с.
- 193) Осоргин М.А. Охранное отделение и его секреты. Б.м.: Грядущее, 1917. – 32 с.
- 194) Перегудов А.В. Русский жандарм начала XX в.: Особенности восприятия (По воспоминаниям офицеров Отдельного корпуса жандармов)// Воронежский государственный университет. Труды Карельского научного центра РАН. № 4. 2013. С. 50-55.
- 195) Перегудов А.В. Санаторий Отдельного корпуса жандармов: необходимость учреждения и опыт функционирования// История: факты и символы. 2016. № 3 (8). С. 17-28.
- 196) Перегудова З.И. Строго законспирированы. - М.:Моск. рабочий, 1983. -174 с.
- 197) Перегудова З.И. Департамент полиции в борьбе с революционным движением. Автореферат дисс. канд. ист. наук., М., 1988.
- 198) Перегудова З.И. Политическая полиция России накануне и в годы революционных потрясений// Государственная безопасность России: история и современность. – М.: РОССПЭН, 2004.- С. 150-306.
- 199) Перегудова З.И. Политический сыск в России (1880 - 1917 гг.) – 2-е изд., перераб. и доп.-М.: РОССПЭН, 2013. – 519 с.
- 200) Пильский П. Охранка и провокация. Пг.: Типогр. Виктория, 1917. – 23 с.
- 201) Плужников С.Ю. Место и роль губернских жандармских управлений в системе органов политического сыска, последняя треть XIX - начало XX вв. // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. № 2. 2007. С. 97-100.
- 202) Плужников С.Ю. Система местных органов политического сыска Российской империи в начале XX в.// Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2009. № 5. С. 340-347.

- 203) Работнов, Н. Г. Тайны Ярославского застенка// Ярославская старина - Ярославль, 1924. -С. 63-124.
- 204) Реент А.Ю. Общая и политическая полиция России (1900-1917 гг.). Рязань: «Узорочье», 2001. – 301 с.
- 205) Реент А.Ю. Полицейская система Российской империи начала XXв. (1900-1917 гг.) Дисс. док. ист. наук. М, 2002.
- 206) Романов В.В. Взаимодействие Корпуса жандармов и военных губернаторов в Поволжье в начале 30-х 50-е гг. XX в.// Общество и право. № 4 (18) / 2007 С. 23-26.
- 207) Романов В.В. Организация и деятельность политической полиции Поволжья в 1905-1907 годы.: Дисс.канд.юрид. наук. – М.,2002.
- 208) Романов В.В., Романова Г.В. Становление и развитие Сызранской полиции в 1902-1917 гг.: Историко-правовое исследование. – Ульяновск. УлГУ. 2002. – 132 с.
- 209) Рууд Ч., Степанов С. Фонтанка, 16. Политический сыск при царях. М.: Мысль, 1993. – 432 с.
- 210) Рыжаков Д.Г. Жандармские подразделения Нижегородской губернии во второй половине XIX-начале XX вв.// Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. №1. 2008. С. 124-129.
- 211) Рябинцев Р.В. Становление и развитие органов политического сыска в российской провинции в 1880-1914 гг. (на материалах Костромской губернии): Дисс.канд. ист. наук. Кострома, 2004.
- 212) Сафронова Ю. Русское общество в зеркале революционного террора. 1879-1881 годы- М.: Новое литературное обозрение, 2014. –370 с.
- 213) Сватиков, С.Г. Русский политический сыск за границей (по документам Парижского архива заграничной агентуры Департамента полиции). Ростов-на-Дону: 1-е паевое раб.т-во, 1918. – 76 с.
- 214) Сенин А.С. Александр Иванович Гучков.-М.: Скрипторий, 1996.- 268 с.
- 215) Сенина Н.В. Владимир Николаевич Шафалович – начальник Тульского губернского жандармского управления (январь 1906 – февраль 1908 гг.) /

- Н. Сенина // Тульский краеведческий альманах. - 2012. - Вып. 9. - С. 177-183.
- 216) Сенина Н.В. Отдельный Корпус жандармов в конце XIX - начале XX вв. Организация, кадры, деятельность: по материалам Тульской губернии: – Дисс. канд. ист. наук. – Тула, 2007.
- 217) Сидорова, М.В. Архивы центральных органов центральных органов политического розыска в России XIX - нач. XX в. (III -е отделение и Департамент полиции). Дисс. канд. ист. наук. М., 1993.
- 218) Сирица И.В. Становление и развитие политической полиции Кубани 1880-1917 гг. (Историко-правовой аспект): Дисс.канд. юрид. наук.- Краснодар, 2003.
- 219) Скрипилев А.Е. Отдельный Корпус жандармов в системе Министерства внутренних дел дореволюционной России: 1880 -1917 гг. Дисс. канд. юрид. наук, 1983.
- 220) Степанский А.Д. Самодержавие и общественные организации России на рубеже XIX-XX в.: Учеб. Пособие по спецкурсу/ Под ред. Н.П. Ерошкина. М.: Б. и., 1980. - 96 с.
- 221) Страхов Л.В. Тайная полиция и армия: проблемы взаимодействия (на материалах Воронежской губернии)//Известия вузов. Серия «Гуманитарные науки». №6 (4). 2015. С. 293-297.
- 222) Сысоев Н.Г. Тайный сыск России. От жандармов до чекистов. М.:Вече, 2005. – 510 с.
- 223) Тарасов И. Т. Очерк истории науки полицейского права. М.: Б. и, 1897. – 702 с.
- 224) Троцкий, И. М. Третье Отделение при Николае I. М.: Изд-во Всесоюз. о-ва политкаторжан и ссыл.-поселенцев, 7-я тип. Мосполиграф «Искра революции», 1930. – 139 с.
- 225) Тютюнник, Л.И. Департамент полиции в борьбе с революционным движением в России на рубеже XIX - XX вв. (1880 – 1904гг.) Автореф. дисс. канд. ист. наук. М., 1986. – 24 с.

- 226) Ульянова Л. В. Политическая полиция и либеральное движение, 1880-октябрь 1905 гг. Дисс. канд. ист. наук. М., 2009.
- 227) Фрейнат О.Г. Правда о деле Мясоедова и др.: По официальным документам и личным воспоминаниям. Вильна: Тип. В.О. Генштеля, 1918. – 170 с.
- 228) Фуллер У. Внутренний враг: Шпиономания и закат императорский России, М.: Новое литературное обозрение, 2009. – 376 с.
- 229) Хорошун К.Ю. Российская полиция и жандармерия в 60-90-х гг. XIX в. // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. №2. 2007. С. 141-144.
- 230) Хохлов А.В. Карательный аппарат царизма в борьбе с революцией 1905 - 1907 гг., Автореф. дисс. канд. юрид. Наук. М., 1975. – 18 с.
- 231) Хутарев-Гарнишевский В.В. Осиное гнездо провокации: Политический сыск в армии в преддверии Первой мировой // Родина. 2010. №9. С. 120-123.
- 232) Хутарев-Гарнишевский В.В. Отдельный корпус жандармов и Департамент полиции МВД: органы политического сыска накануне и в годы Первой мировой войны, 1913-1917 гг. : Дисс. канд. ист. наук – М., 2012.
- 233) Чудакова М. С. Проблемы взаимоотношений общей и политической полиции царской России // Вестник Томского государственного университета. История. 2010, № 3, С. 26-38.
- 234) Чудакова М. С. Секретная агентура Департамента полиции (1907-1917 гг.) // Новый исторический вестник. 2010. № 1 (23). С. 22-34.
- 235) Чудакова М.С. Политический сыск России в конце XIX начале XX вв. (в региональном аспекте): Дисс.канд. ист. наук. - Ярославль, 1997.
- 236) Чудакова М.С. Противостояние: Политический сыск дореволюционной России. Ярославль: Изд-во Ярославского государственного педагогического университета (ЯГПУ), 2003. – 330 с.

- 237) Чукарев А.Г. Тайная полиция России: 1825-1855 гг. – М.: Кучково поле, 2005. – 704 с.
- 238) Чукарев А.Г. Третье отделение и русское общество во второй четверти XIX века (1826-1855 гг.): Автореф. дисс. докт. ист. наук, Ярославль, 1998.
- 239) Шацлло К.Ф. «Дело» полковника Мясоедова// Вопросы истории . 1967. № 4. С. 103-116.
- 240) Шепелев Л.Е. Чиновный мир России. XVIII – начало XX вв. – СПб.: Искусство-Спб, 1999. –477 с.
- 241) Шинджикашвили Д.И. Министерство внутренних дел царской России в период империализма: Структура, функции, реакционная сущность, связь с другими министерствами.- Омск: Ом ВШ МВД СССР, 1974. – 111 с.
- 242) Щеголев П. Е. Охранники и авантюристы – М.: Изд-во политкаторжан, 1930. – 158 с.
- 243) Щеголев П. Е. Секретные сотрудники и провокаторы: Сборник. – М.-Л.: Госиздат, 1927. – 254 с.
- 244) Эйдельман Н.Я. Пушкин и декабристы: Из истории взаимоотношений. М.:Худож. лит, 1979. – 422 с.
- 245) Юшков С.В. История государства и права России (IX- XIX вв.). – Ростов-на-Дону: Феникс, 2003. – 735 с.
- 246) Ярмыш А.Н. Политическая полиция Российской империи (1880 - 1904 гг.).Дисс. канд. юр. наук, . Харьков, 1978.
- 247) D.L.V. Lieven. The Security Police, Civil Rights and the Fate of the Russian Empire, 1855-1917//Civil Rights in Imperial Russia, Oxford, 1989. p. 235-262.
- 248) Jonathan W. Daly. Autocracy under Siege. Security Police and opposition in Russia, 1866-1905, Illinois, 1998. – 420 p.
- 249) Jonathan W. Daly. On the Significance of Emergency Legislation in Late Imperial Russia// Slavic Review. Vol. 54. №3. Fall 1995. P.602-629.
- 250) Jonathan W. Daly. Political Crime in Late Imperial Russia// The Journal of Modern History. Vol. 74. № 1. March 2002. P. 62-100.

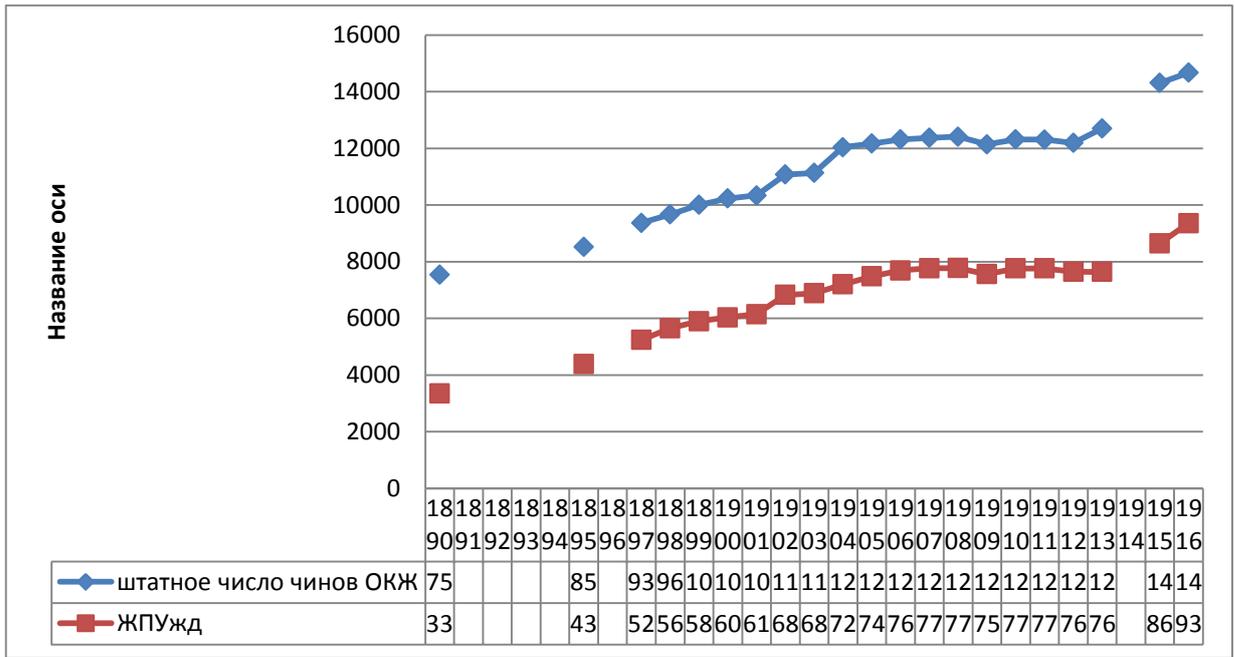
- 251) Jonathan W. Daly. The Watchful State: Security Police and Opposition in Russia, 1906-1917. Northern Illinois University Press. Dekalb, 2004. – 334 p.
- 252) Marc Raeff. Russia's Autocracy and Paradoxes of Modernization// Political Ideas and Institutions of Imperial Russia, Boulder, Colo, 1994, 116-124.
- 253) Nurit Schleifman. Undercover Agents in the Russian Revolutionary Movement: The SR Party, 1902-1914, London, 1988. – 340 p.

II. СПРАВОЧНЫЕ И ИНФОРМАЦИОННЫЕ МАТЕРИАЛЫ

- 254) Государственность России. Словарь-справочник. Кн. 5. Должности, чины, звания, титулы и церковные саны России. Конец XV в.- февраль 1917 года. В 2 ч. М.: Наука, 2005.
- 255) Общий состав управлений и чинов Отдельного корпуса жандармов за 1890, 1895, 1897, 1898,1899,1900,1901,1902,1903,1904,1905,1906, 1907, 1908, 1909, 1910, 1911, 1912, 1913, 1916 гг.
- 256) Памятная книжка для нижних чинов Варшавского жандармского округа. Варшава: Б. и., 1885. –89 с.
- 257) Справочная книжка о правах и обязанностях унтер-офицеров губернских и областных жандармских управлений с дополнительным к ним штатом уездных жандармских управлений, крепостных жандармских команд и унтер-офицеров резерва (Выписки из законоположений, инструкций и руководящих приказов шефа жандармов, командира корпуса и циркуляров Штаба корпуса жандармов)/ Сост. Отдельного корпуса жандармов подполк. А.Н. Ваулин. – СПб.: Тип. Штаба отдельного корпуса жандармов, 1900. – 140 с.
- 258) Справочник-список офицерского и рядового состава жандармских управлений, охранных отделений, агентов охранной агентуры дворцового коменданта и чинов Департамента полиции МВД царской России, М., 1940 -323 с.
- 259) Тимофеев Л. А. Справочная книга для чинов жандармских полицейских управлений железных дорог. – СПб., 1895.

Динамика роста численности чинов ОКЖ.

год	численность
1890	7539
1891	
1892	
1893	
1894	
1895	8522
1896	
1897	9368
1898	9664
1899	10002
1900	10227
1901	10338
1902	11076
1903	11130
1904	12038
1905	12168
1906	12314
1907	12369
1908	12409
1909	12139
1910	12315
1911	12309
1912	12189
1913	12700
1914	
1915	
1916	14667

Программа, по которой производятся при Штабе Отдельного корпуса жандармов предварительные испытания офицерам, желающим поступить на службу в Корпус. (Выписка из Положения о приеме офицеров в Отдельный корпус жандармов).

Ст. 9. Офицеры, которые по собранным о них сведениям, будут удовлетворять условиям, требуемым для службы в Корпусе жандармов, поставляются в известность, чрез начальников местных жандармских управлений о том, что для определения их прав на внесение в список кандидатов они должны быть подвергнуты предварительному испытанию в учрежденной при Штабе Корпуса комиссии.

Примечание 2 к ст. 10. На проезд в С.-Петербург и обратно, для испытания, офицеры не имеют ни на какое от казны путевое довольствие (циркуляр Главного Штаба 1900 г. № 170).

Ст. 11. Комиссия, для производства предварительных испытаний, собирается по указанию Начальника Штаба, по мере надобности, в сентябре месяце и с 15 января по 15 марта.

Ст. 12. Испытание производится по нижеуказанной программе, причем комиссия удостоверяется в степени усвоения испытуемым требуемых программой сведений, а равно убеждается в общем развитии офицера и в знании им иностранных или местных языков, если о знании их было заявлено комиссии.

Ст. 13. Испытание состоит в устном ответе на вопросы по программе и в письменном изложении ответа на заданную комиссией тему.

Ст. 14. От офицера, подвергающегося испытанию, требуется усвоение следующих сведений.

Общее понятие о праве.

- 1) Право, его значение и содержание. 2) Обычное право. 3) Закон. 4) Административное распоряжение.

Государственное право.

- 1) Общее учение о государстве. Верховная власть. Народ. Территория.
Классификация государств.

Русское государственное право.

- 1) Государственная власть. Монарх. Законодательные учреждения.
Органы верховного управления. Управление подчиненное.
Правительствующий Сенат. Министерства. Местные
правительственные органы. Органы общественного
самоуправления.
- 2) Народ. Подданство. Сословия.
- 3) Территория России.

Русское уголовное право.

Материальное.

Понятие уголовного права. Преступление. Наказание. Главнейшие виды преступлений по русским общим и военно-уголовным законам.

Формальное.

Судоустройство. Гражданские и военно-судебные установления.
Судопроизводство общее и военно-уголовное.

Русское гражданское право.

Общая часть. Права: вещное, обязательственное, семейственное и наследственное.

Гражданское судопроизводство.

Полицейское право.

Содержание полицейского права. Полиция безопасности. Полиция благосостояния.

Финансовое право.

Содержание финансового права. Государственные расходы.
Государственный бюджет. Государственный кредит.

Международное право.

Общее понятие о международных отношениях и нормах. Отношения между государствами в мирное время и во время войны.

Пособия:

Д.К. Лаврентьев. Законоведение. Учебник для средних учебных заведений и самообразования. Издание второе. С.-Петербург 1913 года.

В.А. Томашевич. Учебник законоведения для военных училищ. Издание 4-е 1911 года. Выпуски 1 и 2.

Сведения из политической экономии.

Понятие политической экономии. Общее учение о производстве. Труд. Капитал. Формы предприятия. Ценность, деньги, кредит и банки. Доход, заработная плата, рабочие союзы, прибыль с капитала, земельная рента. Потребление, страхование.

Пособие:

И.М. Кулишер. Политическая экономия. Популярный курс. С.-Петербург 1911 года.

РУССКАЯ ИСТОРИЯ.

Русь удельно-вечевая.

Внутреннее состояние удельно-вечевой Руси. Князь и вече. Жизнь Князя. Население. *Русская правда.* Жилища. Войско. Занятия и торговля. Православная Церковь и монастыри. Просвещение. Характеристика удельно-вечевой Руси.

Русь под владычеством татар.

Возвышение Москвы. Александр Невский, Иоанн Калита, Дмитрий Донской, Василий I и Василий II.

Внутреннее состояние северо-восточной Руси во время татарского ига. Причины возвышения Московского княжества. Князь. Население. Церковь и монастыри. Нравы и просвещение.

Русь юго-западная.

Даниил Романович. Начало Литовского княжества. История Литвы под властью дома Гедимина и ее соединение с Польшей. Люблинская уния.

Иезуиты. Братства. Церковная уния. Киевская академия. Состояние западной Руси в половине XVII века. Малороссийские казаки и их восстания против Польши. Уничтожение запорожской сечи (Екатерина II).

Русь Московская.

Иоанн III. Василий III. Иоанн IV. Феодор Иоаннович. Смутное время. Михаил Феодорович Романов. Алексей Михайлович. Феодор Алексеевич. Внутреннее состояние Московского государства. Царь. Состав населения. Боярская дума. Земские Соборы. Приказы. Областное управление. Судопроизводство. Войско. Общая характеристика до-Петровской Руси.

Новая Россия.

Петр I Великий. Правление Царевны Софьи. Единодержавие Петра. Внутренняя преобразовательная деятельность.

Екатерина I. Петр II. Анна Иоанновна. Иоанн VI. Елизавета Петровна.

Черты общественного быта в половине XVIII в. Жизнь высшего общества. Грубость нравов. Быт провинциальных дворян. Развитие крепостного права и перемены в положении помещиков. Литература. Труды по русской истории.

Петр III. Екатерина II Великая. Внутренняя деятельность. Комиссия для сочинения проекта нового уложения и проч. Внутренние и внешние события. Падение Польши и возвращение России западнорусских областей.

Павел I. Порядок престолонаследия. Александр I Благословенный. Внутренняя деятельность. Сперанский. Внешние события. Николай I. Смута 14 декабря. Внутренние распоряжения. Александр II Освободитель. Эпоха реформ. Кончина императора Александра II. Александр III Миротворец. Внутренние распоряжения. Внешняя политика. Личность и значение царствования императора Александра III.

Пособия:

К. В. Елпатьевский. Учебник русской истории. 13-е издание. С.-Петербург. 1912 года.

Очерки новейшей истории *И.И. Григоровича* (1815-1900 г.г.). Девятое издание.

История великой французской революции.

Всемирный и местный характер революции. Французская монархия со времен Ришелье и Людовика XIV. Состояние государства и общества. Абсолютизм, централизация, феодализм. Литература. Монтескье (Дух законов), Вольтер, Ж.Ж. Руссо (Contrat Social). Вступление на престол Людовика XVI. Внутреннее состояние Франции. Финансы (Некер). Сословия (третье сословие). Народ. Правительство. Внутренние реформы. Созвание генеральных штатов. Третье сословие, как национальное собрание. Восстание в Париже. Разрушение Бастилии (14 июля). Начало анархии. Государственное устройство 1789-1790 годов. Мирабо. Революция и монархическая Европа. Бегство Короля. Дело Короля перед судом национального собрания. Пересмотр и завершение конституции. Сущность конституции 1791 года. Законодательное собрание. Новая борьба за конституционную монархию до падения королевской власти. Жиронда. Пленение Короля. Дантон. Национальный конвент. Борьба между жирондой и якобинцами. Казнь Короля. Низвержение жиронды и террор. Гражданская война. Восстание в Вандее. Якобинцы. Робеспьер. Революционный суд и террор à l'ordre du jour. Революционная армия. Закон против подозрительных 17 сентября 1793 г*. Суд над Королевой и Жирондистами. Государственный идеал С. Жюста (Esprit de la constitution de France). Низвержение Робеспьера. Падение терроризма. Борьба умеренных (термидористов) со старыми товарищами Робеспьера. Начало реакции. Восстановление Жирондистов. Конституция III года (1795). Наполеон Бонапарт. Директория. Государственный переворот 4 сентября 1797 года. Государственный переворот 18 брюмера 1799 года.

Пособие. История Французской революции 1789-1799 г.г. Людвиг *Гейссера*, перевод с немецкого под редакцией А. Трачевского. Москва. 1870 года.

НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ.

(Западная Европа)

Венский конгресс. Устройство Германского союза. Конституционные движения в Германии. Партия «Молодой Германии». Англия с Венского конгресса до кончины Георга IV. Франция с Венского конгресса до Июльской революции 1830 г. Июльская революция во Франции. Правление Луи-Филиппа. Англия в правление Вильгельма IV и Виктории до Крымской войны. Февральская республика 1848 года во Франции и вторая Французская империя (1852 года). Влияние июльской и февральской революции на Германию (1848 г.) Мечты об объединении Германии. Мартовские волнения в Берлине. Национальное собрание и прусская конституция (1850 г.) Революция 1848 г. в Австрии. Венгерское восстание 1849 г. Славянский мир и пробуждение идеи национального славянского единства. Сведения о славянах. Возникновение панславянской идеи. Литература. Всеславянский съезд в Праге в 1848 году. Московские славянофилы. Восточный вопрос в 40 годах прошлого столетия и происхождение Крымской войны. Эпоха национальных вопросов в Европе (с 1856 по 1878 г.г.) Европейские события с 1866 года до начала Франко-Прусской войны. Австро-Прусская война 1866 года. Происхождение Северо-Германского Союза и Германской Империи (1871 г.) Франко-Прусская война 1870-1871 г.г. Краткий очерк европейских политических событий с 1871 по 1913 г.г.

Пособие. Очерки новейшей истории (1815-1900 г.г.) И.И. Григоровича. Девятое издание.

ГЕОГРАФИЯ.

Общее обозрение Российской империи.

Положение, пространство и очертание территории. Устройство поверхности. Речные системы. Климат. Почва. Растительное и животное царство. Народонаселение. Управление и правительственное разделение Империи. Военное устройство Империи, с указанием мест расположения главных начальников военных округов; военные порты и крепости. Разделение губерний Европейской России по бассейнам и по областям (в

земледельческом и промышленном отношениях). Кавказский край. Сибирь. Туркестан. Промышленность России, добывающая и обрабатывающая. Торговля России внутренняя и внешняя; пути сообщения.

Пособие. Учебник Географии Российской Империи. Составил *П.Н. Белоха*. Переработал *Соколов*. Издание сорок шестое. С.-Петербург 1913 года.

Ст. 15. Письменные работы даются на темы:

- 1) Литературные (знакомство с выдающимися произведениями русских классических писателей).
- 2) Исторические (в пределах программы).

Ст. 16. Степень познаний, проявленная офицером, подвергавшимся предварительному испытанию, оценивается по 12 бальной системе.

Ст. 17. Офицеры, выдержавшие предварительное испытание удовлетворительно, вносятся в список кандидатов на прикомандирование к Штабу Корпуса, причем старшинство их по списку считается по баллам, полученным ими на предварительном испытании.

Примечание 1. О зачислении офицеров в список кандидатов Штаб сообщает им через начальников местных жандармских управлений. Офицеры. Зачисленные в кандидатский список, обязаны доносить Штабу непосредственно или через означенных начальников, овсех происходящих с ними переменах (перевод в другую часть, производство в чин, отказ от перевода в Корпус) безотлагательно.

Подписал: Начальник Штаба, Генерального Штаба полковник Никольский.

Верно: Старший адъютант Штаба, Полковник Савицкий⁷⁴⁴.

ГАРФ. Ф. 110. Оп. 9. Д. 839.

*-так в документе.

---

⁷⁴⁴ Савицкий С.В.

С перечневыми ведомостями о дознаниях, произведенных чинами ЖПУ жд за 1908 г. (Извлечение).

Наименование ЖПУ жд	Общее количество дознаний	Переписок в порядке Государственной охраны
Варшавское	7718	75
Виленское	3711	7
Владикавказское	9630	21
Воронежское	6213	6
Екатерининское	3020	8
Забайкальской жд		
Закавказских жд	3955	15
Киевское	5188	4
Кременчугское	4937	5
Московское	12389	7
Московско-Архангельское	5777	0
Московско-Камышинское	3431	5
Московско-Киевское	4457	6
Московско-Рижское	4523	9
Одесское	4062	1
Пермское	3800	0
Самарское	5679	11
Санкт-Петербургское	7782	12
Санкт-Петербурго-Виндавское	5253	12
Сибирской жд		
Средне-Азиатской жд	2672	70
Северо-Западных жд	6082	8
Тамбово-Уральское	4090	33
Ташкентской жд	2644	1
Уссурийской жд	1373	1
Финляндских жд	526	0
Харьковское	5828	6
КВЖД	1464	0

ГАРФ. Ф. 110. Оп. 4. Д. 2145.

С перечневыми ведомостями о дознаниях, произведенных чинами ЖПУ жд за 1909 г. (Извлечение).

Наименование ЖПУ жд	Общее количество дознаний	Переписок в порядке Государственной охраны
Варшавское	7278	5
Виленское	3291	2
Владикавказское	8909	7
Воронежское	5714	9
Екатерининское	5424	4
Забайкальской жд	3361	13

Закавказских жд	3757	36
Киевское	5205	1
Кременчугское	4828	0
Московское	14302	2
Московско-Архангельское	5419	7
Московско-Камышинское	3180	0
Московско-Киевское	3906	2
Московско-Рижское	4850	2
Одесское	3555	1
Пермское	4197	0
Самарское	5882	8
Санкт-Петербургское	7048	2
Санкт-Петербурго-Виндавское	4879	6
Сибирской жд	7114	8
Средне-Азиатской жд	2364	14
Северо-Западных жд	6215	1
Тамбово-Уральское	4045	9
Ташкентской жд	2345	1
Уссурийской жд	1255	12
Финляндских жд	696	0
Харьковское	5774	5
КВЖД	2077	0

ГАРФ. Ф. 110. Оп. 4. Д. 2368.

С перечневыми ведомостями о дознаниях, произведенных чинами ЖПУ жд за 1912 г. (Извлечение).

Наименование ЖПУ жд	Общее количество дознаний	Переписок в порядке Государственной охраны
ЖПУ Амурской жд	3600	0
Варшавское	8387	0
Виленское	4727	0
Владикавказское	9329	0
Воронежское	6426	2
Екатерининское	5144	3
Забайкальской жд	4095	1
Закавказских жд	4041	5
Киевское	6286	0
Кременчугское	5954	0
Московское	13686	0
Московско-Архангельское	5217	1
Московско-Камышинское	5406	1
Московско-Киевское	3947	2
Московско-Рижское	5439	1
Одесское	4717	0
Пермское	4603	0
Самарское	2992	0
Санкт-Петербургское	9078	1
Санкт-Петербурго-Виндавское	4644	6

Сибирской жд	6373	0
Средне-Азиатской жд	2027	9
Северо-Западных жд	8978	1
Тамбово-Уральское	3287	15
Ташкентской жд	2231	1
Уссурийской жд	1083	17
Финляндских жд	985	0
Харьковское	5575	2
КВЖД		

ГАРФ. Ф. 110. Оп. 4. Д. 3138.

Перечневые ведомости дознаниям, произведенным чинами :ЖПУ жд за 1915-1916 гг.

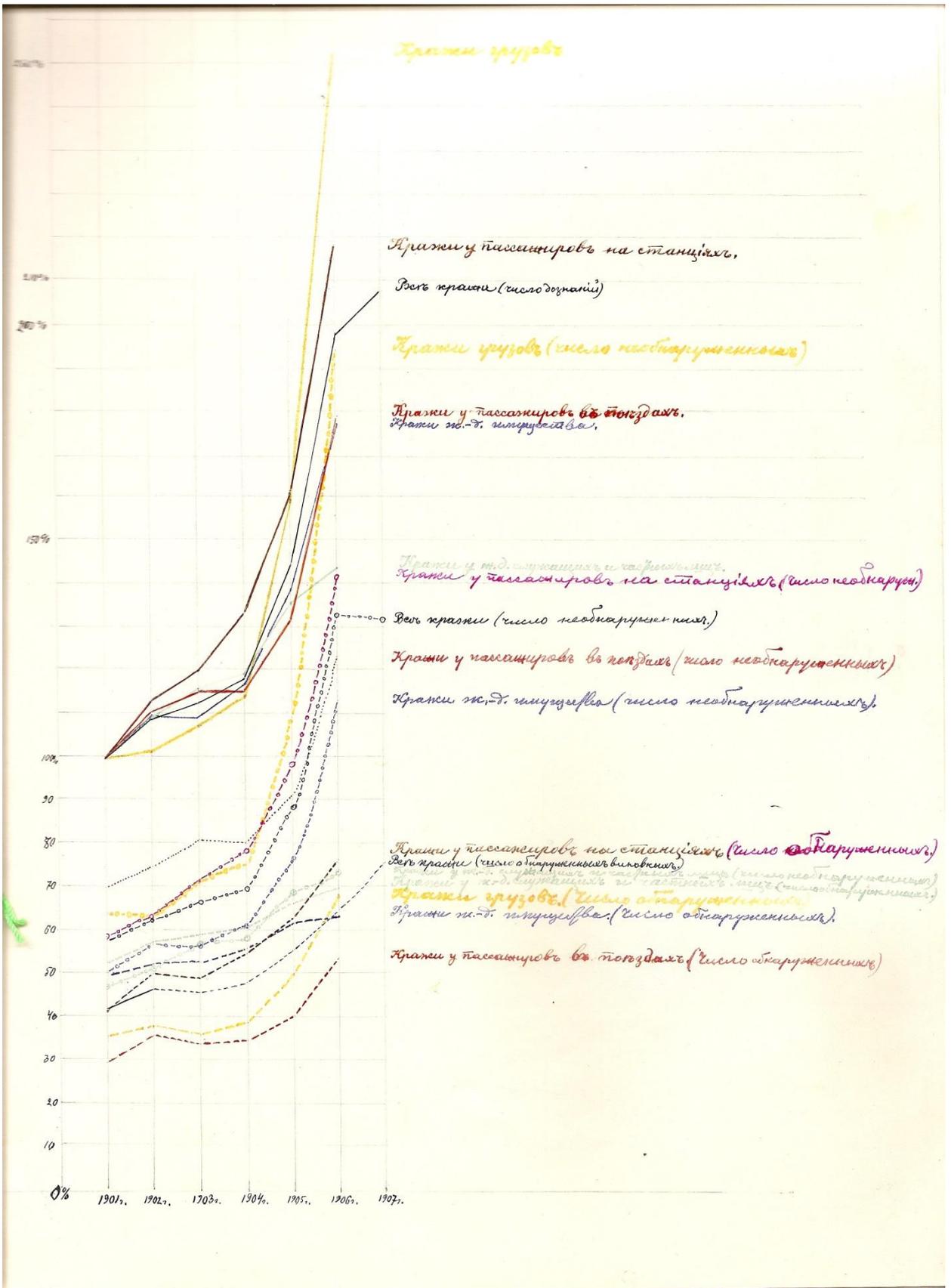
ЖПУ жд	по государственным преступлениям в порядке 1035 ст. Уст. Угол. Судопр.	переписок в порядке государственной охраны (приказ по корпусу 1906 № 145)	всего дознаний
Виленское	2	1	4367
Северо-Западных жд	0	8	9212
Самарское	0	0	6619
Ростовское	1	1	8739
Петроградское	11	2	8024
Петроградско-Виндавское	3	5	6026
Московско-Рижское	4	13	10476
Московско-Киевское	0	1	6594
Московско-Камышинское	1	0	7041
Московское	4	1	17986
Московско-Архангельское	6	2	16606
Кременчугское	1	2	6454
Киевское	8	2	10226
Казанское	1	1	1744
жпу Закавказских жд	13	1	5914
жпу Забайкальской жд	1	3	3538
Екатерининское	3	1	6207
Воронежское	1	1	9082
Владикавказское	3	2	7811
Варшавское	1	4	4757
Амурской жд	0	0	1884

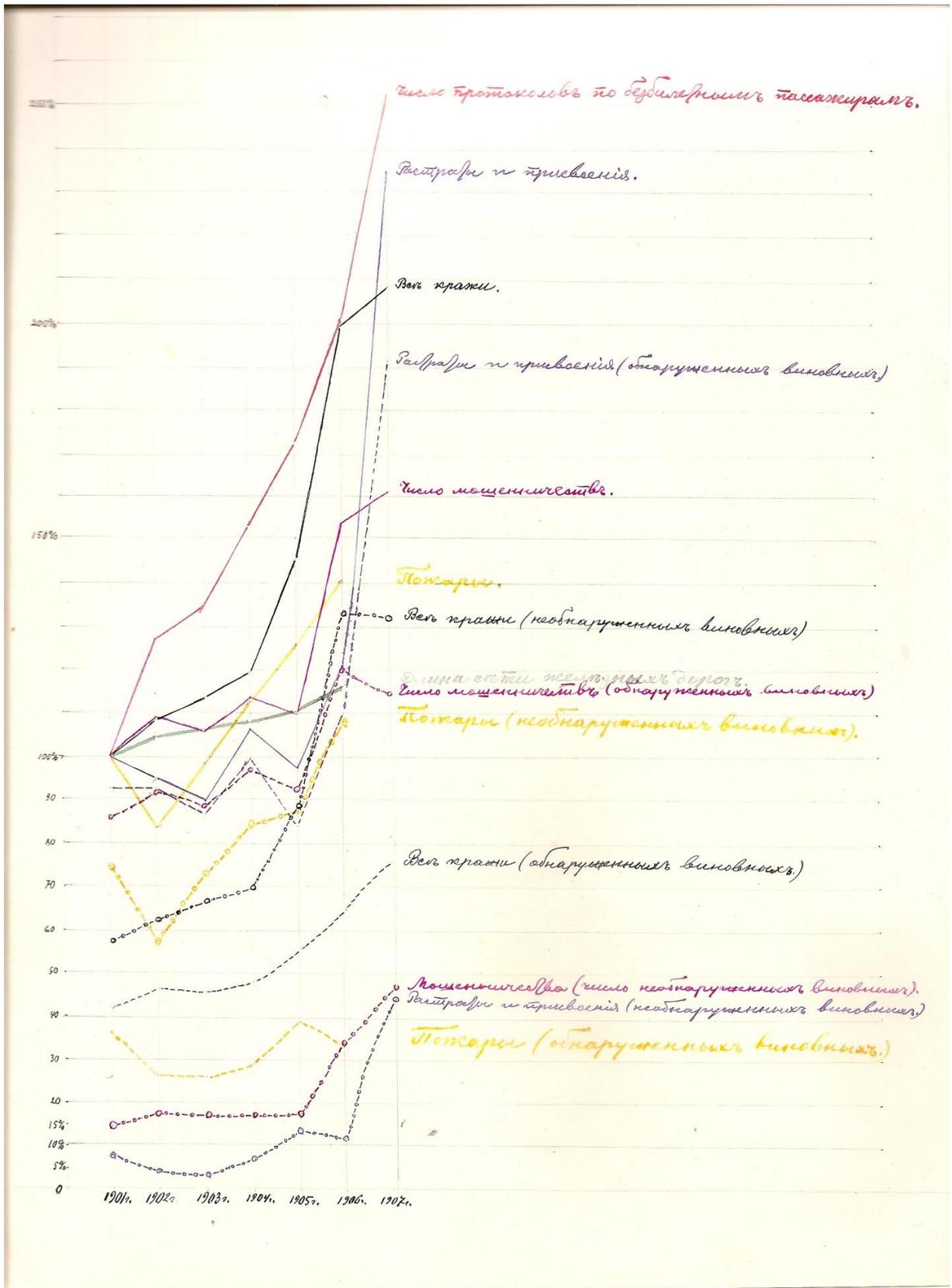
ГАРФ. Ф. 110. Оп. 17. Д. 486.

Приложение IV.

Число дознаний и коммерческих протоколов по всем железным дорогам общего значения.

число дознаний		Годы							
		1901	1902	1903	1904	1905	1906	1907	
	По кражам у пассажиров в поездах	6007	6690	6974	6956	7956	10738	-	
	-//- на станциях	3964	4512	4783	5324	6434	8685	-	
	-//- у частных лиц и служащих	5161	5596	6014	6181	7028	7457	-	
	-//- ж-д имущества	7604	8279	8343	8952	10605	13559	-	
	-//- грузов	7305	7462	7901	8407	11719	19271	-	
	По всем кражам	30041	32539	34015	35820	43742	59710	62615	
	По мошенничествам	998	1087	1054	1135	1095	1531	1610	
	По растратам и присвоениям	563	534	505	598	548	680	1322	
	По пожарам	1398	1172	1377	1568	1761	1962	?	
	число обнаруженных виновников	по кражам у пассажиров в поездах	1804	2191	2081	2118	2465	3250	-
-//- на станциях		1672	2011	1963	2202	2531	3045	-	
-//- у частных лиц и служащих		2756	3001	3082	3160	3451	3463	-	
-//- ж-д имущества		3783	4107	4054	4299	4749	4860	-	
-//- ж-д имущества		2672	2830	2682	2862	3685	5037	-	
-//- кражам грузов		12697	14140	13862	14645	16881	19665	22954	
-//- всем кражам		856	914	881	962	921	1197	1144	
По мошенничествам		521	512	489	560	504	617	1079	
-//- растратам и присвоениям		364	367	362	407	542	465	?	
-//-пожарам									
Число протоколов	По безбилетным пассажирам	70778	89902	95129	10853	12181	14217	17836	
	По потерям и порче грузов	24846	23573	28503	3	3	8	6	
		2	1	3	28807	33013	41308	52444	
относительный рост в % за 1901 г.	Краж у пассажиров в поездах	100,0	111,4	116,1	115,8	132,4	178,8	-	
	-//- на станциях	100,0	113,8	120,7	134,3	162,3	219,1	-	
	-//- у частных лиц и служащих	100,0	108,4	116,5	119,8	136,2	144,5	-	
	-//- ж-д имущества	100,0	108,9	109,7	117,7	139,5	178,3	-	
	-//- грузов	100,0	102,1	108,2	115,1	160,4	263,8	-	
	Всех краж	100,0	108,3	113,2	119,2	145,6	198,8	208,4	
	Мошенничеств	100,0	108,9	105,6	113,7	109,7	153,4	161,3	
	Растрат и присвоений	100,0	94,8	89,7	106,2	97,3	120,8	234,8	
	Пожаров	100,0	83,8	98,5	112,2	126,0	140,3	-	
	Безбилетных пассажиров	100,0	127,0	134,4	153,3	172,1	200,9	252,0	
	Потерь и порч грузов	100,0	94,9	114,7	115,9	132,9	166,3	211,1	
	длины железных дорог	100,0	104,4	106,0	107,5	110,1	116,1	-	
	пудоверст грузов	100,0	102,8	114,0	121,3	114,9	?	?	
	отношение числа обнаруженных виновников преступлений к числу дознаний в %	По кражам у пассажиров в поездах	30,20	32,75	29,84	30,45	31,00	30,27	-
		на станциях	42,18	44,57	41,04	41,36	39,34	35,18	-
частных лиц и служащих жд		53,40	53,63	51,25	51,12	49,10	46,44	-	
ж-д имущества		49,75	49,61	48,59	48,02	44,78	35,84	-	
грузов		36,58	37,93	33,95	34,09	31,44	26,14	-	
всем кражам		42,27	43,46	40,75	40,88	38,59	32,93	36,66	
мошенничествам		85,72	84,09	83,59	84,76	84,11	78,18	71,06	
растратам и присвоениям		92,54	95,88	96,83	93,65	91,97	90,74	81,62	
пожарам		26,04	31,31	26,29	25,96	90,78	23,70	-	

Записка полковника Лубенцова⁷⁴⁵ «О борьбе с ростом преступлений против собственности на железных дорогах» ГАРФ. Ф. 110. Оп. 4. Д. 4813. Л.22.

⁷⁴⁵Лубенцов Анатолий Григорьевич, р. 1861. Михайловское артиллерийское училище 1880 г., академия Генштаба 1893 г. Полковник артиллерии. С 1902 по 1906 гг. и.д. пограничного комиссара Амурской области. С 1908 г. в ОКЖ// ГАРФ. Ф. 110. Оп. 2. Д. 13025.

Сведения о числе унтер-офицеров жандармских полицейских управлений железных дорог, умеющих управлять паровозом и знающих телеграфное дело.(на 1910 г.)

Наименование жандармских полицейских управлений железных дорог	Число унтер-офицеров, умеющих управлять паровозами	Число унтер-офицеров, знающих телеграфное дело	Умеющих управлять паровозами и знающих телеграфное дело	Знающих телеграфную азбуку	
Амурской ж.д. (зачеркнуто)					
Варшавского	9	20	-	-	
Виленского	1	7	-	-	
Владикавказского	10	10	-	-	
Воронежского	73	88	-	-	
Екатерининского	23	7	-	-	
Забайкальской ж.д.	7	10	4	-	
Закавказских ж.д.	-	-	-	-	не имеется
Киевского	8	18	-	-	
Кременчугского	9	9	-	-	
Московского	43	57	-	-	
Московско-Архангельского	11	16	-	4	
Московско-Камышинского	31*	27*	-	-	* - приступлено к изучению ... обязанностей
Московско-Киевского	22	20	-	-	
Московско-Рижского	11	5	-	-	
Одесского	7	-	-	-	
Пермского	10	11	-	4	
Самарского	10	7			
Санкт-Петербургского	3	13	-	-	
Санкт-Петербурго-Виндавского	9	6	12	-	
Сибирской ж.д.	19*	21**	-	-	Кроме того 6 у[нтер]о[фицеров] могут управлять

					паровозом Кроме того могут принимать депеша 9
Средне- Азиатской ж.д.	4	1	-	-	
Северо-Западных ж.д.	12	14	-	-	
Тамбово- Уральского	5	12	-	-	
Ташкентской ж.д.	6*	7	-	-	* Кроме того рот[мистр] Поляков ⁷⁴⁶
Уссурийской ж.д.	2	4	-	-	
Финляндских ж.д.	-	-	-	-	не имеется
Харьковского	70	44	-	76	
Китайской Восточной ж.д. (зачернуто)					

ГА РФ. Ф. 110. Оп. 4. Д. 2483. Л. 32, 32 об.

⁷⁴⁶ Поляков А. Указ.соч. С. 519.

Статистические сведения о числе лиц, высланных в порядке ст.
34 Положения об охране с подразделением по годам и по местностям,
откуда высланы. 24 октября 1909 г.

Откуда высланы	1904 г.	1905 г.		1906 г.	1907 г.	1908 г.	1909 г. по 1 октября	ВСЕ ГО
		по 21 октября	за ноябрь и декабрь					
Амурская область	-	-	-	-	-	-	-	-
Акмолинская область	4	-	-	-	10	1	-	15
Архангельская губ.	-	-	-	2	39	5	3	49
Астраханская	2	-	-	8	3	15	9	37
Бессарабская	-	5	-	24	1	11	17	58
Виленская	15	34	-	98	21	65	22	255
Витебская	-	3	4	494	46	63	29	639
Владимирская	-	3	-	136	116	83	28	366
Вологодская	-	-	-	1	10	5	-	16
Волынская	5	4	1	119	71	139	46	385
Воронежская	17	4	-	115	165	401	57	759
Вятская	-	2	-	27	17	13	1	60
Гродненская	4	1	4	70	47	110	42	278
Донская область	4	-	-	265	220	164	103	756
Екатеринославская губ.	3	5	-	292	144	266	98	808
Енисейская	67	-	-	-	78	74	6	225
Забайкальская обл.	-	-	-	-	-	6	2	8
Иркутская губ.	6	5	-	14	1	22	8	56
Казанская	1	-	-	149	251	305	163	869
Калужская	1	-	-	243	59	43	14	360
Керчь-Еникале	-	-	-	3	1	7	-	11
Киевская губ.	17	17	3	259	440	1069	170	2245

Ковенская	2	12	-	18	48	11	22	113
Костромская	-	-	-	99	64	198	48	409
Гор. Кронштадт	46	-	-	25	24	6	1	102
Курляндская губ.	1	-	-	38	23	1	18	81
Курская губ.	2	-	-	388	58	271	18	737
Лифляндская	1	1	-	25	50	100	25	202
Минская	13	3	-	326	79	106	50	613
Могилевская	2	6	5	372	90	110	21	606
гор. Москва	149	149	1	529	644	916	301	2689
Московская губ.	105	2	-	398	203	104	102	914
Нижегородская	16	6	-	249	78	176	78	603
гор. Николаев	6	-	-	14	4	40	4	68
Новгородская губ.	-	-	27	68	17	20	6	138
гор. Одесса	2	284	-	193	193	302	8	982
Олонецкая губ.	-	-	-	3	1	12	12	28
Оренбургская	2	-	-	15	30	26	15	88
Орловская	3	33	-	215	105	357	52	765
Пензенская	-	1	3	170	420	285	71	950
Пермская	11	-	-	35	56	355	119	576
Подольская	5	1	3	45	73	220	30	377
Полтавская	-	4	-	727	923	199	11	1864
Приморская обл.	1	-	-	-	-	-	-	1
Псковская губ.	-	-	7	72	63	79	27	248
Рязанская	7	15	28	119	227	96	22	514
Самарская	1	-	-	111	59	95	16	282
гор. С.-Петербург	610	59	667	1329	599	1024	679	4967
С.-Петербургская губ.	13	7	-	88	152	111	16	387
Саратовская губ.	2	6	2	462	285	327	40	1124
гор. Севастополь	-	-	-	3	-	6	-	9
Семипалатинская обл.	-	-	-	-	2	-	-	2

Симбирская губ.	-	2	1	53	116	121	13	306
Смоленская	-	12	4	188	48	48	9	309
Ставропольская	1	2	-	4	49	29	4	89
Таврическая губ.	-	37	2	87	56	77	28	287
Тамбовская	-	5	9	242	82	156	30	524
Тверская	10	-	-	29	57	49	26	171
Тобольская	3	-	-	19	-	4	16	42
Томская	-	-	-	52	5	45	37	139
Тульская	-	-	-	74	66	76	9	225
Тургайская обл.	-	-	-	-	3	4	1	8
Уральская	-	-	-	-	5	-	1	6
Уфимская губ.	4	2	-	40	72	33	35	186
Харьковская	3	-	1	205	246	223	40	718
Херсонская	4	1	-	136	378	368	44	931
Черниговская	5	-	-	194	221	609	37	1066
Эстляндская	-	-	1	81	-	2	-	84
Якутская обл.	-	-	-	-	-	-	-	-
Ярославская губ.	-	5	-	83	91	56	27	262
Кавказский край	29	-	-	224	703	738	313	2007
Царство Польское	33	98	-	43	1416	2691	361	4642
Туркестанский край	2	-	-	14	1	20	44	81
Финляндия	3	-	-	-	-	-	-	3
ВСЕГО	1243	836	773	10529	9925	13769	3705	40780

ГАРФ. Ф. 102. 5-е Делопроизводство. 1909 г. Оп. 145. Д. 1414. Л. 16-17.

**Статистические сведения о числе освобожденных на основании отдела
XXX Высочайшего Указа 21 февраля 1913 года.**

Губернии	ОСВОБОЖДЕНО							
	От гласного надзора полицей			От воспрещения жительства				
	По ст. 1-й	По ст. 2-й	По ст. 3-й	По 34-й статье			По п. 4 ст. 16	
				По ст. 1-й	По ст. 2-й	По ст. 3-й	Свыше 3 лет	За студ. беспоря дки
<u>Отдаленные губернии</u>								
По Архангельской	37	-	69	-	-	-	-	-
По Астраханской	3	-	10	-	-	-	45	-
По Вологодской	6	-	50	-	-	-	-	-
По Вятской	3	4	19	-	-	-	21	-
По Енисейской	1	-	31	-	-	-	-	1
По Олонецкой	12	-	8	-	-	-	-	-
По Пермской	17	-	10	-	-	-	123	-
По Тобольской	-	-	49	-	-	-	-	-
По Томской	1	2	11	2	-	-	117	176
По Якутской	-	-	69	-	-	-	-	-
ИТОГО	80	6	326	2	-	-	306	177
<u>Остальные местности</u>								
По Акмолинской	-	-	2	-	-	-	406	-
По Бессарабской	-	-	4	-	-	-	-	-
По Виленской	1	8	5	-	-	-	-	-
По Витебской	1	-	8	-	-	-	-	-
По Владимирской	-	3	4	-	-	-	-	-
По Воронежской	-	-	2	-	-	-	-	-
По Дагестанской обл.	-	-	1	-	-	-	1	-
По Донской обл.	-	-	3	-	-	-	-	-

По Екатеринославской	-	-	14	-	-	-	316	-
По Казанской	-	-	-	41	?	?	?	?
По Калужской	-	-	7	?	?	?	?	?
По Киевской	-	-	3	?	?	?	?	?
По Ковенской	1	6	7	?	?	?	?	?
По Костромской	-	-	?	?	?	?	?	?
По Курляндской	-	4	1	-	-	-	-	-
По Курской	-	-	1	-	-	-	548	-
По Кубанской обл.	1	-	-	-	-	-	-	-
По Лифляндской	1	1	3	-	-	-	3	1
По Минской	1	2	5	-	-	-	23	-
По Могилевской	2	1	9	-	-	-	2	-
По Нижегородской	-	2	7	-	-	-	-	-
По Новгородской	-	-	1	-	-	-	-	-
По Орловской	-	-	3	-	-	-	54	-
По Пензенской	-	1	-	1	-	-	7	-
По Подольской	-	-	5	-	-	-	-	-
По Полтавской	-	1	14	-	-	-	13	1
По Псковской	-	-	9	1	-	-	-	-
По Радомской	-	-	1	-	-	-	-	-
По Рязанской	1	-	5	-	1	-	8	-
По Самарской	-	-	20	-	-	-	18	-
По Петербургской	-	1	3	-	-	-	-	-
По Саратовской	-	-	4	-	-	-	318	-
По Семипалатинской	-	-	1	-	-	-	6	-
По Симбирской	2	-	3	1	1	-	-	2
По Смоленской	-	1	7	1	-	-	-	-
По Сувалкской	-	-	-	-	-	1	-	-
По Таврической	-	-	-	-	-	-	579	-
По Тамбовской	-	-	-	-	-	-	5	1

По Тверской	4	2	9	1	-	3	6	4
По Тульской	1	-	5	-	-	1	1	-
По Харьковской	5	-	8	-	-	2	1107	36
По Херсонской	1	2	8	-	-	-	7	-
По Эстляндской	1	1	1	-	-	-	-	-
По гор. Варшаве	-	-	2	-	-	-	28	50
По гор. Москве	-	-	2	-	1	24	277	51
По гор. Одессе	1	1	-	-	-	-	191	-
По гор. Ростову н/Д	-	-	4	-	-	-	-	-
По гор. С.-Петербургу	-	-	3	-	-	-	792	77
ИТОГО	24	37*	209	47	3	32	4717	223
ВСЕГО	104	43**	535	49	3	32	5023	400

ГАРФ. Ф. 102. 5-е Делопроизводство. 1913 г. Д. 46 ч. 2. Л. 2-2 об.

*- В документе – 33.

** -В документе – 39.

Приложение VIII.

**Сведения о числе пострадавших чинов полиции и Отдельного корпуса
жандармов за время с 1 октября 1905 г. по 20 ноября 1909 г.**

Год	Чины полиции				Чины Отдельного корпуса жандармов			
	классные		неклассные		офицеры		нижние чины	
	убито	ранено	убито	ранено	убито	ранено	убито	ранено
1905 г. (с 1 октября)	17	19	59	52	-	1	10	15
1906 г.	43	34	281	303	11	4	32	42
1907 г.	49	55	331	497	5	2	31	29
1908 г.	17	25	149	252	4	4	22	36
1909 г. (по 20 ноября)	7	17	83	145	-	1	5	14

ГАРФ. Ф. 102. 4-е Делопроизводство. 1907 г. Д. 96 л. А. Л. 104.

Приложение IX.

**Сведения о числе террористических актов и грабежей с 1 октября 1907 г.
по 12 мая 1910 г.**

Год	число случаев	Число пострадавших лиц			
		должностных		частных	
		убито	ранено	убито	ранено
1907 г. (октябрь, ноябрь, декабрь)	3087	154	228	385	384
1908 г.	11044	438	608	1743	1561
1909 г.	7425	238	345	1074	1060
1910 г. (с 1 января по 12 мая)	1488	56	69	234	208
Итого	23044	886	1250	3436	3213

ГАРФ. Ф. 102. 4-е Делопроизводство. 1907 г. Д. 96. л. А. Л. 119.

Приложение X.

**Статистическая таблица участвовавших в 1899-1901 г. в беспорядках
студентов с указанием процентного отношения участвовавших по
вероисповеданиям.**

вероисповедание	количество	процентное отношение
православных	4534	около 72 %
католиков	846	13 ½ %
лютеран	113	1 ¾ %
магометан	12	1/5 %
армян	114	1 ¾ %
евреев	660	11 %
караимов	9	1/7 %
иностраннных подданных	13	1/5 %
ВСЕГО	6301	100 %

ГАРФ. Ф. 102. 3-е Делопроизводство. 1901 г. Д. 993. Л. 9.